

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН

В.М. БЕХТЕРЕВ

И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

К 135-ЛЕТИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОЙ В РОССИИ
ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ В Г. КАЗАНИ

VI Всероссийская научно-практическая конференция

Сборник статей

Казанский (Приволжский) федеральный университет
2-4 октября 2020 г.

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН

В.М. БЕХТЕРЕВ
И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

*(к 135-летию организации первой в России
психофизиологической лаборатории в г. Казани)*

VI Всероссийская научно-практическая конференция

Сборник статей

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
2-4 октября 2020 г.*

Казань 2020

УДК 159.9
ББК 88.3
В11

Ответственный редактор

доктор психологических наук, профессор Казанского (Приволжского)
федерального университета

Л. М. Попов

Заместитель ответственного редактора:

кандидат психологических наук

И. Р. Абитов

В11 Бехтерев и современная психология личности: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции. 2–4 октября 2020 г. – Казань: НОУ ДПО «Центр социально-гуманитарного образования», 2020. – 226 с.
ISBN 978-5-6044599-3-5

Представленные в сборнике статьи отражают современные тенденции развития психологии личности. Основные направления научного поиска отражены в разделах, соответствующих программе конференции: методологические проблемы современной психологии личности; психология развития личности, проблема личности в современной клинической психологии, современные подходы к психодиагностике и коррекции личностных особенностей и аномалий, современные психолого-педагогические технологии в работе с личностью, проблема личности в современной социальной психологии, проблема личности в современной психологии труда и организационной психологии, вопросы судебно-психологической экспертизы и профилактики социально-негативных явлений, личность и цифровая среда: пространство проблем или новых возможностей.

Материалы конференции могут быть полезны студентам, аспирантам, соискателям, преподавателям вузов и всем тем, кто интересуется категорией человечности в науке и практике.

Тексты печатаются в авторской редакции

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-6044599-3-5

© НОУ ДПО «Центр социально-гуманитарного образования», 2020

© Оформление «**Ирнум**», 2020

СЕКЦИЯ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

ВАК 10.00.01

В. М. БЕХТЕРЕВ, ИСЦЕЛЯЮЩАЯ ВЕРА И НОВЕЙШИЕ МОДЕЛИ ВРАЧЕВАНИЯ**V. M. BEKHTEREV, THE HEALING FAITH AND THE LATEST MODELS OF HEALING***Евстифеева Елена Александровна, Майкова Элеонора Юрьевна, Филиппченкова Светлана Игоревна
Evstifeeva E. A., Maykova E. Yu., Filippchenkova S. I.**ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Россия, Тверь
Tver «State Technical University, Russia», Tver**pif@mail.ru, maykova@yandex.ru, sfilippchenkova@mail.ru**Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-013-00038
«Управление качеством жизни, связанным со здоровьем в онкологии: междисциплинарные подходы,
экзистенциально-психологическая модель врачевания»***Аннотация**

В статье раскрывается влияние идей В. М. Бехтерева о роли психического и психологического факторов на процесс врачевания и исцеление больного. Объясняется механизм действия и влияния «веры в себя» и «исцеляющей веры» больного на лечебный процесс. Психологическая, экзистенциально-психологическая модели врачевания конструируются на основе принципа партисипативности и концепции персонализированной медицины.

Ключевые слова: В. М. Бехтерев, исцеляющая вера, вера в себя, персонализированная медицина, принцип партисипативности, психологическая и экзистенциально-психологическая модель врачевания.

Abstract

The article reveals the influence of the ideas of V. M. Ankylosing spondylitis on the role of mental and psychological factors on the healing process and healing the patient. The mechanism of action and influence of “self-belief” and “healing faith” of the patient on the healing process is explained. Psychological, existential-psychological models of healing are constructed on the basis of the principle of participativeness and the concept of personalized medicine.

Keywords: V. M. Bekhterev, healing faith, self-belief, personalized medicine, principle of participativeness, psychological and existential-psychological model of healing.

В работах выдающегося отечественного клинициста невропатолога и психиатра, физиолога, психолога В. М. Бехтерева огромное пространство занимают рассуждения о роли и значении духовного, психического или душевного факторов в профессиональной деятельности врача. Психотерапия, основанная на влиянии таких психических процессов как вера, внушение, желание, воля и т.д. является действенным инструментом врача в борьбе с заболеванием. Она комплементарна биофизикалистским методам врачевания. В. М. Бехтерев объяснял, что лечение с помощью внушения немислимо без веры больного в действие внушения, которое приводит к напряжению или акцентуации внимания и ожиданию исцеления, при этом эти процессы носят непровольный характер [2, С. 47]. Ему принадлежит умозаключение: «Вера является благоприятной почвой для самовнушения, она нередко совершает этим путем чудесные исцеления и там, где обыкновенное внушение оказывается бессильным» [1, с. 36]. «Слово как физиологический и лечебный фактор» В.М Бехтерева также объясняет многие

лечебные эффекты по выздоровлению, инициированные верой в авторитет врача [3].

Раскроем действенный механизм веры как лечебного фактора, который может использовать врач в своей профессиональной деятельности для целей эффективности лечения и сохранения качества жизни, связанного со здоровьем пациента. Речь идет о прагматическом аспекте веры, ее интенциональной характеристике. Под верой мы понимаем: «акт принятия чего-либо (как истинного, ценного, справедливого, целесообразного, возможного) в условиях отсутствия или невозможности достаточного обоснования» [5, с. 8]. Обратим внимание и на аксиологическое измерение в отношении к своему здоровью для человека значение веры: «содержание, объект веры всегда обладают ценностным значением, связаны с интересами субъекта веры, его потребностями, желаниями, стремлениями, надеждами, идеалами, обнаруживают существенную связь с наличными социокультурными условиями его познавательной активности и жизнедеятельности в целом» [5, с. 7].

Ярким примером праксиологического аспекта веры случат такие ее разновидности как вера в себя и исцеляющая вера. Скорее можно говорить об их коррелятивных или каузальных взаимосвязях, чем о детерминациях.

Вера в себя, которую психологи и социологи диагностируют как состояния уверенности в себе, онтологического доверия, указывают на ее функцию внутренней саморегуляции, гомеостаз, поддержания целостности "Я" через позитивную идентичность, самоидентичность человека, тождество его личности. Вера в себя обеспечивает не только физиологическую регуляцию организма человека, но и повышает его адаптивные возможности, что инициирует раскрытие потенциала человека как психофизиологического, психосоматического существа.

На уровне личности речь может идти о ценностно-смысловой и деятельно-волевой саморегуляции "Я", которые влекут чувство самоуважения и «адекватную» самооценку. Результативный критерий веры в себя проявляется в процессе принятия решения, когда активизирован внутренний механизм оценки и выбора. Сегодня разрабатываемая психологическая теория принятия решений доказывает максимизирующее значение вероятельного фактора в условиях неопределенности и риска для адекватного принятия решений.

Таким образом, интенциональность или проективность вероятельной интенции «в будущее» вызваны как потребностями, желаниями, мотивами, интересами, ожиданиями, так и целями и ценностями человека как субъекта или личности. Поэтому комплексная психологическая и медицинская диагностика вероятельных установок пациента необходимы для целей раскрытия личностного потенциала человека, оказавшегося в ситуации заболевания. Если вспомнить библейское «Вера без дел мертва», то распознавание всякого изменения наличной вероятельной установки пациента, например в исход заболевания или эффективность лечебных действий, может говорить о процесс изменения сознания с точки зрения взаимоотношений модальностей «Я» и «не-Я», поскольку для вероятельной установки атрибутивно единство ее ценностно-смысловой и интенциональной характеристик.

Другой пример – исцеляющая вера. Здесь вероятельная установка в исцеление может становиться источником биофизиологической энергии, психической активности. Исцеляющая вера ярко демонстриру-

ет свою связь с целеполаганием и инициирует противоречивый процесс целереализации, она демонстрирует наличное состояние и переживание в призме значимого смысла исцеления, которое представляется под углом зрения желаемого будущего. Механизм действия исцеляющей веры объясняется с помощью информационно-функционального подхода к психофизиологической, психосоматической проблематике [4]. Наличная исцеляющая вера расширяет возможности психической саморегуляции, (а затем и адаптации), что влечет телесную (биофизиологическую) регуляцию. Результатом становится мерная балансировка функциональных отношений в организме, что усиливает компенсаторные его резервы. Так происходит нормализация всех физиологических процессов, что достижение энергетического баланса.

Персонализированная медицина как концепция и междисциплинарный научный проект сегодня ориентируется на новейшие модели врачевания, среди которых психологическая и экзистенциально-психологическая модели врачевания. Исследование нами выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-013-00038 «Управление качеством жизни, связанным со здоровьем в онкологии: междисциплинарные подходы, экзистенциально-психологическая модель врачевания». Эти модели ориентированы на принцип партисипативности. Он предполагает способность и готовность к совместной деятельности, межличностной коммуникации между всеми субъектами в период врачевания, разделение, децентрацию ответственности, связанной с принятием решений в отношении заболевания, его профилактики и реабилитации. Особую роль играет межличностное доверие, восходящее к вере в себя и исцеляющей вере. В ситуации заболевания доверие, которое отображает установки человека периода его социализации, жизненный опыт, этнонациональный характер, императивы, подтачивается и влечет риск и переживание быть обманутым в ожиданиях. Принцип партисипативности персонализированной медицины, о котором были научные интуиции В. М. Бехтерева, строится на идеях сборки всех субъектов врачевания (врач, пациент, медицинские работники, психолог), на диалоговых коммуникациях, на новейшем образе и профессиональной идентичности врача, на раскрытии личностного потенциала пациента, включая его вероятельные установки, психологические и личностные особенности, на критерии сохранения качества жизни, связанного со здоровьем.

Литература:

1. Бехтерев, В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. 2-е изд. СПб.: Изд. К. Л. Риккера, 1903. – 144 с.
2. Бехтерев, В. М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. СПб.: 1911. – 63 с.
3. Гримак, Л. Г. Тайны гипноза. Современный взгляд. СПб.: Питер, 2004. – 304с.
4. Дубровский, Д. И. Проблема «сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 208 с.
5. Евстифеева, Е. А. Феномен веры: Автореф. дис. ...доктора филос. наук. Москва, 1995. – 32 с.

УДК 159.99

ТРУДЫ В.М. БЕХТЕРЕВА В РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ
БАЗАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗINDEXING OF V. M. BEKHTEREV'S SCIENTIFIC WORKS IN RUSSIAN AND INTERNATIONAL
SCIENTOMETRIC DATABASES: COMPARATIVE ANALYSIS

Зуев Константин Борисович

Zuev Konstantin Borisovich

ФГБУН «Институт психологии РАН», Россия, Москва

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

zuevkb@ipran.ru

Аннотация

В публикации представлен библиометрический анализ научного наследия В. М. Бехтерева по категориям востребованность, актуальность, перспективность. Показано, что ученый воспринимается научным сообществом в первую очередь как психолог. Среди трудов по психологии наиболее востребованы относящиеся к области социальной психологии.

Ключевые слова: В. М. Бехтерев, история психологии, наукометрия, библиометрия.

Abstract

The publication presents a bibliometric analysis of the scientific heritage of V. M. Bekhterev in the categories of relevance, relevance, and prospects. It is shown that the scientist is perceived by the scientific community primarily as a psychologist. Among the works on psychology, the most popular are those related to the field of social psychology.

Keywords: V. M. Bekhterev, history of psychology, scientometrics, bibliometry.

Методология наукометрического анализа и Digital Humanities все более плотно и разнообразно входит в историю психологии, а также используется для анализа отдельных отраслей современной науки [3,4,5]. Цель данной публикации – описать тенденции интереса к наследию В. М. Бехтерева. В своем исследовании мы будем использовать две базы данных:

отечественную (www.elibrary.ru) и одну из зарубежных – Web of Science core collection. Наукометрические показатели сгруппированы нами для удобства анализа в следующие категории: востребованность, актуальность, перспективность (таблица 1).

Таблица 1. Наукометрические показатели и их соответствие категории.

Категории	Показатели
Востребованность	<ul style="list-style-type: none"> • Представленность работ автора в РИНЦ • Место автора в ТОП психологов в РИНЦ: количество публикаций, количество цитирований, индекс Хирша и др.; • Анализ цитируемых публикаций (Книги, статьи, тематика, соавторы, издательства и др.); • Тип цитирующей публикации.
Актуальность	<ul style="list-style-type: none"> • Тематика цитирующих публикаций; • Распределение цитирующих публикаций по ключевым словам; • Цитирующие журналы; • Годы цитирующих публикаций.
Перспективность	<ul style="list-style-type: none"> • Распределение цитирующих публикаций по организациям; • Анализ профиля и цитируемости в библиометрической базе WoS; • Анализ статистики поисковых запросов в системе «Яндекс».

Краткий объем публикации не позволяет нам остановиться на всех представленных в таблице показателях. В тексте мы остановимся на самых, на наш взгляд, существенных. Таблица же представлена в полном виде для обозначения рамок исследо-

вания и возможности продолжить начатый анализ.

Владимир Михайлович приписан в РИНЦ к Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. На данный момент (июнь 2020 года) мы можем говорить о низкой представленности работ В. М. Бех-

терева в РИНЦ. Его основные библиометрические показатели: количество публикаций – 135, количество цитат – 2639, индекс Хирша – 14. Автор приписан к рубрике «медицина и здравоохранение», так что говорить о месторасположении в рейтинге психологов не приходится. Однако отметим, что такие показатели соответствуют примерно третьей-чет-

вертой сотне рейтинга российских ученых в области психологии. Таким образом, мы видим, что местоположение В.М. Бехтерева в РИНЦ не соответствуют его реальному вкладу в науку.

Наиболее цитируемые публикации В.М. Бехтерева представлены в таблице 2.

Таблица 2. Наиболее цитируемые в РИНЦ публикации В.М. Бехтерева.

№	Название произведения	Количество цитат в РИНЦ
1.	Коллективная рефлексология	251
2.	Внушение и его роль в общественной жизни	242
3.	Вопросы общественного воспитания	101
4.	Личность и условия ее развития и здоровья	76
5.	Общие основы рефлексологии человека	68 + 66

Анализ наиболее цитируемых показателей всегда интересен с точки зрения публикационной культуры того или иного времени. Когда мы обращаемся к относительно современным авторам, чаще всего сравнение идет по дихотомии «статья в журнале» – «монография». Обращение к научному наследию прошлого отдельно поучительно в том ключе, что дает возможность отрефлексировать становление культуры научных публикаций во всём её многообразии. На примере В.М. Бехтерева мы видим, что одним из наиболее цитируемых источников является стенограмма речи, произнесенной в 1905 году [2]. Однако, что в прошлом, что сейчас наиболее цитируемыми в области отечественной психологии являются авторские монографии, что подтверждает количество цитирований, приходящихся именно на книгу [1]. Рассматривая актуальность работ В.М. Бехтерева, т.е. представленность их в современном научном дискурсе, обратимся к двум ключевым показателям: тематика цитирующих публикаций и годы цитирующих публикаций. Несмотря на то, что, как мы указали выше В.М. Бехтерев приписан ко врачам, его работы цитируются в первую очередь психологами (573 публикации), на втором месте идет педагогика (348 публикаций) и только на третьем месте медицина и здравоохранение (297 публикаций). Указанные данные свидетельствуют о том, что Владимир Михайлович воспринимается современным научным сообществом в первую очередь как психолог. Интересно соотнести эти данные с результатами, полученными А.А. Костригиным и Т.М. Хусяиновым на основе анализ корпуса публикаций, представленных

в сервисе GoogleBooks. По данным авторов наибольшее число упоминаний фамилии В.М. Бехтерева на русском языке происходит в публикациях по теме «Психиатрия», «Психоневрология» и «Психология» [5]. Отметим, что речь идет о публикациях за период с конца XIX века, а не только последних десятилетий, как в нашем анализе.

Остановимся кратко на динамике количества цитирующих публикаций за последние 10 лет. В целом в период с 2010 по 2019 годы ежегодно выходит не менее 100 публикаций, которые ссылаются на работы В.М. Бехтерева. В 2014–2017 гг. количество публикаций становится больше 200. Рекордными являются 2014 и 2015 годы – 231 и 232 публикации соответственно. В указанные годы праздновалось 160-летие со дня рождения ученого и 130-летие с момента открытия В.М. Бехтеревым лаборатории в Казани. В целом же мы можем констатировать достаточно стабильный интерес к трудам В.М. Бехтерева в современной науке.

Заканчиваем мы наш краткий анализ показателями перспективности, которая рассматривается нами не с точки зрения эвристического потенциала, заложенного в опубликованных работах, а с точки зрения осведомленности современной научной общестственности о трудах того или иного своего представителя. Одним из самых информативных показателей, свидетельствующих о разработке научного наследия, является «распределение цитирующих публикаций по организациям». Он позволяет выявить центры, наиболее активно развивающие идеи ученого. Их количество и равномерность. По В.М. Бехтереву этот показатель представлен в таблице 3.

Таблица 3. Распределение цитирующих публикаций по организациям

№	Название организации	Количество публикаций
1.	Институт психологии РАН	114
2.	Санкт-Петербургский государственный университет	62
3.	Московский педагогический государственный университет	59

4.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	36
5.	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ	36
6.	Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова	34
7.	Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского	31
8.	Казанский (Приволжский) федеральный университет	28
9.	Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН	26
10.	Южный федеральный университет	23

Не вдаваясь в подробный анализ полученных результатов, отметим лишь две тенденции. Первая, на которую мы уже обращали внимание: В. М. Бехтерев воспринимается научным сообществом в первую очередь как психолог. Представители именно психологического сообщества наиболее активно цитируют его работы. Второе. Основной источник цитат – организации, к которым ученый не имел прямого отношения. Данный результат нуждается в дальнейшем осмыслении.

Обратимся к анализу имени В. М. Бехтерева в международном научном поле. Учитывая разные варианты транслитерации фамилии работы В. М. Бехтерева цитируются в базе Web of science core collection около 200 раз. Самой цитируемой так же является книга «Коллективная рефлексология» (около 30 цитат). Но более детальный анализ показывает, что подавляющее большинство цитирующих публикаций написаны на русском языке и опубликованы в российских журналах. Говорить о какой-либо минимальной известности ученого за пределами нашей страны не приходится.

В заключении рассмотрим единственный альтернативный показатель: количество поисковых

запросов в системе «Яндекс». В среднем, в последние два года запрос «Бехтерев Владимир Михайлович» задается пользователями «Яндекса» от 1000 до 2000 раз в месяц. Это очень неплохой показатель на фоне ряда других ученых. Он нуждается в дальнейшей разработке, поскольку с именем В. М. Бехтерева связано не только научное наследие, но и название болезни, а также ряд учебных заведений.

Выводы:

1. Публикации В. М. Бехтерева недостаточно полно представлены в наукометрических базах. РИНЦ не может в данный момент служить источником библиографии ученого.
2. Современным научным сообществом В. М. Бехтерев воспринимается в первую очередь как психолог, что подтверждается как тематикой цитирующих публикаций, так и организациями, из которых исходит цитирование.
3. Внутри психологии В. М. Бехтерев по всей видимости наиболее востребован как социальный психолог, о чем свидетельствует максимальное количество цитирований книги «Коллективная рефлексология», как в российских, так и в зарубежных базах данных.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Петроград: Колос.– 1921.– 432 с.
2. Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития и здоровья. СПб: Издание К. Л. Риккера, 1905.
3. Зуев К. Б., Нестик Т. А. Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов google) // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича.– М.: Изд-во «Институт психологии РАН».– 2018.– С. 671–697.
4. Кольшикина А. В., Олейник Ю. Н. Возможности использования индекса цитирования в историко-психологическом исследовании // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Часть 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования; Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2001 г. / ответственные редакторы А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова.– М., Изд-во «Институт психологии РАН».– 2002.– С. 288–298.
5. Костригин А. А., Хусяинов Т. М. Digital Humanities в истории психологии (на примере фамилии В. М. Бехтерева) // Цифровой ученый: лаборатория философа.– 2018.– Т. 1.– № 1.– С. 160–179. DOI: 10.5840/dspl20181110

УДК 159.95

СИСТЕМА Я В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СУБЪЕКТА**SELF-SYSTEM IN THE STRUCTURE OF SUBJECT'S MENTAL REGULATION OF PSYCHOLOGICAL STATES***Прохоров Александр Октябрьнович**Prokhorov Alexander Oktiabrinovich**Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань**Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan**alprokhor1011@gmail.com**Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00076.**The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00076***Аннотация**

В статье рассматривается роль системы Я в контексте концепции ментальной регуляции психических состояний. Высказывается предположение о том, что система Я занимает центральное управляющее место в регуляторной системе человека. В совокупности весь регуляторный комплекс является составляющей частью субъективного (ментального) регуляторного опыта человека, в состав которого включены смысловые структуры сознания, мнемические характеристики, ментальные репрезентации, переживания, значения с категориальными структурами сознания, рефлексия, образы, процессы понимания.

Ключевые слова: система Я, психическое состояние, сознание, регуляция, ментальный опыт.

Abstract

In the article the role of the self-system through the concept of mental regulation of psychological states is considered. It has been suggested that the self-system has a central control position in the human regulatory system. Together, the entire regulatory complex is an integral part of the subjective (mental) regulatory experience of person, including semantic structures of consciousness, mnemonic characteristics, mental representations, experiences, meanings with categorical structures of consciousness, reflection, images, understanding processes.

Keywords: self-system, mental state, consciousness, regulation, mental experience.

В отечественной психологии, в рамках традиционных подходов, субъект включён в «формулу» саморегуляции как носитель мотивационных, целевых и операционных компонентов саморегуляции. Результатом исследований является разработка структурно-функциональных моделей регуляции, раскрывающих наиболее общее строение (компоненты, уровни) и функции системы психической регуляции деятельности [1].

В настоящее время исследования в большей степени сосредоточены на изучении индивидуальных особенностей саморегуляции, а также на анализе ситуативных факторов, связанных со спецификой саморегуляции в различных условиях деятельности: исследуется влияние личностных характеристик на процессы регуляции, изучается «индивидуальный стиль саморегуляции», выделены регуляторно-личностные свойства, оказывающие влияние на всю систему психической саморегуляции [2]. Психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей, представлен концепцией контроля поведения [4]. В зарубежной

психологии проблема саморегуляции рассматривается как способность или навык, который развивается по мере выполнения соответствующих упражнений или естественным образом, в ходе достижения различных целей жизнедеятельности. В исследованиях применяются различные подходы: нейрокогнитивный, психоанализ, социобиохевиоризм, кибернетика, теория динамических систем, теория хаоса и катастроф и др. Так же, как и в отечественной психологии, в качестве основных концептов в регуляции выступают «обратная связь» (feedback) и «иерархия целей» индивида, а в последних работах по саморегуляции прослеживается тенденция учитывать индивидуальные различия и социальный контекст.

С 1976 по 1986 гг. были опубликованы четыре тома «Consciousness and self-regulation», где были представлены различные теории самоконтроля, рассмотрены физиологические и когнитивные процессы в регуляции отдельных состояний.

Менее разработанной является проблема регуляции психических состояний. Специфика саморегуляции психических состояний заключается в том, что она в большей степени связана с функциональными блоками контроля и коррекции тех характеристик

состояния, которые определяют его качество: специфику, длительность, полярность и интенсивность.

Отдельное направление исследований саморегуляции связано с изучением роли ментальных механизмов в регуляторном процессе. В отечественной психологии (в контексте исследования саморегуляции) активно разрабатывается категория «ментального опыта» субъекта, а также производные от него понятия «ментального ресурса», «резерва» и «потенциала». Анализируется природа ментальных ресурсов, выделены динамические процессы, приводящие к мобилизации или истощению ментальных ресурсов. Исследуются взаимосвязи субъектного, ментального и познавательного опыта у лиц с разной успешностью деятельности. В ментальный опыт включены опыт рефлексии и ценностно-мотивационный опыт, опыт привычной активизации, операциональный опыт и опыт сотрудничества.

В целом, ментальные механизмы регуляции недостаточно изучены. В полной мере это может быть отнесено к системе Я и её роли в регуляторном процессе и регуляции психических состояний, в частности. Данное положение обусловлено отсутствием разработанной концептуальной базы, объясняющей и описывающей регуляторную функцию Я системы, с одной стороны, а с другой, неустоявшимся категориальным аппаратом «системы Я» человека, приводящего к расплывчатости и диффузности трактовки и понимания Я в современной психологии. Содержание и объем этого конструкта до настоящего времени остаются дискуссионными. В частности, при описании Я человека, его самосознания, используются разные категории, как правило, отсылающие к определенной авторской теории: «идентичность», «Я-концепция», «Я-образ», «эго», «эмпирическая личность», «картина Я» и др. Большинство исследователей признают многомерность, иерархичность системы Я и включают в нее широкий круг форм репрезентаций: представление о себе, эмоционально-ценностное соотношение, самооценку и др.

Взаимоотношения системы Я и психических состояний мало исследованы. В изучении системы Я в структуре ментальной регуляции психических состояний мы исходим из следующих концептуальных позиций. Система Я, на наш взгляд, является центральным звеном (кронцентром) ментальной регуляторной системы. Последняя представляет собой структуру взаимоотношений между характеристиками сознания: репрезентациями, рефлексией, переживаниями, смысловыми структурами, ментальным субъективным опытом. В совокупности весь регуляторный комплекс является составляющей частью

субъективного (ментального) регуляторного опыта человека. Ментальный (субъективный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания (личностный смысл, ценности, конструкты, смысловые установки и ориентации и др.), мнемические характеристики, ментальные репрезентации, входящие в структуру знаний (ассоциативные, оценочные, понятийные, образные характеристики), переживания, значения с категориальными структурами сознания, рефлексии и её виды, образы, процессы понимания и др. [3].

Ментальная регуляторная система выполняет управляющую функцию по отношению к состояниям субъекта, её воздействия опосредуются внешними факторами (ситуации/события, пространство культуры, образ жизни, половые и возрастные особенности, временные факторы и пр.) вкуче с регуляторными действиями и обратной связью, а также внутренними: психологическими свойствами личности (темперамент, характер, способности и др.) и психическими процессами (когнитивные и метакогнитивные, мотивационные и пр.)

Отношения между компонентами структуры, на наш взгляд, следующие. Включенность мнемических характеристик, организующих элементы опыта по признаку их жизненной значимости в ментальные механизмы, связана с их ролью в объединении определенных структур сознания, «настроенных» на изменение состояний определенного качества, модальности и интенсивности. Субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания, отражающие значимость для субъекта ситуаций жизнедеятельности. Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях, что приводит к связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Осознание необходимости в регуляции и выбор средств осуществляется благодаря рефлексии и образу собственного состояния субъекта. Переживание, включенное в ментальный опыт, изменяет смысловые структуры и психическое состояние. Регуляторный процесс опосредуется ситуациями жизнедеятельности, пространством культуры и образом жизни. Операциональная сторона регуляторного процесса обусловлена действиями субъекта, направленными на изменение состояния, обратной связью и временными характеристиками. Существенным звеном в данной системе ментальной регуляции, на наш взгляд, является система Я, выполняющая узловую регулируемую функцию в организации включения ментальных структур в саморегуляцию состояний, влияющая на выбор операциональных средств (способы, приемы) и регуляторных действий.

Литература:

1. Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. -М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. – 624 с.
2. Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека. – М.: Наука, 2010. – 519 с.

3. Прохоров А. О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта//Психологический журнал. Том 41, № 1, 2020.– С. 5–18.
4. Сергиенко Е. А. Контроль поведения с позиций системно-субъектного подхода//Психология саморегуляции в 21 веке/отв. Ред. В. И. Моросанова.– СПб.; М.: Нестор-История, 2011.– С. 188–204.

УДК 159.92

К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ TOWARD THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL SIGNIFICANCE

*Алишев Булат Салямович
Alishev Bulat Salyamovich*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, РФ, Казань
Kazan (Volga region) federal university, Russia, Kazan*

bulat.alishev@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена теоретическому анализу проблемы психологического значения, которая распадается на две части: содержание значения и его мера. Показано, что мера значения определяется в разных модальностях. Выделено два типа модальностей определения меры значений, отличающихся по степени субъективности.

Ключевые слова: значение, содержание значения, мера значения, модальность значений, субъективность значений

Abstract

The article is devoted to the theoretical analysis of the problem of psychological meaning, which falls into two parts: the content of meaning and its measure. It is shown that the measure of meaning is determined in different modalities. Two types of modalities for determining the measure of values that differ in the degree of subjectivity have been identified.

Keywords: mean, meaning content, measure of meaning, modality of meaning, subjectivity of meaning

Как известно, человек постоянно определяет субъективное значение (значение для себя) всего того, что происходит вокруг него. Проблема психологического значения неоднократно становилась предметом теоретических обсуждений и эмпирических исследований, но остается дискуссионной. Очевидно, что она отчетливо распадается как минимум на две части.

Во-первых, есть проблема содержания значения. Например, камень, лежащий на обочине дороги, может до поры и времени никого не заинтересовать, но это еще не значит, что когда-нибудь он кому-то не пригодится. В какой-то момент времени он может понадобиться автомобилисту, ранее проезжавшему мимо него сотни раз и не замечавшему его, для того чтобы подложить под колесо. Камень приобретет в этот момент конкретную функциональность, которая и определит содержание его значения.

Во-вторых, существует проблема меры значения. Она возникает в случае, когда мы имеем дело с множеством объектов, обладающих одной и той же функциональностью. Например, человек, выбирающий в магазине табуретку, находит экземпляр, который кажется ему более (мера) прочным (функция), чем остальные; человек в столовой берет из множества блюд некоторые, потому что они более осталь-

ных (мера) нравятся ему, или потому что они дешевле (функции). В реальных ситуациях жизни решаются одновременно обе задачи, т.е. человек одновременно определяет, каковы по содержанию возможные значения объектов и ситуаций, и какова мера их значения. Это же касается и мотивов, т.к. есть проблема их содержания, и есть проблема их силы. Как и в случае со значениями, вторая из них не существует без первой, потому что бессодержательного мотива, мотива "в чистом виде" нет.

Очевидно, что определение меры значения (или меры функциональности) объекта, действия, ситуации и т.д. предполагает наличие у субъекта измерительных шкал. Иначе задача не решаема. Далее будет рассмотрен только простой случай, в котором субъект вступает во взаимодействие с изолированным объектом и только в одной модальности определения значений.

Итак, для него обнаруживается некая неопределенность, которую нужно преодолеть и достигнуть определенности. Здесь имеется три возможных варианта. В первом варианте качества и свойства объекта соответствуют некоей потребности субъекта и не создают ему угрозы: ситуация благоприятна. Во втором случае нет ни того, ни другого: ситуация нейтральна. В третьем – налицо угроза субъекту, т.е.

нет возможности удовлетворить актуальную потребность: ситуация неблагоприятна. Возможен и четвертый вариант, когда изначальная неопределенность оказывается непреодолимой. С точки зрения дальнейшего поведения субъекта второй и четвертый варианты, видимо, имеют близкие последствия, хотя сохраняющаяся неопределенность должна порождать неуверенность и тревожность. Таким образом, определенность может иметь три формы, которые я назову так: плюс-определенность, ноль-определенность, минус-определенность.

Это и есть измерительная шкала, в рамках которой происходит определение меры значения. Конкретных ее разновидностей существует огромное множество. Даже для простых ситуаций их у субъекта должно быть столько же, сколько для них существует модальностей определения значений. Если же учесть, что значения объектов определяются чаще всего по нескольким модальностям, если учесть, что они объединяются в сложные комплексы, образуя нечто целостное и тоже требующее преодоления неопределенности, то проблема измерения величин значения оказывается непростой.

Проблему шкал и измерений активно изучают метрология, статистика и другие области знания. Но дело в том, что в них изучаются научные измерения. Специалисты в этих областях иногда увлекаются формальными проблемами и забывают о том, что любой человек в своей обыденной жизни непрерывно занимается количественным сравнением, сопоставлением, оценкой. Наука не осуществляет такие измерения (и зачастую даже не может осуществлять), а обычный, даже неграмотный человек решает эту задачу регулярно, и решал ее тысячи лет назад. Измерения, совершаемые им, не точны, и они субъективны. Естественно, он делает это приблизительно, на глазок; в нем нет встроенных линеек, часов и, тем более, инструментов для измерения того, насколько ему нравится или не нравится что-то, насколько он верит или не верит чему-то, насколько он считает нечто полезным или вредным. Но все равно человек, пусть интуитивно и субъективно, устанавливает соотношения типа "больше-меньше", "лучше-хуже" и т.д., а это и есть измерение.

О существовании субъективных измерительных шкал говорится немало, но изучаются они, в основном, в психологических исследованиях восприятия времени, пространства, движения, форм и размеров объектов. Можно, конечно, сказать, что многочисленные тесты установок, разрабатываемые психологами, – и есть попытка создания подобных измерительных инструментов. Но с их помощью измеряют отношение человека к отдельным явлениям, процессам, однородным объектам. Их столько, что понадобятся сотни и тысячи "линеек", да и надежность тестов оставляет желать лучшего. К тому же психологические тесты – это "вторичные" измерители. Это

шкалы, с помощью которых пытаются выяснить особенности какой-то измерительной шкалы у разных людей. А они не носят в своих головах тестов и не с их помощью определяют свое отношение к чему-то. Тесты, – в сущности, "линейки" для измерения скрытых (латентных) "линеек".

Однако сейчас речь даже не об этом. Дело в том, что есть существенная разница между субъективным измерением (восприятием) различных физических параметров внешней среды: например, размера объектов (на взгляд) или их температуры (на ощупь), – и субъективным измерением значения этих параметров. И в том, и в другом случае измерение, безусловно, субъективно, но очевидно, что во втором – оно субъективно вдвойне, "в квадрате", т.к. измеряется что-то находящееся не вне субъекта, а в нем самом. Если в первом случае субъект стремится к максимальной точности и объективности, то во втором он зачастую даже не задумывается над этим.

Конечно, между измерениями первого и второго типа имеется связь. Значение объекта часто оказывается зависимым от его физических параметров. Человек оценивает размеры одной и другой доски, и какая-то из них приобретает для него большее значение в данной ситуации. Но столь же часто значение зависит от факторов, не поддающихся такому измерению. Например, когда нужно выбрать цвет краски для забора, приходится использовать субъективную шкалу "нравится – не нравится". Если же нужно определить значение поступка, то измерение вообще не может основываться на физических характеристиках.

Соответственно, субъективные шкалы измерения значений можно разделить на два типа. Шкалы первого типа связаны с оценкой параметров среды, которые в принципе могут быть выражены в метрических единицах. Субъективными шкалами такого типа являются оценочные континуумы; горячо – холодно, далеко – близко, высоко – низко, быстро – медленно, твердо – мягко, светло – темно, тяжело – легко (во всех случаях подразумевается сугубо физический смысл этих слов) и т.д. Такие оценочные шкалы могут превращаться в шкалу значения. Шкалы второго типа не могут быть выражены в метрических единицах, а примерами их служат оценочные континуумы: приятно – неприятно, можно – нельзя, трудно – легко, разумно – глупо, красиво – безобразно, истинно – ложно, справедливо – несправедливо и др. Это – собственно шкалы значения.

По всей видимости, существуют принципиально единые психологические механизмы шкалирования и измерения, используемые психикой, мозгом в таких ситуациях определения значений и выбора, когда нет возможности установить более или менее точные количественные соотношения между объектами. Такие механизмы должны быть едины для всех людей, и в этом смысле они объектив-

ны. Но, определяемая с их помощью, мера значения не может быть объективной так же, как не является объективным и само значение. Говорить об объективности здесь можно только в том случае, если подразумевать стандарты и стереотипы оценки зна-

чения объектов и ситуаций, формируемые культурой. Однако не будем забывать, что в реальной жизни определяет значение объекта или ситуации и его меру всегда конкретный человек, и это всегда индивидуально-субъективное действие.

Литература:

1. Алишев Б. С. Предпочтение как функция психики // Учен. зап. Казан. Ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2011. Т. 153. № 5. С. 7–16.
2. Алишев Б. С. Смысл и мотив: к соотношению понятий // Учен. зап. Казан. Ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2010. Т. 152. № 5. С. 159–171.

УДК 159.9.072.43

ЛОКУС КОНТРОЛЯ И МЕТАКОГНИТИВНАЯ ОСОЗНАННОСТЬ КАК ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

LOCUS OF CONTROL AND METACOGNITIVE AWARENESS AS CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT OF COPING BEHAVIOR

Ничипоренко Надежда Павловна

Nichiporenko Nadezhda Pavlovna

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», Россия, Казань

*Federal State Budget Scientific Institution «Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems», Russia, Kazan
nichiporenko.n@yandex.ru*

Аннотация

В статье приведены результаты исследования совладающего поведения студентов в связи с локусом контроля и метакогнитивными процессами. Показана роль интернальности и метакогнитивной осознанности как основных характеристик субъекта. В статье отмечается, что данные характеристики выполняют регулирующие функции в организации копинг-поведения.

Ключевые слова: психология субъекта, адаптация студентов, совладающее поведение, метакогнитивные процессы, система стабилизации личности, локус контроля.

Abstract

This article presents the results of a study of students' coping behavior in connection with the locus of control and metacognitive processes. We highlight the role of internality and metacognitive awareness as the main characteristics of subject. Article notes that these characteristics perform regulatory functions in the organization of coping behavior.

Keywords: psychology of subject, adaptation of students, coping behavior, metacognitive processes, system of stabilizing of personality, locus of control.

Методологические основания исследования. Теоретическим базисом нашего исследования служит психология субъекта (Рубинштейн С. Л., Анцыферова Л. И., Ананьев Б. Г., Брушлинский А. В., Абульханова-Славская К. А.). Основными характеристиками субъектности, выделенными в работах этих авторов, являются активность, саморегуляция, произвольность, самодетерминация и саморазвитие [1], [2]. При изучении совладающего поведения мы придерживаемся интегративного (ситуационно-личностного) подхода в данной области, рассматривая копинг как посреднический процесс между человеком и ситуацией (Moos R. H., Schaefer J. A., 1986) [5].

В анализе метакогнитивных процессов мы опирались на работу Карпова А. В., Скитяевой И. М.,

в которой представлен разносторонний теоретический анализ данного феномена. Для интерпретации результатов нашего исследования важными характеристиками метакогнитивных процессов являются: по направленности – их обращенность на субъективную реальность, по функциональному предназначению – их регулятивность, по инструментальному оснащению – когнитивная природа [3, с. 2–7].

Интернальность мы рассматриваем как одну из основных характеристик субъектности, обеспечивающую саморегуляцию деятельности, отношений, познания, активности субъекта в социальном и предметном мире.

Методики исследования: опросник метакогнитивной осознанности (Metacognitive Awareness Inventory G. Schraw, R. S. Dennison, адаптация

Е. Ю. Савин, А. Е. Фомин); модификация шкалы субъективной локализации контроля Дж. Роттера (С. Р. Пантеев, В. В. Столин); методика исследования способов совладания со стрессом (опросник Р. Лазаруса, адаптация Т. Л. Крюковой); тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) В. Д. Менделевича; шкала эмоционального отклика А. Меграбяна, Н. Эпштейна; шкалы личностной и ситуативной тревожности Ч. Д. Спилберга (адаптация Ю. Л. Ханина). Выборку составили 282 человека, студенты различных вузов г. Казани, средний возраст 20,2 лет. Для корреляционного анализа использовался метод Пирсона.

Результаты исследования. Корреляционный анализ позволил выявить следующие закономерности.

Интернальность устойчиво коррелирует с общей и личностно-ситуативной антиципационной состоятельностью ($r=0.23$; $p<0.01$ и $r=0.21$; $p<0.01$), напрямую взаимосвязана с конструктивными копинг-стратегиями планирования ($r=0.27$; $p<0.001$) и положительной переоценки ситуации ($r=0.18$; $p<0.05$) и имеет обратные корреляции с неконструктивным копингом дистанцирования ($r=-0.24$; $p<0.01$) и избегания ($r=-0.28$; $p<0.001$). Неожиданным оказалось отсутствие статистически достоверной взаимосвязи локуса контроля с копинг-стратегией «принятие ответственности» ($r=0.05$), данный копинг коррелирует с уровнем эмпатии ($r=0.21$; $p<0.01$); так же с уровнем эмпатии напрямую связаны стратегии «переоценка ситуации» ($r=0.21$; $p<0.01$), «поиск социальной поддержки» ($r=0.29$; $p<0.001$) и «самоконтроль» ($r=0.21$; $p<0.05$). С локусом контроля уровень эмпатии статистически достоверно не связан ($r=0.09$). Также была обнаружена обратная взаимосвязь интернальности с личностной и ситуативной тревожностью ($r=-0.22$, $r=-0.23$, $p<0.01$).

Метакогнитивная осознанность имеет достоверные корреляционные связи практически со всеми изученными параметрами: копинг стратегиями самоконтроля ($r=0.24$, $p<0.01$), социальной поддержки ($r=0.20$, $p<0.05$), ответственности ($r=0.18$, $p<0.05$), планирования ($r=0.38$, $p<0.001$), переоценки ситуации ($r=0.33$, $p<0.001$); всеми видами антиципационной состоятельности – личностно-ситуативной ($r=0.34$, $p<0.001$), временной ($r=0.34$, $p<0.001$), пространственной ($r=0.33$, $p<0.001$) и общей ($r=0.51$, $p<0.001$); эмпатией ($r=0.27$, $p<0.001$).

Метакогнитивная осведомленность не имеет статистически достоверных связей с копингами конфронтации, дистанцирования и избегания, а также с тревожностью. Тревожность (ситуативная и личностная) отрицательно связана с локусом контроля ($r=-0.22$, $p<0.001$, и $r=-0.23$, $p<0.001$) и копинг стратегией избегания ($r=-0.22$, $p<0.001$, и $r=-0.33$, $p<0.001$).

Эмпатия имеет статистически достоверные связи с копингами социальной поддержки ($r=0.30$,

$p<0.001$), принятия ответственности ($r=0.21$, $p<0.01$), положительной переоценки ситуации ($r=0.21$, $p<0.01$) и личностной тревожностью ($r=0.34$, $p<0.001$). Интересно, что эмпатия оказалась связанной с метакогнитивными процессами ($r=0.27$, $p<0.001$) и не связанной с локусом контроля. Мы склонны рассматривать эмпатию как отдельный инструментальный ресурс, обеспечивающий функционирование так называемых эмоциональных копингов.

Корреляция интернальности и метакогнитивной осознанности прямая и достаточно высокая ($r=0.24$, $p<0.01$).

Обсуждение результатов исследования. Комплекс изученных параметров и отношения между ними дополняют представления о функционировании системы стабилизации личности. Система стабилизации личности – функциональная система, обеспечивающая эмоциональную устойчивость и возможности адаптации в стрессовых условиях [4]. В ее состав входят следующие компоненты.

1. Антиципационные способности, позволяющие прогнозировать вероятность, наступление, динамику и возможные исходы стрессовых событий (семантически связанные конструкты – антиципация (Б. Ф. Ломов), вероятностное прогнозирование (И. М. Фейгенберг), антиципационная состоятельность (В. Д. Менделевич), способность к прогнозированию (Л. А. Регуш).
2. Психологические защиты – бессознательные механизмы, мгновенно редуцирующие тревогу и дающие человеку возможность сохранить в данный момент эмоциональное равновесие.
3. Копинг-поведение как осознанная целенаправленная активность в преодолении ситуации.

Все стратегии совладания, с которыми положительно коррелирует метакогнитивная осознанность, представляют собой активные способы преодоления трудной жизненной ситуации и относятся к группе конструктивных копингов. В сочетании с антиципационной состоятельностью метакогнитивные процессы образуют когнитивные предпосылки совладающего поведения.

Выводы. Интернальный локус контроля и метакогнитивная осознанность имеют статус генерализованных характеристик личности, обеспечивающих *регулятивные функции* в процессах совладания с трудными жизненными ситуациями. Их интегрированное взаимодействие в планировании и реализации копинг-поведения снимает некоторое противопоставление личностных и когнитивных механизмов организации опыта. Метакогнитивные процессы в сочетании с интернальностью являются важными компонентами системы стабилизации личности, стрессоустойчивости, жизнестойкости (hardiness) человека, и могут рассматриваться как психические явления высшего порядка в структуре совладающего поведения и базовые характеристики субъектности.

Литература:

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
3. Карпов А.В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 352с.
4. Ничипоренко Н. П. Система стабилизации личности как фактор этиологии психосоматического процесса и совладания с болезнью // Практическая медицина. 2015. № 5. С. 46–50.
5. Хачатурова М. Р. Совладающий потенциал личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Том 10. № 3, с. 160–169.

УДК 159.98

ЦЕННОСТИ КАК РЕСУРС ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**VALUES AS RESOURCE OF PERSONALITY TOLERANCE FOR AMBIGUITY***Салихова Альбина Борисовна**Salikhova Albina Borisovna**Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова, Россия, Москва**I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Russia, Moscow**calixalbina@yandex.ru***Аннотация**

Личностные ценности рассматриваются как основание и ресурс толерантности личности к неопределенности. Исследование проведено на выборке молодых людей (n=227). Выявлены ценности, положительно и отрицательно связанные с толерантностью к неопределенности. В качестве опорных для толерантности личности к неопределенности выступают ценности познания, свободы и творчества, в качестве антагонистических – ценности материального благополучия, здоровья, интересной работы, счастливой семьи.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, ценность, иерархия ценностей, преадаптация, личность

Abstract

Personal values are considered as the basis and resource of tolerance for ambiguity. The study was conducted on a sample of young people (n = 227). Values with positive and negative association with tolerance for ambiguity are identified. The values of cognition, freedom and creativity act as basic for ambiguity tolerance, and the values of wealth, health, interesting work, and happy family life are antagonistic to ambiguity tolerance.

Keywords: tolerance for ambiguity, value, hierarchy of values, pre-adaptation, personality.

Ценности, являясь стержнем личности, составляют фундамент регуляции жизнедеятельности человека в изменчивом и полном неожиданностей современном мире, однако ценностные корреляты толерантности личности к неопределенности мало исследованы. Косвенно о возможной опоре толерантности к неопределенности на ресурс личностных ценностей свидетельствует ее сопряженность с такими свойствами личности, как открытость опыту, экстраверсия, креативность, позитивное отношение к человеческому многообразию, доброжелательность, склонность к соблюдению традиций и др. [3], в свою очередь связанными с теми или иными ценностными предпочтениями [4, 5]. Можно предположить, что спектр ценностей, подчеркивающих важность независимости, готовности к изменениям и новых впечатлений, может являться основой для высоких показателей толерантности к неопределенности, а позитивное отношение к неопределенности

может дать возможность для реализации этих ценностей: «неопределенность окружения, требующая вариативности поведения, – это основание свободы и творчества» [1 с. 17], высокая же важность ценностей сохранения может привести к более осторожному и опасливому отношению к неопределенности. Целью исследования стало выявление круга ценностей, составляющих ценностный ресурс толерантности личности к неопределенности.

В исследовании приняли участие 227 человек в возрасте 22–29 лет. Для определения толерантности к неопределенности использовалась «Шкала общей толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна («MSTAT-1») [2]. Иерархия ценностей определялась с помощью методики М. Рокича в модификации Е. Б. Фанталовой: респонденты попарно сравнивали 12 терминальных ценностей по параметру их важности. Взаимосвязи определялись на основе ро Спирмена.

Взаимосвязи между различными аспектами толерантности к неопределенности и ценностями в выборке представлены в таблице 1. Включены лишь те ценности, которые показали статистически значимые связи с показателями толерантности к неопределенности.

Как видим, положительную взаимосвязь с общим баллом толерантности к неопределенности показала важность ценностей *познания* ($p=0,05$), *свободы* ($p=0,02$) и *творчества* ($p=0,04$). Более тесные связи с данными ценностями обнаружили шкалы *предпочтения неопределенности* и *позитивного отношения к сложным задачам*.

Таблица 1. Корреляции важности ценностей и шкал MSTAT в общей выборке

Ценности	Показатель	MSTAT-1					
		Отношение к новизне	Отношение к сложным задачам	Отношение к неопределенным ситуациям	Предпочтение неопределенности	Избегание неопределенности	Общий балл
Здоровье	r	-0,06	-0,23	-0,16	-0,22	-0,10	-0,18
	p	,353	,000	,015	,001	,121	,008
Интересная работа	r	-0,06	0,03	-0,15	-0,05	-0,10	-0,08
	p	,331	,680	,026	,448	,151	,226
Материально обеспеченная жизнь	r	-0,14	-0,22	-0,15	-0,13	-0,22	-0,20
	p	,041	,001	,026	,054	,001	,002
Познание	r	0,07	0,19	0,08	0,13	0,10	0,13
	p	,276	,004	,218	,049	,138	,054
Свобода	r	0,12	0,20	0,11	0,19	0,10	0,16
	p	,079	,003	,109	,005	,121	,015
Счастливая семейная жизнь	r	-0,01	-0,15	-0,02	-0,08	-0,05	-0,08
	p	,933	,022	,725	,205	,414	,241
Творчество	r	0,04	0,19	0,09	0,14	0,11	0,14
	p	,541	,004	,174	,038	,101	,036

r – коэффициент корреляции Спирмена, p – уровень значимости корреляции. Жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции, статистически значимые при $p \leq 0,05$.

Важность ряда ценностей обнаружила отрицательные связи с толерантностью к неопределенности. Так, со всеми шкалами опросника толерантности к неопределенности отрицательно связана важность *материального благополучия*: наибольший вес имеют связи с *общим баллом толерантности к неопределенности* ($p=0,00$), *отношением к сложным задачам* ($p=0,00$) и *избеганием неопределенности* ($p=0,00$). Важность *здоровья* имеет отрицательную корреляцию с *положительным отношением к неопределенным ситуациям* ($p=0,02$) и *сложным задачам* ($p=0,00$), с *предпочтением неопределенности* ($p=0,00$) и с *общим баллом толерантности к неопределенности* ($p=0,01$). Также отрицательно связаны важность *счастливой семьи* с *отношением к сложным задачам* ($p=0,02$) и *важностью интересной работы* с *отношением к неопределенным ситуациям* ($p=0,03$).

Прямая взаимосвязь ценностей *познания*, *свободы* и *творчества* с *общим баллом толерантности к неопределенности*, с *предпочтением неопределенности*

и с *позитивным отношением к сложным задачам* полностью соответствует теоретическим представлениям о необходимости открытости и свободы человека для встречи с неопределенностью. И это дополняется тем, что отрицательно связаны с толерантностью к неопределенности ценности, напрямую соотносимые с базовыми витальными потребностями, а именно ценностями *материального благополучия* и *здоровья*.

Таким образом, выявлено две группы ценностей, важность которых противоположным образом связана с толерантностью к неопределенности. В первую группу входят ценности *познания*, *свободы* и *творчества*, положительно связанные с толерантностью к неопределенности, в другую группу – ценности *материального благополучия*, *здоровья*, *интересной работы*, *счастливой семьи*, важность которых отрицательно связана с толерантностью к неопределенности.

Литература:

1. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция // Вопросы психологии, 2007. – Т. 6. – С. 3–20. Бехтерев, В. М. Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. СПб.: 1911. – 63 с.
2. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна // М.: Смысл, 2016.
3. Caligiuri P., Tarique I. Dynamic cross-cultural competencies and global leadership effectiveness // Journal of World Business, 2012. – Т. 47. – № 4. – С. 612–622.
4. Kasof J. et al. Values and creativity // Creativity Research Journal. 2007. – Т. 19. – № 2–3. – С. 105–122.
5. Roccas S. et al. The big five personality factors and personal values // Personality and social psychology bulletin, 2002. – Т. 28. – № 6. – С. 789–801.

УДК 159.98

СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ ЦЕННОСТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**SPECIFICITY OF THE MEANING TYPES OF PERSONAL VALUES IN DIFFERENT LEVEL OF THE AMBIGUITY TOLERANCE***Салихова Наиля Рустамовна, Салихова Альбина Борисовна**Salikhova Nailya Rustamovna, Salikhova Albina Borisovna**Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань**Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan**Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова, Россия, Москва**I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Russia, Moscow**calixalbina@yandex.ru, Nailya.Salikhova@kpfu.ru, calixalbina@yandex.ru***Аннотация**

Предположение о различиях смыслового типа личностных ценностей в зависимости от уровня толерантности личности к неопределенности подтверждено при сравнении контрастных по данному параметру групп. Более высокая реализуемость личностных ценностей выявлена у высокотолерантных субъектов, у низкотолерантных выше показатели барьерности ценностей. Выявлены ценности, смысловой тип которых наиболее и наименее различается у людей с разным уровнем толерантности личности к неопределенности.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, личностные ценности, реализуемость ценностей, смысловой тип ценности.

Abstract

The assumption of the dependence of the personal values meaning depending on tolerance for ambiguity confirmed when comparing contrasting groups. Higher realisability of personal values found in highly tolerance for ambiguity subjects as well as higher level of values unrealisability was typical for people with low tolerance for ambiguity. We identified the values, the meaning type of which differs mostly depending on the level of the individual tolerance for ambiguity.

Keywords: tolerance for ambiguity, personal values, realisability of values, meaning type of a value.

Текущее, разнообразие и высокая скорость изменений современного мира порождает как неопределённость, касающуюся жизненных ситуаций, так и переживаемую человеком неопределенность его собственной личности. Представляется, что меры внешней и внутренней неопределенности должны находиться в балансе, и толерантность к неопределенности мира будет выше при более высокой внутриличностной определенности. Экзистенциальные циклы взаимодействия человека с миром, связанные с его открытостью или закрытостью изменениям [1],

проявляются в типах смыслообразования в контексте личностных ценностей [3]. Преобладание барьерной составляющей смысла ценностей соответствует фазе экзистенциального поиска смыслов и означает состояние внутренней неопределенности, преобладание реализуемости соответствует внутренней определенности [4]. Если наше предположение о балансе внешней и внутренней неопределенности верно, то более толерантными к неопределенности будут люди с более высокой ценностной реализуемостью, что отразится на смысловом типе ценностей лично-

сти. Проверка данного предположения стала целью эмпирического исследования.

Респонденты (227 аспирантов КФУ естественно-научных направлений подготовки) отвечали на вопросы шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна в адаптации Д. А. Леонтьева и др. [2], а также методики попарного сравнения ценностей по параметрам важности и доступности, на основе которой подсчитывались индексы реализуемости и барьерности ценностей [4] для каждой ценности и для каждого участника.

Исходя из показателей толерантности к неопределенности из общей выборки были выделены

две контрастные группы: с наиболее высокой ($n=60$) и наиболее низкой ($n=59$) толерантностью к неопределенности, которые сравнивались затем по параметрам барьерности и реализуемости личностных ценностей в каждой группе, а также по показателю индивидуального индекса реализуемости каждого участника.

Количественное соотношение смысловых типов ценностей в группах сравнения (табл. 1) в целом показало, что у высокотолерантных индексы реализуемости ценностей значимо выше, чем у низкотолерантных.

Таблица 1. Соотношение смысловых типов ценностей в группах с высокой и низкой толерантностью к неопределенности

Тип смыслообразования	Низкотолерантные		Высокотолерантные	
	кол-во	%	кол-во	%
Свободно-нейтральный	0	0	0	0
Свободно-реализуемый	1	8,5	0	0
Барьерно-реализуемый	3	25	11	91,5
Барьерный	7	58	1	8,5
Проблемно-барьерный	1	8,5	0	0

Большинство ценностей (красота природы и искусства, интересная работа, уверенность в себе, познание, материально обеспеченная жизнь и счастливая семейная жизнь) в первой группе относятся к барьерно-реализуемому типу, в то время как эти же ценности являются барьерными во второй группе.

Выявились и ценности, которые относятся к одному смысловому типу независимо от уровня толерантности к неопределенности. Так ценности активной жизни, любви, друзей и свободы независимо от уровня толерантности к неопределенности имеют одинаковые смысловые типы. Первые три ценности в обеих контрастных группах являются барьерно-реализуемыми, а ценность свободы – барьерной.

Наиболее выражена разница между группами в степени барьерности ценностей здоровья и творчества. Смысловой тип ценности здоровья является проблемным у низкотолерантных и барьерно-реализуемым у высокотолерантных. Только у ценности творчества барьерность выше в группе высокотолерантных по сравнению с низкотолерантными.

Сравнение индивидуальных индексов барьерности и реализуемости в контрастных группах (табл. 2) дало аналогичную картину различий: выявлен достоверный сдвиг у низкотолерантных по сравнению с высокотолерантными в сторону барьерности смыслообразования в контексте личностных ценностей ($p=0,011$).

Таблица 2. Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах с низкой и высокой толерантностью к неопределенности

Группы	Низко-толерантные		Высоко-толерантные		t-факт.	t-крит.	Знч.
	\bar{a}	σ	\bar{a}	σ			
Индекс реализуемости	0,18	0,47	0,38	0,42	-2,57	1,981	0,011

Условные обозначения: \bar{a} – среднее, σ – стандартное отклонение.

Поскольку сдвиг в смысловом континууме барьерности-реализуемости личностных ценностей является индикатором фаз экзистенциального развития человека в мире, то полученные результаты, с одной стороны, вполне закономерно согласуются

с этим пониманием, а с другой, позволяют еще глубже раскрыть содержание и внутреннюю динамику самих этих фаз экзистенциального цикла. Представление об экзистенциальных циклах взаимодействия человека с миром, связанных с его открытостью или

закрытостью изменениям, было предложено и обосновано Д. А. Леонтьевым [1]. Поскольку реализуемость ценностей соответствует фазе смысловой закрытости человека и процессам освоения своего жизненного пространства в рамках уже очерченных и определенных его контуров [4], то соответственно, степень определенности жизненного пространства достаточно высокая. Вероятно, именно высокая степень предсказуемости и определенности жизненного пространства позволяет справляться с ситуациями неопределенности: стабильность и устойчивость жизненного мира дает человеку ресурсы для высокой степени толерантности к неопределенности в отдельных жизненных ситуациях.

Преобладание барьерной составляющей смысла ценностей соответствует фазе экзистенциальной

открытости человека, который находится в поиске новых смысловых горизонтов своей жизни. В этой фазе экзистенциального цикла, когда и внутренняя неопределенность, и соответствующая ей неопределенность жизненного пространства человека, по всей видимости, чрезмерны, ресурсы устойчивости не столь велики, что проявляется в низкой толерантности к неопределенности в отношении жизненных ситуаций.

Таким образом, исследование подтвердило первоначальное предположение о том, что при более высокой ценностной реализуемости толерантность к неопределенности выше, тогда как высокая барьерность личностных ценностей сопряжена с низкой толерантностью к неопределенности.

Литература:

1. Леонтьев Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции. – М.: Смысл, 2005. – С. 36–49.
2. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределенности: Шкалы Д. Маклейна // М.: Смысл, 2016.
3. Салихова Н. Р. Барьерность-реализуемость личностных ценностей как динамическая характеристика ценностно-смысловой сферы личности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки», 2007. – Т. 149, кн. 1. – С. 180–195. Kasoff, et al. Values and creativity // Creativity Research Journal. 2007. – Т. 19. – № 2–3. – С. 105–122.
4. Салихова Н. Р. Ценностно-смысловая регуляция жизнедеятельности субъекта. Дисс... докт. психол. н. Казань: Казанский ун-т, 2011. – 441 с.

УДК 159.92

ЭФФЕКТИВНОСТЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

THE EFFECTIVENESS OF MENTAL STATES' SELF-REGULATION IN THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF STUDENTS

Чернов Альберт Валентинович
Chernov Albert Valentinovich

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan

albertprofit@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–29–07072.

Аннотация

В статье приведены результаты исследования особенностей подструктур психических состояний и типичных способов саморегуляции студентов с разным уровнем субъективной эффективности саморегуляции состояний. Исследование осуществлялось в ходе лекционного и семинарского занятий, в нём приняло участие 88 студентов 1-го курса Института психологии и образования КФУ. Установлено, что эффективность саморегуляции студентов связана с применением студентами определенных способов саморегуляции в ходе занятий. Обнаружено, что студенты с высокими показателями эффективности саморегуляции во время занятий чаще переживают позитивные (заинтересованность, сосредоточенность) и реже негативные состояния (скука, усталость). Показано, что интенсивность проявления всех подструктур психических состояний обусловлена показателем субъективной эффективности саморегуляции студентов.

Ключевые слова: психическое состояние, эффективность саморегуляции, способ саморегуляции, учебная деятельность, студент.

Abstract

The article presents the results of a study of mental states' substructures and typical ways of self-regulation of students' with different level of self-regulation effectiveness. The study was carried out during lectures and seminars, 88 first-year students of the Institute of Psychology and Education of Kazan Federal University took part in it. Established that the effectiveness of students' self-regulation is associated with the use of certain methods of self-regulation during the training. Found that students with high self-regulation effectiveness are more likely to experience positive (interest, concentration) and less often negative mental states (boredom, fatigue). Shown that the intensity of all substructures of mental states depends on the subjective effectiveness of students' self-regulation level.

Keywords: mental state, effectiveness of self-regulation, method of self-regulation, educational activity, student.

Психические состояния играют значимую роль в жизнедеятельности каждого человека. Особо следует выделить учебную деятельность, где от переживаемых психических состояний зачастую зависит эффективность освоения студентами учебного материала, активность на занятии и успешность сдачи экзамена. Продуктивность учебной деятельности во многом определяется характеристиками переживаемых состояний: модальностью и интенсивностью проявления особого класса психических состояний – познавательных психических состояний [5]. Следует отметить, что немаловажное значение для успешности учебной деятельности имеет способность студентов регулировать свои психические состояния: поддерживать позитивные познавательные состояния (заинтересованность, сосредоточенность, размышление и др.) и целенаправленно изменять негативные состояния (скука, утомление, тупость и др.). Как было показано в наших более ранних работах особая роль здесь отводится рефлексивным процессам учащихся, их выраженности и направленности [3]. В большинстве работ наиболее значимая роль в процессах саморегуляции отводится психологическим качествам субъекта, а вектором процесса регуляции выступает деятельность или поведение.

В контексте предмета нашего исследования – саморегуляции психических состояний, мы опираемся на структурно-функциональную модель ментальной регуляции психических состояний субъекта, предложенную А. О. Прохоровым на основе обобщения результатов исследований взаимоотношений структур сознания и психических состояний. Составляющими модели являются: ментальный (субъективный) опыт, смысловые структуры, рефлексия, переживания, ментальные репрезентации, целевые характеристики, ситуации, пространство культуры, образ жизни, регуляторные действия, обратная связь, временные факторы [2].

Цель исследования: выявить особенности подструктур психических состояний и типичные способы саморегуляции студентов с разным уровнем субъективной эффективности саморегуляции состояний.

В исследовании приняло участие 88 человек (средний возраст – 18 лет), все – студенты 1 курса Института психологии и образования КФУ, обу-

чающиеся по направлению «Психология» и специальности «Клиническая психология». Исследование осуществлялось в ходе 2-х форм учебной деятельности: лекции и семинара. На время исследования занятие прерывалось и испытуемых просили ответить на вопросы 2-х авторских анкет и 2-х методик:

1. Опросник психических состояний студентов. Включает перечень из 104 психических состояний и позволяет оценить наличие и выраженность у студентов предлагаемых состояний по 5-балльной шкале.
2. Опросник способов саморегуляции студентов, включающий 25 показателей. Студентам необходимо выбрать и оценить по 5-балльной шкале частоту использования различных способов саморегуляции состояний.
3. Опросник «Эффективность саморегуляции психических состояний», позволяющий оценить, как общую эффективность саморегуляции, так и регуляцию отдельных подструктур состояний [1].
4. Методика «Рельеф психических состояний личности (краткий вариант)», отражающий интенсивность проявления основных составляющих психического состояния: когнитивных процессов, поведения, переживания и соматических реакций [4].

В результате исследования эффективности саморегуляции психических состояний студентов было выделено 2 группы: с высоким и низким уровнем саморегуляции состояний. В дальнейшем анализировались психические состояния и выраженность их подструктур, а также ведущие способы саморегуляции, характерные для выделенных групп студентов.

Обратимся к основным результатам исследования. Как показано на рисунке 1, студенты с высоким уровнем эффективности саморегуляции состояний демонстрируют более высокие показатели по всем подструктурам психических состояний, независимо от формы учебной деятельности. Отметим, что наибольшая интенсивность проявления наблюдается по подструктуре поведения. В целом, психические состояния на семинаре менее выражены при одинаково низкой и высокой эффективности саморегуляции состояний.

Рисунок 1. Интенсивность проявления подструктур психических состояний студентов при разной эффективности саморегуляции на занятиях

Далее, была изучена выраженность психических состояний студентов с разной эффективностью саморегуляции на лекции и семинаре. На рисунке 2 представлены наиболее типичные позитивные

и негативные состояния, переживаемые в ходе занятий: заинтересованность, сосредоточенность, скука и усталость.

Рисунок 2. Выраженность психических состояний студентов с разной эффективностью саморегуляции на лекции и семинаре

Показано, что студенты с высокой эффективностью саморегуляции вовремя занятий чаще переживают позитивные (заинтересованность, сосредоточенность) и реже негативные состояния (скука, усталость). Низкоэффективные студенты, независимо от формы занятий, часто переживают менее интенсивные психические состояния. Отметим, что проявления негативных состояний в ситуации семинара несколько ниже, нежели на лекции.

Также выявлено, что у лиц с низкой эффективностью саморегуляции в ходе занятий преобладают пассивные или низкопродуктивные способы саморегуляции состояний (пассивная разрядка, самоуспокоение), тогда как у высокоэффективных студентов, наоборот, существенна роль активных и внутренне обусловленных способов регуляции состояний (повышение собственной мотивации, использование логики).

Таким образом, по результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Эффективность саморегуляции студентов связана с применением студентами определенных способов саморегуляции в ходе занятий, наиболее эффективным среди которых является повышение собственной мотивации.
2. Обнаружено, что студенты с высокой эффективностью саморегуляции во время занятий чаще переживают позитивные (заинтересованность, сосредоточенность) и реже негативные состояния (скука, усталость).
3. Выявлено, что интенсивность проявления всех подструктур психических состояний обусловлена субъективной эффективностью саморегуляции психических состояний студентов.

Литература:

1. Назаров А.Н., Прохоров А. О. Методика изучения эффективности саморегуляции психических состояний // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы Третьей Международной научной конференции. Казань, 2018.– С. 361–364.
2. Прохоров А. О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта. // Психологический журнал.– 2020.– Т41. № 1.– С. 5–17.
3. Прохоров А.О., Чернов А. В. Рефлексия и психические состояния студентов при разных формах учебной деятельности студентов // Психологический журнал.– 2016.– Т. 37.– № 6.– С. 47–55.
4. Прохоров А.О., Юсупов М. Г. Методика измерения психического состояния в учебной деятельности студентов (краткий вариант) // Психология психических состояний: сб. статей. Казань: Казан. ун-т, 2011.– Вып.8.– С. 277–288.
5. Prokhorov A.O., Chernov A. V., Yusupov M. G. Cognitive states in educational activity of students: structural-functional aspect. // Asian Social Science.– 2015.– Т. 11.– № 1.– P. 213–218.

УДК 159.92

СУЕВЕРИЕ КАК ПСИХИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

SUPERSTITION AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON IN MODERN DOMESTIC AND FOREIGN RESEARCH

Афанасьев Павел Николаевич

Afanasyev Pavel Nikolaevich

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan*

af_pavel@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Суеверность как механизм психологической адаптации личности к изменяющимся условиям жизнедеятельности», № 20–013–00644 А

The reported study was funded by RFBR, project number 20–013–00644 A

Аннотация

В статье представлен обзор ключевых подходов к рассмотрению суеверий как психического феномена. Рассмотрена попытка концептуализации данного явления в русле когнитивного подхода в рамках теории дуального процесса мышления. Обозначены основные компоненты суеверий.

Ключевые слова: суеверия, магическое мышление, паранормальные верования, теория дуального процесса мышления.

Abstract

The article reviews the main approaches to the study of superstition as a psychological phenomenon. An attempt to conceptualize this phenomenon in the context of a cognitive approach within the framework of the dual-process theory. The main components of superstitions are indicated.

Keywords: superstition, magical thinking, paranormal beliefs, dual-process theory.

Прежде, чем приступить к изучению того или иного психического явления, ему необходимо дать определение. Таким явлением в нашем исследовании являются человеческие суеверия. Выделяют несколько подходов к анализу суеверий как психического феномена [6]. Психоаналитический подход рассматривает их как спроецированные, смещенные во внешний мир собственные неосознаваемые внутренние мотивы поведения. В бихевиоризме речь идет о случайно установленных ложных причинно-следственных связях в результате подкрепления. Люди верят, что если однажды одно их действие предшествовало ожидаемому результату, то оно и было его причиной и в дальнейшем для повторения итога его необходимо воспроизвести в качестве ритуала. Когнитивный подход анализирует суеверия как проявления иррационального, мифологического типа мышления, для которого характерно упрощенное познание без опоры на логически выверенные научные понятия. С позиции аффективно-мотивационного подхода суеверия рассматриваются как механизмы психологической защиты, выполняющие психотерапевтическую функцию и позволяющие человеку совладать с чувствами бессилия, неуверенности, страха и т.п. Суеверное поведение во многом можно трактовать как способ реагирования человека на неопределенность и риски окружающего мира [5]. Эволюционистский подход осмысляет суеверия как пережиток ранее существовавших религиозных традиций, прежде всего, язычества. В древних культурах суеверное поведение носило свой магический или сакральный смысл взаимодействия с потусторонним миром. Препятствие было утрачено, однако определенные ритуальные действия на бытовом уровне сохранились. И, наконец, социально-нравственный подход исследует суеверия как регулятор социальных отношений, определяющий поведение человека в группе и сохраняющий определенные нормы и ценности. Однако стоит отметить неравнозначность указанных подходов с точки зрения их представленности в психологии как самостоятельных научных школ и направлений.

В одной из наиболее известных зарубежных монографий по психологии суеверного поведения суеверия определяются как паранормальные прагматичные верования или убеждения, которые используются для того, чтобы привлечь успех или избежать неудачу [5]. И там же предлагается таксономия суеверного поведения, то есть выделяются основные типы суеверий. Первый тип – это религиозные верования как составляющая часть определенной космологии или последовательного мировоззрения, опи-

рающегося не на научные знания, а на веру. Второй тип – культурные или народные суеверия – иррациональные правила и нормы поведения в социально значимых ситуациях: рождение, брак, болезнь, смерть. Третий тип связан с «оккультными» индивидуальными переживаниями, паранормальными и парапсихологическими верованиями: экстрасенсорика, телепатия, спиритизм и т.п. И четвертый тип – это личные суеверия, которые проявляются в поведении отдельного человека: индивидуальные ритуалы «на удачу», талисманы и другие. Данная классификация не является строгой и непротиворечивой, поскольку многие суеверия очень сложно отнести только к какому-то одному типу.

Такое разнообразие подходов, типов и неоднозначность в понимании феномена суеверий привели ряд исследователей к попытке внести ясность и сформулировать единую концептуальную основу для изучения принципиально не отличающихся друг от друга суеверных, магических и сверхъестественных верований [2, 3]. Согласно психологии развития, можно выделить три основных вида знания, определяющих понимание мира человеком: интуитивные представления о физических, биологических и психологических явлениях. Это, своего рода, базовые онтологические категории, которые осваиваются в раннем детстве. Основные знания о физических явлениях – это представление о том, что мир состоит из материальных объектов, которые имеют размер и занимают определенное место в пространстве. Знание о биологических явлениях – это различение живого и неживого и представление о процессах заражения и излечения, важных для адаптации и выживания организмов. Основное знание о психологических явлениях заключается в том, что одушевленные существа, люди, обладают сознанием, являются интенциональными агентами, т.е. способны совершать действия без внешней посторонней силы, инициированные собственными психическими нематериальными процессами, такими как мысли, чувства, желания и т.д. Суеверия, магическое мышление, паранормальные верования можно определить как категориальные ошибки, в которых основные атрибуты физических, биологических и психологических явлений и процессов смешиваются, путаются друг с другом [3]. Например, физические процессы начинают рассматриваться как интенциональные, ментальным процессам приписывается способность воздействовать на материальные объекты и т.п. Можно согласиться с тем, что данное определение является более точным и экономным, позволяющим отличить суе-

верия от других категориальных ошибок. Во-первых, суеверия всегда содержат путаницу основных знаний, а, во-вторых, суеверные высказывания считаются буквально истинными [2].

Теория дуального процесса мышления (*dualprocesstheory*) позволяет понять, что в основе суеверий и магического мышления находятся не столько ошибочные действия или мыслительные недостатки человека, сколько естественные особенности функционирования его психики [4]. Согласно данной теории, людям свойственно два типа умственных процессов, интуитивное понимание (*intuitiveunderstanding*) и логическое рассуждение (*logicalreasoning*), которые имеют различные принципы работы. Считается, что первый тип мышления (система 1) более свойственен детям, однако второй тип (система 2), аналитическое и рациональное мышление, не заменяет интуитивные процессы и знание в ходе взросления. Оба типа умственных процессов существуют и развиваются на протяжении всей жизни человека, и поэтому в сознании взрослого субъекта одновременно могут существовать два конфликтующих убеждения. Суеверия связаны с тенденцией опираться на интуитивное понимание, работу системы 1, которая имеет определенные особенности, способствующие магическому мышлению. Первая особенность – склонность полагаться на ментальные упрощения (эвристики) для быстрого вынесения суждений. Эвристика репрезентативности во многом повторяет действие закона подобия симпатической магии: люди полагаются на сходство при создании причинных атрибуций. Если некий предмет напоминает другой предмет, значит между ними есть связь. В одном из экспериментов испытуемые неохотно соглашались съесть вкусный шоколад, по форме напоминающий экскременты. Эвристика доступности, или склонность выводить суждения из того, насколько легко те или иные представления приходят на ум, объясняет, например, почему люди боятся «искушать судьбу», т.е. с большей вероятностью ожидают негативных последствий, если перед этим самонадеянно заявляли о собственной неуязвимости. Мысль о возможном неуспехе по ассоциации возникает вслед за предполагаемым успехом. Вторая особенность интуитивного понимания –

способность дать объяснение любому явлению, что является привлекательной чертой суеверий и магии. Люди довольно легко генерируют теории, которые могут связать почти любой атрибут с почти любым результатом. И третья особенность работы системы 1 – предвзятость подтверждения или тенденция искать и одобрять доказательства, которые поддерживают текущие убеждения, и игнорировать их опровержения – объясняет устойчивость и сохранение суеверий. Даже когда система 2, логическое рассуждение, обнаруживает ошибку, она не обязательно исправляет ее. Люди могут одновременно знать, что что-то иррационально, и верить, что это правда. Такой феномен получил название «молчаливого согласия» [4]. В одном из экспериментов испытуемые отказывались употреблять сахар, на коробке с которым было написано «яд», хотя они знали, что это сахар. Подобные результаты дают возможность предположить, что подход к пониманию суеверий только с позиции когнитивных процессов недостаточен. Он не учитывает силы влияния на человека знаковой, символической системы, системы языка, которая во многом формирует отношение субъекта к миру.

Понимание суеверий как отношения или аттитюда позволяет выделить в них три основных компонента: эмоциональный, когнитивный, поведенческий [1]. Эмоциональный компонент включает в себя диапазон чувств, которые варьируются от страха перед неопределенностью до радости по отношению к суеверно обремененным объектам. Когнитивный компонент включает в себя концептуализацию, стратегическое планирование поведения и предсказание будущих результатов. Поведенческий компонент состоит из различных ритуалов, направленных на то, чтобы избежать несчастных случаев или облегчить желаемые результаты для себя или своих близких.

Таким образом, феномен суеверий является широко исследуемой темой в психологических работах, существует множество различных подходов к пониманию и изучению суеверий. Но, несмотря на это, задача дальнейшей концептуализации и определения данного явления в ряду смежных психологических понятий по-прежнему остается актуальной.

Литература:

1. Faizal A. Social and Psychological factors for Superstition: A Brief Literature Review. International Journal of Advance Study and Research Work, 2018, 1, P. 1–6 (5). doi: 10.5281/zenodo.1405381
2. Lindeman M., Aarnio K. Superstitious, magical, and paranormal beliefs: An integrative model. Journal of Research in Personality, 2007, 41, P. 731–744. doi:10.1016/j.jrp.2006.06.009
3. Lindeman M., Svedholm, A. M. What's in a term? Paranormal, superstitious, magical and supernatural beliefs by any other name would mean the same. Review of General Psychology, 2012, 16, P. 241–255. <http://dx.doi.org/10.1037/a0027158>
4. Risen J. L. Believing what we do not believe: Acquiescence to superstitious beliefs and other powerful intuitions. Psychological Review, 2016, 123(2), P. 182–207. <https://doi.org/10.1037/rev0000017>
5. Vyse S. A. Believing in magic: The psychology of superstition. New York, NY: Oxford University Press, 2014.

УДК 159.9

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ, СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕННОЙ АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА**
**ENERGETIC, SYSTEM-FUNCTIONAL, CULTURAL-HISTORICAL AND COGNITIVE-BEHAVIORAL
ASPECTS OF THE ACTOR'S VITAL ACTIVITY**

Попов Леонид Михайлович, Устин Павел Николаевич
Popov Leonid Mikhailovich, Ustin Pavel Nikolaevich

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan

leonid.popov@inbox.ru, pavust@mail.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00253,
«Нейросетевая психометрическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной
активности личности на базе социальных сетей»).*

*The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00253, "Neural
network psychometric model of cognitive-behavioral predictors of life activity of a person on the basis of social
networks").*

Аннотация

В статье показана эволюция представлений о жизненной активности человека, как субъекта познания, общения, деятельности и поведения. Через энергетический, системно-функциональный, культурно-исторический и когнитивно-поведенческий аспекты показаны этапы понимания жизненной активности через созерцательные, приспособительные и преобразующие формы жизнедеятельности. Раскрыты основные позиции когнитивно-поведенческой концепции жизненной активности в виде трехэтапной структуры «хочу-могу-действую».

Ключевые слова: жизненная активность, субъект, личность, поведение, когнитивные механизмы, концепция.

Abstract

The article shows the evolution of ideas about the life activity of a person as an actor of knowledge, communication, activity and behavior. Through the energy, system-functional, cultural-historical and cognitive-behavioral aspects, the stages of understanding life activity through contemplative, adaptive and transformative forms of life activity are shown. The general positions of the cognitive-behavioral concept of life activity in the form of a three-stage structure «I want-I can-I act» are revealed.

Keywords: life activity, subject, personality, behavior, cognitive mechanisms, concept.

Активность как свойство живой материи проявляется на всех уровнях ее филогенеза от простейших организмов до человека. По мере исследования форм и механизмов приспособительно – преобразующей активности живых организмов в отечественной психофизиологической культуре выявлены различные грани активности ее носителей.

Цель состоит в том, чтобы на материале исследований психофизиологических проявлений активности от Бехтерева до наших дней показать ее разнообразные аспекты и механизмы.

Энергетический аспект

В аналитической работе «Психика и жизнь» [2] В. М. Бехтерев с учетом позиций известных философов и психологов конца 19 века представил, своего рода, «энергетическую концепцию» активности. Здесь он связывает воедино понятия жизнь и психика, утверждая, что «жизнь и психика здесь одно и то же... без психики нет жизни, как и без жизни

нет психики» [2, с. 113]. Стремясь понять отличие живой материи от мертвой, В. М. Бехтерев заключает, что это отличие состоит в появлении психики, как регулятора взаимоотношения организма со средой. Главным отличием живого является активность, способность к раздражимости – чувствительности и к выбору действия. Источником активности у В. М. Бехтерева, следуя позициям философа Н. Я. Грота, является энергия. Признание энергии источником активности – это был путь преодоления различий в понимании мироустройства, где физическая картина мироустройства, основанная на законах и принципах мертвой материи, на взгляд В. М. Бехтерева, не должна быть единственной. Она должна быть дополнена закономерностями, свойственными живой материи, так как мир един и целостен. При этом на живые организмы как материальные образования распространяются основные физические законы. Если источником движения и активности

в неживой материи является «взаимодействие движущихся тел», то источником движения и активности всего живого является внутренняя сила, что подчеркивалось еще философами античности.

Согласно Н. Я. Гроту, В. Вундту, чьи позиции разделяет В. М. Бехтерев, источником активности живых организмов является «психическая энергия» («скрытая энергия», по Бехтереву), которая возникает в живом организме (от простейших до человека) путем переработки энергии поступающей извне: солнечной, тепловой, продуктов питания, воды и др.

«Единая мировая энергия» (Э. Оствальд, Н. Я. Грот) дифференцируется на физическую и психическую. Энергия есть сила, но сила от среды неотделима, как и среда без силы немислима [2, с.35]. Неслучайно этот подход отражен в современной рекламе, где сила России с ее энергетическим потенциалом прирастает «силой гор», «силой Сибири»... Сила, по В. М. Бехтереву, имеет деятельный характер, но вместе с материальным носителем. Весь мир, в этом случае, – деятельная среда и нет вещества без силы, как нет силы как самостоятельного деятельного начала. Взаимоотношение же среды и силы в форме деятельной среды образует то, что «мы называем энергией» [2, с.36]. Это напоминает позицию Аристотеля о взаимоотношении души, мышления как проявления души и тела, в его изречении: человек есть мыслящее тело.

Скрытая (психическая) энергия, которая проявляется во всех психических процессах, включает сознательные и бессознательные процессы. Источником возникновения скрытой энергии являются физические воздействия на организм, химические процессы в тканях [2, с.59]. Полученная таким образом энергия накапливается у простейших организмов в протоплазме, а у высших животных и человека – в центральной нервной системе. Мозг является главным аккумулятором и распространителем ее расходования. В физиологии этот процесс определяется как обмен веществ между организмом и средой.

Последующая интерпретация форм и механизмов проявления энергии вовне В. М. Бехтеревым может быть охарактеризована с позиций антропоморфизма, в отличие от И. П. Павлова.

Во-первых, вслед за Н. Я. Гротом, к животным любого уровня развития В. М. Бехтеревым применен термин «субъект», ибо «всякий живой организм есть субъект». Как «носитель потенциальных энергий действия», «сознательный деятель», субъект является и «воспринимающим» и «действующим» [2, с.40–48]. Это, на наш взгляд, целесообразно с точки зрения единой картины мира (биопсихосоциальной). Однако, в современных психологических источниках (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, А. Н. Леонтьев и др.) термин субъект используется прежде всего по отношению к человеку, инициатору активности.

Во-вторых, введение категории субъект соотносено с терминами субъективность, сознательность, сознание, где «субъективное или сознание есть результат особого напряжения энергии» [2, с.237]. В. М. Бехтерев оговаривается при этом, что в данном материале термин «сознание» рассматривается в широком смысле, ориентируясь на позиции Фулье и Бурдо, что «некоторое состояние сознания» может существовать «в различных степенях», «даже в самых малейших частицах» [2, с. 239]. Отсюда, даже самые простейшие организмы проявляют самостоятельный выбор... внутреннюю переработку, обладают элементарной сознательной деятельностью [2, с.78].

В-третьих, в отличие от физиологов, психофизиологов не только своего, но и более позднего времени, В. М. Бехтерев усматривает в эволюционном становлении организмов не только приспособительную, но и, своего рода, творческую, преобразующую функцию активности. При этом он соотносит меру проявления животными такой активности уровнем создания нор и жилищ. Утверждение преобразующей функции психики в пределе позволяет В. М. Бехтереву, провозгласившему, что психика есть жизнь, согласиться с Бернардом, что «жизнь есть творчество» [2, с.108].

Соотнесение активности с сознанием, субъектом и его преобразующими действиями, направленными вовне или внутрь, позволяет предположить возможность проявления субъектности как активных действий живого организма на всех ступенях его развития: от простейших до человека. Такое понимание субъектности в рамках расширенного понимания сознания, вполне уместно.

Системно-функциональный аспект

При всем скептицизме соединения психического и физиологического И. П. Павлов гениально сформулировал целостное представление о человеке, как системе, которая «как и всякая другая в природе, подчиняющаяся неизбежным и единым для всей природы законам, но система, в горизонте нашего современного научного видения, единственная по высочайшему саморегулированию». Это «система в высочайшей степени саморегулирующаяся, сама себя поддерживающая, восстанавливающая, поправляющая и даже совершенствующая» [10, с.81].

Вместе с понятием система, по отношению к живой материи вводятся понятия «механизм» и «функциональная модель». Система понимается как упорядоченное расположение элементов целого. Под механизмом понимается «динамика перехода от одного звена к другому», а также как исследование взаимодействия элементов системы, ведущее к овладению этой системой. По найденным элементам можно моделировать функции всей системы. Так создается функциональная модель, зная которую, можно овладеть функциональной структурой изучаемого явления [3, с.470–473].

Активность, как акт инициативного действия субъекта, направленный вовне и внутрь себя, в широком плане представляется тремя базовыми процессами: созерцанием, приспособлением (адаптацией), преобразованием. Активность в ее начальной стадии проявляется уже на уровне простейших как раздражимость, чувствительность. В последующем – она механизм рефлекторной деятельности, структура которой воплотилась в рефлекторной дуге, где активность рассматривалась как приспособительное поведение на уровне рефлексов. Однако, интерес к пониманию человеческого поведения подтолкнул ученых к более адекватному описанию его механизмов. И. М. Сеченов открытием эффекта торможения и произвольности побудил ученых к созданию моделей активности с признанием в их составе психического компонента и, своего рода, субъектности, свойственной всему живому. Субъектное начало в психофизиологии в условиях произвольной задержки двигательного акта может интерпретироваться как способность к выбору и самостоятельному действию. Оставаясь сторонником идеологии взаимодействия, И. М. Сеченов считал, что во время взаимодействия человека со средой, его активность детерминирована как внешними условиями, так и умственными и нравственными чертами, т.е. внутренними условиями, что в последующем было представлено в принципе детерминизма С. Л. Рубинштейном. Основой активности человека, т.е. его субъектности, выступают у И. М. Сеченова не только чувственные побуждения, но мысль и моральное чувство, а действие при этом приобретает определенный смысл и становится поступком. Выбор действия определяется побуждением, которое в борьбе с другими («борьба мотивов») взяло перевес. Человек осознает это и, предпринимая волевое усилие по его воплощению, несет ответственность за принятое решение [10, с.57].

Со времен И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева и И. П. Павлова начинается новый этап в понимании глубинных психофизиологических механизмов активности организма, где наряду с внешне выраженным приспособительным поведением фиксируется и внутреннее преобразующее поведение, внутренняя активность организма. П. К. Анохин, пройдя научную школу В. М. Бехтерева и И. П. Павлова, в экспериментальных условиях открыл новое звено в рефлекторном акте, – звено обратной афферентации, т.е. на языке кибернетики – звено открытой связи [1].

Эффект действия обратной афферентации заключался во внутренней активности организма, возникающей в случае возникновения рассогласований действий организма с той целью, которую он должен достигнуть в ходе заключительной части рефлективного акта.

Осмысление данного феномена на системном уровне позволило сформулировать П. К. Анохину теорию функциональной системы, положения которой

были близки позициям А. Р. Лурия [6], – с детальной проработкой механизма внутренней преобразующей активности организма. Данный механизм рассматривался как «упорядоченное» взаимодействие множества компонентов [1, с. 59].

П. К. Анохин сделал шаг вперед по сравнению с другими сторонниками «взаимодействия вообще». Он состоял в том, что последние допускают «одновременное и неорганизованное использование всех степеней свободы нейрона» [1, с. 16–17]. П. К. Анохин же, вводя понятие «полезный результат системы», придал векторную направленность движению нейронов во всех звеньях создавшейся для достижения определенного, «полезного» результата системы. Из этого следовало, что важнейшим моментом функционирующей при этом системы является показатель степени упорядоченности множества задействованных при этом психофизиологических звеньев организма, степени их содействия в достижении конкретного полезного результата [1, с.70–71]. Отсюда, считает П. К. Анохин, более пригодным термином системы, нацеленной на достижение полезного результата, является термин «взаимодействие», что и есть, на наш взгляд, показатель внутренней преобразующей активности системы.

Полезный результат является системообразующим фактором всей системы, которая в ее полном, интеллектуальном варианте включает «афферентный синтез, постановку цели, принятие решения и оценку полученного результата, предсказание и обратную афферентацию, санкционирующую получение полезного результата» [1, с.123].

Аналитико-синтетическим звеном системы является афферентный синтез одновременно поступающих и оцениваемых воздействий внешней (среда) и внутренней (запросы организма, личности) мотивации, а также актуализации всего предшествующего опыта. Результатом афферентного синтеза является постановка цели и принятие решения. Проблема состоит в том, что в онтологическом варианте изучения данной активности все действия осуществляются одновременно, поэтому практически трудно выделить роль и действия каждого компонента, так как одновременно идет симультанное восприятие и его симультанная обработка.

Для сопоставления обратно поступающей афферентации по поводу выполнения адекватного действия П. К. Анохин вводит понятие «акцептор действия» – аппарат функциональной системы, который принимает обратную афферентацию и сопоставляет ее с тем, что должно составлять конечный результат действия [1]. В интерпретации А. А. Смирнова акцептор действия – это афферентный аппарат для оценки предстоящего действия, аппарат хранения информации, полученной при формировании навыка. Это и аппарат опережающего отражения [10, с.218], – важнейшей функции живой системы.

В результате афферентного синтеза формируются намерения к действию, цель предстоящего действия (цель «потребного будущего» по Н. А. Бернштейну). Следует признать, что нацеленность системы на полезный результат и афферентный синтез всех поступающих извне и изнутри воздействий имеют важнейшее значение для понимания истоков и направленности жизненной активности, а также методов управления ею.

Культурно-деятельностный аспект

Активность в этом случае представляет собственно человеческую активность, которая может быть охарактеризована внешне созерцательным и внутренне и внешне преобразующим (деятельностным) типом активности. Здесь идет, с одной стороны, созерцание субъектом интеллектуально-информационной, художественной, этико-коммуникативной, бытовой культуры, включенность в культурно-историческую среду, присвоение ее; с другой – происходит «преобразование природных механизмов психических процессов», когда «исторически сложившиеся виды и формы деятельности преобразуются во внутренние психические процессы» [5, с.13–15].

Л. С. Выготский – автор культурно-исторической концепции, – признавал, что активность человека обусловлена как биологически, так и культурно-исторически. Занимаясь исследованием личности в онтогенезе, он посчитал, что в детской психологии обе линии слиты, а владение культурой стимулирует формирование высших психических функций, опосредованных системой знаков, психологических орудий.

Если Л. С. Выготский и его последователи, изучая поведение детей и подростков, сосредоточили свое внимание на социализации личности в онтогенезе, то А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и их последователи предметом исследовательского внимания сделали активность сознания, созерцательно-преобразующую активность, деятельность человека. Деятельность, как предмет психологии направлена на достижение цели, включает мотивацию, эмоциональную составляющую, операционно-действенное строение и в процессе достижения цели имеет внешне-преобразующий характер. Процессы внешней активности переходят во внутреннюю активность по принципу интернально-экстернальных «взаимопереходов» [4]. Определяющей деятельностью, которая стимулирует развитие личности в онтогенезе является активность, как «ведущая деятельность» (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев), которая является продуктом внешнего воздействия и внутренней мотивации.

Когнитивно-поведенческий аспект

Внешней характеристикой активности последних десятилетий становится ее преобразующее начало как во внешней, так и внутренней деятельности субъекта. Ценным является креативность не столь-

ко в интеллектуально-художественной деятельности, сколько в прикладной и производственной сфере. Критерием успешности действий все чаще становится денежный эквивалент. Абстрактно-аналитический подход уступает целостному подходу, научная психология уступает место прикладной, практической психологии.

В очередной раз возникает проблема соединения «аналитичности и целостности» (П. К. Анохин), проблема энтропийности многочисленных воздействий на человека и их упорядоченного синтеза с направленностью энергии внешних воздействий и внутренних желаний на единую цель – «полезный продукт деятельности». Сочетая научно-обоснованный подход с практической нацеленностью на результат, мы предлагаем модель активности когнитивно-поведенческого характера в виде трехэтапной структуры «хочу-могу-действую». Структура базируется на представлении С. Л. Рубинштейна о структуре личности: «хочу (мотивация) – могу (способности) – какой Я» [9].

На этапе «хочу» активность предусматривает ее мотивационно-смысловое наполнение и целевую направленность. Мотивация может иметь как внешний (детерминация), так и внутренний (самодетерминация) характер. Смысловая составляющая актуализирует ответ на вопрос субъекта самому себе – «Для чего это мне (нам)?».

Цель в этом случае может быть сформулирована самим субъектом или поставлена извне и направляться на созерцание (познание) мира или самосозерцание (самопознание), адаптацию (самоадаптацию), преобразование мира (самопреобразование). Постановка такой цели предполагает как субъективный, так и объективный подход к получению данных и технологии выполнения: аналитичность и целостность взаимодополняют друг друга. Что подтверждает наличие принципа дополнительности по Н. Бору.

На этапе «могу», представленном у С. Л. Рубинштейна способностями, дарованиями, в нашем варианте включает систему знаний, умений, навыков (память) и иерархию действий, входящих в психологический механизм интеллектуально-деятельностного развития, саморазвития. Базовой частью данного механизма является структура психологического механизма творчества Я. А. Пономарева [7], которую мы дополнили на основе ранее проведенных исследований [8] по трем позициям в рамках изучения жизненной активности студентов:

1. Синкретичный вариант внешних и внутренних действий Я. А. Пономарева, представленный внутриплановыми действиями логико-интуитивного типа в нашей модели субъекта саморазвития, дан более дифференцированно. Во внутреннем плане представлены два понимания, две ветви совершаемых субъектом действий: полностью сознательных, протекающих как фазы мыш-

ления (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский) и действий творческого порядка, т.е. с наличием бессознательной работы и интуиции (Я. А. Пономарев); действия субъекта во внешнем плане представлены как репродуктивно-созидательные по созданию новых содержаний («что создается?») и технологий их воплощения («как создается?»).

2. Взаимосвязи и взаимопереходы внешних и внутренних действий в структуре интеллектуально-деятельностного механизма осуществляются как движение в зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский) различной степени продуктивности. Выделены зоны малой, средней и высокой продуктивности.
3. Периферическое звено, тезисно обозначенное Я. А. Пономаревым, как звено эмоционально-мотивационной детерминации творчества, – для характеристики жизненной активности студентов, на наш взгляд, должно включать смысло-целевую (мотивационную) и волевую детерминанты.

На этапе «действую» активность имеет действительно-преобразующий характер, направленный на планирование во времени в виде последовательности действий достижение полезного для субъекта результата (содержательного или технологического) с учетом степени его новизны: для себя, для субкультуры, для культуры в целом. Здесь же учитываются те барьеры (риски) внешние и внутренние, которые предстоит преодолеть субъекту с участием своей волевой организации.

Выводы

1. Активность человека как субъекта познания, общения, деятельности и поведения много-

аспектна. Краткая история ее описания позволяет выделить ряд аспектов ее созерцательных, приспособительных и преобразующих форм жизнедеятельности. Каждая из форм имеет свои внутрисубъектные аналоги: самосозерцание (самопознание), самоадаптацию и самопреобразование (саморазвитие).

2. Все формы активности имеют энергетический аспект, создающий возможность потребления энергии извне, ее концентрацию в центральной нервной системе и расходование под контролем мозга этой энергии как внутренней силы организма на достижение полезного результата.
3. Активность как сложная организация, синтезирующая все внешние и внутренние воздействия, принимающая решение по реализации намеченной цели существует как сложная функциональная система (функциональный орган). Она возникает для осуществления конкретной цели и прекращает деятельность после ее достижения.
4. Активность человека обусловлена знаковой системой коммуникации. Ее осуществление через высшие психические функции имеет культурно-историческую детерминацию. На этапе онтогенеза данная активность носит преимущественно приспособительный характер, а на этапе взрослого человека – действительно-преобразующий.
5. Когнитивно-поведенческий аспект активности имеет преимущественно преобразующую (самопреобразующую) форму и реализуется в рамках когнитивно-поведенческой концепции жизненной активности через три этапа: хочу, могу, действую.

Литература:

1. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. М.: Наука, 1978. – 400с.
2. Бехтерев В. М. Психика и жизнь. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. 592с.
3. Жинкин Н. И. На путях к изучению механизма речи // Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – С. 470–487.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. – 303с.
5. Леонтьев А. Н. Об историческом подходе в изучении психики человека // Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – С. 9–44.

УДК 195.95

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ И ОБРАЗА
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В КОНТИНУУМЕ ВРЕМЕНИ****THE RELATIONSHIP OF INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL PROPERTIES AND THE IMAGE OF
COGNITIVE STATES IN THE TIME***Юсупов Марк Геннадьевич**Yusupov Mark Gennadjevich**Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань**Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan**yusmark@yandex.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект 19-013-00325.*

Аннотация

Установлена специфика взаимосвязи образа состояния и личностных свойств в зависимости от временного интервала, показано, что существенной особенностью взаимосвязей образа познавательных состояний и субъектно-личностных свойств является включенность параметра общего уровня саморегуляции в структуру образа вне зависимости от его временных характеристик.

Ключевые слова: психические состояния, свойства личности, сознание, образ, учебная деятельность.

Abstract

The specificity of the relationship between the state image and personal properties depending on the time interval is established. We have shown that an essential feature of the relationship between the image of cognitive states and subject-personality properties is the inclusion of the parameter of the general level of self-regulation in the structure of the image, regardless of its temporal characteristics.

Keywords: psychological states, personality traits, consciousness, image, educational activity.

Изучение отношений между различными категориями психических явлений является важной методологической проблемой психологии. В этом контексте, фундаментальное значение приобретает изучение бытийного слоя сознания – образа психического состояния, его становления, динамики в зависимости от индивидуально-психологических и субъектно-личностных качеств. Образ состояния может быть определен как «...совокупность перцептивных характеристик, отражающих в форме структурированного сочетания психологические, соматические, поведенческие и другие показатели субъекта, представленные в сознании, изоморфные переживаемому психическому состоянию» [1, с. 13]. Образ состояния связан с сенсорно-перцептивными процессами, памятью, переживаниями и рефлексией. В отличие от предметного образа, образ психического состояния является целостной структурой, интегрирующей знания, переживания и отношения.

На основе отмеченных представлений нами рассматривались закономерности изменения образа типичного познавательного состояния студентов в континууме времени, в зависимости от индивидуально-психологических и субъектно-личностных свойств. Выборку исследования составили 156 студентов-психологов старших курсов (3–4 курсы), средний возраст 20,7 лет.

Параметры образа состояний измерялись в следующих диапазонах времени: длительного прошлого («месяц – год»); текущего прошлого («час – день»); актуального настоящего («секунды – минуты»); текущего будущего («час – день»); длительного будущего («месяц – год»). Во всех случаях испытуемым было предложено оценить интенсивность проявлений составляющих образа типичного для учебной деятельности познавательного состояния по методике «Рельеф психического состояния» [2].

В течение учебного семестра измерялись индивидуально-психологические и субъектно-личностные качества участников исследования. Были проведены следующие методики: личностный опросник Г. Айзенка (EPI); методика УСК Дж. Роттера; методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; методика многофакторного исследования личности Р. Кеттела (16 PF), методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной; тест «Смыслоразличительных ориентаций» Д. А. Леонтьева; опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой.

Обработка эмпирических результатов исследования проводилась с использованием процедуры факторного анализа в статистической программе SPSS16.0. Извлечение факторов осуществлялось методом главных компонент с последующим косогольным вращением (directoblmin).

Обратимся к полученным результатам.

При проведении опроса по методике «Рельеф психического состояния» установлено, что типичное познавательное состояние студентов в ходе учебной деятельности проявляется как комбинация переживаний спокойствие – заинтересованность – радость (55% респондентов). Рассмотрим далее взаимосвязи составляющих обобщенного образа этого типичного состояния с субъектно-личностными свойствами в зависимости от временных характеристик.

В актуальном отрезке времени.

Следует отметить, что комплексы из различных характеристик личностных свойств образуют относительно самостоятельные плеяды, не связанные с показателями образа психических состояний. Наибольшая включенность во взаимодействие характерна для показателя Q1 консерватизм/радикализм (средняя величина корреляций 0,658). Данный параметр высоко коррелирует с общей интенсивностью проявления образа состояний и взаимодействует с большинством характеристик психических процессов, переживаний, поведения и соматических реакций. Тем самым, в актуальном отрезке времени интенсивность образа состояний связана с активностью интеллектуальных процессов, критичностью мышления, стремлением осмыслить новую информацию.

Кроме того, наблюдаются тесные корреляции отдельных параметров образа состояний и показателей субъектно-личностных свойств. Так, устойчивость поведения связана с мотивом получения диплома (0,553), продуманность поведения коррелирует с эмоциональной стабильностью (фактор С по Р. Кэттелу) (0,658). Интенсивность проявления направленности переживаний и активности поведения сочетается со степенью эгоистичности и подозрительности в социальных отношениях по тесту Т. Лири (средние величины интеркорреляций 0,532). Наибольшая включенность во взаимодействие с различными личностными свойствами характерна для психического процесса речи (средняя величина корреляций 0,593). Показатель активности речевых процессов связан со смысловой направленностью на процесс (0,513) и результат (0,728) по методике СЖО; фактором Q2 конформизм/нонконформизм (0,588); регуляторно-личностными чертами гибкость (0,506) и самостоятельность (0,521) по опроснику В. И. Моросановой.

Образ типичного познавательного состояния в текущем прошлом.

Наибольшей взаимосвязью с параметрами образа состояний отличаются показатели интернальности в области межличностных отношений и здоровья (по методике Дж. Роттера). Средняя величина корреляций этих параметров с общей интенсивностью проявления образа состояний и множеством его составляющих достигает 0,671. Таким образом,

общая интенсивность образа состояний в этом случае зависит от способности студентов принимать на себя ответственность за события в сфере общения и личностного благополучия.

Среди отдельных показателей образа состояний наблюдаются взаимосвязи неуправляемости/управляемости поведения с характеристиками общей интернальности, общим уровнем саморегуляции и степенью развития метакогнитивного процесса планирования (средняя величина корреляций 0,578).

Кроме того, выделяется комплекс характеристик, состоящий из тесно связанных параметров волевых процессов, мышления, фактора Q3 низкого/высокого самоконтроля (0,536), степени авторитарности межличностных отношений по тесту Т. Лири (0,537) и уровня развития регуляторно-личностной черты гибкость (методика В. И. Моросановой).

Образ типичного познавательного состояния в длительном прошлом.

Образ типичных состояний в длительной ретроспективе отличается наиболее сильной взаимосвязью с субъектно-личностными свойствами. В системе взаимодействия включены показатели смысловой направленности на цель по методике СЖО (0,508), интернальность в сфере деятельности (0,584), общий уровень саморегуляции (0,545) и метакогнитивный процесс планирования (0,527).

Кроме того, наблюдается взаимозависимость между общей интенсивностью проявления психических процессов и отдельными личностными чертами. В частности, образуется относительно независимая плеяда, состоящая из показателей психических процессов (эмоциональные процессы, речь, воображение, мышление, представление, восприятие), фактора I жёсткость/чувствительность (0,578) и фактора L доверчивость/подозрительность (0,537).

Также параметр образа состояний неадекватность/адекватность поведения (0,546) коррелирует с показателем подчиняемости в социальных отношениях по тесту Т. Лири (0,521) и шкалой интернальности в межличностных отношениях (0,525).

Образ типичного познавательного состояния в текущем будущем.

Наибольшая включенность во взаимодействие с составляющими образа и его общей интенсивностью характерна для показателей экстраверсии (0,535), направленности на процесс по тесту СЖО (0,567), интернальности в сфере деятельности (0,516), общего уровня саморегуляции (0,555).

Среди отдельных параметров следует отметить корреляционные связи скованности/раскованности (0,611) и пассивности/активности поведения (0,509) с показателями авторитарности в сфере социальных отношений (0,546) и регуляторно-личностной чертой самостоятельность (0,626). Кроме того, психический процесс представления соотносится с мотивом получения диплома (0,538).

Образ типичного познавательного состояния в длительном будущем.

Характеризуется взаимосвязями общей интенсивности образа состояний и большинства его составляющих с ориентацией на цель (0,518) и процесс (0,622) по методике СЖО; локусом контроля «Я» (0,541); альтруистичностью социальных отношений (0,665) и общим уровнем саморегуляции (0,545).

Отличительной особенностью образа далекого будущего является взаимосвязь соматических процессов с субъектно-личностными свойствами. Например, двигательная активность коррелирует (0,524) с интернальностью в сфере деятельности (0,504) и уровнем развития процесса планирования (0,516). Показатели обмена веществ (температурные ощущения) связаны с фактором G низкая/высокая нормативность поведения (0,679) и фактором M практичность/мечтательность (0,546).

Выводы

В общем случае, ведущими субъектно-личностными свойствами во взаимодействии с образом типичных состояний выступают черты личности (радикализм, экстраверсия), интернальность (по различным шкалам), общий уровень саморегуляции, смысловая направленность, типы социальных отношений, а также уровень развития метакогнитивного процесса планирования. Специфика включенности этих параметров в структуру образа состояний зависит от локализации последнего во времени.

Существенной особенностью взаимосвязей образа типичных психических состояний и субъектно-личностных свойств является включенность параметра общего уровня саморегуляции в структуру образа вне зависимости от его временных характеристик.

Литература:

1. Прохоров А. О. Образ психического состояния // Психология психических состояний: сб. ст. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. Вып. 8. С. 6–14.
2. Прохоров А. О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во Ин-т психол. РАН, 1998.

СЕКЦИЯ 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМФОРТА
СТУДЕНТОВ ВУЗАEMOTIONAL INTELLIGENCE AS A FACTOR FOR THE EMOTIONAL COMFORT OF
HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT STUDENTS

Бердникова Ирина Александровна
Berdnikova Irina Aleksandrovna

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации Россия, г. Москва
The Academy of management of the Interior Ministry of the Russian Federation Russia, Moscow

only4irisha@mail.ru

Аннотация

Автор обращает внимание на то, что одним из условий благоприятного функционирования личности студента является его эмоциональный комфорт, обеспечение которого возможно за счет использования и развития эмоционального интеллекта. В статье представлены результаты исследования показателей эмоционального интеллекта студентов одного из московских вузов.

Ключевые слова: эмоциональный комфорт, личность студента, эмоциональный интеллект, способность, управление эмоциями, понимать эмоций.

Abstract

The author draws attention to the fact that one of the conditions for the favorable functioning of the student's personality is his emotional comfort, the provision of which is possible through the use and development of emotional intelligence. The article presents the results of a research of emotional intelligence of the students of one of the Moscow higher educational establishments.

Keywords: emotional comfort, student's personality, emotional intelligence, ability, control of emotions, to discriminate emotions.

Период обучения в вузе является значимым в становлении личности студента. В этот период идет формирование его нравственных идеалов и жизненных перспектив, определение познавательных и профессиональных интересов.

Важно отметить, что психологические параметры студенческого возраста отличаются повышенной психоэмоциональной напряженностью. Речь идет о возникающих сложностях в адаптации к новым формам образовательной деятельности, социальной среде, поведенческим паттернам, организации познавательной активности, умственным перегрузкам в связи с большими информационными потоками, меняющимися жизненными обстоятельствами [2].

Взаимодействие с внешними реалиями объективно влияет на переживания, ощущения человека, среди которых стремление к чувству комфорта занимает центральное место. Создание эмоционального комфорта для наиболее благоприятного функционирования личности студента, сопряженного со вступлением в новую социальную ситуацию развития в период вузовского обучения, возможно благодаря задействованию ресурсов эмоционального интел-

лекта. Он позволяет контролировать свои эмоции, регулировать интенсивность их проявления, справляться с эмоциональной нестабильностью. Опираясь на сформулированное в работе «Психология искусства» положение Л. С. Выготского о единстве эффекта и интеллекта [1], можно утверждать, что взаимодействие с внешним миром не может считаться эффективным без умелого регулирования своего эмоционального состояния, правильного понимания эмоций.

Зарубежные исследования актуализировали проблему значимости рационального проживания возникающих эмоций, что имело своим результатом введение в научную область знаний в 90-е годы XX века понятия «эмоциональный интеллект», а чуть позднее и его популяризацию (П. Сэловей, Дж. Мэйер, Д. Карузо, Р. Бар-Он, Д. Гоулман и др.). Создатели первой модели ЭИ американские психологи Питер Сэловей и Джон Майер определили его как

«способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях: определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений» [4, с. 189].

Показатели ЭИ важны в межличностном общении, качество которого также отражается на эмоциональном комфорте студентов. В возрастной период «поздняя юность», который приходится на студенческие годы, возрастает потребность человека в общении, идет развитие коммуникативных способностей. В общении студенты через познание себя и других овладевают опытом социальной жизни.

С целью изучения психологических особенностей ЭИ студентов мы провели исследование на базе московского вуза – Российского государственного аграрного университета – Московской сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева. Выборку составили 240 студентов первого – четвертого курсов, обучающихся на гуманитарно-педагогическом факультете, факультете агрономии и биотехнологии, а также технологическом факультете. Представленность студентов каждого направления профессиональной подготовки составила 80 человек. Возраст испытуемых варьировался от 17 до 23 лет (средний возраст 20 лет).

Диагностическим инструментом определения уровня ЭИ и его структурных компонентов стал опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д. В. Люсина, который трактует ЭИ как «способность к пониманию своих и чужих эмоций и к управлению

ими» [3]. Разработанный ученым на основе авторской модели ЭИ опросник включает шкалы, которые раскрывают эти «способности»: способность к пониманию своих и чужих эмоций, способность к управлению своими и чужими эмоциями. Соответственно в структуре этого конструкта автор выделяет внутрличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) и межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ), поскольку вышеперечисленные способности могут быть направлены как на собственные эмоции, так и эмоции других людей.

На основании ответов, характеризующих степень согласия респондентов с предложенными утверждениями, рассчитаны показатели уровня интегрального ЭИ и входящих в его структуру шкал. Результаты обработки полученной информации показывают, что уровневые показатели ЭИ студентов колеблются в границах от очень низкого уровня ЭИ (2,9%, т.е. 7 человек) до очень высокого (1,7%, т.е. 4 человека). Среди испытуемых преобладает средний уровень развития ЭИ (59,6%, т.е. 143 человека); 20% (т.е. 48 человек) приходится на студентов с высоким уровнем ЭИ. Средняя оценка параметра «ЭИ» составила 85,1 балла.

Массив полученных данных наглядно представлен на круговой диаграмме (рисунок 1).

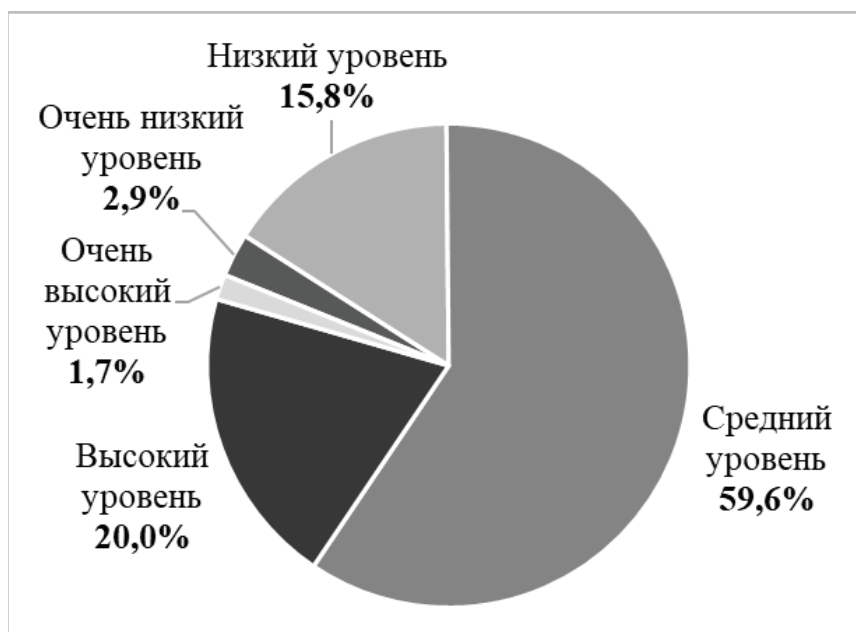

Рис. 1. Представленность уровней ЭИ, % (опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д. В. Люсина)

Анализ шкальных показателей ЭИ, относящихся к компонентам его структуры, показал, что наибольшее количество высоких показателей приходится на шкалы «понимание чужих эмоций» (средний балл 24,4), «понимание своих эмоций» (средний балл 19,0), «управление своими эмоциями» (средний балл 17,1). Наиболее проблемным параметром ЭИ студентов оказалось «управление чужими эмоциями». У 13,5% испытуемых эта способность соответ-

ствует очень низкому уровню, 25,78% испытуемых имеют низкий уровень ее развития. Наибольшее количество средних показателей диагностировано по шкале «контроль экспрессии» (данные относятся к 67,05% испытуемых). В целом мы отмечаем, что у студентов лучше развит ВЭИ по сравнению с МЭИ.

Уровневые показатели по шкалам ЭИ, а также графическое изображение их средних значений представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Представленность ЭИ по шкалам, %, ср. знач.
(опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д. В. Люсина)

Современное общество волнует качество профессиональной подготовки студентов в период обучения в вузе. В определенной степени оно зависит и от их эмоционального комфорта. Мы полагаем, что изучение показателей ЭИ студентов важно, так как уровень их развития является индикатором и одно-

временно инструментом создания психоэмоционального комфорта, также фактором, способствующим гармоничному взаимодействию с окружающей средой и целенаправленному развитию личности молодого человека.

Литература:

1. Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Искусства. – 1968.
2. Комарова О. Н. Исследование психологического здоровья студентов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы, материалы X между. Научно-практической конференции. – М.: РУДН, – 2017. – Ч. 2. – С. 66–70.
3. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник “ЭМИн” // Психологическая диагностика. – 2006. – №4. – С. 3–22.
4. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality. – 1990. – V. 9. – P. 185–211.

УДК 159.9.01

ВАК 19.00.01

САНОГЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА БЫТИЯ

SANOGENIC REFLECTION AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF THE SUBJECT OF BEING

Двоеглазова Маргарита Юрьевна

Dvoeglazova Margarita Yurievna

ГАПОУ МО «Мурманский педагогический колледж», Россия, Мурманск

GAPOU MO «Murmansk Pedagogical College», Russia, Murmansk

mu_dvoeglazova@mail.ru

Аннотация

В статье обобщены результаты исследований научной школы Ю. М. Орлова, С. Н. Морозюк проблемы влияния саногенной рефлексии на социально-психологическое и психофизическое состояние субъекта бытия. Охарактеризовано значение саногенной рефлексии в жизнедеятельности человека в изменяющихся социально-культурных условиях.

Ключевые слова: рефлексия, саногенная рефлексия, саногенное мышление, патогенное мышление, субъект бытия.

Abstract

The article summarizes the research results of the scientific school of Yu. M. Orlova, S. N. Morozyuk problems of the influence of sanogenic reflection on the socio-psychological and psychophysical state of the subject of being. The importance of sanogenic reflection in human life in changing socio-cultural conditions is characterized.

Keywords: reflection, sanogenic reflection, sanogenic thinking, pathogenic thinking, subject of being.

В конце XX в. Ю. М. Орловым, основоположником теории саногенного мышления, основанной на теории условно-рефлекторной деятельности И. П. Павлова, теории функциональных систем П. К. Анохина, теории установки Д. Н. Узнадзе, было не только сформулировано положение о том, что саногенное мышление развивается с помощью саногенной рефлексии, но и первое определение данного вида рефлексии. Согласно Ю. М. Орлову саногенная рефлексия – «умственные акты различного уровня организации, возникающие в ответ на неопределенность ситуации и ведущие к определению ситуации и выбору оптимального решения» [2, с. 1]. Саногенное мышление будучи, согласно Ю. М. Орлову, видом мышления осуществляет интроспекцию с последующим осознанием мыслительных процессов, мыслительных автоматизмов, лежащих в основе психических состояний, замену патогенных установок на саногенные. Саногенное мышление противоположно патогенному, актуализирующему в проблемно-конфликтной ситуации патогенные психологические защиты и негативные эмоции, насильственное поведение, основанное на ролевых ожиданиях, стереотипах, стремлении к мести [3].

Нивелирование патогенных эмоций, дестабилизирующих поведение человека в эмоциогенных ситуациях осуществляется посредством саногенной рефлексии выявляющей и анализирующей автоматизмы мышления, защитную рефлексию и психологические защиты для разработки оптимального решения проблем, обусловивших возникновение эмоциогенных ситуаций. Саногенная рефлексия, по мнению Ю. М. Орлова, будучи конструктивной личностной рефлексией определяет устойчивость личности к неблагоприятным воздействиям внешней среды.

На теории и практике обучения саногенному мышлению и развития саногенной рефлексии Ю. М. Орлова основано исследование Н. Ю. Стоюхиной [Стоюхина, 1999], экспериментально доказавшей воздействие саногенной рефлексии на трансформацию мотивационно-потребностной сферы личности.

Изучение специфики саногенной рефлексии было продолжено С. Н. Морозюк [2], эмпирическим путем выявившей влияние саногенной рефлексии на снижение степени выраженности акцентуаций характера студентов. С. М. Морозюк трактуя характер с позиций системного подхода (Л. И. Анциферова, Л. фон Борталанди, И. В. Блауберг, Б. Ф. Ломов, В. Н. Пушкин, В. Н. Садовский, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин, Б. Г. Юдин) как: 1) систему типологизи-

рованных форм поведения, формирующуюся в онтогенезе под воздействием ближайшего социального окружения, направленных на стабилизацию психофизических состояний в стрессогенной обстановке, устойчивость личности к неблагоприятным влияниям внешней и внутренней среды; 2) устойчивую форму отношений и поведения личности в обществе [1]; 3) систему «стереотипизированных программ поведения» [1, с. 109] – определила черту характера как нормативный аспект поведения, обосновала идею противоположности функций, реализуемых характером и рефлексией как элементами динамической системы. Основной функцией характера, по мнению С. Н. Морозюк, является сохранение системы, а рефлексии – изменение системы. Соответственно, характер обеспечивает стабилизацию системы, а рефлексия – ее развитие в трансформирующихся условиях предметно-социальной действительности, результатом которого является достижение индивидуальности. Только с помощью интроспекции и саногенной рефлексии как сознательной деятельности личности, объектом которой являются мысли и образы памяти можно нивелировать акцентуации характера.

С. М. Морозюк не только конкретизировала интерпретацию понятия характера, акцентуации характера, но и эмпирическим путем доказала на основе анализа результатов исследования большой выборки испытуемых, что оптимизация черт характера через обучение саногенному мышлению, являющемуся средством развития саногенной рефлексии, обуславливает повышение эффективности учебной деятельности и удовлетворенности ею; разработала и экспериментально верифицировала этапы развития саногенной рефлексии: осознание смысловой и целевой установки, формирование потребности в саногенной рефлексии, формирование саногенной рефлексии на предметно-операционном уровне.

Разработка теории саногенного мышления и саногенной рефлексии была продолжена в начале XXI в. в исследованиях Л. И. Адамян, Л. А. Кананчук, Ю. Н. Крайновой, В. В. Лысенко, В. Н. Опариной, Н. В. Павлюченко, А. Л. Рудакова, Т. О. Смолевой.

Л. И. Адамян [Адамян, 2012] интерпретирует саногенную рефлексию как механизм развития психологической устойчивости личности в объективно и субъективно сложной для нее проблемной ситуации, как механизм саморегуляции актуализирующийся в проблемной ситуации, проявляющийся в выходе за пределы обыденного сознания с целью объективации умственных автоматизмов, являющихся причиной негативных переживаний.

Ю. Н. Крайновой [Крайнова, 2010] исследованы возможности саногенной рефлексии как детерминанты развития эмоциональной компетентности студентов. Л. А. Кананчук [Кананчук, 2010] экспериментально доказала зависимость адаптации студентов к полиэтнической среде вуза от уровня развития саногенной рефлексии, взаимосвязь низкого уровня адаптации к полиэтнической среде вуза с высоким уровнем защитной рефлексии. В. В. Лысенко [Лысенко, 2002] изучила влияние саногенной рефлексии на: 1) снижение степени выраженности защитной рефлексии при репродукции обиды и неудачи, 2) избегание решения проблемной ситуации, 3) агрессию против других, аутоагрессию; 4) оптимизацию стиля саморегуляции через усиление потребности в достижении; 5) увеличение уровня субъективного контроля как в эмоционально положительных, так и эмоционально отрицательных ситуациях; 6) принятие ответственности на себя за произошедшее и 7) стремление к нахождению конструктивного выхода из произошедшего. В. Н. Опарина [Опарина, 2008] при помощи формирующего эксперимента доказала влияние эвристического диалога в процессе самостоятельного изучения студентами теории и практики саногенной рефлексии на уровень ее развития. Н. В. Павлюченко [Павлюченко, 2008] выявила влияние саногенной рефлексии на саморегуляцию эмоциональных состояний, поведения, оптимизацию эмпатии, выработку навыков социально приемлемой экспрессивности. А. Л. Рудаковым [Рудаков, 2009] теоретически обосновано и эмпирически доказано

усиление мотивации достижения, стрессоустойчивости, экстернального локуса контроля, снижение уровня защитной рефлексии и психической напряженности в эмоциональных ситуациях под влиянием развития саногенной рефлексии.

В научных исследованиях Л. И. Адамян, Л. А. Кананчук, Ю. Н. Крайновой, В. В. Лысенко, В. Н. Опариной, Н. В. Павлюченко, А. Л. Рудакова, Т. О. Смолевой осуществлено развитие теоретических идей о саногенной рефлексии и саногенном мышлении, сформулированных в работах Ю. М. Орлова, С. Н. Морозюк. Во-первых, уточнено определение понятия саногенной рефлексии – механизм осознания личностью неконструктивных стратегий мышления и умственных автоматизмов, актуализирующихся в эмоциональной ситуации для нивелирования патогенных эмоций и выбора конструктивных программ поведения; во-вторых, теоретически обосновано и эмпирически доказано влияние уровня развития саногенной рефлексии на адаптацию студентов к полиэтнической среде вуза, стрессоустойчивость, психологическую устойчивость, эмоциональную компетентность личности; в-третьих, установлено влияние саногенной рефлексии как когнитивного механизма на конструктивное разрешение противоречий, инициирующих возникновение эмоциональных ситуаций и механизмов психологических защит, лишь на незначительный промежуток времени снижающей степень выраженности переживаемых человеком негативных эмоций; в-четвертых, разработаны методы и методики развития саногенной рефлексии.

Литература:

1. Морозюк С.Н. Акцентуации характера и саногенная рефлексия. М., 2000.
2. Морозюк С.Н. Саногенная рефлексия, акцентуации характера и эффективность учебной деятельности: монография. М, 2004.
3. Орлов Ю.М. Саногенное и патогенное мышление. М.: Импринт-Гольфстрим, 1997. 36 с

УДК 159.922

**СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ СПЕЦИАЛИСТОВ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ****SPECIFICS OF PROFESSIONAL AND PERSONAL RESOURCES OF INCLUSIVE EDUCATION
SPECIALISTS***Адеева Татьяна Николаевна, Тихонова Инна Викторовна, Плюснина Анна Александровна**Adeeva Tatyana Nikolaevna, Tikhonova Inna Viktorovna, Plyusnina Anna Alexandrovna**Костромской государственной университет, Кострома, Россия**Kostroma State University, Kostroma, Russia**inn.007@mail.ru, adeeva.tanya@rambler.ru, plyusnina-anyuta2015@yandex.ru*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-013-00435 А «Ментальные ресурсы субъекта при типичном и атипичном развитии: феноменология, динамика, факторы и механизмы формирования в онтогенезе»

Аннотация

В статье представлены результаты пилотажного исследования ментальных и личностных ресурсов специалистов, осуществляющих сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья. Выборка исследования включала 25 респондентов: тьюторов, психологов, педагогов, дефектологов. Полученные данные выявили восприятие как ресурсных для профессиональной деятельности таких способностей как использование социальной поддержки и когнитивная переработка трудной ситуации. Но индивидуально сформированными в исследуемой выборке являются направленность на себя, контроль напряжения и структурирование.

Ключевые слова: личностные ресурсы, ментальные ресурсы, профессиональные трудности, педагоги и психологи инклюзивного образования.

Abstract

A study of mental and personal resources of specialists who provide support for children with disabilities was conducted. The results of the research are presented in the article. The sample consisted of 25 participants: tutors, psychologists, teachers, and defectologists. Respondents perceive the ability to use social support, analysis and structuring of information as a resource for professional activity. Self-orientation, stress control, and structuring are the individual resources of the respondents.

Keywords: personal resources, mental resources, professional difficulties, teachers and psychology of inclusive education.

Педагогическая деятельность по праву может быть охарактеризована как достаточно напряженный и энергозатратный вид профессиональной деятельности. Изменение системы образования, внедрение инклюзии связано с возникновением новых профессиональных трудностей специалистов. Традиционно среди них выделяют объективные трудности: организационные, материальные, методические и другие. Существуют и субъективные трудности, связанные, как с личностными качествами, так и с наличием опыта, истощением ресурсов специалистов [3]. Наличие объективных и субъективных трудностей приводит к необходимости поиска путей их преодоления, определения ресурсов, способствующих эффективному решению профессиональных задач.

Под индивидуальными психологическими ресурсами традиционно подразумеваются физиологические и психологические свойства субъекта, которые могут быть накоплены и «потрачены» в моменты стресса и сложных жизненных ситуа-

ций для совладания с ними. В данном исследовании мы опираемся на концепцию ментальных ресурсов С. А. Хазовой, согласно которой «в качестве ресурса могут выступать и черты, и способности при условии, что в результате концептуализации опыта они оцениваются как полезные, дающие преимущества, как источник дополнительных сил» [4]. В исследованиях, посвященных проблеме успешности решения профессиональных задач, выделяется ряд важных характеристик личности. Подчеркивается значимость системы мотивов, способности к целеполаганию, достаточность уровня саморегуляции и общего уровня рефлексии. Определяющая роль отводится уровню социального интеллекта, способности к прогнозированию поведения своего и окружающих [2]. Совладание с организационным конфликтом коррелирует с такими параметрами как временная перспектива, жизнестойкость, самооффективность. Контроль, вовлеченность, а также направленность на позитивные аспекты прошлого опыта связаны

с выбором адаптивных стратегий решения профессионального конфликта [5]. Отдельным аспектом анализа проблемы ресурсов профессиональной деятельности является вопрос преодоления личностных деформаций и сохранения здоровья специалистов инклюзивного образования. Сохранению ресурсного состояния будет способствовать «формирование культуры здоровья» педагогов. Данный феномен включает освоение компетенций, связанных с профессиональными знаниями и умениями на основе гуманистического подхода, а также мероприятия, направленные на развитие сбалансированной, гармоничной личности [1].

Нами было проведено изучение ресурсов специалистов инклюзивной практики и в данной публикации представляются результаты пилотажного исследования. Выборка включала 25 специалистов, являющихся частью команды осуществляющих инклюзивное обучение школьников и дошкольников с ОВЗ (тьюторы, учителя, дефектологи, психологи). Среди них стаж работы с детьми с ОВЗ до 5 лет имеют 14 человек, более пяти лет – 11 человек. В исследовании использованы: авторская анкета «Исследование психологических трудностей и ресурсов специалистов инклюзивного образования» (А. А. Плюснина, И. В. Тихонова), опросник оценки ресурсов совладания со стрессом – CRIS (разработан К. Б. Матени, адаптирован А. В. Махначом и Ю. В. Постыляковой).

Было выявлено, что 28% опрошиваемых считают свою профессиональную деятельность трудной, 72% отмечают трудности только в некоторых аспектах. Тревожные ожидания, связанные с работой, возникают лишь у 20% испытуемых. Данные резуль-

таты указывают на восприятие своей профессиональной деятельности как умеренно стрессогенной, стимулирующей, но не вызывающей хронического напряжения. Ответы на анкету были категорированы в соответствии с типами ресурсов личности. Было выявлено, что большая часть ментальных ресурсов, активизирующихся в ситуации профессиональных стрессов, является социально-ориентированными – специалисты отмечают, что они успешно используют поддержку коллег, друзей, семьи; умеют слушать, делиться эмоциями, получать поддержку. На втором по активности использования месте находятся когнитивные ресурсы – специалисты анализируют информацию, структурируют ее и обращаются к прошлому опыту. Редко используют индивидуальные ресурсы (уход в себя, тайм-аут) и физические ресурсы (активность, спорт, релаксация и пр.). Однако, при наличии стрессов в личной жизни респонденты используют ресурсы в обратной иерархии – чаще физические и индивидуальные (результаты получены по той же опросной методике).

В связи с тем, что показатели нормирования на российской выборке по опроснику ресурсов совладания со стрессом (CRIS) отсутствуют, для оценки полученных значений мы использовали несколько приемов.

Во-первых, нами была подсчитана наполненность шкалы у каждого испытуемого (процент полученных показателей по отношению к максимально возможному) и вычислено среднее значение в выборке. Это дает возможность оценить профиль ресурсов в выборке с помощью сравнения шкал между собой (Рисунок 1).

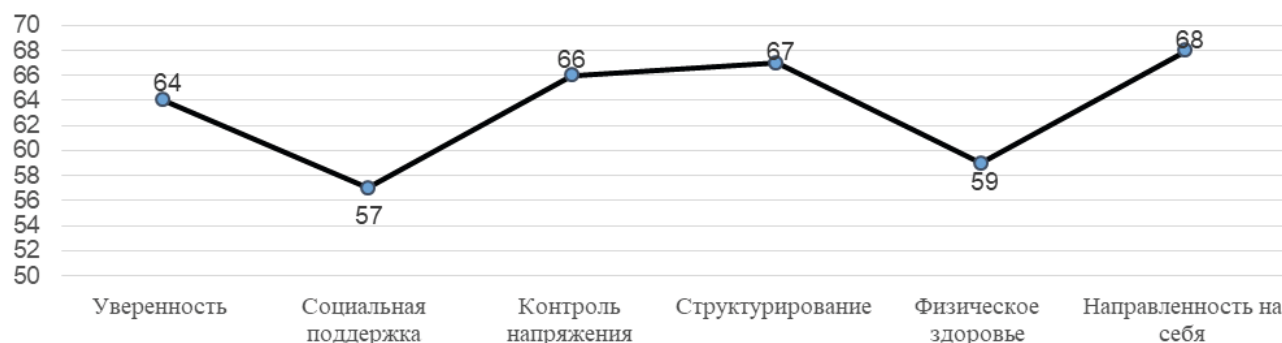

Рис. 1. Профиль выраженности ресурсов совладания со стрессом в группе специалистов инклюзивного образования

Как показывают результаты, наиболее выраженными ресурсами у специалистов осуществляющих сопровождение детей с ОВЗ являются направленность на себя, структурирование и контроль напряжения. Респонденты декларируют возможность в трудных ситуациях выражать собственное мнение, быть независимыми, отстаивать свои права. Так же многие специалисты указывают на обладание способностями планировать, управлять своими ресурсами (временем,

энергией). В трудных ситуациях наши респонденты способны использовать контроль над состоянием, то есть применять приемы расслабления, переключения мыслей. В меньшей степени специалисты используют ресурсы социальной поддержки и в ситуациях, оцениваемых как стрессовые, прибегают к обмену социальными поощрениями в последнюю очередь. Физические ресурсы не являются напряженными в группе специалистов, но выражены относительно невысоко.

Для оценки однородности выборки по показателям ресурсов мы попытались определить нормативные для нее значения и процент испытуемых, не соответствующих данным нормам. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели ресурсов совладания со стрессом в исследуемой группе (n=25)

Шкалы	Среднее	Стандартное отклонение	% испытуемых с низкими значениями	% испытуемых с высокими значениями
Уверенность	22,8	2,50	16	12
Социальная поддержка	27,4	3,63	12	16
Контроль напряжения	52,36	5,71	16	4
Структурирование	21,48	1,83	8	12
Физическое здоровье	21,28	3,48	24	24
Направленность на себя	29,96	3,49	12	12

Можно отметить, что выборка в целом достаточно однородна по уровню таких личностных ресурсов как способность к контролю напряжения, планирование, умение отстаивать свои интересы. Однако, показатели физического здоровья, уверенности и социальной поддержки очевидно разнородны в группе респондентов – для одних они являются поддержкой в стрессе, для других нет.

Таким образом, можно говорить, что актив-

ность ресурсов в профессиональной деятельности и личной жизни разнятся. При наличии профессиональных стрессов специалисты инклюзивного образования используют социально-ориентированные и когнитивные ресурсы. В то время как к наиболее характерным для их личности можно отнести направленность на себя, структурирование и контроль напряжения, а социальные и физические ресурсы оцениваются ими как наименее активные.

Литература:

1. Куцеева Е. Л. Культура здоровья учителя инклюзивной школы. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – № 5/3. – С. 91–95.
2. Литвинова Н. Ю. Психологические ресурсы совладающего поведения в жизнедеятельности человека: монография. Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: ИздвоВлГУ, 2015. – 88 с.
3. Тихонова И. В. Психологическое сопровождение школьников с ограниченными возможностями здоровья: потребности участников инклюзивного образовательного процесса / И. В. Тихонова, Н. С. Шипова, Т. Н. Адеева, Е. А. Иванова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – № 4. – С. 184–190.
4. Хазова С. А. Ресурсы субъекта: теория и практика исследования. / С. А. Хазова, Е. А. Дорьева. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – 230 с.
5. Хачатурова М. Р. Личностные ресурсы совладания с организационным конфликтом // Организационная психология. – 2012. – Т. 2. – № 3. – С. 16–31.

УДК 159.999

СЛУЖЕНИЕ КАК ЗВЕНО БЕССМЕРТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В.М. БЕХТЕРЕВА

SERVICING AS PART OF IMMORTALITY OF THE HUMAN PERSONALITY IN THE V.M. BEKHTEREV'S PSYCHOLOGY

*Барыкина Анастасия Ивановна
Barykina Anastasiia Ivanovna*

ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», Россия, Нижний Новгород
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russian Federation, Nizhni Novgorod
aicher2466@gmail.com

Аннотация

В труде «Бессмертие человеческой личности как научная проблема» великий российский ученый невролог и психиатр В.М. Бехтерев поднимает вопросы о социальном бессмертии человеческой личности. Делается заключение о том, что наряду с вечными высшими человеческими ценностями служение можно рассматривать как звено бессмертия человеческой личности, частицу «мировой энергии» в энергетическом учении В.М. Бехтерева в применении к нервно-психической деятельности личности.

Ключевые слова: служение, бессмертие, личность, мировая энергия, В.М. Бехтерев.

Abstract

V. M. Bekhterev is a great Russian scientist neurologist and psychiatrist. In his work "Immortality of the human personality as a scientific problem", he asks questions about the social immortality of the human personality. It is concluded that along with the higher human values, servicing can be considered as part of the immortality of the human personality, part of the "world energy" in V. M. Bekhterev's energy teaching.

Keywords: servicing, immortality, personality, world energy, V. M. Bekhterev.

Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) – один из ведущих деятелей российской гуманитарной, медицинской и психологической науки, авторитетный невролог и психиатр, общественный деятель, организатор, он отвечал за создание широкой сети научно-исследовательских институтов и лабораторий, клиник и высших учебных заведений, журналов и обществ, помогая собрать в них армию исследователей, преподавателей и клиницистов по ряду специальностей. Одним из значительных вкладов в отечественную науку стала организованная им первая психофизиологическая лаборатория в Казанском университете, журнал «Неврологический вестник», объединившие интересы ученых, врачей различных специальностей, физиологов, психологов, студентов. За время работы лаборатории и в своих капитальных научных трудах учёный не только развил и расширил возможности психофизиологии и неврологии, в чём стал всемирно признанным крупным авторитетом, но в большей степени заложил методологическую базу отечественной психологии, отличительными чертами которой стали целостный подход к исследованию сознания, комплексность научного исследования, личностное опосредование психических процессов, многоплановый подход к изучению человеческой жизни, единство теории, эксперимента и практики [3; 4].

Научная точка зрения В.М. Бехтерева на бессмертие человеческой личности

В своей речи «Бессмертие человеческой личности как научная проблема», сказанной на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 г. в Петрограде и первоначально напечатанной в «Вестнике Знания», В.М. Бехтерев поднимает вопросы о вечности и бессмертии человеческой личности с научной точки зрения [2]. При этом необходимо подчеркнуть, что ученый говорит «не о бессмертии индивидуальной человеческой личности в ее целом, которая при наступившей смерти прекращает свое существование как личность, как особь, как индивид, (...) а о социальном бессмертии ввиду неуничтожаемости той нервно-психической энергии, которая составляет основу человеческой личности» [2, с. 238].

Ученый, вопрошая, задает публике философские «вечные вопросы»: «Ведь если бы наша умственная или духовная жизнь кончалась вместе с тем, как велением рока обрывается биение сердца, если бы мы превращались вместе со смертью в ничто, в безжизненную материю», (...) «чего стоила бы сама жизнь?», «к чему наши заботы о будущем?», «к чему мне заботиться о других, когда все – и я, и они перейдут в "ничто" и когда вместе с этим "ничто" устраняется вполне естественно и всякая моральная ответ-

ственность», «если жизнь кончается ничем в смысле духовном, кто может ценить эту жизнь со всеми ее волнениями и тревогами?». «Ведь если нет бессмертия, то в жизни нет и морали, и тогда выступает роковое: "все дозволено!"». «Вот почему человеческий ум не мирится с мыслью о полной смерти человека за пределами его земной жизни» [2, с. 225–226].

Служение как звено бессмертия человеческой личности

Великий ученый В. М. Бехтерев считал, что «народный эпос и религиозное умозрение как бы предрекают то, что должно быть предметом внимания науки и что до позднейшего времени оставалось вне ее поля зрения» [2, с. 226], а именно те составляющие, что делают душу человека социально «бессмертной»: «Возвышение "духа" над телом, любовь к ближнему, непротivление злу насилем и самопожертвование ради торжества истины и ради общего блага» [2, с. 227]. Сказанные более века назад, эти слова остаются актуальными и сегодня. Одним из воплощений высших устремлений человека, его акме, является, на наш взгляд, служение.

Как явление, феномен и категория, служение в большей степени является предметом исследования в религиоведении, философии, истории в контексте традиций отечественной благотворительности и практики социального служения и совершенно не исследован психологической наукой [5].

Теоретический анализ научных исследований по проблеме выявил, что в русском языке и российской литературе понятие служение используется в нескольких аспектах: в повседневном употреблении; в нормативно-правовом значении; в религиозном контексте; в социальном аспекте. Объектами служения в зависимости от ценностей, смыслов, мотивов личности, могут быть: служение Богу (религии); служение идее, мечте, делу, долгу, служение людям, служение стране (Отечеству, Родине), служение профессии и др.

Исследование содержания понятия «служение» выявило его особое смысловое значение в российской истории и культуре. Психологическое содержание феномена служения отражает идеологию помогающего поведения, закрепленного в общественном сознании, духовно-нравственную направленность субъекта служения. На основании наших авторских исследований, под служением в психологии труда и психологии развития мы понимаем добровольную деятельность, обусловленную эмоционально-ценностным преданным отношением человека по отношению к объекту служения, при котором он ощущает себя ответственным добросовестно выполнять любую взятую на себя работу в любых условиях.

В наше время термин «служение» устарел, стал непопулярным, даже в словарях он помечается как «устар.» то есть устаревший. Ведь с утратой явлений человеческой жизни, уходят из лексикона народов

и соответствующие термины. В этом контексте потрясает бесконечный гуманизм В. М. Бехтерева, верящегого век назад в человека и в «бессмертие» и величие его личности: «человек не только способен к совершенствованию, но он и не может не совершенствоваться, находясь в условиях окружающей его среды»; «Каждый миг его жизни есть только ступень для поднятия вверх к высшим формам проявления индивидуальности – вот основной закон нормального развития человеческой жизни»; «Таким образом, мы можем сказать, что жизнь, согласованная с социальностью, есть совершенствование, а следовательно, и добро» [2, с. 250].

Размышления о вечном и бессмертии души неотделимы у В. М. Бехтерева от мыслей о смерти. По словам Мориса Метерлинка, лауреата Нобелевской премии по литературе за 1911 год, написавшего в газете «LeFigaro» в начале 1900-х годов: «Страх смерти – это просто боязнь неизвестности, в которую она нас повергает». В. М. Бехтерев, творчески дискутируя с драматургом, говорит, что человек «должен не страшиться самой смерти, как вечного сна, а лишь жалеть о том, что он не все совершил, что мог сделать для общего блага, и утешаться мыслью о сделанном. Но именно и нужно, чтоб было чем утешаться перед расставанием с жизнью. А у многих ли есть это утешение общепольности проведенной жизни, что не может не нарушать спокойствия духа перед наступающей смертью? Те, кто умирают при сознании, что они служили правому делу, смерти не боятся» [2, с. 247]. Нельзя не согласиться с В. М. Бехтеревым, что следование делу служения, обогащает, возвышает личность.

Называя в качестве иллюстрации мировой энергии такие выдающиеся творения человеческого ума как произведения Сервантеса и Шекспира, В. М. Бехтерев приводит в пример образцы служения их героев: «В лице Дон-Кихота (...) проявлялось безграничное служение идеалу»; «король Лир поднимается до ступеней высшей справедливости и высшего служения долгу, когда он восклицает: "Нет в мире виноватых! Нет, я знаю, я заступаюсь за всех!"» [2, с. 243].

В. М. Бехтерев большое внимание уделял духовной культуре личности и народов. Служение как культурно-историческая черта русского народа, по нашему мнению, и используя терминологию В. М. Бехтерева, это «достигнутый народом духовный прогресс, который возводит дикаря на степень цивилизованного человека, не исчезает и не утрачивается, а, накапливаясь из поколения в поколение, приводит к совершенствованию человеческой личности и тем самым дает дальнейший толчок развивающейся духовной человеческой культуре. Материальные блага гибнут, но духовная культура человека остается (...)» [2, с. 239].

Таким образом, наряду с вечными высшими человеческими ценностями [1, с. 932], мы рассматри-

ваем служение как звено бессмертия человеческой личности, частицу «мировой энергии» в энергетическом учении В.М. Бехтерева в применении к нервно-психической деятельности личности: «мировая энергия (...) дает начало высоким моральным достижениям человеческой личности. Когда вся она отдается на бескорыстное служение другим (...), мы признаем ее достойной обожествления ввиду приближения ее к высшему моральному идеалу, именуемому Богом» [2, с. 251]. «Отсюда мы имеем основание

говорить о том, что "духовная" личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно и таким образом каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались во время ее жизни, и (...) живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле» [2, с. 236].

Литература:

1. Алишев Б.С. Изменения в структуре ценностей студенческой молодёжи в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 158. № 4. – С. 929–940.
2. Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности: в 2 т. – СПб: Алетейя. – Т. 1: Психика и жизнь. – 1999. – 255 с.
3. Попов Л.М. Человечность как субъектная составляющая объективной психологии В.М. Бехтерева // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 3 (45). – С. 30–35.
4. Прохоров А.О. Исследования психических состояний в Казанском университете: этапы становления // Психология состояний: сборник материалов юбилейной Международной школы. – 2016. – С. 5–13.
5. Barykina A., Shutova N. The motive of service as a determinant of the psychological stability of the medical worker: statement of the problem // KnE Life Sciences. – 2018. – s.l. – P. 119–133. doi: 10.18502/cls.v4i8

УДК 159.922.8

ВОСПРИЯТИЕ БОЛЕЗНИ ПОДРОСТКАМИ И ИХ МАТЕРЯМИ И РОЛЬ КОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

PERCEPTION OF THE ILLNESS BY ADOLESCENTS AND THEIR MOTHERS AND THE ROLE OF COGNITIVE REGULATION

*Виленская Галина Альфредовна
Vilenskaya Galina Alfredovna*

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии
Российской Академии наук
Federal state budgetary institution of science Institute of Psychology Russian Academy of sciences
vga2001@mail.ru*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта 18-00-00393 К (18-00-00049)*

Аннотация

Изучались возможные когнитивные ресурсы преодоления стресса у подростков, подвергшихся хирургической операции по поводу доброкачественной опухоли опорно-двигательного аппарата. Рассмотрены связи представления подростков и их матерей о болезни и исполнительных функций подростков. Обнаружено, что более импульсивные дети чаще связывают болезнь с одиночеством, а их матери – с виной; более ригидные подростки и их матери – со страхом.

Ключевые слова: исполнительные функции, представления о болезни, подростки, операция, матери, импульсивность

Abstract

The aim of this paper is to study possible cognitive resources for coping with stress in adolescents who underwent surgery for a benign tumor of the musculoskeletal system. We considered the relations of the illness representations in adolescents and their mothers and executive functions of adolescents. Impulsive children associated the illness with loneliness more often, and their mothers with – guilt; rigid teenagers and their mothers – with fear.

Keywords: executive functions, representation of illness, adolescents, surgery, mothers, impulsivity.

Столкновение с необходимостью оперативного вмешательства представляет собой серьезное испытание не только для подростка, но и для всей семьи. Мать, как наиболее близкий ребенку человек, в большой степени вовлечена в совладание с болезнью, и ее переживания, ее восприятие болезни, как непосредственное, так и отражаемое ребенком, влияют на представление подростка о болезни [3].

В восприятии болезни подростками отмечаются как значительные эмоциональные реакции (грусть, тоска, жалость к себе) [1], так и более аналитический подход к своему состоянию, когда подросток фокусируется на специфике, интенсивности, длительности ощущений, отрицая при этом какие-либо эмоциональные переживания, связанные с болезнью [2]. Однако при этом болезнь может восприниматься как остановка, стагнация, хотя подростки считают, что болезнь не влияет на значимые сферы их жизни [1].

Представляют большой интерес возможные ресурсы преодоления трудной ситуации подростками.

Целью нашей работы было выявление когнитивных ресурсов подростков, имеющих соматическое заболевание (доброкачественная опухоль опорно-двигательной системы), и перенесших операцию по этому поводу.

В качестве когнитивных ресурсов мы рассматривали исполнительные функции (ИФ) – метакогнитивные функции, регулирующие когнитивную деятельность и поведение в целом. ИФ играют важную роль в адаптации человека к социуму и могут являться ресурсом для совладания с трудными жизненными ситуациями (см., напр., [4]).

В то же время распространенными осложнениями, сопровождающими хирургическую операцию и анестезию, являются различные когнитивные нарушения. Они объединяются общим термином «послеоперационная когнитивная дисфункция» (ПОКД) и могут включать нарушения памяти, внимания, речи, мышления. ПОКД, условия ее возникновения, характер протекания, провоцирующие факторы, способы реабилитации после нее в последние годы активно исследуются.

Выявление характера оценок болезни матерью, особенности ее позиции по отношению к ситуации заболевания позволит оптимизировать психологиче-

ское состояние и матери, и ребенка, снизить уровень его стресса по поводу операции и предстоящего реабилитационного периода.

Мы предположили, что исполнительные функции позволяют снизить тревожность и способствуют более благополучному эмоциональному состоянию; этот эффект будет сильнее выражен после операции, что будет выражаться в большем числе корреляций между ИФ и ассоциациями; психологическое состояние матерей также может быть связано с когнитивной регуляцией детей.

В исследовании принимали участие подростки, проходившие лечение в НМИЦ ТО им. Н. Н. Приорова по поводу удаления доброкачественных опухолей опорно-двигательного аппарата, и их матери. И для подростков, и для их матерей это был первый опыт хирургической операции.

Для изучения представлений матери и ребенка о болезни коллективом участников комплексного проекта были созданы специальные анкеты. Анкета представляла собой перечень дескрипторов, имеющих отношение к болезни, соответствие каждого из них представлениям респондента оценивалось по 5-балльной шкале (от 0 до 4). Из анкет нами были выбраны несколько дескрипторов, описывающих, во-первых, сходные состояния у матери и ребенка, во-вторых, описывающие максимально негативные представления о болезни (боль, страх, неизвестность\неопределенность, страх, тревога\беспокойство). Также были взяты несколько негативных дескрипторов, специфичных для каждой группы (для подростков – зависимость, одиночество, для матерей – гнев, вина, стыд).

Для оценки исполнительных функций ребенка нами применялись следующие методики: повторение числового ряда в обратном порядке (рабочая память); тест Струпа (импульсивность); методика сортировки Когана (внимание и когнитивная гибкость).

Были обследованы 44 диады «мать-подросток» до и после операции по поводу удаления доброкачественной опухоли. Возраст детей составлял 12–17 лет (27 мальчиков, 17 девочек), возраст матерей 33–51 год. Выраженность представлений подростков и их матерей по выделенным параметрам оказалась довольно схожей (рис. 1 и 2).

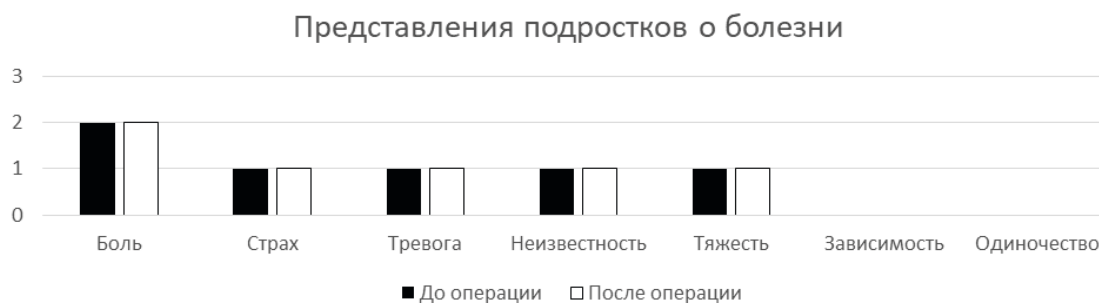

Рис. 1. Представления подростков о болезни до и после операции (медианы)

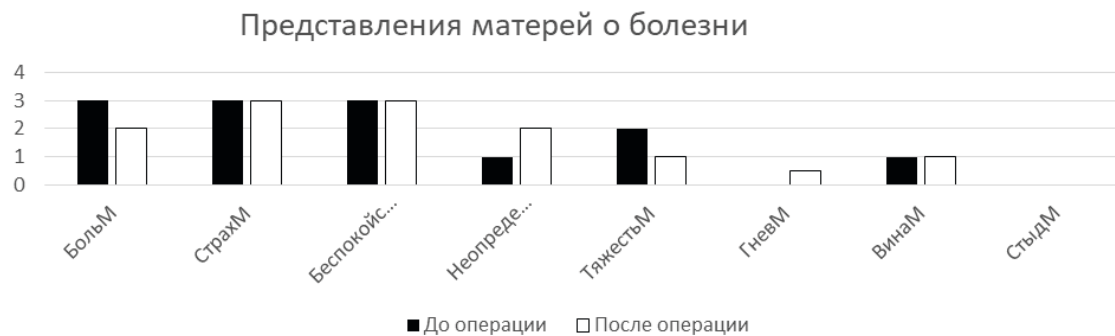

Рис. 2. Представления матерей о болезни до и после операции (медианы)

В качестве наиболее тесной ассоциации с болезнью и у подростков, и у матерей выделяется боль. В то же время у матерей больше, чем у подростков, выражены страх и беспокойство ($T=115,0$, $p=0,006$ и $T=144,5$, $p=0,001$ по критерию Вилкоксона).

Различия в показателях до и после операции незначимы в обеих группах, однако тенденция согласуется с ранее полученными результатами, свидетельствующими о повышении и увеличении вариативности эмоциональных оценок болезни матерями [3].

Дети, сильнее ассоциирующие болезнь с одиночеством, менее импульсивны ($r = -0,40$, $p=0,009$), а дети, ассоциирующие болезнь с зависимостью и страхом, имеют меньшую когнитивную гибкость ($r=0,32$, $p=0,035$, $r=0,31$, $p=0,04$ соответственно). При этом дети, ассоциирующие болезнь с тяжестью, меньше ошибаются при распределении внимания на несколько признаков (задача Когана, серия 4, $r = -0,32$, $p=0,035$).

После операции прослеживается только связь импульсивности (количество ошибок в серии 3 теста Струпа) с ассоциацией болезни с зависимостью ($r=0,48$, $p=0,005$) и одиночеством ($r=0,51$, $p=0,002$).

Можно отметить, что связь импульсивности и ассоциации болезни с одиночеством прослеживаются и до, и после операции. Возможно, таким детям сложнее перестроить свое поведение в связи с болезнью и теми ограничениями, которые она накладывает, изменениями в жизненном укладе, которые вызывает болезнь и операция.

Более низкие показатели рабочей памяти имеют дети, чьи матери более тесно ассоциируют болезнь с тяжестью ($r = -0,36$, $p=0,019$). Дети матерей, более тесно ассоциирующих болезнь с виной, более импульсивны ($r=0,33$, $p=0,035$). Лучшую способность к переключению и распределению внимания показали дети, чьи матери более высоко оценивали связь болезни с болью ($r = -0,50$, $p=0,0008$ и $r = -0,36$, $p=0,019$). Такая картина наблюдалась до операции.

После операции примерно те же показатели ИФ у подростков были связаны с несколькими иными представлениями о болезни у матерей. Более импульсивные дети имели матерей, сильнее ассоциирующих болезнь с гневом ($r=0,35$, $p=0,048$) и виной ($r=0,40$, $p=0,024$), а более ригидные дети (тратящие больше времени в серии 3 задачи Когана) имеют матерей, сильнее ассоциирующих болезнь со стыдом ($r=0,35$, $p=0,034$), дети, чаще ошибающиеся в этой серии, имеют матерей, ассоциирующих болезнь со страхом ($r = -0,36$, $p=0,028$) и неопределенностью ($r = -0,34$, $p=0,037$).

Не наблюдается какого-либо общего паттерна у представления матерей о болезни и когнитивным функционированием детей до и после операции, кроме, возможно, некоторой связи повышенной импульсивности у детей и связи болезни с виной у матерей. Возможно, матери более импульсивных детей в большей степени считают необходимым контролировать поведение детей и потому чаще склонны винить себя в болезни ребенка.

Более выраженная ассоциация болезни со страхом и у детей (до операции), и у матерей (после операции), связана с трудностями переключения на новое правило, что может отражать трудности адаптации к новой ситуации у более ригидных людей.

Таким образом, представления ребенка и матери о болезни связаны с когнитивным функционированием ребенка. В частности, прослеживается связь у более импульсивных детей ассоциации болезни с одиночеством, а у их матерей – болезни с виной, у более ригидных детей и их матерей болезнь больше ассоциируется со страхом. Эти результаты, пока предварительные, позволят наметить более конкретные направления психологической работы с детьми, сталкивающимися с операцией, и с их матерями.

Литература:

- Исаев Д. Н. Психопатология детского возраста: учебник для вузов. СПб.: СпецЛит, 2001. 463 с.
- Свистунова Е. В. Структура и возрастные особенности внутренней картины болезни // Consiliummedicum. Педиатрия. – 2010. – № 2. – С. 20–23.

3. Харламенкова Н.Е., Дан М. В., Казымова Н. Н., Шаталова Н. Е. Динамика уровня стресса и изменение представлений о болезни у подростков с опухолями опорно-двигательного аппарата и их матерей // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PSMN419.pdf> (дата обращения 13.06.2020).

УДК 159.9

РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЭТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ
В ПРОЦЕССЕ ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

REFLECTION AS A MECHANISM OF ETHICAL DEVELOPMENT OF YOUNGER ADOLESCENTS IN
THE PROCESS OF THEIR RESEARCH ACTIVITIES

Тибеева Ляля Фатыховна, Устин Павел Николаевич
Tibeeva Lyalya Fatykhovna, Ustin Pavel Nikolaevich

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga region) Federal University Russia, Kazan

afanasii11@gmail.com, pavust@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Психология развития и саморазвития инновационного потенциала субъектов образовательной деятельности», № 19-013-00664

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-013-00664

Аннотация

В статье раскрыта сущность рефлексии как психологического механизма этического развития личности младших подростков на примере их исследовательской деятельности. Показана значимость исследовательской позиции как инструмента самопознания и саморазвития, формирования рефлексивности как личностной характеристики.

Ключевые слова: исследовательская активность, этическое развитие личности, ценности, морально-этические ориентации, рефлексия, рефлексивность, исследовательская позиция.

Abstract

The article reveals the essence of reflection as a psychological mechanism of the ethical development of the personality of younger adolescents as an example of their research activities. The importance of the research position as an instrument of self-knowledge and self-development, the formation of reflexivity as a personal characteristic is shown.

Keywords: research activity, ethical development, values, moral and ethical orientation, reflection, reflexivity, research position.

Рефлексия, как понятие, зародилось в русле интроспективной психологии В. Вундта и понималась как метод самонаблюдения, процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний, направленность внимания человека на себя самого и свои ощущения. С. Л. Рубинштейн отмечал, что «рефлексия, интроспекция, самосознание, отражение психического в самом себе» не что иное, как «субъективная форма существования психического» [4, с. 17].

Современные отечественные психологи определяют рефлексия как «способность к самонаблюдению» (А. Г. Маклаков, 2004), «самосознание – систему ценностно-смысловых личностных отношений к миру, которая обеспечивает поведенческую саморегуляцию, самопостроение и самоутверждение» (М. И. Еникеев, 2002), «исследовательское отношение

...к себе, к своей внутренней сущности» (А. С. Обухов, 2010), «оценку ребёнком того, «чем я был» и «чем я стал» (Л. Ф. Обухова, 2000). В. Д. Шадриков пишет: «При всех различиях общим в понимании рефлексии является то, что она характеризует направленность на внутренний мир в различных его качествах и проявлениях. Это могут быть и эмоциональные состояния, и переживания, и явления совести, и действия сознания [5, с. 127].

Рефлектировать человек способен, хотя и в различной степени, по поводу любого факта, отражённого в его сознании, но этические нормы, принципы морали, нравственные заповеди занимают особое место в его размышлениях и переживаниях. Чем это обусловлено? В первую очередь, тем, что этические категории не являются объектами материального мира, их невозможно познать так, как они даны само-

му субъекту. Тот или иной поступок может со стороны выглядеть совершенно одинаково, но мотивация может быть абсолютно разной. Достаточно вспомнить притчу о трёх строителях Шартрского собора.

Во-вторых, в силу действия защитных психологических механизмов люди склонны вытеснять неприятное, негативное переживание, обесценивать моральные нормы для оправдания собственного неблагоприятного поступка, в связи с субъективной невозможностью соблюсти эти нормы или находясь в состоянии внутриличностного конфликта. В-третьих, разрешение моральных дилемм возможно только при соучастии совести, которая в этической психологии понимается как «внутренний голос, независимый от внешних санкций и поощрений, это наша реакция на самих себя» [3, с. 22]. На современном этапе проблема этического развития детей и подростков приобретает особое звучание в связи с системным нравственным кризисом российского общества, о признаках которого писали А. Л. Журавлев и А. В. Юревич. Как результат – становление этической психологии личности – нового направления в отечественной психологии, где Л. М. Попов и авторы выделяют ведущую категорию «должное», которая «отображает то, к чему следует стремиться личности, ориентирующейся на определенный нравственный идеал» [3, с. 31].

Размышляя о таком идеале, академик В. М. Бехтерев уже более ста лет назад написал: «К созданию этого лучшего, т.е. морально более высокого человека – будущего человеческого прогенератива и должны быть направлены все наши усилия, сущность которых должна заключаться в непрерывном совершенствовании своей собственной личности в соответствии с интересами общечеловеческого коллектива и одновременно в совершенствовании общественных форм человеческой жизни [1]. Для такого самосовершенствования крайне необходимо обладать рефлексивностью, то есть «качеством личности, характеризующим направленность познания на себя, имеющую меру выраженности [5, с. 128].

Применительно к современным реалиям жизни младших подростков можно говорить о необходимости развития этической рефлексии и рефлексивности в связи с различными личностными смыслами и движущими мотивами как учебной, так и внеурочной деятельности. Среди школьников 10–12 лет, только выходящих из поры детства, морально-этические добродетели не всегда выступают маяком нравственного поведения. Многие учащиеся 4–6 классов испытывают когнитивный и эмоциональный «диссонанс», когда наблюдают отклоняющееся поведение сверстников или более старших школьников, а то и взрослых, пусть и не значимых и, таким образом, находят оправдание собственным проступкам. «Ему можно, а мне почему нельзя? Старшекласснику не сделали замечание, а мне досталось!» – такие суждения нередко встречаются у 10–12-летних детей.

В этом случае в ребёнке, если и «говорит» совесть, то авторитарная, которая по Э. Фромму, есть продукт авторитарной этики, ориентированной на преклонение перед социальным авторитетом и ожидание санкций за непослушание – «почти единственными мотивами этической оценки», что соответствует конвенциональной стадии морального развития в классификации Л. Кольберга.

О значимости мира взрослых для развития чувства взрослости у пятиклассников писал Д. Б. Эльконин: «Только воспроизводя морально-этические нормы отношений в реальном общении, подростки усваивают их, и они становятся основой их поступков. Важно отметить, что, в связи с этим начинают появляться элементы внутренних, можно сказать, умственных действий с морально-этическими нормами (при сравнении поступков товарища с собственными, его качеств – со своими особенностями)» (Д. Б. Эльконин, 1989).

В отечественной психологии рефлексия считается «центральным психологическим новообразованием младшего школьного возраста» (И. В. Дубровина, 2000). Исходя из этого, можно утверждать, что способность к рефлексии зарождается в конце дошкольного детства, разворачивается в подростковом и юношеском возрасте, продолжая своё развитие всю жизнь человека. При этом важно отметить, что рефлексивность, как личностная характеристика, развивается не спонтанно, а в процессе внутриличностной деятельности по осознанию внешних явлений, событий, проблем. Таким образом, рефлексия – это своеобразная исследовательская деятельность в отношении собственной душевной жизни в определённый момент её существования, способствующая духовному самосовершенствованию личности в процессе этического развития. Сензитивным периодом для формирования морально-этических ориентаций как компонента этического развития выступает именно отрочество, когда послушное следование за авторитетным взрослым не являются более определяющим в личностном развитии подростка. Сформированные в дошкольном детстве и младшем школьном возрасте морально-этические представления и суждения должны быть переосмыслены на новом уровне, и вновь присвоены младшим подростком именно посредством рефлексии.

Младший подростковый возраст, находящийся на стыке младшего школьного (6–9 лет) и подросткового (13–15 лет) периодов, характеризуется изменением социальной ситуации развития, расширением межличностных контактов с детьми и взрослыми, а также наличием многоформатных отношений в современных условиях цифрового общества. Поэтому данный возраст является стратегически важным с точки зрения «вращения» в нравственную культуру общества, осознанного присвоения морально-этических ценностей. Для большинства

младших подростков ещё не свойственно стремление к попуранию авторитета взрослых, учебная деятельность ещё сохраняет свои ведущие позиции, при этом познавательная мотивация не теряет своей движущей силы, если она была сформирована ранее. Этот возраст сензитивен для актуализации механизмов рефлексивной исследовательской позиции в отношении самого себя и к миру, а это как нельзя лучше отвечает актуальным задачам этического развития. Учащиеся 4–6 классов задаются многими проблемными вопросами, связанными с их ближайшим окружением. Например, в школе пятиклассников волнуют такие вопросы: «Почему в школьном гардеробе постоянно отрываются петельки на одежде? Зачем люди пишут на стенах? Почему в столовой всегда холодный обед? Почему мальчики дерутся?» Поэтому считаем, что именно в данном возрастном периоде важно не потерять, поддержать и упрочить этот неподдельный интерес школьников к миру морально-этических, нравственных проблем при сохранении исследовательской позиции.

С точки зрения А. С. Обухова, исследовательская позиция – это «комплексная личностная характеристика, это не только позиция, которая актуализируется в ситуации неопределенности, но и та внутренняя позиция, исходя из которой человек испытывает потребность искать подобные ситуации, а найдя, про-

водить исследование» [2, с. 21]. В процессе исследования, например, социопсихологического, учащимся приходится порой придумывать вопросы. Для этого необходим определённый уровень децентрации и умение выдвигать несколько вариантов ответов, что, несомненно, расширяет поведенческий арсенал юного исследователя в ситуации морального выбора. Самое главное в детском исследовании – это интерес и инициатива ребёнка, которые удерживают его в исследовательской позиции без привязки к отметке или нахождению единственного правильного ответа. А. В. Леонтович считает исследовательскую деятельность «идеальным типом жизнедеятельности и мыследеятельности». В результате осознание и присвоение этических норм происходит не декларативно, а путём сочетания рефлексивного мышления и эмоционально положительного отношения к морально-этическим ценностям. «Только эмоционально принятые явления и активное, деятельное отношение к ним индивида создают условия для интериоризации ценностей» (С. В. Тихомирова, 2019).

В связи с этим считаем перспективным изучение рефлексии как одного из механизмов актуализации и стимуляции этического развития личности младших подростков в процессе организации их исследовательской активности.

Литература:

1. Бехтерев, В. М. Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности: В 2 т. – Т. 1. – СПб: Изд-во «Алетейя», 1999. – 255 с.
2. Обухов, А. С. Развитие исследовательской деятельности учащихся. – М.: Национальный книжный центр, 2015. – 280 с.
3. Попов, Л. М., Голубева, О. Ю., Устин, П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. – М.: ИП РАН, 2008. – 240 с.
4. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2002–720с.
5. Шадриков, В. Д. Мысль и познание / В. Д. Шадриков. – М.: Логос, 2014. – 240 с.

УДК 159.922

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЕГО ФАКТОРЫ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

SUBJECTIVE WELLBEING AND ITS FACTORS IN YOUNG AGE

Лебедев Александр Петрович

Lebedev Aleksandr Petrovich

Костромской государственный университет, Кострома, Россия

Kostroma state university, Kostroma, Russia

mr.alexandrlebedev@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена изучению личностных, социальных и защитно-регулятивных факторов субъективного благополучия в юношеском возрасте. Использовался факторный анализ, который позволил выделить 10 факторов, связанных с субъективным благополучием, на основе 46 переменных из трёх указанных сфер. В результате исследования было установлено, что социальные (внешние) факторы могут вносить более значимый вклад в уровень благополучия, чем считалось ранее (4 фактора из 10), а защитно-регуляторные факторы оказывают разнонаправленное влияние на субъективное благополучие в юно-

шеском возрасте. Лишь часть механизмов психологической защиты и копинг-стратегий выполняют свои функции по сохранению благополучия от неблагоприятных факторов.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое благополучие, факторы субъективного благополучия, копинг, юношеский возраст.

Abstract

This article is devoted to the study of personal, social, and protective-regulatory factors of subjective well-being in youth. A factor analysis was used to identify 10 factors related to subjective well-being based on 46 variables from the three specified areas. As a result of the study, it was found that social (external) factors may make a more significant contribution to the level of well-being than previously thought (4 factors out of 10), and protective and regulatory factors have a multidirectional influence on subjective well-being in adolescence. Only part of the mechanisms of psychological protection and coping strategies perform their functions to preserve well-being from adverse factors.

Keywords: subjective well-being, psychological well-being, factors of subjective well-being, coping, youth.

Актуальность: Международные исследовательские проекты наравне с социологическими исследованиями показывают повышение уровня стресса, и относительно низкие показатели субъективного благополучия среди жителей России в последнее десятилетие [2, 5].

Под субъективным благополучием понимается положительный баланс аффекта, субъективное ощущение удовлетворенности жизнью в целом, а также субъективное ощущение удовлетворенности различными сторонами жизни [4]. В вопросе соотношения психологического и субъективного благополучия мы придерживаемся позиции Э. Динера, который считал субъективное благополучие элементом благополучия психологического [4], являющееся при этом самостоятельной областью исследования, в рамках гедонистического подхода к благополучию.

Несмотря на достаточно широкий круг исследований отдельных факторов благополучия, таких как креативность, ценностные ориентации и т.д., они не создают целостной картины детерминации благополучия. В то время как комплексные взаимосвязи и тенденции благополучия в юношеском возрасте, всё более востребованы и нуждаются в систематизации, обобщении и в целостном взгляде на проблему.

Научная новизна: Недостаточно исследованными остаются результат и механизмы воздействия защитно-регулятивных факторов субъективного благополучия (МПЗ и копинг-стратегии) [3], а также их специфика в юношеском возрасте. Также уточнения требует вопрос какие факторы и в какой степени связаны с высокими и низким показателями субъективного благополучия в юношеском возрасте. Первоначально исследователи пришли к выводу, что социальные факторы незначительно влияют на субъективное благополучие взрослых [4]. Современные исследования благополучия у детей и подростков показывают значительный вклад социальных факторов, связанных с учебной средой, семейными и другими значимыми отношениями для поддержания благополучия [3]. Схожие данные были получены при изучении благополучия в особых условиях развития [1]. Юношеский возраст находится на

стыке двух периодов, однако тенденции благополучия и его факторов на данный момент недостаточно систематизированы и определены. Кроме того, отдельный интерес представляет структура социальных, личностных и защитно-регулятивных факторов благополучия и их взаимосвязи. Данные обстоятельства обуславливают необходимость изучения рассматриваемой проблемы.

В настоящий момент происходит пересмотр данных исследований конца двадцатого века о детерминации субъективного благополучия в разные возрастные периоды, и механизмах этого воздействия.

Социальные факторы могут играть более значимый вклад в субъективное благополучие в юношеском возрасте, чем предполагалось ранее [1].

Недостаточно исследованными остаётся результат и механизмы воздействия защитно-регулятивных факторов субъективного благополучия (МПЗ и копинг-стратегии) [2].

Цель исследования: Изучение социальных, личностных и защитно-регуляторных факторов субъективного благополучия и их вклада в уровень его сохранности в юношеском возрасте.

Материалы и методы: В исследовании участвовали 100 студентов юношеского возраста (26 юношей, 74 девушек). Использовались следующие методики: «Шкала субъективного благополучия» (М. В. Соколовой, 2002); Опросник качества жизни и удовлетворенности, краткая версия (Ritsneretal, 2005, Рассказова, 2012); Индекс личного благополучия PWI-A (R. A. Cummins, 2005, в адаптации Е. А. Углавановой, 2005); Методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана (модификация В. В. Бойко); «Индивидуально-типологический опросник» (Собчик, 2003); «Опросник о способах совладания» Р. Лазаруса, С. Фолкман (адаптация Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляева, 2004, 2005); «Индекс жизненного стиля» Плутчика, Келлермана, Конте. Применялся корреляционный, кластерный и факторный анализ, МГК с вращением Varymax (нормализация по Кайзеру).

Результаты и их обсуждение: Факторный анализ позволил выделить 10 факторов, связанных

с субъективным благополучием, на основе 46 переменных личностной, социальной и защитно-регулятивной сфер (КМО=0,588, $P<0,001$; кум.проц.=63,3%). Из них 4 фактора связаны с внешними (социальными) характеристиками (образ жизни, вредные привычки, учебная среда, условия проживания, мат. достаток, совмещение работы с учёбой и др.). 2 фактора связаны с личностными характеристиками (Экстраверсия, активность, ригидность и др.). 4 фактора связаны с регуляторными механизмами благополучия (зрелые и незрелые МПЗ, эффективные и неэффективные копинг-стратегии).

Факторный анализ структуры субъективного благополучия позволил выделить 9 факторов, на основе 36 переменных, связанных с балансом аффекта, удовлетворённостью жизнью в целом и отдельными её сферами (КМО=0,841, $P<0,0001$; кум.проц.=72,6%). Среди них удовлетворённость материальной, учебной сферой, жизнью в целом и будущим, семейными отношениями, досугом и свободным временем, физическим здоровьем, близкими отношениями и общением, мед. обслуживанием и сферой услуг, обстановкой в обществе и гос-ве.

Кластерный анализ позволил выделить три группы испытуемых на основании уровня субъективного благополучия: группа с высоким уровнем субъективного благополучия ($n=42$), с низким уровнем ($n=49$), и с разнонаправленными показателями ($n=9$). Группу с высоким уровнем от группы с низким уровнем благополучия отличает большее использование конструктивных копинг-стратегий, таких как планирование решения проблемы ($U=675$, $P<0,004$) и положительная переоценка ($U=697,5$, $P<0,008$), меньшее

использование незрелых МПЗ ($U=543$, $P<0,000$), низкая интроверсия ($U=577,5$, $P<0,000$), высокая спонтанность ($U=701,5$, $P<0,008$), лучшие условия проживания ($U=726$, $P<0,01$), меньшие физ. неприятные ощущения ($U=682,5$, $P<0,004$), они чаще совмещают учёбу с работой ($U=764,5$, $P<0,01$), реже бывают в состоянии алкогольного опьянения ($U=807$, $P<0,04$) и др. Воздействие данных факторов подтверждается и корреляционными взаимосвязями.

Регрессионный анализ показывает ($R^2 = 0,458$, $F=6,97$, $P=0,010$), что эмоциональный компонент субъективного благополучия определяется такими факторами как использование МПЗ, отсутствие болезненных ощущений и спонтанность.

Выводы:

1. 49% испытуемых имеют низкие показатели субъективного благополучия. Общий уровень благополучия на порядок ниже, относительно показателей в странах западной Европы, Австралии и др.
2. Социальные (внешние) факторы могут вносить более значимый вклад в уровень благополучия, чем считалось ранее (4 фактора из 10). Возможно, эти факторы оказывают меньший вклад при достижении некоего оптимума, что показывают западные исследования, а ниже этого оптимума, их вклад остаётся значительным.
3. Защитно-регуляторные факторы оказывают разнонаправленное влияние на субъективное благополучие в юношеском возрасте. Лишь часть механизмов психологической защиты и копинг-стратегий выполняют свои функции по сохранению благополучия от неблагоприятных факторов.

Литература:

1. Адеева Т. Н., Тихонова И. В. Некоторые аспекты социокультурной детерминации субъективного благополучия лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018. – № 3.
2. Кислицына О. А. Измерение качества жизни/благополучия: международный опыт // М.: Институт экономики РАН. – 2016. – С. 19–33.
3. Моросанова В. и др. Осознанная саморегуляция учебной деятельности как ресурс субъективного благополучия школьников при изменении условий обучения // Вопросы психологии. – 2019. – № 3. – С. 62–74.
4. Diener E. et al. Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological bulletin. – 1999. – Т. 125. – № 2. – С. 276.
5. Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D. World Happiness Report 2019. New York: Sustainable Development Solutions Network. 2019.c.

УДК 159.9

РОЛЬ РЕФЛЕКСИВНО-КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В САМОРАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

THE ROLE OF REFLEXIVE AND CRITICAL THINKING IN SELF-DEVELOPMENT OF PERSONALITY

*Лебедев Александр Николаевич**Lebedev Aleksandr Nicolaevich**Институт психологии РАН, Россия, Москва**Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow**lebedev-lubimov@yandex.ru***Аннотация**

Во второй половине XX века большую популярность в психологии приобретает идея саморазвития личности. Сформировалось несколько подходов к изучению данного феномена. В настоящее время можно говорить еще об одном подходе, который основан на концепции саморазвития на основе рефлексивно-критического мышления. В начале XXI века проблема саморазвития личности становится актуальной в связи с интенсивным развитием средств массовой коммуникации, в частности, Интернета. Нами было проведено несколько исследований по проблеме изучения связи рефлексивно-критического мышления с рядом личностных характеристик. Изучалось доверие и недоверие информации в Интернете, умение отличать достоверную информацию от недостоверной (фейковой).

Ключевые слова: личность, саморазвитие личности, самодетерминация личности, рефлексивно-критическое мышление, системный подход, синергетика.

Abstract

In the second half of the twentieth century, the idea of self-development of the personality becomes very popular in psychology. Several approaches to the study of this phenomenon have been formed. Currently, we can talk about another approach, which is based on the concept of self-development based on reflexive and critical thinking. At the beginning of the XXI century, the problem of self-development of the individual becomes relevant in connection with the intensive development of mass communication media, in particular, the Internet. We have conducted several studies on the problem of studying the relationship of reflexive-critical thinking with a number of personal characteristics. We studied the trust and distrust of information on the Internet, the ability to distinguish reliable information from unreliable (fake).

Keywords: personality, self-development, self-determination of personality, reflexive and critical thinking, synergetics, system approach.

При изучении личности наиболее часто говорят о биологических и социальных факторах развития, что до недавнего времени позволяло некоторым исследователям рассматривать человека как «биосоциальное» существо. Во второй половине XX века большую популярность в психологии приобретает идея саморазвития личности [1].

Существует несколько точек зрения по вопросу определения понятия саморазвития. В одном случае под саморазвитием личности понимают процесс, в результате которого личность демонстрирует существенные (отличающиеся от средних) или выдающиеся социально востребованные достижения. В другом – речь идет об изменении психических характеристик личности по сравнению с предшествующими на некотором временном промежутке.

Необходимость рассматривать процесс саморазвития личности возникла во многом благодаря биографическому методу, в процессе применения которого по отношению к отдельным людям в их биографиях часто не удается обнаружить какой-ли-

бо явной наследственной или социальной предрасположенности к высоким личным достижениям. Так, например, у многих выдающихся ученых, писателей, математиков, изобретателей и других невозможно выявить ни выдающихся ближайших родственников, ни какого-либо соответствующего социального окружения.

Во второй половине XX века сформировалось несколько подходов к изучению феномена саморазвития. Один из них – в рамках позитивной психологии представлен теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Последователями данной теории развивается идея о том, что основные потребности человека – это потребность в автономии, компетентности и связи с другими людьми [4].

Второй подход сложился в гуманистической психологии и связан с именами Дж. Бьюдженталя, В. Франкла, К. Роджерса, А. Маслоу и др. Данный подход рассматривает личность как особую сущность и уникальный феномен, где самореализация – это неотъемлемая часть природы человека.

Третий подход – синергетический. Методологически он связан с именами специалистов в области теории хаоса и системного подхода [3]. Здесь личность рассматривается как неравновесная открытая система, способная к саморазвитию на основе самоорганизации случайных процессов. В этом случае саморазвитие личности – процесс, направленность которого заранее часто предсказать не представляется возможным.

Каждый подход, по мнению его сторонников, имеет значительные преимущества перед остальными, которые, в свою очередь, имеют недостатки. В частности, теория самодетерминации фактически сводит саморазвитие к взаимодействию биологического и социального. Позитивная психология игнорирует факт и возможность асоциального саморазвития. Синергетический подход уравнивает многие физические явления природы с психическими, с личностью, игнорируя ее специфику и возможность целенаправленного социального формирования ее позитивных качеств.

В настоящее время можно говорить еще об одном подходе, который основан на концепции общения и деятельности, когда развитое рефлексивно-критическое мышление человека, рассматривается как необходимое условие и инструмент саморазвития. В этом случае саморазвитие происходит по принципу, сформулированному Я. А. Пономаревым и Б. Ф. Ломовым, когда «этапы развития системы становятся уровнями ее организации» [2]. Здесь можно наблюдать переход личности с развитым рефлексивно-критическим мышлением на более высокий уровень психической организации.

В этом случае под рефлексивно-критическим мышлением следует понимать:

1. способность субъекта обращать внимание на собственные ошибки и заблуждения;
2. умение вовремя изменить собственную позицию, если показано, что она не соответствует истине;
3. умение не только отличить недостоверную информацию от достоверной, но и признать факт собственного заблуждения;
4. способность изменить свое мнение при наличии убедительных доводов оппонента и др. [5].

В начале XXI века проблема саморазвития личности становится актуальной в связи с интенсивным развитием средств массовой коммуникации, в частности, Интернета и социальных сетей. В этом случае человек сталкивается с необходимостью выбора собственной позиции и собственного отношения ко всему происходящему в мире. Очевидно, что практически все современные средства массовой информации и коммуникации используют манипулятивные технологии, что обостряет проблему и ставит процесс саморазвития в зависимость от умения анализировать противоречия и отсеивать недостоверные сведения.

Нами было проведено несколько исследований по проблеме изучения связи рефлексивно-критического мышления с рядом личностных характеристик. В первом исследовании изучалось доверие и недоверие информации в Интернете, умение отличать достоверную информацию от недостоверной (фейковой). Исследование проводилось в лабораторных условиях на респондентах в возрасте 18–20 лет, являющихся пользователями таких социальных сетей, как VK, FB и YouTube. В исследовании приняли участие 62 человека (32 девушки и 30 юношей). На экране видеопроектора предъявлялись различные материалы из социальных сетей (видеосюжеты, фотографии, текстовые сообщения, многочисленные комментарии пользователей и пр.).

Исследование позволило установить ряд закономерностей в оценках предоставленных респондентам материалов, проследить динамику изменения доверия, недоверия информации, оценить уровень развития их рефлексивно-критического мышления, установить связь между различными индивидуальными психологическими и личностными характеристиками участников исследования и оценками предоставленных информационных материалов.

Изучалось умение респондента признать свою ошибку по оценке достоверности информации и изменить отношение к ней. В исследовании было установлено, что испытуемые, способные быстрее других отличить фейк в Интернете от достоверной информации демонстрируют более высокие показатели по ряду факторов теста 16 PFКеттелла. В частности, была зафиксирована положительная корреляция на уровне $p < 0,05$ доверия фейкам с факторами: Н (смелость), I (чувственность), N (простота), Q2 (зависимость от группы) и отрицательная с фактором Q1 (радикализм).

Во втором исследовании (N=54) на экране видеопроектора предъявлялась презентация с 24 фотографиями и соответствующими им текстами. Половина слайдов представляла собой недостоверную информацию (фейки) с сайта Adme.ru. Половина слайдов содержала достоверную информацию из различных источников, в частности, из социальной сети Facebook. Недостоверная информация в презентации была перемешана с достоверной в случайном порядке.

Участников исследования просили дать оценку по 7-балльным шкалам: интерес, доверие, удивление, «смех». После эксперимента участники исследования выполняли психодиагностические методики: TOSCA-3 в адаптации Макогон И. К. и Ениколопова С. Н., а также BIG 5 (R. McCrae, P. Costa).

В результате исследований было установлено:

1. Существует статистически значимая взаимосвязь характеристик рефлексивно-критического мышления, личностных характеристик респондентов и особенностей их эмоционально-чув-

- ственной сферы. В частности, показано, что люди определённого психологического склада, а именно – с более выраженным чувством вины, эмоционально неустойчивые оценивают недостоверную (фейковую) и достоверную информацию по-разному.
- У респондентов, испытывающих состояние дискомфорта и чувство вины в результате негативной оценки своего поведения, недостоверная информация вызывает больше доверия; возможности их саморазвития, по-видимому, более ограничены.
 - У респондентов с высокими показателями эмоциональной устойчивости, проявляется более негативная реакция на недостоверную информацию. Они легче определяют наличие фейков, поэтому есть основания предполагать у них более высокий уровень рефлексивно-критического мышления, а значит больший потенциал к личностному саморазвитию.

Литература:

- Лебедев А. Н. Исследование психологических механизмов саморазвития личности в рамках системного подхода // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 31–37.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Издательство «Наука», 1984.
- Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: PerSe, 2001.
- Deci E., Ryan R. Handbook of self-determination research. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002.
- Ennis R. H. Critical Thinking Across the Curriculum // Virtues of Argumentation: Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA) / ed. by D. Mohammed, M. Lewinski. Windsor, ON: OSSA, 2013. P. 1–16.

УДК 316.64

СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК, ТРАНСЛИРУЕМЫХ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ЛИДЕРАМИ МНЕНИЙ, С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ ПОДРОСТКОВ О СЕБЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

THE RELATIONSHIP OF PROFESSIONAL ATTITUDES BROADCAST BY OPINION LEADERS IN SOCIAL NETWORKS WITH ADOLESCENTS' SELF-ATTITUDES IN THE PROFESSIONAL FIELD

*Зиновьева Елена Викторовна, Кузнецова Елена Андреевна
Zinovieva Elena Viktorovna, Kuznetsova Elena Andreevna*

*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург
Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg*

e.zinovieva@spbu.ru, kuznetsova@spbu.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20–013–00738 «Влияние мнения лидера поколения в цифровой среде на ценностные установки поколения Z».

Аннотация

Представлены результаты исследования, посвященного изучению связи представлений молодежи о себе в профессиональной сфере с установками лидеров мнений относительно того, что является значимым в профессиональной деятельности транслируемыми в социальных сетях. Исследование проводилось в три этапа, в нем приняло участие 325 подростков 15–17 лет ($M = 16,42$, $\sigma = 0,56$), проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. По результатам исследования были выявлены наиболее популярные среди молодежи каналы YouTube, выделены десять профессиональных установок, часто транслируемых популярными авторами. Использовались методики «Якоря Карьеры» Э. Шейна и «Ценностные ориентации» Ш. Шварца. На основании кластерного анализа и многофакторного дисперсионного анализа описаны две модели, связанные с согласием подростков с установками лидеров мнений и характеризующие их представления о себе в профессиональной сфере: «ориентация на личный комфорт» и «ориентация на профессионально-личностное развитие».

Ключевые слова: лидеры мнений, социальные сети, подростки, профессиональные установки, модели в профессиональной сфере.

Abstract

The relationship of adolescents' self-attitudes in the professional field and opinions, which is broadcast by influencers on social networks, was investigated. The study was carried out in three stages, 325 teenagers of 15–17

years old ($M = 16.42$, $\sigma = 0.56$) living in Moscow and St. Petersburg participated in this study. According to the results of the study, the most popular YouTube channels among young people were identified, ten professional attitudes most often broadcast by popular authors were identified. We used the techniques of "Career Anchors" by E. Shein and "Value Orientations" by S. Schwartz. Based on cluster analysis and multivariate analysis of variance, two models are described related to the consent of adolescents with the attitudes of opinion leaders and characterizing their ideas about themselves in the professional sphere: "orientation to personal comfort" and "orientation to professional and personal development".

Keywords: opinion leaders, social networks, adolescents, professional attitudes, life models in the professional sphere.

Идеи о биологических и общественных условиях развития личности, заложенные В. М. Бехтеревым, не только находят свое отражение в современной психологии, но получили новое развитие с появлением и повсеместным распространением цифровых технологий. Цифровая среда становится своеобразной «параллельной реальностью» с большими возможностями, в том числе – в области общественного влияния, причем доступны эти возможности любому человеку, имеющему выход в сеть Интернет и способному заинтересовать свою аудиторию. Традиционно под понятием «лидера мнений» понимается человек, активно распространяющий свою точку зрения и воздействующий на мнение окружающих (как правило, это определенная аудитория, сходная по полу, возрасту, статусу, мировоззрению) [2]. В цифровой среде к лидерам мнений, как правило, относят популярных блогеров, ведущих свои каналы и транслирующих определенный контент. Исследователи отмечают, что между блогером и его аудиторией часто устанавливается доверие, а за счет возможностей обратной связи (через комментарии, лайки и т.д.) формируется определенная степень близости, благодаря которой мнение лидера может оказывать влияние на мнение и мотивацию аудитории [4]. Вопрос о наличии и степени влияния лидеров мнений в цифровой среде на свою аудиторию особенно актуален для подростков, которые принадлежат к так называемому поколению Z и характеризуются высокой долей времени, проводимого в социальных сетях [1]. Кроме того, именно в подростковом возрасте социальная среда максимально влияет на формирование мировоззрения и собственной идентичности [5], а одним из ключевых вопросов является профессиональное самоопределение как выбор своего пути в профессиональной и трудовой деятельности.

Целью нашего исследования стала попытка ответить на вопрос: существует ли связь между установками, транслируемыми лидерами мнений в социальных сетях относительно того, что важно в профессиональной деятельности, и представлениями подростков о себе в профессиональной сфере.

Методы и выборка. Исследование состояло из трех этапов. На первом этапе выявлялись наиболее популярные среди молодежи YouTube каналы. В нашем предыдущем исследовании [3] было

показано, что наиболее популярным и посещаемым ресурсом среди молодых людей является YouTube. Было опрошено 203 человека в возрасте 15–17 лет ($M = 16,42$ лет), в том числе 136 девушек и 67 юношей, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. На основании анкеты, с учетом посещаемости и времени, которое подростки тратят на просмотр видеороликов в неделю, были выбраны самые популярные для этой аудитории каналы. На втором этапе анализировалось содержание выбранных каналов. При помощи контент-анализа выделялись наиболее часто упоминаемые блогерами профессиональные установки. На основе выделенных установок был сконструирован опросник, включивший в себя десять основных посланий, относящихся к профессиональной сфере. На третьем этапе исследовалось согласие с транслируемыми лидерами мнений установками при помощи авторского опросника, созданного на предыдущем этапе исследования. Также был проведен кластерный анализ, по результатам которого выборка разделилась на две группы, а также многофакторный дисперсионный анализ, позволивший сравнить эти группы по методикам «Якоря карьеры» Э. Шейна и «Ценностные ориентации» Ш. Шварца. На данном этапе исследования приняло участие 122 человека в возрасте 15–17 лет (ср. возраст 16,57 лет), в том числе 81 девушка и 41 юноша.

Результаты. На первом этапе было выделено восемь наиболее популярных среди молодежи YouTube каналов: «Юлик», «Утопия Show», «Клик-Клак», «Поперечный», «Вдудь», «Топлес», «PewDiePie», «Руслан Усачев». Стоит отметить, что 7 из 8 каналов носят развлекательный характер. Анализ контента позволил выделить 130 цитат, касающихся профессиональной сферы, в том числе – выбора профессии, образования, опыта и уровня профессиональной компетентности, отношения к оплате труда, предпочтительного графика работы, значимости карьерного роста.

На основе контент-анализа и экспертной оценки из них были сформированы послания, относящиеся к профессиональной сфере, например: «фриланс даёт больше возможностей для самореализации», «не обязательно быть лучшим в своём деле», «важно заниматься тем, что тебе интересно» и т.д. Важно отметить, что сами установки имеют разную смысловую направленность в зависимости от мнения авто-

ра канала. Например, относительно денег может транслироваться их высокая значимость или наоборот, указание на важность самого дела, а не материальных благ.

После того, как респонденты выразили степень своего согласия или несогласия с представленными установками, их ответы были подвергнуты кластерному анализу. В результате проведенного анализа респонденты разделились на две группы, что отражает их выбор определенной модели (как совокупности установок) будущей профессиональной деятельности, транслируемой лидерами мнений, и согласуется с представлениями подростков о себе в профессиональной сфере. Выделенные модели можно определить как модель ориентации на личный комфорт (в эту группу вошли 85 участников) и модель ориентации на профессионально-личностное развитие (в эту группу вошли 37 участников).

Для подростков, вошедших в группу «ориентация на личный комфорт», выявлена высокая степень согласия с посланиями, которые характеризуются: меньшей значимостью последовательного профессионального роста (выбор фриланса, «нет цели быть лучшим в профессии»), меньшей ценностью образования («практика полезнее теории», «связи и умение подстроиться важнее, чем образование»), важностью свободного времени и значимостью факторов, не связанных напрямую с профессиональным развитием (связи, материальный доход, популярность).

Для подростков, вошедших в группу «ориентация на профессионально-личностное развитие», выявлена высокая степень согласия с посланиями,

которые передают идею заниматься тем, что интересно, найти дело по душе, делиться своими идеями, получать удовольствие от процесса деятельности и при этом хорошо выполнять свою работу. Для этой группы выявлена малая значимость внешних факторов, таких как популярность и деньги, высокая ценность образования, которое помогает профессиональному развитию.

Сравнительный анализ двух выделенных групп по методикам «Якоря карьеры» и «Ценностные ориентации» показал значимые различия по карьерным ориентациям «Профессиональная компетентность» ($p < 0,01$), «Служение» ($p < 0,01$), «Вызов» ($p < 0,001$) и «Интеграция стилей жизни» ($p < 0,001$) и ценностям «Безопасность: общественная» ($p < 0,01$), «Традиции» ($p < 0,01$), «Конформизм: правила» ($p < 0,01$). В группе подростков, ориентированных на профессионально-личностное развитие, показатели по этим параметрам значимо выше.

Таким образом, по результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что существует связь между профессиональными установками, а точнее их совокупностью как некоторой моделью, описывающей сценарий профессионального развития, транслируемой лидерами мнений, и представлениями подростков о себе в профессиональной сфере. Однако эта связь (от лидеров к подросткам) не прямая, она преломляется через исходные установки подростков. Подростки выбирают тех блогеров, высказывания которых согласуются с их собственными представлениями.

Литература:

1. Brown N. Meet Generation Z: Forget Everything You Learned About Millennials // Social Media Week. – 2014. – July 30. URL: <https://socialmediaweek.org/blog/2014/07/meet-generation-z-forget-everything-learned-millennials/> (дата обращения: 30.05.2020).
2. Lazarsfeld P., Katz E. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. New York: Free Press, 1955, 400 p.
3. Зиновьева Е.В., Кузнецова Е. А. Отношение молодых людей к гендерным установкам, транслируемым лидерами мнений в русскоязычном сегменте социальной сети YouTube // Вестник СПбГУ. Психология. – 2020. – Т. 10. Вып. 2. – С. 142–157
4. Москальцова М.А Эффект воздействия инфлюэнсеров Instagram на пользователей социальных сетей (на примере Fyre Festival) // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. СПб: ЛЭТИ 2019 с. 70–74
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ.ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: «Академия», 2002, 208 с.

УДК 159.922
БАК 19.00.01

ТОЧНОСТЬ ВЗАИМНОГО ОЦЕНИВАНИЯ И СИБЛИНГОВАЯ ПОЗИЦИЯ В ПАРАХ ВЗРОСЛЫХ СИБЛИНГОВ

MUTUAL ASSESSMENT ACCURACY AND SIBLING POSITION IN ADULT SIBLING PAIRS

Баскаева Оксана Васильевна
Baskaeva Oksana Vasilievna

Психологический институт Российской академии образования, Россия, Москва
FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education", Russia, Moscow
baskaeva.oksana@gmail.com

Аннотация

Изучалась точность восприятия психологических характеристик друг друга в парах взрослых сиблингов в зависимости от сиблинговой позиции (старший сиблинг или младший). Выборка: 151 пара сиблингов – 302 испытуемых; внутриварная разница в возрасте не более 5 лет. Данные анализировались в двух подгруппах: старшие (19–51 лет, $M = 29$, $SD = 8,52$) и младшие (18–50 лет, $M = 26$, $SD = 8,30$). Выявлено, что точность оценок отдельных личностных характеристик (*интернальность достижений, интернальность семейных отношений и толерантность к неопределенности*) связана с сиблинговой позицией.

Ключевые слова: взрослые сиблинги, сиблинговая позиция, точность оценок, интернальность достижений, интернальность семейных отношений, толерантность к неопределенности.

Abstract

We studied the accuracy of perception of the psychological characteristics of each other in pairs of adult siblings depending on the sibling position (older or younger sibling). Sample: 151 pair of siblings – 302 subjects; the age difference between siblings in a pair is no more than 5 years. The data were analyzed in two subgroups: older (19–51 years old, $M = 29$, $SD = 8.52$) and younger (18–50 years old, $M = 26$, $SD = 8.30$). It was found that the accuracy of the estimates of some personality characteristics (*internality of achievements, internality of family relationships and tolerance to uncertainty*) is associated with a sibling position.

Keywords: adult siblings, sibling position, accuracy of assessments, internality of achievements, internality of family relationships, tolerance to uncertainty.

Восприятие человеком психологических характеристик окружающих влияет на то, что именно он думает и чувствует, какие действия предпринимает [4]. Информация о других людях, полученная в ходе межличностных контактов, используется нами для прогнозирования их поведения и корректировки собственных поведенческих паттернов.

Люди могут с различной точностью судить о личности других и это зависит от ряда факторов (так называемых модераторов точности) и их взаимодействия [3]. Все мы отличаемся разной способностью к оценке личностных характеристик. Кроме того, в каждом человеке и в каждой оцениваемой черте есть нечто облегчающее или, напротив, затрудняющее задачу оценивания. Точность суждения о личности другого зависит также от количества и качества информации о нем, которой мы располагаем. Наряду с точностью оценивания личности другого в разнообразных контекстах социума («начальник-подчиненный», «врач-пациент» «коллеги» и т.д.) несомненный интерес представляет точность оценки, получаемой сиблингом от своего сиблингового партнера.

Сиблинговые отношения развиваются на протяжении всего жизненного цикла, однако исследований, посвященных взрослым сиблингам, сравнительно немного. Между тем, контекст сиблинговых отношений по достижении взрослости кардинально меняется, так как они в значительной степени становятся предметом свободного выбора [2] и подвержены влиянию ряда событий взрослой жизни [1], переживаемых каждым сиблингом отдельно. В ранней взрослости это может быть, например, завершение образования, уход из дома, брак, родительство. Одним из важнейших факторов неразделимой сиблинговой среды является порядок рождения, который, по мнению ученых, связан с когнитивным и личностным развитием.

Гипотеза. Точность оценок личностных характеристик друг друга в парах взрослых сиблингов связана с позицией «старший-младший» в сиблинговой паре.

Методы. Выборка: 302 сиблинга (151 пара). Старшие сиблинги: 19–51 лет, $M = 29$, $SD = 8,52$. Младшие: 18–50 лет, $M = 26$, $SD = 8,30$. Разница в возрасте между сиблингами не превышает 5 лет.

Схема исследования. Методики: опросник Айзенка, адаптация В. М. Русалова; *Уровень субъективного контроля*; *Грязная дюжина*; *Короткий портретный опросник Большой пятерки*; краткий вариант опросника Толерантность к неопределенности; краткий вариант опросника *Поиск ощущений*.

Инструкция. Каждый член сиблинговой пары заполнял опросники дважды: «за себя» и «за сиблинга» («Представьте, как, по Вашему мнению, ответил/а бы Ваш/а брат/сестра»). Таким образом, в ходе заполнения опросников были получены самооценки личностных характеристик и одноименные оценки, которые каждый респондент давал своему сиблингу-партнеру.

Методы анализа данных. Анализ данных проводился в подгруппах старших и младших сиблингов. Рассматривались следующие показатели. *В подгруппе старших:* модуль разности оценки, которую старший дает младшему, и самооценки младшего (Тст). *В подгруппе младших:* модуль разности оценки, которую младший дает старшему, и самооценки старшего (Тмл).

Для оценки нормальности распределения применялся критерий Колмогорова-Смирнова, для анализа различия средних – Т-критерий Вилкоксона. Использовался пакет программ SPSS18.0.

Результаты. С помощью критерия Колмогорова-Смирнова установлено, что среди рассматриваемых показателей соответствует нормальному виду только распределение Тст *невротизма Айзенка*.

По остальным шкалам распределение Тст не соответствует нормальному. В подгруппе младших распределение показателей Тмл по всем без исключения шкалам не соответствует нормальному.

Применение Т-критерия Вилкоксона выявило значимые различия между Тмл и Тст по *интернальности достижений, интернальности семейных отношений и толерантности к неопределенности*. Кроме того, по *интернальности достижений и интернальности семейных отношений* Тмл ниже Тст; а по *толерантности к неопределенности* Тст ниже Тмл.

Выводы. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что позиция «старший-младший» в сиблинговой паре у взрослых сиблингов связана с точностью оценок отдельных личностных характеристик. Младший точнее оценивает старшего по *интернальности достижений и интернальности семейных отношений*. Старший более точен в оценке своего сиблинга, чем младший по *толерантности к неопределенности*.

Выявленные особенности оценивания младшим сиблингом старшего могут свидетельствовать об особом внимании младшего к успехам и достижениям старшего, к его поведению и роли в семье, а также к ответственности старшего за складывающиеся в семье отношения. Старший сиблинг в большей степени внимателен к тому, как младший действует в ситуации неопределенности, насколько он готов воспринимать новые идеи и ситуации.

Литература:

1. Conger K. J. Sibling Relationships During the Transition to Adulthood / K. J. Conger, W. M. Little // *Child Development Perspectives*. – 2010. – Vol. 4. – № 2. – P. 87–94. URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1750-8606.2010.00123.x>
2. Jensen A.C. “Can’t live with or without them:” Transitions and young adults’ perceptions of sibling relationships / A. C. Jensen, S. D. Whiteman, K. L. Fingerman // *Journal of Family Psychology*. – 2018. – Vol. 32. – № 3. – P. 385–395. <https://doi.org/10.1037/fam0000361>
3. Letzring T. D. The Realistic Accuracy Model [Электронный ресурс] / T. D. Letzring, D. C. Funder. – URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780190912529.001.0001/oxfordhb-9780190912529-e-2>. – (Дата обращения: 08.06.2020).
4. Mast M. S. The Impact of Interpersonal Accuracy on Behavioral Outcomes: / M. S. Mast, J. A. Hall // *Current Directions in Psychological Science*. – 2018. – Vol. 27. – № 5. – P. 309–314. doi: 10.1177/0963721418758437

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ ВУЗА

STUDY OF THE VALUE-MOTIVATIONAL COMPONENT OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR THE EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS

Балакшина Елена Владимировна
Balakshina Yelena Vladimirovna

Тверской государственный технический университет, Россия, Тверь
Tver State Technical University, Russia, Tver

balakshina79@mail.ru

Аннотация

Раскрывается проблема психологической готовности к обучению в высшем учебном заведении, приводятся основные компоненты готовности, детерминирующие положительную адаптацию к условиям Вуза. Указываются особенности, связывающие психологическую готовность с качеством подготовки инженерных кадров как необходимой основы для самостоятельной реализации профессиональных обязанностей в будущем. Приводятся результаты психодиагностического исследования ценностно-мотивационного компонента психологической готовности обучения в вузе.

Ключевые слова: адаптация, мотивация, психологическая готовность, профессиональная деятельность, профессия.

Abstract

The problem of psychological readiness for training in the higher educational institution is revealed, the main components of readiness are presented, determinizing positive adaptation to the conditions of the University. Features linking psychological readiness to the quality of engineering training are specified as the necessary basis for independent realization of professional duties in the future. The results of the diagnostic study of the value-motivational component of psychological readiness of education in the university are given.

Keywords: adaptation, motivation, psychological readiness, professional activity, profession.

На сегодняшний день в рамках Постановления Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» особое место уделяется «формированию эффективной системы сбалансированного воспроизводства научных, инженерных и предпринимательских кадров..» [4]. Основой качественной подготовки будущих инженерных кадров являются специализированные знания, получаемые в процессе обучения в конкретной предметной области, формирование необходимых навыков и умений, подготавливающих обучающегося к самостоятельной трудовой деятельности и, что немало важно, психологическая готовность к обучению.

В литературе психологическая готовность связывается с общей готовностью действовать, определяемой рядом психологических параметров. Она позволяет своевременно мобилизовать все ресурсы субъекта деятельности на достижение желаемого результата в долгосрочной и краткосрочной перспективах. Основу готовности составляют знания, умения, навыки, установки, мотивация, а также психологические ресурсы личности [1; 2].

Н. Д. Левитов включает в структуру психологической готовности тип нервной системы, условия выполняемой деятельности, индивидуально-психологические особенности личности. Автор отмечает, что данная характеристика действует в заданный период времени как целостная, отражающая своеобразие протекания психических процессов, свойств личности и состояний [5].

Кусакина С. Н. дает следующее описание психологической готовности к обучению в Вузе: «состояние субъекта, мобилизующее его к какой-либо обусловленной его потребностями деятельности, побуждающее его к – прогнозированию своих действий, к селективной преобразующей активности, которая, в конечном счете, объективируется в некотором результате, отвечающем лежащим в основе готовности потребностям, и сопровождается переживанием удовлетворенности» [3].

Автор предлагает многокомпонентную функциональную систему психологической готовности, положительно влияющей на процесс адаптации к обучению и состоящей из трех частей: мотивационно-профессиональной, когнитивно-темповой и волевой.

Особое внимание следует уделить первому компоненту (мотивационно-профессиональный). Мотивационный компонент включает движущие и побудительные силы, формирующие интерес к профессиональному обучению на основе динамических и содержательных характеристик. В совокупности они создают основу для позитивного социально-эмоционального поведения в учебном процессе, деятельности в целом, стремлению овладеть новыми предметами и действиями.

В этом смысле подготовка будущего специалиста является важным этапом профессионализации и одной из ступеней в процессе развития субъекта труда. Качественное усвоение студентом знаний в стенах Вуза – это ступенчатый процесс наращивания профессиональной надежности, основой которого, выступает способность и желание самостоятельно приобретать специальные знания, умения, навыки, остаться в профессии.

Целью нашего исследования выступило проведение психодиагностического исследования мотивационного компонента профессиональной готовности к профессиональному обучению в вузе, ценностных ориентаций и уровня субъективного благополучия.

Эмпирический объект исследования: в качестве обследуемого контингента выступили студенты 1 курса ТвГТУ инженерных специальностей в количестве 184 человек (выборка с преобладанием представителей мужского пола).

Методики исследования:

1. Методика «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной. Шкалы методики позволяют оценить выраженность трех параметров: «приобретение знаний», «овладение профессией», «получение диплома» и три возможных мотивационных профиля (адекватный, промежуточный, неадекватный).
2. Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ-2) И. Г. Сенина. Автор предлагает инструмент, посредством которого происходит оценка жизненных целей студентов. Методика позволяет выявить жизненные сферы человека как наиболее значимые и важные, а также основные ориентиры в стремлениях.
3. Шкала субъективного благополучия. Методика является одним из показателей удовлетворённости жизнью и отношении человека к жизни как позитивной, полной положительных событий.

Диагностика мотивации обучения в высшем учебном заведении позволила установить следующие закономерности: выявленный мотивационный профиль у респондентов не соответствует идеальному. В целом выявленный тип соответствует промежуточному. Студенты в первую очередь заинтересованы в получении профессиональных знаний (7,1 баллов), далее их интересует получение диплома как конечной цели обучения в вузе (5,6 баллов) и на

последнем месте мотивация на овладение профессией (4,9 баллов). **Формула профиля мотивации к обучению у респондентов следующая ПЗ>ОП<ПД. Обучающиеся понимают важность получения и усвоения специализированных знаний, важность их качества для успешного вхождения в профессию и выполнения трудовой деятельности.**

Исследование специфики ценностной сферы студентов технических специальностей показало следующее: интерес в разных сферах жизни (семейной жизни, профессиональной жизни, увлечений, общественной жизни, обучения и образования) у респондентов выражен в равной степени. Отмечено незначительное преобладание шкал – сфера обучения и образования, сферы профессиональной жизни и сфера увлечений. Очевидно, что на начальном этапе профессионального обучения студенты в большей степени ориентированы на получение знаний, приобретение необходимых навыков для успешности трудовой деятельности и особое место отводят для отдыха).

Исследование проводилось на студентах двух технических направлений (информационные технологии и машиностроительный факультет). Применение непараметрического анализа Манна-Уитни выявило различие по двум показателям у представителей двух факультетов: сфера семейной жизни $U=3482$; $p=,046$; сфера профессиональной жизни $U=3471$; $p=,043$. По двум выделенным факторам преобладание качества выявлено во второй выборке. Для студентов машиностроительного факультета характеры более жизненные, приземленные ценности. Ориентация на общежизненные цели, связана с ощущением стабильности и уверенности в будущем.

Результаты исследования показателей субъективного благополучия позволили установить следующее: для 7,1% (13 чел.) характерен высокий уровень выраженности субъективного контроля, 65,2% (120 чел.) демонстрируют норму выраженности качества, а для 27,7% (51 чел.) свойственен низкий уровень выраженности субъективного благополучия. В процентном соотношении чуть менее трети от общей выборки испытуемых не ощущают полного субъективного благополучия. Данные студенты испытывают психоэмоциональное напряжение, наличие индивидуального жизненного опыта, что недостаточно, чтобы самостоятельно справиться с возникающими коллизиями и трудностями. Среднее статистическое значение по группе составило 3,9 балла, что входит в крайние границы нормы с тенденцией к снижению.

Респонденты в целом оценивают реализацию своих планов как вполне успешное мероприятие, позитивный фон также создают налаженные межличностные отношения внутри студенческого коллектива, наличие внутренних ресурсов для достижения поставленных целей.

Таким образом, мотивационно-ценностный компонент психологической готовности к обучению является важным фактором для приложения усилий при поступлении в выбранный Вуз, а также ориентации на выбранное студентом направление. Он выступает в качестве необходимого условия для успешной адаптации к реальности, с которой сталкивается студент-первокурсник в процессе обучения. Адекватный тип мотивационного профиля способствует позитивному восприятию процесса обучения, быстрого приспособления к нему, а также стремле-

нию усваивать знания на конкурентном по сравнению с окружающими обучающимися уровне. Задавая главный вектор в обучении – знания и профессиональные навыки студента, тем самым создается основа для успешного вхождения в профессиональную среду и профессиональной надежности. Полученные в ходе психодиагностического исследования данные могут послужить основой для разработки модели профессиональной надежности студентов инженерных специальностей на начальном этапе профессионализации как будущих специалистов.

Литература:

1. Дьяченко М. И. Психологические проблемы готовности к деятельности / М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 175 с.
2. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность» // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. Серия: Философия, социология, культурология. – 2012. – С. 117–119.
3. Кусакина С. Н. Готовность к обучению в вузе как психологический феномен: дис. канд психол. наук. Москва, 2009. 234 с.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Москва. 211 с.
5. Санжаева Р. Д. Психология безопасности и готовность личности к деятельности на железнодорожном транспорте. Хабаровск: ДВГУПС, 2005. – 110 с.

УДК 159.99

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ДОХОДА ЛЮДЕЙ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

LIFE SATISFACTION AND SUBJECTIVE INCOME OF OLDER PEOPLE

*Веденеева Екатерина Владимировна, Честюнина Юлия Владимировна, Ильюшенкова Оксана Германовна
Vedeneeva Ekaterina Vladimirovna, Chestunina Julia Vladimirovna, Ilyshenkova Oksana Germanovna*

*Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск
Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk*

kotia2882@mail.ru, chestyunina@list.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00447 А

Аннотация

В статье представлены результаты исследования удовлетворенности жизнью и субъективной оценки дохода у пенсионеров. Люди пенсионного возраста определяют свой общий уровень удовлетворенности жизнью как средний, причем мужчины имеют более высокий уровень удовлетворенности жизнью, чем женщины. Люди пенсионного возраста в большинстве оценивают свой уровень дохода как «средний», причем женщины имеют немного выше субъективную оценку дохода, чем мужчины. Выявлена сильная корреляционная связь между удовлетворенностью жизнью и субъективной оценкой дохода людьми пенсионного возраста.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, субъективная оценка дохода, пенсионеры, пожилой возраст.

Abstract

The paper represents the results of the study on life satisfaction and a subjective assessment of income of the pensioners. People of the retirement age define their level of satisfaction with life as an average one. Males have a higher level of satisfaction with life than females. A strong correlation between satisfaction with life and subjective income by older people is revealed.

Keywords: life satisfaction, subjective income, retirement, old age.

В последние несколько десятков лет продолжительность жизни населения нашей планеты стремительно растет. Согласно данным Демографического отдела Департамента ООН, каждый десятый житель нашей планеты находится в пожилом и старческом возрастах. А по прогнозам той же ООН, в 2025 г. по всему миру число людей пожилого и старческого возраста составит более 1100 млн. человек. Россия так же не стала исключением, и, предположительно, к 2025 году доля граждан старше трудоспособного возраста увеличится на 25–27% и составит порядка 40 млн. человек [5].

Актуальность выбранной темы связана с тем, что для проведения оптимальной социальной политики в сфере старения необходимо понимать, как сегодня живет пожилой человек: насколько он благополучен или несчастен. Важно не только выявлять социальные и психологические проблемы пожилых людей, но и создавать условия, направленные на повышение удовлетворенности жизнью, способствующие обогащению духовной жизни, эмоциональной стабильности, внутренней гармонии, и, соответственно, благополучию старшего поколения. А для решения этих задач важно знать, как различные аспекты жизни влияют на субъективное благополучие стареющего населения.

В ходе изучения проводимых исследований по данной теме были выявлены противоречивые результаты. Так, например, в исследованиях Бурко В. А., Китайцевой О. В., говорится о том, что прямой зависимости между удовлетворенностью жизнью и субъективным уровнем доходов не наблюдается [1,3]. А в исследованиях, проведенных М. А. Ласточкиной, утверждается, что "удовлетворенность жизнью в большей степени зависит от материального благополучия" [4].

В исследовании приняли участие проживающие государственного стационарного учреждения социального обслуживания «Челябинский геронтологический центр», работники ФГБОУ ВО «ЧелГУ», клиенты МБУ «КЦСОН по Калининскому району г. Челябинска», сотрудники ООО «Челябинская художественная фабрика «Брегет»». В качестве выборки исследования выступили люди пенсионного возраста (объем выборки – 210 человек, средний возраст – 66 лет). Всего 68 мужчин, 128 женщин и 14 человек, не указавших свой пол. Возрастной диапазон от 43 лет до 91 года.

Для исследования удовлетворенности жизнью был использован психодиагностический метод "Шкала удовлетворенности жизнью", разработанная Э. Динером, Р. А. Эмонсом, Р. Дж. Ларсеном и С. Гриффином в 1985 году, адаптированная русскоязычной версией Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиным, 2008 г. Для исследования оценки субъективного дохода был использован психодиагностический метод "Модифицированная шкала уровня субъек-

тивного дохода Фенэма" в адаптации О. С. Дейнека, 1999 г. Также использованы методы статистического анализа (описательная статистика, r-корреляция Спирмена).

Анализ результатов уровня удовлетворенности жизнью показал: 29% опрошенных пенсионеров обладает низким уровнем удовлетворенности жизнью; 37% – средним уровнем удовлетворенности жизнью; 34% – высоким уровнем удовлетворенности жизнью.

Далее были проанализированы результаты уровня удовлетворенности жизнью отдельно у мужчин и женщин пенсионного возраста. Анализ результатов показал, что 37% женщин и 13% мужчин обладают низким уровнем удовлетворенности жизнью; 33% женщин и 47% мужчин – средним уровнем удовлетворенности жизнью; 30% женщин и 40% мужчин – высоким уровнем удовлетворенностью жизнью. Полученные значения свидетельствуют о более низкой удовлетворенности жизнью у женщин пенсионного возраста по сравнению с мужчинами. Данные нашего исследования подтверждаются данными ранее проведенных исследований Г. Л. Ворониным, В. Я. Захаровым, П. М. Козыревой [2].

Проведенное исследование для всех пенсионеров показало, что средние значения шкал удовлетворенности жизнью составляют от 3,3 баллов до 4 баллов, где самый высокий балл имеет шкала «Я удовлетворен (а) своей жизнью» (4 балла), а самый низкий балл имеет шкала «Условия моей жизни превосходные» (3,3 балла). На основании полученных результатов, можно утверждать, что люди пенсионного возраста удовлетворены своей жизнью, довольствуясь теми ресурсами, что имеют, но в тоже время желают улучшить свои условия жизни.

В исследовании по шкалам удовлетворенности жизнью средних значений отдельно для мужчин и для женщин было выявлено, что женщины пенсионного возраста в целом удовлетворены своей жизнью (3,8 балла) и условиями жизни (3,0 балла), но считают, что живут вопреки своим идеалам (2,7 балла), но при этом ничего не хотят менять (3,9 балла), предпочитая довольствоваться тем, что имеют (3,4 балла). Анализируя результаты мужчин пенсионеров, обнаружено, что они считают свою жизнь близкой к идеалу (4,9 балла), но хотели бы улучшить свои условия жизни (3,8 балла).

На следующем этапе был определен уровень субъективной оценки дохода. В ответах пенсионеров преобладает ответ «средний» (44% опрошенных пенсионеров); 27% опрошенных оценивают уровень своего дохода как «ниже среднего», а 12% – как «низкий»; ответ «свожу концы с концами» выделили 8% пенсионеров; в то же время 7% людей пенсионного возраста оценивают уровень собственного дохода «выше среднего» и лишь по 1% опрошенных – как «высокий» и «очень высокий».

В результате проведенного исследования субъективной оценки уровня дохода отдельно у мужчин и женщин пенсионного возраста, было выявлено, что женщины немного выше оценивают свой доход (количество баллов у женщин 3,7, у мужчин – 3,6). Но, несмотря на то, что женщины оценивают свой доход выше, они имеют более низкий уровень удовлетворенностью жизнью, чем мужчины.

Далее корреляционный анализ показал, что шкалы субъективной оценки дохода имеют значимые взаимосвязи с показателями всех шкал удовлетворенности жизнью, причем, все корреляции прямые, это говорит о том, что чем выше испытуемые оценивают свой доход, тем выше они удовлетворены жизнью. Выявлена положительная, сильная ($r=0,357$; $p<0,0001$) корреляционная связь оценки субъективного дохода со шкалой «Моя жизнь близка к идеалу в большинстве своем», это означает, чем выше субъективная оценка дохода людьми пенсионного возраста, тем больше они близки к жизненному идеалу. Субъективная оценка дохода коррелирует со шкалой «Условия моей жизни превосходные» ($r=0,351$; $p<0,0001$), это означает, чем выше субъективная оценка дохода пенсионерами, тем больше люди пенсионного возраста считают условия своей жизни превосходными. Наблюдается положительная, сильная ($r=0,334$; $p<0,0001$) взаимосвязь субъективной оценки дохода с удовлетворенностью жизнью, это означает, чем выше субъективная оценка дохода

пенсионерами, тем больше они удовлетворены своей жизнью. Выявлена положительная, сильная ($r=0,331$; $p<0,0001$) корреляционная связь оценки субъективного дохода с утверждением «На данный момент я получил (а) все важные вещи, которые хотел (а)», это означает, чем выше субъективная оценка дохода людьми пенсионного возраста, тем больше они удовлетворены используемыми ресурсами. Субъективная оценка дохода коррелирует со шкалой «Если бы можно было прожить свою жизнь заново, я бы почти ничего в ней не менял», ($r=0,138$; $p=0,0460$), это означает, чем выше субъективная оценка дохода людьми пенсионного возраста, тем больше они считают, что прожили жизнь достойно.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены особенности удовлетворенности жизнью людей пенсионного возраста и субъективная оценка дохода. А также изучена взаимосвязь удовлетворенности жизнью с одним фактором – субъективной оценкой дохода людьми пенсионного возраста. Необходимы дальнейшие эмпирические исследования, направленные на изучение ряда других факторов, например, определение взаимосвязи удовлетворенности жизнью с оценкой своего здоровья, уровня образования, семейного положения и др. Данные исследования позволят создать методы работы с представителями пенсионного возраста, направленные на их психологические особенности, и позволяющие им гармонично жить в обществе.

Литература:

1. Бурко В. А. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – № 1. – С. 43–62.
2. Воронин Г. Л. Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. – 2018. – Т. 24, – № 3. – С. 32–55.
3. Китайцева О. В. Социальное положение российских пенсионеров как фактор удовлетворенности жизнью // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2017. – № 3. – С. 50–59.
4. Ласточкина М. А. Факторы удовлетворенности жизнью: оценка и эмпирический анализ // Вопросы прогнозирования. – 2012. – № 5. – С. 132–139.
5. Сазанова Г. Ю., Шульпина Н. Ю., Пономарев А. Д. Оценка влияния социальных факторов на психоэмоциональное состояние лиц пожилого и старческого возраста // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2019. – Т. 15, – № 3. – С. 674–677.

УДК 159.922.8
ГРНТИ 15.31.31

СТРУКТУРА КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

STRUCTURE OF CONTROL OF BEHAVIOR OF BOYS AND GIRLS FROM COMPLETE AND SINGLE-PARENT FAMILIES

*Ветрова Ирина Игоревна
Vetrova Irina Igorevna*

*Институт психологии РАН, Россия, Москва
Institute of Psychology RAS, Russia, Moscow*

vetrovair@ipran.ru

*Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием Минобрнауки РФ
№ 0159–2020–0004.*

Аннотация

Работа посвящена изучению структуры контроля поведения у юношей и девушек из полных и неполных семей. Проанализированы данные 114 человек в возрасте от 18 до 21 года (средний возраст 19,7 лет) по показателям когнитивного, эмоционального и волевого контроля, как составляющих единого регулятивно-го конструкта «контроль поведения» (Сергиенко, 2018). Было показано, что факт наличия/отсутствия отца в семье является значимым для развития контроля поведения в большей степени у юношей по сравнению с девушками. Кроме того, для юношей и девушек имеет значение их возраст, когда семья стала неполной.

Ключевые слова: контроль поведения, саморегуляция, волевой контроль, когнитивный контроль, эмоциональный контроль, неполная семья.

Abstract

The paper is describe the study of structure of control of behavior of young man and girl from complete and single-parent families. The data of 114 people aged 18 to 21 years (average age 19.7 years) were analyzed in terms of cognitive, emotional and volitional control, as components of unifying regulatory construct “control of behavior” (Sergienko, 2018). It was shown that the family type is important for the development of control of behavior for boys in comparison with girls. In addition, for boys and girls their age is important when the family has become incomplete.

Keywords: behavior control, self-regulation, volitional control, cognitive control, emotional control, single-parent family.

В. М. Бехтерев, являясь ярчайшим и весьма деятельным представителем мультидисциплинарной научной эпохи, внёс заметный вклад во многие области изучения человеческой психики. Так, научной школе В. М. Бехтерева и его учеников и последователей (А. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, В. Н. Мясищева, Б. Г. Ананьева и др.) принадлежит огромная заслуга в постановке и раскрытии важных аспектов проблемы психической саморегуляции. В современной отечественной науке проблема саморегуляции раскрывается в трудах К. А. Абульхановой-Славской, Е. П. Ильина, О. А. Конопкина, В. И. Моросановой и др., в отдельное направление можно выделить исследования А. О. Прохорова, посвященные регуляции психических состояний.

Е. А. Сергиенко в рамках представлений о регуляции и саморегуляции предлагает новое понятие «контроль поведения», которое рассматривается как интегративный конструкт субъектной регуляции. В контроле поведения реализуется и развивается

на протяжении жизни интегративная индивидуальность человека, опираясь на его генетико-средовую уникальность: индивидуальный генотип и средовой опыт, уникальность его психической организации [3]. В контроле поведения можно выделить три подсистемы регуляции: когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль, которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются друг с другом, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции. Этот индивидуальный паттерн трансформируется на протяжении жизни в зависимости от актуальных ресурсов и потребностей [4].

При исследовании механизмов контроля поведения в раннем детском возрасте было показано, что три компонента контроля поведения развиваются взаимосвязано, обеспечивая на каждом этапе возможность развития друг друга и подготавливая переходы на следующий уровень развития. Причём, важным механизмом, обеспечивающим эти переходы, оказывается гетерохрония: не все ком-

поненты одновременно достигают одного и того же уровня развития, за счет чего возможны компенсаторные отношения между ними [1]. В собственном лонгитюдном исследовании подростков 14–18 лет с 2006 по 2011 год нами было выявлено относительное постоянство контроля поведения, подтверждена связь контроля поведения и совладания со степенью приспособленности подростков и выраженностью их тревожности в континууме защитно-совладающего поведения.

Исследование А. О. Клоповой [2] было посвящено детальному анализу особенностей формирования личности мальчиков-подростков из полных и неполных семей. Было показано, что воспитание в условиях неполной семьи создает противоречивые условия для развития личности мальчика, в переходный период это может негативно отразиться на процессах социализации, создавая сложности адаптации в социуме. Мальчики из неполной семьи имеют более низкую самооценку и более высокий уровень агрессивности, кроме показателя негативизма. В работе В. С. Собкина и А. Н. Вераксы с коллегами [5] было выявлено, что у дошкольников из неполных семей менее развита способность к децентрации, но они лучше ориентируются в возможности рассогласования реальных чувств человека и его поведения.

В своей пилотажной работе мы сфокусировались на более масштабном факторе – наличии/отсутствии отца в семье и отсроченных последствиях этого фактора, проявляющихся в особенностях контроля поведения молодых людей. В исследовании приняли участие 114 человек в возрасте от 18 до 21 года (средний возраст 19,7 лет). Из них юношей из полной семьи 23 человек, из неполной – 21 человек (всего 44 юноши), девушек из полной семьи 38 человек, из неполной 32 человека (всего 70 девушек). Так же учитывался возраст респондента, когда семья стала неполной.

Поскольку работа является пилотажной, были использованы базовые методики для оценки отдельных составляющих контроля поведения:

- Для оценки уровня эмоциональной составляющей контроля поведения: методика Self Report Emotional Intelligence Test (SREIT), сконструированная Н. Шуте с коллегами на базе ранней модели Дж. Мэйера и П. Сэловея (шкалы «Оценка и выражение эмоций», «Регулирование эмоций», «Использование эмоций в решении проблем»);
- Для оценки контроля действий как волевого компонента контроля поведения: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля в адаптации С. А. Шапкина (шкалы «Контроль за действием при неудаче», «Контроль за действием при планировании», «Контроль за действием при реализации»);
- Для оценки уровня когнитивной составляющей контроля поведения: «Стилевые особенности саморегуляции поведения» (ССП-98) В. И. Моро-

сановой (шкалы «Планирование», «Программирование», «Гибкость», «Моделирование», «Оценка результата», «Самостоятельность», «Общий уровень саморегуляции»).

Для статистической обработки данных был использован U-критерий Манна–Уитни для выявления различий между выделенными группами и ранговый коэффициент корреляции Спирмена для оценки уровня связи отдельных показателей разных методик.

На первом этапе анализа были зафиксированы половые различия: в общей группе, а также в группе полных семей девушки статистически значимо превосходят юношей по уровню выраженности таких показателей контроля поведения как «Регулирование эмоций» ($p=0,04$ и $p=0,00$ соответственно), «Контроль действий при планировании» ($p=0,00$ и $p=0,00$ соответственно) и «Контроль действий при реализации» ($p=0,03$ и $p=0,03$ соответственно). В неполной семье статистически значимых половых различий не выявлено.

При сопоставлении результатов молодых людей из полных и неполных семей в общей группе выявлены более высокие результаты у юношей и девушек из неполной семьи по шкале «Оценка и выражение эмоций» эмоционального контроля ($p=0,04$) и «Планирование» когнитивного контроля ($p=0,04$). Если же рассматривать отдельно юношей из полных и неполных семей, то юноши из неполных семей превосходят юношей из полных семей по показателям «Оценка и выражение эмоций» ($p=0,00$) и «Регулирование эмоций» ($p=0,02$) эмоционального контроля. В группе же девушек нет статистически значимых различий по показателям контроля поведения.

Опираясь на литературные данные англоязычных исследований о сформированности основных показателей самоконтроля к 10-летнему возрасту, мы сравнили юношей и девушек из группы, где развод родителей пришёлся на их возраст до 10 лет (всего 24 человека: 8 юношей и 16 девушек), с группой, где юноши и девушки оказались в неполной семье в возрасте старше 10 лет (всего 20 человек: 8 юношей и 12 девушек).

В общей группе статистически выше значим показатель «Самостоятельность» когнитивного контроля у молодых людей, оказавшихся в неполной семье в более раннем возрасте ($p=0,05$). Отдельно в группе юношей статистически значимо выше показатель «Контроль действий при планировании» волевого контроля у тех, кто оказался в неполной семье в возрасте до 10 лет ($p=0,04$). В группе девушек статистически значимых различий в зависимости от возраста, когда семья стала неполной, не выявлено.

При изучении корреляционной структуры показателей контроля поведения выявлено заметное различие между юношами и девушками – у юношей из полной и неполной семьи наблюдается более интегрированная структура контроля поведения.

А самые заметные различия получены между юношами и девушками из неполной семьи, разделёнными на группы в зависимости от их возраста, когда семья стала неполной. Если развод случился до 10-летнего возраста респондента, то наблюдается полностью разобшенная структура контроля поведения (выявлена одна отрицательная связь между шкалой «Планирование» когнитивного контроля и шкалой «Регулирование эмоций» эмоционально-контроля $r = -0,45$, $p = 0,026$).

В результате проведённого анализа полученных данных можно отметить, что половые различия играют важную роль в особенностях контроля поведения у молодых людей из полной и неполной

семьи. Так, существуют различия между юношами и девушками из полных и неполных семей по уровню развития эмоциональной составляющей контроля поведения. Юноши из неполной семьи превосходят юношей из полной семьи в области распознавания и регулирования эмоций, что может быть связано с более тесным контактом с матерями. Девушки менее чувствительны к фактору полноты/неполноты семьи в области показателей контроля поведения. Кроме того, показано, что развод родителей в более раннем возрасте отражается на респондентах в виде разобщенной структуры контроля поведения в юношеском возрасте.

Литература:

1. Виленская Г. А. Гетерохрония на ранних этапах развития контроля поведения // Принцип развития в современной психологии. Серия «Методология, теория и история психологии». Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 319–338.
2. Клопова О. В. Особенности формирования личности мальчиков-подростков из неполных семей // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, – № 23. – С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.06.2020).
3. Сергиенко Е. А. Контроль поведения как основа саморегуляции // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19, – № 4. – С. 130–146
4. Сергиенко Е. А., Виленская Г. А. Контроль поведения – интегративное понятие психической регуляции // Разработка понятий современной психологии. Серия «Методология, теория и история психологии». Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – С. 343–378.
5. Собкин В. С., Веракса А. Н., Бухаленкова Д. А., Федотова А. В., Халутина Ю. А. Связь социально-демографических факторов и психологических аспектов дестко-родительских отношений с уровнем психического развития ребенка // Воспитание и обучение детей младшего возраста.

УДК 159.923

СООТНОШЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИМПТОМАТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

RELATIONSHIP OF ATTACHMENT, PSYCHOLOGICAL SYMPTOMS, AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING IN EARLY ADULTHOOD

Куфтяк Елена Владимировна

Kuftyak Elena Vladimirovna

ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Москва

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian, Moscow

elena.kuftyak@inbox.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Привязанность в детском возрасте и связь с проблемами психического здоровья», № 18-013-01101 А

The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-01101 A

Аннотация

Рассмотрена связь между типом привязанности, психологической симптоматикой и психологическим благополучием в период ранней взрослости. Выявлено процентное соотношение юношей и девушек с разными типами привязанности. Рассмотрены различия в психологической симптоматике и психологическом благополучии у лиц с разными типами привязанности. Описана взаимосвязь тревожности и избегания в отношениях, психологической симптоматики и психологического благополучия.

Ключевые слова: привязанность, типы привязанности, психологическое благополучие, ранняя взрослость.

Abstract

The relationship between the type of attachment, psychological symptoms and psychological well-being in early adulthood is considered. The percentage of boys and girls with different types of attachment was revealed. Differences in psychological symptoms and psychological well-being in individuals with different types of attachment are considered. The article describes the relationship between anxiety and avoidance in relationships, psychological symptoms and psychological well-being.

Keywords: attachment, types of attachment, psychological well-being, youth.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к вопросам привязанности во взрослой жизни. Усвоенный опыт с фигурами привязанности в раннем детстве создает внутреннюю рабочую модель самого себя, других людей и своих взаимоотношений с другими служит основой модели привязанности взрослого человека. Т. В. Казанцева установила, что в отношениях с разными значимыми лицами (матерью, другом, подругой) повторяется схожий тип отношений, при этом характер привязанности к матери является определяющим [1]. Так, взрослый имеет более дифференцированные модели себя и других, сопоставляет отношения с разными фигурами привязанности, способен конструировать гипотетический идеал отношений, что позволяет ему быть более гибким во взаимоотношениях с окружающими.

Социальное и психическое развитие надежно и ненадежно привязанных детей и подростков сравнивали во многих исследованиях [2]. От типа привязанности зависит, насколько активно человек будет искать решения во время тревожных событий, устранять и минимизировать переживания или усиливать эмоциональные реакции [4]. Эмпирические исследования К. Хейзен и Ф. Шейвер показали, что у людей с ненадежными типами привязанности не только более пессимистичные взгляды на любовь и романтические отношения, но и более высокое значение неуверенности в себе [5]. Однако, полных данных относительно последствий надежной и ненадежной привязанности в разных периодах взрослости недостаточно [3], носят фрагментарный характер и они нуждаются в дополнении.

Целью настоящей работы было исследование соотношения типа привязанности с психологической симптоматикой и психологическим благополучием в период ранней взрослости.

В работе были использованы следующие методики: «Самооценка генерализованного типа привязанности» (RQ; К. Bartholomew, L. Horowitz, 1998; адаптация Т. В. Казанцевой, 2011), измеряющая четыре типа привязанности; «Переработанный опросник – Опыт близких отношений» (ECR-R; R. C. Fraley, N. G. Waller, K. A. Brennan, 2000; адаптация К. А. Чистопольской, О. В. Митиной, С. Н. Ениколопова и др., 2018), оценивает тревожность и избегание близости в отношениях; симптоматический опросник SCL-90-R; Шкала психологического благополучия К. Рифф (адаптация Л. В. Жуковской,

Е. Г. Трошихиной, 2011), направленной на изучение компонентов психологического благополучия. В исследовании приняли участие 106 здоровых лиц в возрасте от 18 до 23 лет.

Надежный тип привязанности обнаружен у 33% выборки. 23,6% молодых отметили у себя тревожно-противоречивый тип привязанности, 23,6% – отстраненно-избегающий, а 19,8% – боязливый. В целом, это соотношение соответствует распределению типов привязанности в здоровой популяции.

Результаты исследования показали, что молодые люди с отстраненно-избегающим типом привязанности более независимы и склонны к регуляции своего поведения, а молодые люди с боязливым типом – озабочены ожиданиями и оценками других, подвержены социальному давлению ($p = 0,09$). Молодые люди с надежной привязанностью более обладают чувством мастерства и компетентности в овладении средой, а молодые люди с отстраненно-избегающим типом привязанности оказываются неспособны улучшить или изменить окружающие обстоятельства ($p = 0,09$). Молодые люди с надежной привязанностью более позитивно удовлетворены доверительными отношениями с другими, а молодые люди с боязливым типом – более негативно ($p = 0,0001$). Установлено, что молодые люди с надежной привязанностью позитивно относятся к себе и своему прошлому, а молодые люди с боязливым типом – не удовлетворены собой ($p = 0,003$).

Результаты исследования позволили установить, что чувство беспокойства и заметный дискомфорт в процессе межличностного взаимодействия наиболее характерны для молодых людей с боязливым типом привязанности, наименее – с надежным типом привязанности ($p = 0,001$). Выявлено, что наиболее выражены у молодых людей с тревожно-противоречивым типом привязанности нервозность, напряжение, а также раздражительность и гнев, с надежной привязанностью – наименее ($p = 0,05$; $p = 0,05$).

Получены следующие связи тревожности и избегания в отношениях, психологической симптоматикой и психологическим благополучием: в период ранней взрослости показано, что чем менее в молодом возрасте выражены тревожность (а именно, уверенность в надежности значимого лица) и избегание (отсутствия страха близости), тем более они психологически благополучны и здоровы.

Изучение соотношения типа привязанности с психологической симптоматикой и психологическим благополучием вносит вклад в разработку практических рекомендаций в сфере здоровья для психологов и клинических психологов, занимающихся профилактикой, сопровождением и реабилитацией заболеваний.

Литература:

1. Куницына В.Н., Казанцева Т. В. Воспроизведение типов привязанности в отношениях с близкими людьми // Вестник СПбУ. Серия 12 (Социология и Психология). – Вып. 1. Ч. II. – 2009. – С. 3–8.
2. Куфтяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – 2015. – № 1 (86). – С. 78–83.
3. Куфтяк Е. В. Семейно-поколенческое исследование: теория и практика // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика» – 2014. – Т. 20. – № 1. – С. 64–68.
4. Main M. The organized categories of infant, child and adult attachment: Flexible vs. inflexible attention under attachment-related stress // Journal of the American Psychoanalytic Association. – 2000. – Vol. 48(4). – P. 1055–1096.
5. Shaver, P. R., Mikulincer M. What do self-report attachment measures assess // Adult attachment: Theory, research, and clinical implications / Eds. J. A. Simpson, W. S. Rholes. New York: Guilford Press, 2004.

УДК 159.98

СТРУКТУРА ВЗАИМОСВЯЗИ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

THE STRUCTURE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CHARACTERISTICS OF THE SUBJECTIVE EXPERIENCE OF MENTAL STATES AND FORECASTING IN CHILDREN BROUGHT UP UNDER CONDITIONS OF FAMILY DEPRIVATION

Артищева Лира Владимировна
Artishcheva Lira Vladimirovna

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan

ladylira2013@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18–013–01012 «Субъективный опыт психических состояний в ситуации прогнозирования жизнедеятельности».

The reported study was funded by RFBR, project number 18–013–01012

Аннотация

В статье рассматривается специфика структуры взаимосвязи прогностических способностей и характеристик субъективного опыта психических состояний детей, воспитывающихся в условиях семейной депривации. Показано, что корреляционная структура обусловлена модальностью и уровнем психической активности состояний. В процесс прогнозирования максимально встроены характеристики субъективного опыта психических состояний, особенно высокого уровня активности – радости и гнева.

Ключевые слова: субъективный опыт, психические состояния, прогнозирование, дети-сироты.

Abstract

The article examines the specifics of the structure of the relationship between prognostic abilities and characteristics of the subjective experience of mental states of children brought up in conditions of family deprivation. It is shown that the correlation structure is determined by the modality and the level of mental activity of the states. The forecasting process incorporates as much as possible the characteristics of the subjective experience of mental states, especially of a high level of activity – joy and anger.

Keywords: subjective experience, mental states, forecasting, orphans.

Сформированность раннего социально-эмоционального опыта играет важную роль в развитии и психическом здоровье ребенка (Брушлинский, 1978; Выготский, 1984; Sroufe, Carlson, Levy, Egeland, 1999). В условиях депривации разрушается привязанность, что влечет за собой негативные последствия в эмоциональной жизни ребенка. (Чупрова, 2007). Психические состояния детей носят отрица-

тельный характер, приводящие к ненормативному поведению, к апатии, пессимизму [2;3;4]. Опыт переживания психических состояний детей, воспитывающихся в условиях семейной депривации, обеднен. Они имеют более тяжелый опыт переживания состояния грусти, связанной с психологическими травмами [1].

Специфика субъективного опыта психических состояний детей-сирот мало представлена в психологических исследованиях, хотя является значимой в процессе адаптации и социализации детей, в прогнозировании ситуаций и поведения других людей. В более ранних исследованиях выявлена взаимосвязь тревожности детей-сирот с их прогностическими способностями. Показано, что тревожность определяет структуру прогнозирования. Дети с высоким и средним уровнем тревожности выстраивают инвариативные прогнозы, что обуславливает риск возникновения девиаций (Artishcheva, 2019). В данном исследовании мы хотим показать, насколько процесс прогнозирования обусловлен субъективным опытом психических состояний различной модальности и психической активности.

В исследовании приняли участие дети, воспитывающиеся в условиях семейной депривации, 20 человек в возрасте 11–16 лет. Изучался субъективный опыт психических состояний радость (положительная модальность, высокий уровень активности), гнев (отрицательная модальность, высокий уровень активности), спокойствие (положительная модальность, средний уровень активности), безразличие (отрицательная модальность, средний уровень активности), утомление и грусть (отрицательная модальность, низкий уровень активности). Использовались методики «Рельеф психического состояния», «Способность к прогнозированию в ситуациях потенциального или реального нарушения социальной нормы», разработанная группой ученых КФУ, и самоотчеты (ретроспективное описание переживания психических состояний). Данные обрабатывались с помощью программы SPSS-17 Statistics (корреляционный анализ по критерию Пирсона).

В результате контент-анализа самоотчетов испытуемых были выделены следующие эмпирические характеристики субъективного опыта психических состояний: эмоции/ настроение/ чувства, экспрессия, события/ ситуации/ обстоятельства, деятельность/ поведение, ожидания/ оценка, чувство и поведение других/ значимые другие, ценности, желания/ потребности/ мечты, условия/ место/ время, мнемические/ мыслительные процессы, физиологические/ соматические процессы, регулятивные процессы.

Исследование показало, что у детей, воспитывающихся в условиях семейной депривации, прогнозирование наиболее связано с опытом психических состояний высокого уровня активности (радость

и гнев). Минимальное количество связей прогнозирования имеет с показателями субъективного опыта состояния утомления. Выявлены структурообразующие показатели прогнозирования, которые в большей мере коррелируют с характеристиками субъективного опыта. Среди них можно выделить структурообразующие, свойственные только определенному состоянию, и выявлены сквозные структурообразующие, которые включены в ядро структур опыта нескольких состояний. Рассмотрим обусловленность процессов прогнозирования структурообразующими характеристиками.

Характеристики субъективного опыта состояния радости в основном обуславливают зрелость и активную позицию в прогнозировании, когда ребенок видит себя как субъект разрешения ситуации, демонстрирует поведение, соответствующее возрасту.

Интенсивность показателей опыта состояния гнева у детей, воспитывающихся в условиях семейной депривации, определяет нерациональность построения прогноза, прогнозы выстраиваются без опоры на прошлый опыт, и при этом дети оперируют действиями будущего времени.

Субъективный опыт состояния спокойствия, также как и радости, определяет активную позицию детей в построении прогноза, они выступают субъектами разрешаемой ими ситуации.

Интенсивность характеристик субъективного опыта состояния безразличия позволяют адекватно и корректно прогнозировать в сфере виртуального общения, где им удастся давать развернутый текст своих прогнозов.

При погружении в переживание грусти детям-сиротам сложно прогнозировать в ситуации взаимодействия со сверстниками.

Состояние утомления дает более пессимистические установки в прогнозировании, дети строят прогнозы в рамках узкого социального контекста.

Выявлены показатели, отражающие прогностические навыки детей-сирот, которые имеют взаимосвязи с характеристиками субъективного опыта практически всех изучаемых состояний. К ним относятся сфера виртуального общения, отношения к болезни, отношения в семье и широта/узость социального контекста прогноза. Эти показатели можно назвать универсальными, прогнозы в данных сферах социального взаимодействия не зависят от модальности или уровня активности состояний, здесь процессы прогнозирования запускаются не только характеристиками субъективного опыта состояний, но и другими переменными.

Корреляционный анализ также показал, что характеристики субъективного опыта психических состояний максимально встроены в процесс прогнозирования детей, воспитывающихся в условиях семейной депривации. Выявлены корреляционные связи, встречающиеся в структуре взаимосвязи про-

гнозирования и субъективного опыта двух и более психических состояний, то есть сквозные корреляции. Что указывает нам на наличие не только специфики данных взаимосвязей, обусловленных модальностью и уровнем психической активности состояний, но и общее, что позволяет говорить о единых механизмах формирования способности к прогнозированию.

Выводы: организация структуры взаимосвязи субъективного опыта психических состояний и прогнозирования зависит от модальности и уровня психической активности состояний. Выявлена схожесть в детерминантах процессов прогнозирования субъективным опытом состояний радости и спокойствия.

Литература:

1. Артищева Л.В., Садикова Р.А. Субъективный опыт разномодальных психических состояний детей-сирот // Материалы Третьей Международной научной конференции. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 8–10 ноября 2018 г./ Отв. ред.: Б.С. Алишев, А.О. Прохоров, А.В. Чернов. – Казань: издательство Казанского университета, 2018. – С. 47–49.
2. Найдёнова А.В. Модель психического детей-сирот: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М.: ФГБУН Институт психологии Российской академии наук, 2012. 28 с.
3. Прохоров А.О. Психология состояний. Учебное пособие. – М.: Когито-Центр, 2011.
4. Artishcheva L. V. Subject-Personality Correlates Of Mental States As Possible Determinants Of Deviant Behavior // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS Volume IXX, IFTE. – 2017–3rd International Forum on Teacher Education (31 August 2017). P. 67–73. URL: [http://dx.doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2017.8.2](http://dx.doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2017.8.2)

УДК 376.35

БИЛИНГВИЗМ У ДЕТЕЙ – СТОРОНЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО И ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ

BILINGUALISM OF CHILDREN – POSITIVE AND NEGATIVE SIDES OF INFLUENCES

Артищева Лира Владимировна, Закиева Эльвина Фархадовна

Artishcheva Lira Vladimirovna, Zakieva Elvina Farkhadovna

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань

Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan

ladylira2013@yandex.ru, zakieva1897@gmail.com

Аннотация

Цель исследования – определить имеющуюся специфичность в развитии детей-билингвов. В статье представлены обстоятельства возникновения билингвизма у детей, стороны положительного и отрицательного влияния двуязычия на речевое развитие, особенности речевых и языковых нарушений, наиболее часто встречающихся у детей-билингвов при овладении русскому языку, а также исследования, проведенные зарубежными учеными.

Ключевые слова: билингвизм; двуязычие; дети-билингвы; речевые нарушения.

Abstract

The object of the research is to spot the features of speech disorders in bilingual children. The article presents conditions of origin of bilingualism in children, the sides of the positive and negative influence of bilingualism on speech development, the features of speech and language disorders that are most common in bilingual children, when they mastering the Russian language, as well as researches, which were carried out by foreign scientists.

Keywords: bilingualism, bilinguality, bilingual children, speech disorders.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время наблюдается активный рост числа детей-билингвов, имеющих речевые нарушения, что осложняет их социализацию, получение качественного образования. Вследствие интенсивной миграции населения, геоллингвистическая ситуация в мире претерпевает кардинальные изменения, основными причинами которой является глобализация, смешанные межкультурные браки и стремле-

ние различных социальных объединений к единству и равноправию. Безусловно, данные обстоятельства не могли не отразиться на речевом развитии и социализации двуязычных детей, вынужденных использовать в повседневном общении с окружающими родной и иностранные языки. Стоит отметить, что исследователи по-разному оценивают роль билингвизма в речевом развитии детей. Именно поэтому вопрос о положительном и отрицательном влиянии

билингвизма, проявляющегося в различных речевых нарушениях, остается открытым и спорным для специалистов, осуществляющих работу в сфере гуманитарных наук.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить роль билингвизма в речевом психическом развитии ребенка; во-вторых, выявить обстоятельства возникновения двуязычия у детей; в-третьих, обозначить положительное и отрицательное влияние билингвизма на развитие детей.

В современном обществе билингвизм представляет собой направление, в котором каждому человеку для обмена и передачи информации следует обладать как минимум двумя языками.

Билингвизм – это явление, которое стирает границы, сдерживающие общение людей из разных национальных и культурных сообществ. Он содействует становлению и развитию коммуникативно-речевых навыков и умений, приобщению к неизведанной культуре, её ценностям, мотивации к общению с носителем языка.

Именно поэтому на данный момент жизнь в многоязычном мире является обыденным явлением для населения, вследствие чего увеличивается число детей, которые с рождения либо раннего возраста подвержены двуязычию.

Подобная ситуация очень часто возникает в крупных мегаполисах, где находятся большое количество мигрантов и вынужденных переселенцев. Однако не только многонаселенные мегаполисы могут послужить объектом для изучения.

Так, Республика Татарстан представляет собой уникальную в своем роде площадку для изучения билингвизма. В частности, это напрямую связано с тем, что в республике проживают представители около 115 национальностей, которые владеют марийским, башкирским, украинским, удмуртским, мордовским и другими языками.

Также немаловажным аспектом является, что согласно Конституции Республики Татарстан русский и татарский языки являются равноправными на территории всей республики. Стоит отметить, что до 2017 года изучение татарского языка было обязательным во всех школах, что, безусловно, являлось несомненным плюсом для сохранения и развития национального языка народа.

Большинство родителей считает, что наличие двух и более языков в окружении ребенка может пагубно отразиться на процессах становления и развития его речи, на его психическом развитии и успешной социализации; не говоря уже о тех случаях, когда ребенок изначально имеет речевые нарушения. Зачастую учителя совместно с родителями на протяжении длительного периода игнорируют подобные ситуации, предполагая, что ребенок не в силах справиться со школьной программой из-за иных оснований.

Билингвизм у детей достаточно интересен с точки зрения обстоятельств возникновения. Преимущественно можно выделить следующие:

1. Родители ребенка являются мигрантами или вынужденными переселенцами. Общение в семье происходит на родном языке, однако ребенок вынужден слышать и усваивать язык, который необходим для общения с окружающими данного государства;
2. Родители ребенка владеют двумя языками. Естественно, в общении они используют оба языка, не обращая внимания на собственные речевые нарушения различного характера, а также нарушения своих детей;
3. Случаи целенаправленного изучения нескольких языков, в силу заинтересованности родителей во всестороннем развитии своего ребенка.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, стоит обозначить, какие положительные стороны двуязычия у детей. Билингвизм является хорошим стимулом для развития памяти, мышления, восприятия полученной информации и концентрации внимания. Исполнительные функции являются самыми сложными функциями мозга. По меркам эволюции, они связаны с более «новыми» частями мозга, которые составляют префронтальную кору, отвечающую за большое число когнитивных функций, надкраевые извилины, несущие ответственность за связь между словами и значениями, переднюю часть поясной извилины, отвечающую за обучение и принятие решений [1]. Исследования устанавливают, что знание двух языков подвергает изменению структуру данных областей мозга и способствует увеличению объема серого вещества [4]. Это связано с тем, что в процессе изучения иностранного языка в головном мозге образуются новые нейроны и, соответственно, связи между ними. Таким образом, серое вещество приобретает большую плотность, что является показателем здорового мозга. Двуязычие также положительно влияет на белое вещество, которое в свою очередь отвечает за скорость передачи нервных реакций. Учеными доказано, что билингвизм препятствует разрушению белого вещества, так как в процессах принимают участие больше нейронов, а связи между ними крепче [3]. Также положительным является то, что чем раньше происходит изучение неродного языка ребенком, тем больше возможностей овладения данным языком в полном объеме, и получение качественного образования основывается на знании родного языка на родине и иностранного за рубежом.

Отметим, что многие исследователи склонны размышлять по-разному, то есть выделяют и отрицательное влияние билингвизма. Билингвизм может быть причиной возникновения нарушений речи. В процессе изучения двух языков происходит смешение двух языковых систем, которое приводит

к последовательности речевых и языковых затруднений у ребенка. Нарушение звукопроизношения, неправильное построение грамматических конструкций, появление акцента являются самыми распространенными проблемами в подобных ситуациях, и, как результат, возникают сложности при освоении письма и чтения, при получении образования и социализации. Изучение двух языков одновременно либо поэтапно в раннем возрасте может послужить основанием для появления стресса, переутомления, заикания, срывов деятельности центральной нервной системы или разрушению структуры речевого мышления. Ребенок может замыкаться в себе, плохо адаптируется в обществе сверстников [2].

Взгляды различных ученых начали меняться лишь после 1960-х. Исследования показали, что дети-билингвы не только не обладают задержками в развитии, а напротив – имеют преимущества перед сверстниками [5].

Мы предполагаем, что закономерности речевого развития детей-билингвов аналогичны тем же процессам у детей-монолингвов. Так обе группы детей могут допускать ошибки, имеющие физиологический характер, либо ошибки специфические, которые связаны с речевой патологией.

По мнению А. В. Харенковой [2], которая проанализировала речевые и языковые трудности детей-билингвов старшего дошкольного и младшего школьного возраста, можно перечислить особенно речевых и языковых нарушений, наиболее часто встречающихся при овладении русскому языку дву-

язычных детей. Ошибки у детей-билингвов могут служить примером лингвистической интерференции, то есть влияния одного языка на другой, либо патологического развития речи на родном и иностранном языке.

Успешная социализация детей и их адаптация в обществе зависит не только от психологических факторов, но и от развитости коммуникативных навыков, которые обусловлены в немалой степени речевыми нарушениями.

Таким образом, обобщая все ранее сказанное, можно с уверенностью сказать: детям, которые изучают два языка одновременно или последовательно, приходится намного сложнее, нежели детям-монолингвам. Время от времени ребенок-билингв не понимает, для чего ему необходимо изучение второго языка. Однако тут важно донести практическую значимость, особенно если есть возможность погрузить ребенка в языковую среду. Ведь билингвизм – это не просто способность владения двумя языками. Билингвизм – это приобщение к ментальности, культуре другого народа, уважение их ценностей и традиций.

В результате проведенного теоретического анализа мы пришли к следующим выводам; билингвизм влияет положительно на речевое развитие ребенка, но и отрицательное влияние также прослеживается. Оно проявляется в специфичных нарушениях: искаженное звукопроизношение, допуск орфоэпических ошибок, нарушение интонации и т.д.

Литература:

1. Долбичкина А. Как билингвизм может прокачать ваш мозг. URL: <https://lifehacker-ru.turbopages.org/s/lifehacker.ru/bilingvizm-i-mozg/> (дата обращения: 20.07.2020).
2. Харенкова А. В. Анализ особенностей речевого развития детей-билингвов // Проблемы современного образования. – 2013. – № 2. – С. 160–163.
3. Anderson J., Barker R., Bialystok E., Frutos J., Grady C., Grundy J. Effects of bilingualism on white matter integrity in older adults. US National Library of Medicine. – 2017.
4. Eden G., Jamal N., Koo D., Lasasso C., Olulade O., Perfetti C. Neuroanatomical Evidence in Support of the Bilingual Advantage Theory // Cerebral Cortex. – 2016. – Vol. 26. – № 7. – P. 3196–3204.
5. Lambert W., Peal E. The relation of bilingualism to intelligence. Americanpsychologicalassociation, 1962. – № 76. – P. 1–23.

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАВИСИМОГО ТИПА ПРОИЗВОЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ПОВЕДЕНИИ АДДИКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ**FEATURES OF THE MANIFESTATION A DEPENDENT TYPE OF ARBITRARY SELF-REGULATION AND PSYCHOLOGICAL STABILITY IN THE BEHAVIOR OF AN ADDICTIVE PERSON***Хусаинова Светлана Владимировна**Khusainova Svetlana Vladimirovna**Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», Россия, Казань**Federal State Budget Scientific Institution «Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems», Russia, Kazan
sv_husainova@mail.ru***Аннотация**

Статья направлена на выявление особенностей взаимодействия саморегуляции и психологической устойчивости в поведении аддиктивной личности. Выявлено, что связь регуляторных и стабильных характеристик в поведении аддиктивной личности характеризуется особенностями активации, тонуса, эмоциональном тоне функционирования, снижением саморегуляторных характеристик и низким уровнем психологической устойчивости аддиктивной личности. В статье показано, что зависимый тип произвольной саморегуляции и низкая психологическая устойчивость являются компонентами, требующими внимания при сопровождении аддиктивной личности.

Ключевые слова: тип саморегуляции, аддиктивная личность зависимость, психологическая устойчивость.

Abstract

The article is aimed at identifying the features of the interaction of self-regulation and psychological stability in the behavior of an addictive personality. It was revealed that the relationship between regulatory and stable characteristics in the behavior of an addictive personality is characterized by features of activation, tone, emotional tone of functioning, a decrease in self-regulatory characteristics and a low level of psychological stability of an addictive personality. The article shows that the dependent type of voluntary self-regulation and low psychological stability are components that require attention when accompanying an addictive personality.

Keywords: type of self-regulation, addictive personality dependence, psychological stability.

Методологические основания исследования.

В настоящее время существует большое количество психологических теорий, целью которых является объяснение закономерности поведения человека. Каждая из имеющихся теорий рассматривает наиболее важные с точки зрения данной теории факторы, обуславливающие и объясняющие поведение личности. Тем не менее, постоянно происходит дополнение в теорию отклоняющегося поведения, современные ученые выявляют новые закономерности, требующие изучения.

Бихевиористы делают акцент на доминирующем влиянии социальных детерминант поведения. В рамках данного направления психологии Скиннер А. признается, что большинство навыков являются приобретаемыми, и, следовательно, решающее воздействие оказывает окружающая среда [4].

С. Л. Рубинштейн говорит о принципе детерминизма, где внешние причины действуют через внутренние условия. Любое внешнее действие опосредуется процессами, протекающими внутри субъекта.

Это положение нашло отражение в выборе методик, направленных на изучение как поведенческих характеристик, так и внутренних – ценностно-мотивационных и индивидуально-психологических особенностей [2].

В психологии под устойчивостью понимают такие характеристики индивида, которые описывают его поведение в качестве последовательного и надежного. Обратным понятием, т.е. антонимом устойчивости является неустойчивость, которая характеризуется в психологии беспорядочными моделями поведения индивида, которые не поддаются предсказанию, а также демонстрацией невротических, психопатических и подчас опасных моделей поведения [3].

Понятие психологическая устойчивость личности в зарубежной психологии соотносится с терминами: «устойчивость», «сопротивление», «выносливость» и другими. Отечественные исследователи выделяют большое количество внутренних факторов, связанных с устойчивостью: мотивация, активность, уровень саморегуляции, рефлексия, локус контроля,

тревожность, акцентуация характера, когнитивный стиль, причинные схемы и т.д. Такое многообразие точек зрения объективно подводит к необходимости классификации этих подходов на основе выделения доминирующего фактора устойчивости как инварианты в конкретном подходе.

Анализ результатов исследования посвященно-го «психологической устойчивости» позволяет нам в обобщенном смысле ввести это понятие в трех основных положениях:

1. психологическое сопротивление как психофизиологический механизм нейрогуморально-гормональной регуляции адаптации организма, свойство нервной системы.
2. психологическая устойчивость как механизм совладающего поведения и личностного совладения с трудными жизненными ситуациями.
3. психологическая устойчивость как адаптационная способность человека, позволяющая выявлять и блокировать внутренние и внешние воздействия, механизм психической регуляции поведения и деятельности.
4. свойство личности, способствующее оптимальному функционированию психики человека в ситуации изменения, определяющее выработку уровня стабильного ответа на внешнее воздействие, обеспечивающее тем самым эффективность его деятельности.

Методики исследования: теоретический анализ (синтез, сопоставление, сравнение) психологической литературы, публикаций, методической литературы; прогностические методы (эксперимент – обобщение зависимых и независимых переменных, статистический анализ); метод экспертных оценок; психологические методы (тестирование, наблюдение, беседа); тест Прыгина Г. С. «автономность-зависимость»; Тест «Психологическая устойчивость» Хусаинова С.В.; «Методика диагностики психического состояния» Куликов Л. В. [1].

Выборку составили 102 человека, обучающиеся различных вузов г. Казани, от 18–21 года. Метод корреляции Пирсона.

Результаты исследования. На основании проведенного корреляционного анализа выявлено:

Выявлена значимая связь:

Связь между шкалой зависимость и:

- шкалой «активное–пассивное отношение к жизненной ситуации» пассивное, пессимистическое

отношение к жизненной ситуации, есть готовность к преодолению препятствий, но нет веры в свои возможности. Ощущение недостаточности сил для преодоления препятствий и достижения своих целей. Положительная связь $r=0,51$, $P \geq 0,05$.

Связи, близкие к значимым:

- со шкалой «То»: «тонус высокий–низкий». Положительная связь $r=0,41$, $P \geq 0,05$.

Низкие оценки. Характерна усталость, несобранность, вялость, инертность, низкая работоспособность.

- со шкалой «ПУ»: «психологическая устойчивость – психологическая неустойчивость». Положительная связь $r=0,38$, $P \geq 0,05$.

Низкие оценки. Снижена психологическая устойчивость, легко возникает эмоциональное возбуждение, настроение изменчиво, повышена раздражительность, преобладает негативный эмоциональный тон.

Обсуждение результатов исследования. Акт поведения – это конкретный элемент поведения. Способ поведения – это постоянное, типичное для данной личности поведение, которое подразумевает привычную схему, «каркас» проявления поведения в определенных социальных ситуациях, его закономерность. Поведение человека является наиболее доступным для индивидуальной дифференциации человеческой личности феноменом. Именно по поведенческим характеристикам можно сделать первичные выводы об индивидуальных особенностях человека.

Выводы.

Поведение аддиктивной личности в рамках нашего исследования рассматривается как отклонение от норм безопасного поведения, обусловленное особенностями активации, тонуса, эмоциональном тоне функционирования, снижение саморегуляторных характеристик и уровнями психологической устойчивости аддиктивной личности.

Таким образом, низкий уровень психологической устойчивости и зависимый тип саморегуляции определяют адаптивные характеристики личности, которые формируются под влиянием стрессообразующих воздействий внешней среды, становясь субъективно значимыми чертами аддиктивной личности, а также определяет индивидуальный стиль ее поведения особенно в посттравматический период жизни.

Литература:

1. Куликов Л. В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – 228 с.
2. Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Сост. С. В. Тихомирова. М., 2011. – 431с.
3. Khusainova S.V. at all. Adaptive model of psychological and pedagogical support of professional training of students / S. V. Khusainova, L. V. Matveyeva, L. P. Ermilova, K. N. Yakushevskaya, L. V. Kolomiychenko, N. A. Mashkin // Revista ESPACIOS. – 2018. – Vol. 39 (05). – 2018. – P. 22.
4. Skinner B. F. (1987). Whatever happened to psychology as the science of behavior. American Psychologist, 42. – pp.780–786.

УДК 159.942.5

СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ НА 4-Й НЕДЕЛЕ САМОИЗОЛЯЦИИ, СВЯЗАННОЙ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ COVID-19**STRESS COPING STRATEGY DURING THE 4TH WEEK OF SELF-ISOLATION CAUSED BY COVID-19***Акиндинова Ирина Александровна, Асадуллина Елена Алексеевна**Akindinova Irina Aleksandrovna, Asadullina Elena Alekseevna*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий», Россия, Санкт-Петербург

*Saint-Petersburg University of State fire service of EMERCOM of Russia**Казанский Государственный медицинский университет, Россия, Казань.**Kazan State Medical University**akiira@mail.ru, circe94@list.ru***Аннотация**

Представлены результаты исследования связи копинг-стратегий с реакциями, связанными с распространением коронавируса в период самоизоляции. Показана отрицательная взаимосвязь уровня реактивной тревоги с комфортом в семейных взаимоотношениях. Обнаружены отрицательные взаимосвязи уровня реактивной тревоги со стратегией «Дистанцирование».

Ключевые слова: тревога, стресс, копинг, коронавирус, самоизоляция.

Abstract

The article presents a study of the relationship of coping strategies with various forms of anxiety: situational, personal and reactive, during the period of self-isolation, also shows some other resources for coping. Negative correlation of reactive anxiety level and comfort in family relationships is shown. Negative correlation of reactive alarm level with "Distancing" strategy were also detected.

Keywords: coping, anxiety, stress, coronavirus, self-isolation.

В своем докладе на тему «Личность и условия ее развития и здоровья», с которым В. М. Бехтерев выступил в сентябре 1905 г. в Киеве, на II Съезде российских психиатров, он изложил основные положения концепции здоровой личности, среди которых принципиальное для нас значение имеют следующие: психогигиена как оздоровление образа жизни; рациональное обучение как развитие личности с критическим складом ума и самостоятельным отношением к окружающей действительности; социальное чувство как способность личности согласовывать свои интересы с интересами общества [1].

Сейчас, спустя столетие, эти идеи не потеряли своей актуальности. Особенное значение идея «поддержания здоровья здорового человека» приобретает в условиях глобальных потрясений, связанных с событиями начала 2020 года, в частности, пандемией, вызванной распространением нового вируса covid-19, и изменениями привычного образа жизни большинства людей по всему миру, связанного с режимом вынужденной самоизоляции.

Режим всеобщей самоизоляции отличается от привычных условий жизнедеятельности социума, содержит факторы новизны и неожиданности, следовательно, провоцирует стрессовую реакцию

организма и психики человека, которые запускают стратегии совладания со стрессом, известные под англоязычным названием «coping», или германоязычными «bewältigung» и «belastungsverarbeitung», которые в переводе звучат как «совладающее поведение» или «психологическое преодоление» [2].

Копинг-стратегии оцениваются с точки зрения их эффективности или неэффективности, а за критерий эффективности принимается понижение чувства уязвимости к стрессам.

Оценка эффективности стратегий совладания в условиях самоизоляции, с нашей точки зрения, представляет научный интерес, для удовлетворения которого мы провели исследование, нацеленное на выявление взаимосвязи реакций на ситуацию самоизоляции и применяемых копинг-стратегий.

Исследование было проведено в дистанционном формате при помощи социальных сетей в период 28–30 апреля 2020 года, который по срокам соответствует 4-й неделе официально введенных в России ограничительных мер и режима самоизоляции.

Методы исследования: авторская анкета (когнитивные, эмоциональные и поведенческие реакции на ситуацию пандемии) и опросник Лазаруса.

Характеристики выборки. В качестве опрошенных были привлечены 120 человек, проживающих преимущественно в Республике Татарстан (105 человек), из которых 98 человек в гор. Казань. Из других регионов России участие приняли жители Санкт-Петербурга и Ленинградской области (5 чел.), Самарской области и Алтайского края (5 чел.), Москвы и Московской области (3 чел.), а также к исследованию присоединились жители Германии (2 чел.).

По половому составу опрошенных примерно две трети составили женщины (79 чел.) и одна треть мужчины (41 чел.).

Возрастной состав участников – от 18 до 62 лет, что соответствует периоду зрелого возраста в отечественной классификации. Средний возраст – 31 год. К первому периоду зрелости – от 18 до 35 лет – относятся 87 человек, ко второму периоду зрелости – от 36 до 62 лет – 33 человека.

Образование респондентов в большинстве своем высшее (71 чел.). Среднее и средне-специальное – 16 человек; незаконченное высшее – 14; несколько высших – 12; ученая степень – 6; степень магистра – 2.

По роду деятельности: студенты – 26 человек, сотрудники частной компании (в основном, сфера ИТ) – 20, самозанятые (дизайнер/визажист/ бизнес-тренер/экскурсовод/художник и др.) – 15, преподаватели вуза – 12, менеджеры – 10, служащие/чиновники – 9, учителя – 6, рабочие – 5, в декретном отпуске – 5, домохозяйки – 3, работающие пенсионеры – 3, работники сферы обслуживания – 2, безработные – 2, инженер – 1.

Семейное положение: одиноки (неженаты/разведены) – 48, женаты/замужем – 39, отношения в гражданском браке – 4, вдовствуют – 1.

Совместное проживание в период самоизоляции: проживают 3–4 человека на совместной жилплощади – 46, вдвоем – 44, от 5 до 8 проживающих – 16 человек, в одиночестве – 14, 38 человек – 1. У части опрошенных количество совместно проживающих меняется на протяжении периода ограничительных мер.

Количество квадратных метров на 1 человека: от 10 м до 20 м – 45 чел.; от 20 м до 50 м – 42 чел.; от 50 м до 150 м – 12 чел.; до 9 м – 12 чел.

Проживают без детей – 83 чел., с 1 ребенком – 22 чел., с 2–3 детьми – 14 чел., с 9 детьми – 1 чел.

Проживают совместно с родственниками старшего поколения (старше 65 лет) – 20 чел., проживают отдельно от старшего поколения (старше 65 лет) – 100 чел.

Уровень компетентности в области медицины субъективно оценивают как низкую и ниже среднего – 42 чел., среднюю – 67 чел., высокую – 11 человек (из них 4 врача, 2 студента немедицинских специальностей, 2 фрилансера – стилист/психолог/фотограф, педагог, менеджер).

Пользу от медицинских знаний для совладания с беспокойством оценивают как низкую – 32 чел., среднюю – 53 чел., высокую – 34 чел.

Реальность угрозы распространения covid-19 оценивают: как виртуальную – пятая часть опрошенных (21 человек), четыре пятых воспринимают угрозу как реальную – 99 человек.

С точки зрения стрессовых реакций, **сроки начала появления ощущения угрозы** на момент проведения исследования выделяют следующие: неделя и меньше недели – 10 чел., от недели до месяца – 26 чел., больше месяца – 66 человек. Не ощущали и не ощущают угрозы – 14 человек. Часть опрошенных затруднились с ответом.

Проекция психического напряжения в теле может быть интересна с точки зрения прогноза психосоматических заболеваний. По локализации были получены следующие ответы: голова/мозг/виски/затылок – 37 человек, грудь/сердце/диафрагма/солнечное сплетение/органы дыхания – 37, шея/плечи – 14, нигде – 13, живот/желудок – 8, горло – 5, челюсти/зубы/лицо – 4, ноги – 3, спина – 1, руки – 1, глаза – 1, везде – 1, затруднились с ответом – 5.

Распределение показателей по шкалам опросника Лазаруса представлены на рисунке (Рис. 1). Параметры представлены сырыми баллами, значения которых определялись простым суммированием (интервал от 0 до 18).

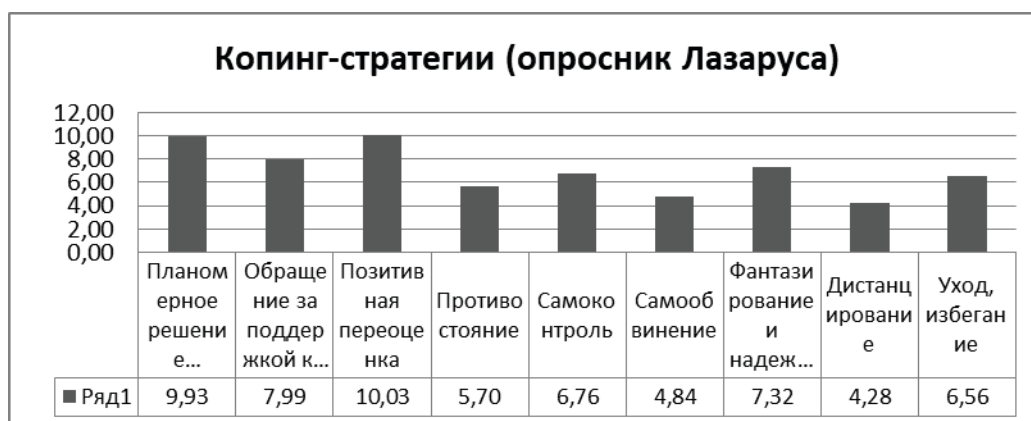

Рисунок 1.

Из рисунка видно, что в триаду наиболее часто используемых вошли стратегии «Позитивная переоценка», «Планомерное решение проблемы» и «Социальная поддержка».

Данные, измеренные в интервальной шкале, были подвергнуты анализу с помощью коэффициента корреляции линейной Пирсона на средних и высоких уровнях значимости ($r \geq 0,2$ для $\alpha = 0,05$ и $r \geq 0,25$ для $\alpha = 0,01$). Опишем наиболее интересные результаты, демонстрирующие взаимосвязи копинг-механизмов с данными по уровню беспокойства (тревоги), полученными в анкете. Мы рассматривали три вида тревоги как феномена: 1. Ситуативная («Оцените уровень своего беспокойства на данную минуту»); 2. Личностная («Оцените свойственный Вам в обычной жизни уровень беспокойства»); 3. Реактивная («Оцените уровень максимального беспокойства, которое возникало у Вас на протяжении периода самоизоляции»).

Единственной копинг-стратегией, связанной с уровнем реактивной тревоги, оказалась стратегия «Дистанцирования» ($r = -0,21$). Интересен тот факт, что это как раз наиболее редкая в использовании стратегия (см. рисунок). Также отрицательная

связь реактивной тревоги проявилась с показателем комфорта в семейных отношениях на протяжении периода самоизоляции ($r = -0,20$). Это подтверждает данные о том, что хорошие семейные отношения являются ресурсом совладания и жизнестойкости. Кроме того, было установлено, что с реактивной тревогой тесно взаимосвязан уровень личностной тревожности ($r = 0,44$), а также уровень компетентности в области медицины ($r = 0,24$) (субъективно оцененные).

Стратегия «Обращение за поддержкой» положительно коррелирует с такими показателями анкеты как: *личностная тревога, ситуативная тревога, экстернальный локус контроля* («Оцените, насколько в условиях пандемии Вы чувствуете себя защищенным мерами безопасности, предпринятыми государством?»), *интернальный локус контроля* («Оцените, насколько в условиях пандемии Вы чувствуете себя защищенным мерами безопасности, предпринятыми лично вами?»).

На следующем этапе будут рассмотрены взаимосвязи копинг-механизмов с остальными параметрами, выявленными при помощи анкетирования.

Литература:

1. Никифоров Г.С. В. М. Бехтерев и его концепция здоровой личности // Психологический журнал. – 2017. – том 38, № 1. – С. 113–120.
2. Нартова-Бочавер С. К. «Copingbehaviour» в системе понятий психологии личности / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 1997. – № 5. – С. 20–30.

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19 НА СОСТОЯНИЕ ИНДИВИДОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

IMPACT OF THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC ON THE STATE OF INDIVIDUALS WITH DIFFERENT LEVELS OF PSYCHOLOGICAL STABILITY

Фукин Анатолий Иванович, Самойлова Екатерина Геннадьевна
Fukin Anatoly Ivanovich, Samoylova Ekaterina Gennadevna

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Россия, Казань
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Russia, Kazan

aifukin@yandex.ru, w_n_i@mail.ru

Аннотация

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 (далее пандемия) неожиданно и стремительно ворвалась в жизнь людей и не все оказались готовы к этому вызову. От состояния психоэмоциональной сферы и психологической устойчивости личности зависит восприятие ею стрессовой ситуации, адаптация к этой ситуации и поиск максимально эффективных решений для себя.

Ключевые слова: пандемия, стрессовая ситуация, психологическая устойчивость личности, психоэмоциональное состояние личности, влияние пандемии.

Abstract

The COVID-19 coronavirus Pandemic (hereinafter referred to as the pandemic) suddenly and rapidly broke into people's lives and not everyone was ready for this challenge. The perception of a stressful situation, adaptation to this situation and search for the most effective solutions for yourself depends on the state of the psychoemotional sphere and psychological stability of the individual.

Keywords: pandemic, stressful situation, psychological stability of the individual, psychoemotional state of the individual, the impact of the pandemic.

Актуальность: пандемия COVID-19, ее влияние, как стрессовой ситуации и изменения психоэмоционального состояния людей на фоне данной стрессовой ситуации – происходят в настоящее время и влияют на всех людей по-разному. Человек постоянно преодолевает какие-либо трудности, однако далеко не все они оказывают разрушительное воздействие на психику. Не каждая личностная проблема, внутриличностный или межличностный конфликт, ощущение кризиса приводят к стрессу. Сохранять ровное настроение и внутреннюю гармонию позволяет психологическая устойчивость личности. Без сохранения психологической устойчивости реализация физических и духовных потенций невозможна. Этим проблемам посвящены работы Г. Селье, В.В. Суворовой [2], А.К. Осницкого [1], В.А. Чудновского [3] и др. ученых. Изучение влияния стрессовых ситуаций мирового масштаба, таких как пандемия актуально для понимания восприятия индивидами этих ситуаций.

Цель исследования – определить, как пандемия влияет на состояние индивидов с разным уровнем психологической устойчивости.

Объект исследования – состояние индивидов с разным уровнем психологической устойчивости.

Предмет исследования – влияние пандемии на состояние индивидов с разным уровнем психологической устойчивости.

Гипотеза: влияние пандемии на состояние индивидов происходит по-разному и напрямую зависит от уровня психологической устойчивости личности и ее общего развития.

Задачи исследования:

1. раскрыть определение пандемии, как стрессовой ситуации, описать понятие психоэмоционального состояние личности, дать характеристику психологической устойчивости личности;
2. определить психоэмоциональное состояние и психологическую устойчивость испытуемых;
3. определить влияния пандемии на «психологически более устойчивых» и «психологически менее устойчивых» испытуемых;
4. проанализировать ценностные ориентации и сравнить влияние пандемии COVID-19 на «психологически более устойчивых» и «психологически менее устойчивых» испытуемых.

Методологической основой и методом исследования явились теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования; опрос испытуемых; методика САН, модель изучения ценностных ориентаций М. Рокича.

Результаты исследования. Пандемия – это стрессовая ситуация. И в данных обстоятельствах пандемии, когда весь мир переживает самоизоляцию,

опасность заражения, важно осознавать и контролировать ситуацию, благодаря собственной активности, уверенности в важности и значимости самоэффективности. Приходить к осмыслению каждым человеком того, что из предложенного ему подходит в индивидуальной конкретике его жизни, с чем он согласен и в чем видит для себя пользу и смысл для стабилизации своего эмоционального состояния, поддержки психологической устойчивости к воздействию стрессовых факторов, восполнения ресурсов психики в готовности к преодолению трудностей.

Каждая личность имеет свой внутренний ресурс, степень осознанности, уровень психологической устойчивости. Психологическую устойчивость личности можно рассматривать как синтез отдельных качеств и способностей. К составляющим психологической устойчивости необходимо отнести:

- способность к саморазвитию, формированию собственной индивидуальности;
- развитый интеллект;
- высокий уровень коммуникационных способностей;
- развитую волевую регуляцию, постановка целей и их достижение;
- профессиональные навыки, умения;
- устойчивость к внешним изменениям;
- умение усилием воли контролировать поведение, эмоции; самоорганизация;
- способность к личностному росту со своевременным и адекватным разрешением внутриличностных конфликтов;
- забота о своем физическом и психологическом здоровье.

Таким образом, психологическая устойчивость – это качество личности, отдельными аспектами которого являются уравновешенность, самоконтроль, стабильность, сопротивляемость, личностное развитие. Оно позволяет противостоять жизненным трудностям, неблагоприятному давлению обстоятельств, сохранять здоровье и работоспособность в различных испытаниях.

Исследование проводилось в мае 2020 года, в период выхода из самоизоляции во время пандемии, посредством ресурсов сети интернет, методом онлайн опроса, с помощью электронной анкеты на площадке Google Формы, что позволило принять участие в настоящем исследовании респондентам из разных регионов России с разной эпидемиологической обстановкой коронавирусной инфекции COVID-19.

В исследовании приняли участие 24 человека, мужчины и женщины, в возрасте от 18 до 65 лет, из разных регионов страны. Испытуемые не связаны друг с другом и не могли повлиять на мнение друг друга.

Критериями оценки определения психологической устойчивости и влияния пандемии в данном исследовании были: сочетание некоторых личностных показателей; результаты исследования самочувствия, активности, настроения; анализ реакций на внешние изменения испытуемых, на примере пандемии; исследование ценностных ориентаций.

В результате проведенного исследования испытуемых были получены следующие данные.

Психоэмоциональное состояние испытуемых в среднем благоприятное – у 92% испытуемых психоэмоциональное состояние благоприятное, у 8% испытуемых психоэмоциональное состояние неблагоприятное.

Объединив личностные показатели испытуемых по установленным критериям, а также проанализировав реакцию на внешние изменения испытуемых, на примере пандемии, мы констатировали следующее,

71% испытуемых – психологически более устойчивы, 29% испытуемых – психологически менее устойчивы.

Для определения влияния пандемии на испытуемых мы задали им ряд вопросов. В результате анализа данных анкетирования было установлено: пандемия влияет положительно на 62% всех испытуемых, из них психологически более устойчивых – 62%, психологически менее устойчивых – 0%; пандемия влияет отрицательно на 21% всех испытуемых, из них психологически более устойчивых – 0%, психологически менее устойчивых – 21%; пандемия влияет нейтрально на 17% всех испытуемых, из них психологически более устойчивых – 8%, психологически менее устойчивых – 8%.

На психологически более устойчивых испытуемых пандемия оказывает либо положительное влияние, либо нейтральное. Тогда как на психологически менее устойчивых испытуемых пандемия чаще оказывает отрицательное влияние и совсем не оказывает положительного влияния.

Также стоит отметить, что психологически более устойчивые испытуемые, видят плюсы в пандемии для себя и своей семьи. Многие считают, что

их жизнь изменилась к лучшему, благодаря этому событию и почти у всех психологически более устойчивых испытуемых произошла переоценка ценностей, поменялось мышление.

Психологически менее устойчивые испытуемые не видят положительных сторон в данном событии, болезненно воспринимают ограничения, связанные с пандемией COVID-19 и более сильно поддаются воздействию негативных эмоций.

Результаты исследования ценностных ориентаций. Наиболее значимыми жизненными терминальными ценностями психологически более устойчивых испытуемых являются – 1) здоровье (95%), 2) развитие (работа над собой) (90%), 3) свобода (80%), 4) уверенность в себе (85%), 5) любовь (95%). Наиболее значимыми жизненными терминальными ценностями психологически менее устойчивых испытуемых являются – 1) здоровье (95%), 2) любовь (90%), 3) свобода (93%), 4) жизненная мудрость (80%), 5) наличие друзей (80%).

Многие значимые ценности у испытуемых совпадают. Но, на наш взгляд, важнейшая составляющая, которая имеет прямое отношение к укреплению психологической устойчивости личности – значимая ценность «Развитие (работа над собой)» – отсутствует у психологически менее устойчивых испытуемых. Можем предположить, что отсутствие этой важной ценности у этой группы испытуемых также является одной из причин того, что данная группа – психологически менее устойчива, а значит, более подвержена негативному влиянию стрессовых ситуаций, таких как пандемии.

На первый взгляд странно, как стрессовое событие мирового масштаба может влиять положительно. Но в нашем исследовании мы установили, что влияние пандемии на состояние индивидов происходит по-разному. Если личность психологически более устойчива, то она имеет внутренний ресурс осознать и принять стрессовую ситуацию, мобилизовать свои силы, не просто приспособиться к обстоятельствам, но еще увидеть в них положительные стороны для себя. И даже – извлечь пользу. В этом и заключается сила психологической устойчивости человека.

Литература:

1. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности. // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 5–19.
2. Суворова В. В. Психофизиология стресса. – Москва: Педагогика. – 1975. – 208 с.
3. Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности. – М.: Педагогика. – 1981. – 208 с.

УДК 159.9

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ – СПОРТСМЕНОВ К ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19**STUDENT – ATHLETES' ATTITUDE TO THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC***Фукин Анатолий Иванович, Трусова Людмила Александровна**Fukin Anatoly Ivanovich, Trusova Lyudmila Aleksandrovna**Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, Россия, Казань**Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Russia, Kazan**Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Россия, Казань**Volga state Academy of physical culture, sports and tourism, Russia, Kazan**aifukin@yandex.ru, trusova1961@yandex.ru***Аннотация**

Отношение к спортивной деятельности во многом обуславливает эффективность тренировочного процесса. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 полностью изменила учебно-тренировочный процесс студентов – спортсменов. Пришлось переходить на дистанционную форму обучения. Исследование позволило определить отношение спортсменов к данной стрессовой ситуации и разработать индивидуальные программы спортивных тренировок.

Ключевые слова: отношения, пандемия, студенты-спортсмены, социально-адекватные и неадекватные типы отношений.

Abstract

The attitude to sports activity largely determines the effectiveness of the training process. The COVID-19 coronavirus pandemic has completely changed the educational and training process of student-athletes. I had to switch to distance learning. The study allowed us to determine the attitude of athletes to this stressful situation and develop individual sports training programs.

Keywords: relationships, pandemic, student-athletes, socially appropriate and inappropriate types of relationships.

Актуальность. Отношение к пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 (стрессовой ситуации), зависит не столько от объективных, сколько от субъективных факторов, от особенностей самого человека: оценки им ситуации, сопоставления своих сил и способностей с тем, что от него требуется и т.д. Установлено, что начиная с подросткового возраста, образуются развитые формы отношения, характеризующиеся социально-адекватным и социально-неадекватным содержанием [1].

Студенты – спортсмены с социально-адекватным типом отношения отличаются стремлением к совершенствованию своих физических качеств; положительным отношением к выполнению всех учебно-программных физических упражнений. Им свойственны: активность, дисциплинированность, трудолюбие. У них отмечается высокое развитие физических качеств, общих способностей, что проявляется в хорошей успеваемости.

У студентов с социально-неадекватным типом отношения преобладают мотивы лично-престижного или асоциального содержания. Они озабочены личным самоутверждением. Все это приводит к низкому самоконтролю, к эмоциональной неустойчивости при возникновении специфических трудностей,

неадекватной или низкой самооценке, к снижению продуктивности деятельности.

Подростков с социально-неадекватным отношением к деятельности В. А. Зобков подразделяет на четыре подгруппы: 1) с субъективным избирательно-положительным; 2) с субъективно-пассивным; 3) с субъективно-несформированным и 4) с субъективно-негативным типом отношения. Для представителей каждой подгруппы характерна своеобразная ориентация на социальные оценки своих действий.

В марте 2020 года из-за высокой распространенности случаев вируса COVID-19 Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признала текущую ситуацию как пандемию. Пандемия – это распространение нового инфекционного заболевания на территорию всей страны (эпидемия), территорию сопредельных государств и многих стран мира, то есть распространение заболевания в мировых масштабах. Человечество столкнулось с серьезными изменениями в привычном жизненном укладе. Трудности возникли практически во всех сферах, окружающих человека. Это финансовые проблемы, ограничения в оказании медицинской помощи, отсутствие возможности свободно передвигаться по улице, совершать прогулки, которые так необходимы для здоро-

вья. Сложности появились и у тех, кто вынужден учиться и получать образование в дистанционном формате. Появилась **проблема** – что взять за основу тренеру и как работать со студентами – спортсменами в системе онлайн обучения.

Целью исследования явилось отношение студентов – спортсменов к пандемии.

Объектом исследования стали студенты – спортсмены академической гребли 2–3 курсов ПГАФК-СиТ в количестве 20 человек.

Предмет исследования – отношения студентов – спортсменов к пандемии.

Исследование проводилось в апреле – мае 2020 года, в период самоизоляции во время пандемии, посредством ресурсов сети интернет, методом онлайн опроса, с помощью электронной анкеты на площадке Google Формы.

В результате проведенного исследования были получены следующие данные. Студентов с социально-адекватным типом отношения оказалось 35% от общей выборки. Это спортсмены, члены сборных команд института и Республики Татарстан по академической гребле. Они отличаются высокой степенью готовности к соревновательной борьбе, что находит выражение в эффективности и надежности достигаемых ими результатов. Студентов с социально-неадекватным типом отношения оказалось 65% всей выборки. Проявляя постоянную озабоченность личным самоутверждением, они – недостаточ-

но хорошо представляют себе целей тренировочной деятельности. Все это приводит к низкому самоконтролю, к эмоциональной неустойчивости при возникновении специфических трудностей, неадекватной или низкой самооценке, к снижению спортивной деятельности. Среди этой группы студентов – спортсменов 35% оказалось с субъективно-пассивным и 30% – с субъективно- несформированным типом отношения. Для студентов с субъективно-пассивным типом отношения свойственна повышенная чувствительность к отрицательным оценкам результатов их тренировочной деятельности. По этой причине они проявляют чрезмерную неуверенность в трудных ситуациях учебно-физкультурных занятий, слабую чувствительность к оценке развития физических качеств, физической подготовленности, к соревновательным ситуациям.

Основными объективными характеристиками студентов с субъективно- несформированным типом отношения выступают нестабильная дисциплинированность и активность, недостаточная осознанность общественной значимости физической культуры, учебной – спортивной деятельности, нестабильная, чаще сниженная, результативность спортивных тренировок. Результаты исследования позволили нам разработать индивидуальные планы учебно-тренировочных занятий по дистанционной форме обучения.

Литература:

1. Зобков В. А. Психология отношения человека к деятельности: теория и практика – Владимир: Транзит – Икс. 2016. – 251 с

УДК 159.992

ГРНТИ 15:31

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АНЕСТЕЗИИ МАТЕРЯМИ ПОДРОСТКОВ С ОПУХОЛЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

DYNAMICS OF IDEAS ABOUT ANESTHESIA MOTHERS OF TEENAGERS WITH TUMORS MUSCULOSKELETAL SYSTEM

Шаталова Н. Е.

Shatalova N. E.

Институт психологии РАН, Россия, Москва

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

shatalova_n.e@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-00-00393 К (18-00-00049).

Аннотация

Анализируются представления об анестезии у матерей подростков с опухолями или опухолеподобными заболеваниями опорно-двигательного аппарата (ОДА). Показано, что в представлении матерей преобладают характеристики, связанные с пониманием необходимости анестезии и доверием к врачам.

Ключевые слова: посттравматический стресс, тип анестезии, заболевания опорно-двигательного аппарата у подростков, хирургическая операция, этап лечения.

Abstract

The authors analyze ideas about anesthesia in adolescent mothers with tumors or tumor-like diseases of the musculoskeletal system (ODS). It is shown that in the representation of mothers, the characteristics associated with understanding the need for anesthesia and trust in doctors predominate.

Keywords: post-traumatic stress, type of anesthesia, diseases of the musculoskeletal system in adolescents, surgery, treatment stage.

Российскими и зарубежными исследователями в достаточно большом количестве представлены работы, посвященные проблеме отношения матерей к болезни ребенка [1, 2 и др.], влиянии анестезиологического пособия на высшие психические функции, на организм в целом [4, 5 и др.].

Наркоз наряду с хирургическим вмешательством, является мощным стрессором, особенно для подростка, впервые оказавшегося в подобной ситуации. По имеющимся данным средние показатели уровня воспринимаемого стресса у подростков находятся в пределах нормы [3]. Тем не менее, логично предположить, что перед операцией стрессовые реакции могут усиливаться от переживания неизвестности, связанного с применением наркоза. Нельзя не учитывать, что оценка тяжести предстоящей операции и анестезии у подростков формируется, в частности, под влиянием их оценки самым близким человеком – матерью.

В рамках гипотезы о влиянии типа анестезии на формирование представления матерей о ней, была поставлена цель: изучить динамику представлений матери об анестезии до и после операции у ребенка.

Выявление позиции матери по отношению к типу применяемой анестезии и проведение, при необходимости, дополнительной беседы, позволит не только стабилизировать ее психологическое состояние, но и снизить уровень стресса у ребенка перед предстоящей операцией.

Методы исследования:

Шкала воспринимаемого стресса ШВС-10 («The Perceived Stress Scale-10», «PSS-10»). Опросник позволяет оценить субъективно воспринимаемый уровень напряженности ситуации и уровень усилий, прилагаемых для преодоления травматической ситуации на протяжении последнего месяца.

Анкета «Анестезия» для матери разработана коллективом участников комплексного проекта № 18-00-00049 «Интенсивный стресс в диаде мать-ребенок как комплексная реакция на трудное жизненное событие» Н. Е. Харламенковой, Г. А. Виленской, Е. А. Никитиной, М. В. Дан, Н. Н. Казымовой, Ю. В. Быховец, Е. Н. Дымовой, Н. Е. Шаталовой для целей настоящего исследования. В анкету включены характеристики, которые могут ассоциироваться со словом «Анестезия». Оценочная шкала: от 0 – совершенно не соответствует, до 4 – абсолютно соответствует. Матери предлагается выбрать для каждой ассоциации оценку, соответствующую ее личным представлениям об анестезии.

Заполнение опросника и анкеты проводилось дважды: до и после операции.

Статистический анализ данных проведен с помощью программного пакета STATISTICA_10.

Выборка

Исследование проводилось на базе отделения детской костной патологии и подростковой ортопедии Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова (г. Москва).

В исследовании приняли участие матери подростков, находящихся в отделении для проведения плановых операционных вмешательств по поводу удаления доброкачественных костных новообразований. У всех пациентов в анамнезе отсутствуют тяжелые, хронические заболевания, в том числе и оперативное вмешательство. Для матерей, имевших более одного ребенка, подобный опыт (операции у других детей) также отсутствовал.

Со всеми матерями анестезиолог проводил беседы о планируемом типе анестезии, матери в большинстве случаев могли выбрать тип анестезии, о чем сообщали накануне операции и подписывали согласие.

Выборка (N=28) была разделена на две подгруппы. В первую (РЕГ) вошли матери, дети которых получали региональную анестезию наропином (n=12). Возраст матерей 35–46 лет (Med=41), количество детей в семье 1–3 (Med=2). Детям матерей из второй подгруппы (ОбН) операцию проводили под общим наркозом (n=16). Матери в возрасте от 33 до 51 года (Med=42,5), воспитывали от 1 до 4 детей (Med=2).

Подгруппы сопоставимы по медиане возраста матерей и возраста детей. Различия касаются типа анестезиологического пособия, применявшегося во время хирургического вмешательства у ребенка.

Результаты:

В обеих подгруппах статистически подтверждено отсутствие различий в уровне воспринимаемого стресса, уровне напряженности ситуации и уровне прилагаемых для ее преодоления усилий.

Анализ анкеты «Анестезия» проводился путем подсчета суммы баллов по каждой из ассоциаций (дескрипторов) и выделению верхнего и нижнего квартилей по каждой переменной. Таким образом, в каждой подгруппе были выделены ассоциации, сумма баллов которых превышала значение верхнего квартиля (для подгруппы РЕГ U=29, U=26 на I и II этапах соответственно, для подгруппы ОбН U=52 на обоих этапах). Данные представлены на диаграмме 1.

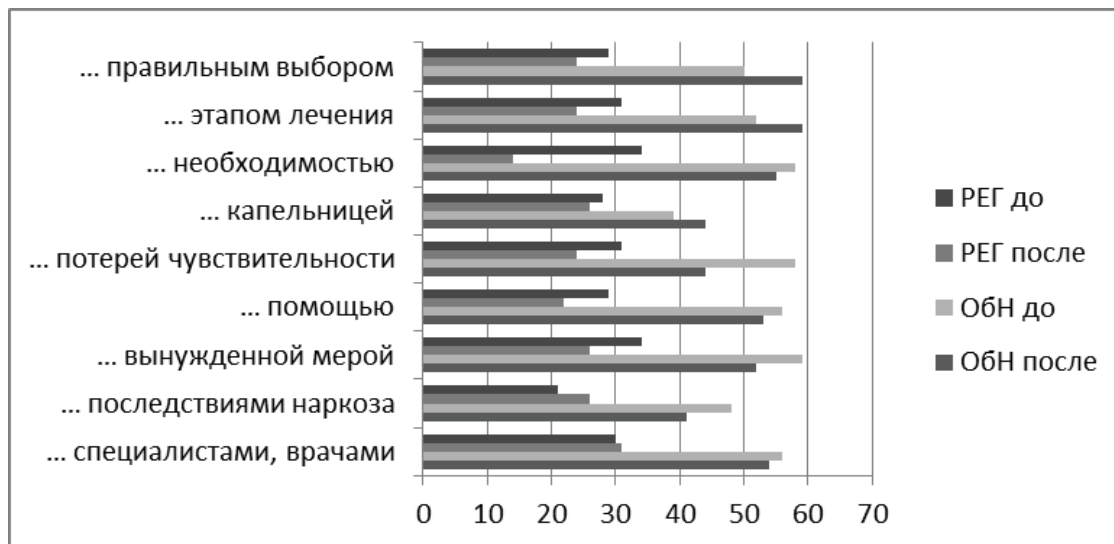

Диаграмма 1. Наиболее высоко оцениваемые дескрипторы в обеих подгруппах (I и II этапы)

Все матери дают высокие оценки дескрипторам: «этап лечения», «вынужденная мера», «необходимость», «специалисты, врачи». Анестезия как «потеря чувствительности», «помощь», высоко оценивается матерями обеих подгрупп на первом этапе, однако на втором этапе «помощь» ассоциируется с анестезией только у матерей из подгруппы ОБН, а ассоциация «потери чувствительности» с анестезией теряет свою значимость в обеих подгруппах.

Матери из подгруппы ОБН, только на втором этапе связывают анестезию с «правильным выбором», тогда как в подгруппе РЕГ матери убеждены в правильности выбора на всех этапах обследования. Возможное объяснение: настороженное отношение матерей к воздействию общего наркоза. В тоже время, не они, а матери из группы РЕГ указывают на связь анестезии с «последствиями наркоза», а также с «капельницей» на II этапе обследования.

Анализ динамики представлений об анестезии показывает, что среди матерей из подгруппы РЕГ наибольшие оценки на дооперационном этапе набрали ассоциации «необходимость» и «специалисты, врачи». Они же оказались значимы и после операции.

Представления матерей из подгруппы ОБН претерпели изменения после операции. Если вначале матери высоко оценивали связь анестезии с «необходимостью» и «потерей чувствительности», то после операции значимость первой из них снижается, а вторая теряет свою значимость. На втором этапе наибольшее количество баллов набрали другие дескрипторы, а именно «правильный выбор», «этап лечения».

Примечательно, что в подгруппе ОБН в нижнем квартиле оказались такие дескрипторы, как «не-

предделенность», «боль», «неизвестность», «страх» (I этап) и «угроза жизни», «темнота», «неопределенность», «неизвестность» (II этап). В подгруппе РЕГ в список низко оцениваемых дескрипторов на первом этапе вошли «угроза жизни», «темнота», «боль», «неопределенность», «облегчение». На втором этапе меньше всего оценок набрали ассоциации «темнота», за ней следуют «угроза жизни», «боль», «неопределенность», «неизвестность», «страх».

Как можно заметить, список ассоциаций не имеет больших различий у подгрупп. Матери воспринимают, как мало подходящие к понятию Анестезия определения, отражающие ту или иную степень неуверенности, беспокойства, физические ощущения («боль», «темнота»).

В целом можно сделать вывод об адекватности представлений матерей об анестезии, складывающихся из понимания необходимости ее применения, как одного из неотъемлемых этапов лечения и доверия к врачам, осуществляющим обезбоживание. Данные свидетельствуют об эффективности разъяснительной работы, проводимой анестезиологом. Нельзя не отметить, что доверие к врачам, а точнее, значимость поддержки врачей, получила также высокие оценки в исследовании представлений матерей о болезни ребенка [3].

Выводы:

Представления матери об анестезии в большей степени зависят от беседы с анестезиологом, чем от типа анестезиологического пособия, назначенного ее ребенку. Они отражают понимание необходимости обезбоживания и доверие к специалистам.

Литература:

1. Стешенко Е. А. Результаты изучения отношения матери к болезни ее ребенка, страдающего детским церебральным параличом // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 10. – С. 112–119.
2. Фюр Г. Запрещенное горе: об ожиданиях и горе, связанных с ребенком, родившимся с функциональными ограничениями. Минск: Минсктиппроект, 2003.

3. Харламенкова Н.Е., Дан М. В., Казымова Н. Н., Шаталова Н. Е. Динамика уровня стресса и изменение представлений о болезни у подростков с опухолями опорно-двигательного аппарата и их матерей // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7. – № 4. – С. 58.
4. Швецов М.Е., Елькин И. О. Безопасность анестезиологической защиты на основе клинико-психологических характеристик личности // Медицинская наука и образование Урала. – 2015. – Т. 16. – № 4(84). – С. 94–97.
5. Mandal P. K., Saharan S., Penna O., Fodale V. Anesthesia Issues in Central Nervous System Disorders // Curr. Aging. Sci. – 2015. – Nov 24

УДК 159.9

РЕСУРСЫ ПАРТНЁРОВ ПО БЛИЗКИМ ОТНОШЕНИЯМ С РАЗНЫМ СТАТУСОМ ЗДОРОВЬЯ RESOURCES OF CLOSE RELATIONSHIP PARTNERS WITH DIFFERENT HEALTH STATUS

*Шипова Наталья Сергеевна
Shipova Natalia Sergeevna*

*Костромской государственный университет, Россия, Кострома
Kostroma State University, Russia, Kostroma*

ronia_777@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00435А

Аннотация

В приведенной статье анализируется специфика ресурсов партнеров с разным статусом здоровья, состоящих в близких отношениях. Проводится сопоставление ресурсов лиц с типичным развитием, и лиц, имеющих нарушение здоровья. Основным методом исследования является феноменологическое интервью. Особо анализируются такие ресурсы, как социальная поддержка, физическое здоровье, общение и характеристики близких отношений.

Ключевые слова: ресурсы, близкие отношения, лица с нарушениями здоровья.

Abstract

This article analyzes the specifics of the resources of partners with different health status, who are in close relationships. A comparison is made of the resources of individuals with typical development and those with impaired health. The main research method is a phenomenological interview. Particularly analyzed are resources such as social support, physical health, communication, and the characteristics of close relationships.

Keywords: resources, close relationships, disabled people.

Сегодня большое социальное внимание уделяется семьям, в состав которых входят люди с ОВЗ. Однако внимания научного сообщества на данную тематику, по нашему мнению, обращено недостаточно. Тематика ресурсов в современной психологической науке пользуется популярностью (Хазова С. А., Сапоровская М. В., Постылякова, Ю. В. и др.). Наше исследование лежит в русле системного подхода и опирается на понятие ресурсного потенциала. В основе концепции ресурсного потенциала лежит идея о том, что каждому индивиду должен быть доступен более широкий спектр возможностей. Однако это сложно соотносится с представлением о лицах, имеющих ограниченные возможности здоровья и/или инвалидность. Тем не менее, лица с атипичным развитием обладают ресурсным потенциалом, и подчас он даже больше, чем у субъектов, развивающихся нормативно (примером могут являться победы спортсменов-паралимпийцев). Важность семьи и семейного окружения давно не ста-

вится под сомнение. В соответствии с концентрическим принципом «расширяющихся ресурсов» из теории и практики социальной работы с инвалидами первым кругом внешних ресурсов потенциала социальной адаптации является семья и ближайшее окружение (вторым – социальные институты и учреждения, третьим – государственные проекты, программы и законодательство). К внутренним ресурсам потенциала для социальной адаптации человека с ОВЗ относятся: состояние здоровья (первый круг); психологические характеристики личности и особенности характера (второй круг); уровень образования и притязания, профессиональная квалификация и статусные ориентиры, уровень дохода и планка запросов (третий круг)[4].

Постылякова Ю. В. рассматривает индивидуальные ресурсы как физиологические, когнитивные, личностные, социально-психологические качества и свойства субъекта, обладающие возможностью к накоплению/расходованию, развитию и видоиз-

менению, а также материальную обеспеченность, к которым субъект обращается в моменты стресса и сложных жизненных ситуаций в целях совладания с ними. Семейные ресурсы понимаются как ценные социальные, экономические, психологические, эмоциональные и физические качества, которые члены семьи используют при ответе на стрессор [1,2]. К наиболее значимым системным семейным ресурсам Постылякова вслед за Boss (1987), McCubbin H.J., Patterson J.M. (1983) относит гибкость/адаптивность, сплоченность, коммуникацию, четкие границы, порядок, а также семейную поддержку, свободу от стресса, связанного с финансовыми трудностями, навыки решения проблем. Она особо отмечает роль сплоченности, адаптивности и гибкости, а также коммуникативным навыкам, сети социальной поддержки. Физическое здоровье членов семьи также является важным ресурсом семейной системы, поскольку его нарушение способно привести к дисфункции семьи и стать источником хронического стресса [3].

Нами проводилось исследование, целью которого было выявление специфики ресурсов лиц с типичным и атипичным развитием. Особенность исследования заключалась в том, что данные лица состояли в браке либо близких отношениях более двух лет. Таким образом, изучение ресурсов было органично включено в исследование особенностей диадического взаимодействия лиц с разным статусом здоровья.

Эмпирическая база состоит из 46 человек, то есть 23 гетеросексуальных пар, в которых один из партнеров имеет нарушения здоровья. В выборке представлены следующие нозологические группы: нарушение опорно-двигательного аппарата; инвалидизирующие соматические заболевания, нарушения работы сенсорных анализаторов. Основной гипотезой работы было предположение о наличии различий между ресурсами, используемыми респондентами с разным статусом здоровья. Для целей исследования нами используется следующий инструментарий: Опросник диадического совладания Г. Боденманна (Dyadic Coping Inventory – DCI, 2008) в адаптации Т. Л. Крюковой и О. А. Екимчик, 2017; Опросник качества жизни и удовлетворенности (Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire) (Ritsneretal, 2005, Рассказова, 2012); Феноменологическое полуструктурированное интервью. Основным методом обработки данных был контент-анализ результатов интервью. Сопоставление ответов респондентов показало нам следующее: в качестве индивидуального ресурса обе группы называли поддержку (9%), юмор (4%), общение с партнером по близким отношениям (13%), характеристики взаимоотношений в семье (4%), обращение к Богу (4%). Большую роль хобби придает партнер с нарушенным развитием (13% и 4%), более ориентирован на советы социального окружения партнер с нормативным развитием (13% и 4%). Лица с инвалидностью также назы-

вали жизненный опыт (9%), общение с родителями (13%), расслабление и терпение (по 4%); их партнеры обозначали внутренние ресурсы (9%), чтение (9%) и вера в хороший исход (4%).

Наиболее важным в исследованиях схожего плана представляется ресурс социальной поддержки. Мы, проанализировав этот аспект, получили следующие данные: партнер с атипичным развитием склонен в большей степени получать поддержку родительской семьи (35% и 22%), а также самопомощь (26% и 9%). При этом респондент с типичным развитием склонен больше получать поддержку от партнера по близким отношениям (43% и 30%). Помощь друзей и близких примерно равно выражена в обеих группах (13%).

В качестве личностных ресурсов респонденты выделяют ум (9%), неконфликтность (4%), целеустремленность (4%), собранность и решительность (9%). Лица с атипичным развитием позиционируют себя как более упорных (26% и 17%) и оптимистичных (30% и 17%). Для них важным является рефлексия и терпение (по 4%). Их партнеры выделяют хладнокровие (17%), искренность, коммуникабельность и стрессоустойчивость (по 4%).

Вопрос про семейные ресурсы относился к ключевым в нашем интервью. Обе группы выделяли отношения (9%) и любовь (9%), уверенность друг в друге (9%), общение с партнером (9%). Из важных характеристик лицами с атипичным развитием были названы также понимание, единство семьи, доверие, спокойствие (по 4%). Типично развивающиеся партнеры большее значение придают финансовым ресурсам (17% и 4%), но меньшее дружеским отношениям (4% и 13%). Для них ресурсами являются совместный отдых (4%), опыт (9%), общие увлечения (9%), взаимопомощь (4%).

Приведем краткую характеристику двух исследуемых нами групп:

Партнеры с нарушениями здоровья характеризуют отношения как хорошие (61% опрошенных), 13% отзывается о них как о проблемных. Основными семейными ресурсами считаются сами отношения, а также их качества (любовь, уверенность друг в друге, единство семьи) (30%). К основным личностным ресурсам относят упорство (26%) и оптимизм (30%). 40% партнеров с ОВЗ все сложности предпочитает решать самостоятельно, однако способны принять его помощь на первоначальном этапе решения проблемы (48%) как совет (39%), поддержку (43%), реальную помощь (48%).

Партнеры с типичным развитием также определяют отношения как хорошие (60% респондентов). Основными семейными ресурсами считают опыт (9%), отношения с партнером (26%), совместное отвлечение (13%), финансы (17%). 26% опрошенных также предпочитает решать возникающие трудности самостоятельно, при этом они способны

принять помощь партнера на начальном этапе решения проблемы (56%) в виде поддержки (43%), совета (35%), реальной помощи (17%).

О большей ориентации именно на совместное решение трудности заявляют 14% респондентов. Стоит отметить, что само наличие отношений и их характеристики (любовь, понимание, доверие и т.д.) рассматривали как ресурс 52% респондентов диад, включающих одного партнера с ОВЗ/инвалидностью. Для 13% опрошенных важен такой ресурс, как общие интересы и цели.

Значимые различия в показателях диадического совладания обнаружили по шкале делегированного диадического копинга субъекта ($U=157,5$ при $p=0,02$), а также общения партнеров во время стресса ($U=168$ при $p=0,03$). Мы склонны рассматривать общение партнеров во время стрессовых событий в жизни как ресурс, возможность получить поддерж-

ку, что подтверждается данными интервью. Однако данный показатель более выражен у лиц с типичным развитием ($M=12,22$, $SD=2,75$; $M=14,04$, $SD=2,48$).

Состояние физического здоровья также может быть рассмотрено как ресурс субъекта. Статистический анализ показал наличие значимых различий в показателях физического здоровья по шкале качества жизни ($U=130,5$ при $p=0,0026$), удовлетворенности лекарственными препаратами ($U=145,5$ при $p=0,008$) и уровнем функционирования ($U=171,5$ при $p=0,04$). Вполне ожидаемо уровень физического здоровья ($M=11,65$, $SD=3,45$; $M=14,70$, $SD=3,43$) и функционирования ($M=3,00$, $SD=0,9$; $M=3,57$, $SD=1,3$) выше у лиц с типичным развитием, при этом у них ниже уровень удовлетворенности приемом лекарственных средств ($M=2,35$, $SD=1,77$; $M=0,87$, $SD=1,5$) (поскольку они в целом их меньше употребляют).

Литература:

1. Махнач А.В., Постылякова Ю.В. Тест семейных ресурсов – II // Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013. С. 145–154.
2. Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В. Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители // Психологический журнал, 2015, том 36, № 1, с. 108–122.
3. Постылякова Ю.В. Ресурсный потенциал субъекта профессиональной деятельности // Социальная психология труда: теория и практика / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 226–243.
4. Шелудько О.С., Гусева О.С., Дерунов А.В. Измерение ресурсного потенциала лиц с ограниченными возможностями здоровья // Bulletin of Medical Internet Conferences. – Volume 7. – Issue 1. – С. 340–341.

УДК 159.922

ХАРАКТЕРИСТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ДО- И ПОСТОПЕРАЦИОННЫМ СТРЕССОМ У ПОДРОСТКОВ И ИХ МАТЕРЕЙ

CHARACTERISTICS ASSOCIATED WITH PRE- AND POSTOPERATIVE STRESS IN ADOLESCENTS AND THEIR MOTHERS

*Никитина Елена Альфредовна
Nikitina Elena Alfredovna*

*Институт психологии РАН, Россия, Москва
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow*

NikitinaEA@ipran.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-00-00393 К (18-00-00049).

Аннотация

Выявлены различия в восприятии стресса, связанного с хирургической операцией по поводу доброкачественного костного новообразования у мальчиков и девочек подросткового возраста и их матерей. Показано, что для девочек основным стрессогенным фактором выступает боль, а к факторам защиты относятся социальная поддержка и проблемно ориентированный копинг матери. Для мальчиков важнее выражение принятия со стороны матери, ее спокойное отношение к неудачам ребенка. В то же время материнские копинг-стратегии, направленные на избегание и отвлечение, для мальчиков-подростков являются фактором риска.

Ключевые слова: стресс, боль, операция, стратегии совладания, подростки, восприятия лиц, атрибуция эмоций.

Abstract

The study demonstrates the differences in the perception of stress associated with surgery for benign bone tumors in adolescent boys and girls and their mothers. It is shown that for girls, pain is the main stress factor, and social support and problem-oriented mother's coping are protective factors. For boys, an expression of acceptance by mother and her calm attitude to the failures of the child are more important. But maternal coping strategies aimed at avoiding and distracting are the risk factors for adolescent boys.

Keywords: stress, pain, surgery, coping strategies, adolescents, face perception, emotions attribution.

Болезнь ребенка, особенно серьезная, связанная с нахождением в стационаре и оперативным вмешательством, является серьезным стрессом для всей семьи даже при условии благоприятного прогноза на будущее. В работах М. Лиакополоу-Кейрица [5] и других авторов продемонстрировано повышение тревожности, нейротизма, враждебности, депрессивности и психологической уязвимости матерей детей и подростков с заболеваниями, сопровождающимися длительной болью. Подобные процессы могут иметь долгосрочный характер, например, даже через 6 месяцев после кардиологической операции ребенка 14,9% матерей и 9,5% отцов испытывали симптомы посттравматического стрессового расстройства. Обратная сторона явления, а именно роль родителей в переживании ребенком стрессовой ситуации, связанной с болезнью, стала предметом конкретных психологических исследований лишь в последние 10–15 лет. Однако и за это достаточно короткое время получено большое количество данных, подтверждающих неоднократно описанные еще В. М. Бехтеревым факты внушаемости среди детей, их подверженность родительскому влиянию: «Пример для ребенка все, и он, естественно, является подражателем и повторителем всего, что видит и слышит» [1, с. 323]. Таким образом, стресс, испытываемый матерью больного ребенка, и часто приводящий к изменению ее поведения, может считаться ребенком и оказывать влияние на его психическое и физическое состояние и темп выздоровления. Однако надежные данные в этой области можно будет получить только в ходе реализации междисциплинарных проектов [2]. Попытки выявления факторов, связанных с оценкой ребенком послеоперационной боли, в последнее время предпринимаются и врачами, и психологами. В исследовании А. Дарлингтон с коллегами было продемонстрировано значимое влияние тревожности и родительского стресса матери на оценку хронической боли ребенком [4]. К. Чемберс показала, что девочки 8–12 лет, матери которых были избыточно сочувствующими и эмпатичными, оценивали боль как более сильную, чем девочки того же возраста, матери которых проявляли юмор, старались отвлечь и предлагали различные способы преодоления проблемы [3].

Таким образом, в большинстве работ исследуется уровень стресса либо ребенка, либо родителя в зависимости от характеристик поведения второй стороны. Мы хотим попытаться объединить эти

2-х подхода и изучить взаимосвязь уровней стресса у ребенка и его матери, а также выявить потенциальные факторы риска и защиты.

Методика

В исследовании приняли участие 43 подростка в возрасте от 11 до 16 лет (26 мальчиков, 17 девочек) и их матери. Подростки находились в отделении детской костной патологии и подростковой ортопедии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова» по поводу удаления доброкачественных костных новообразований. Обследование проводилось в 2 этапа: (1) при поступлении в стационар и (2) после операции.

Подросткам были предложены следующие методики: Шкала боли, Шкала воспринимаемого стресса (детская версия), Юношеская копинг шкала (в адаптации Т. Л. Крюковой), опросник социальной поддержки SOZU-22.

Мамы заполняли анкеты, а также бланки методик: ШВС-10 (в адаптации В. А. Абабкова с коллегами), опросники родительского отношения Варги-Столина, копинг-поведения в стрессовых ситуациях – КПСС (в адаптации Т. Л. Крюковой) и социальной поддержки SOZU-22.

И детям, и их матерям на обеих встречах также предлагалось 11 изображений эмоционально нейтральных лиц, к каждому из которых требовалось подобрать наиболее подходящее определение из 3-х предложенных (нейтральное, например, «спокойное»; положительно окрашенное, например, «радостное», или отрицательно окрашенное, например, «испуганное»). В психологических публикациях последних лет было продемонстрировано смещение оценок эмоций по лицам в сторону негативных при стрессе. Поэтому такая проективная методика была выбрана для контроля результатов бланковых методик с закрытыми вопросами.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего, для всех респондентов уровень стресса до и после операции коррелируют между собой. Была обнаружена также прямая связь между оценкой матери трудности противодействия стрессу на первом этапе исследования и уровнем стресса у ребенка и до, и после операции (ро Спирмена соответственно 0,306* и 0,367*). При раздельном рассмотрении результатов для мальчиков и девочек, значимость этой связи сохраняется только для мальчиков ($p=0,019$).

В целом оказалось, что характеристики матери более тесно связаны с состоянием мальчиков – стресс ребенка до операции оказывается ниже, если мать демонстрирует более высокие значения принятия ребенка ($-0,413^*$) и в меньшей степени концентрируется на его неудачах ($0,531^{**}$). Использование матерью непродуктивных копингов (избегание, отвлечение и социальное отвлечение), недостаток инструментальной поддержки и включенности в социум коррелируют с более высоким уровнем стресса у ребенка, при этом социальная поддержка самого мальчика до операции, травматичность операции и оценка им своей боли с уровнем его стресса не связана.

Для девочек более важную роль играют их собственные характеристики, их стресс коррелирует с суммарной оценкой боли (r по Спирмена= $0,545$), использованием непродуктивных копингов ($0,565^*$), с оценкой социальной интеграции ($-0,676^{**}$) и, на уровне тенденции, с восприятием инструментальной поддержки ($-0,474$). В то же время использование матерью проблемно-ориентированных стратегий совладания, ее ощущение эмоциональной поддержки при госпитализации дочери могут оказаться защитными факторами для девочки.

Для понимания обнаруженной негативной роли такого способа регуляции эмоций матери как когнитивная переоценка мы воспользовались результатами проективной методики оценки эмоций по лицам. Было показано, что женщины, использующие эту стратегию, значимо реже приписывали лицам положительные эмоции, а их дочери указывали на низкий уровень эмоциональной поддержки. Возможно, переоценка ситуации вместо ее непосредственного отреагирования воспринимается детьми как нечувствительность матери к их состоянию, к тому, что их

волнует. При этом чем чаще матери оценивали лица как отрицательно эмоционально окрашенные или нейтральные, тем чаще это делали их дочери. Для мальчиков такого совпадения с мамами в атрибуции эмоций не обнаружено.

Связь особенностей атрибуции эмоций детьми с их собственным состоянием и характеристиками также оказалась разной для мальчиков и девочек. Чем выше стресс, тем чаще девочки описывают лица как нейтральные, а чем выше боль, тем чаще лицам приписываются отрицательные эмоции. Для мальчиков вероятность выбора нейтрального определения лица положительно связана только с ощущением им эмоциональной поддержки и с использованием продуктивных копинг-стратегий. Т.е. выбор нейтральных определений лиц для мальчиков связан с их положительным состоянием, а для девочек – с отрицательным.

Выявленные нами различия могут быть связаны как со спецификой эмоциональности подростков, так и с особенностями восприятия боли девочками и мальчиками. Помимо известных половых различий в порогах тактильной и болевой чувствительности активные мальчики-подростки в ходе взаимодействий с ровесниками и участия в спортивных занятиях чаще сталкиваются с ситуациями физического дискомфорта. Для девочек развитие опухоли, операция и последующие медицинские манипуляции могут оказаться первым в жизни столкновением с реальной болью, к которому они не подготовлены. И именно восприятие боли модулирует для них все остальные факторы. Однако полученные данные требуют дальнейшего изучения, в том числе и на более широкой выборке.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 416 с.
2. Харламенкова Н.Е., Еськин Н. А., Снетков А. И., Акинъшина А. Д., Батраков С. Ю., Виленская Г. А., Дан И. М., Дан М. В., Матвейчук Н. Н., Никитина Е. А. Истинные и псевдо-междисциплинарные исследования: принципы системно-структурного подхода к планированию медико-психологических проектов // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 4. С. 177–192.
3. Chambers C.T., Craig K. D., Bennett S. M. The Impact of Maternal Behavior on Children's Pain Experiences: An Experimental Analysis // Journal of Pediatric Psychology. 2002. V. 27(3). P. 293–301.
4. Darlington A.-S.E., Verhulst F. C., De Winter A. F., Ormel J., Passchier J., Hunfeld J. A.M. The influence of maternal vulnerability and parenting stress on chronic pain in adolescents in a general population sample: The TRAILS study // European Journal of Pain. 2012. V. 16. P. 150–159.
5. Liakopoulou-Kairis M., Aliferaki T., Protagora D., Korpa T., Kondyli K., Dimosthenous E., Christopoulos G., Kovanis T. Recurrent abdominal pain and headache-psychopathology, life events and family functioning // European Child and Adolescent Psychiatry. 2002. V. 11(3). P. 115–122.

УДК 159.9.072.43

**ИЗУЧЕНИЕ НАРУШЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ ВО ВЗРОСЛОМ ВОЗРАСТЕ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИТУАЦИОННЫХ ЗАДАЧ НА ВЫБОРКЕ СТУДЕНТОВ****STUDY OF ATTACHMENT DISORDERS IN ADULTHOOD USING SITUATIONAL TASKS
ON A SAMPLE OF STUDENTS***Козлов Михаил Юрьевич, Куфтяк Елена Владимировна**Kozlov Mikhail Yurevich, Kuftyak Elena Vladimirovna**Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова, Россия, Москва**I. M. Sechenov First Moscow State Medical University, Russia, Moscow**Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской**Федерации, Россия, Москва**Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian**Federation, Russia, Moscow**mishafetser@gmail.com, elena.kuftyak@inbox.ru***Аннотация**

Представлены результаты пилотного исследования нарушения привязанности во взрослом возрасте с применением эффекта фиксированной установки и ситуационных задач на выборке студентов факультета психологии.

Ключевые слова: нарушения привязанности, решение ситуационных задач.

Abstract

The results of a pilot study of attachment disorders in adulthood are presented, in which students of the faculty of psychology, were exposed to the effect of a fixed Set method and situational tasks.

Keywords: attachment disorders, solving situational tasks.

Введение

Изучение привязанности имеет длительную историю, со дня опубликования пионерских работ Джона Боулби прошло уже более 60 лет. За это время «теория привязанности» получила научное признание и активно разрабатывалась в самых разных областях психологии. Созданная модель описывает динамику долгосрочных и краткосрочных межличностных отношений, фокусируясь на том, как люди переживают межличностный стресс, разлуку и угрозу близости. Привязанность как биологически обусловленная мотивационно-поведенческая система направляет живые существа к значимым другим, чтобы облегчить процесс выживания.

В последние десятилетия исследователи стали проявлять интерес не только к особенностям связи ребенка и матери, но и ее отдаленных последствий во взрослом возрасте. Известные методологические трудности, связанные с такого рода исследованиями, прежде всего опора на ретроспективные самоотчеты, частое отсутствие объективной информации, необходимость лонгитюдных наблюдений и пр., длительное время оставляли исследования привязанности без должного внимания. Особый интерес к модели привязанности проявляли исследователи социобиологического, персонологического и клинического профилей, в работах которых теория привязанности получила всестороннее освещение. В работах Бар-

толомью и Хоровитца [Bartholomew, Kim, Horowitz, Leonard M., 1991] установлены 4 типа привязанности – «надежный», «тревожный», «отстраненный» и «зависимый» типы. Множество исследований демонстрирует корреляции между типами привязанности и самыми разными параметрами, такими как: удовлетворенность отношениями, длительность и стабильность отношений [Hazan C., Shaver P., 1987], копинг-стратегии [Scharfe, E.; Bartholomew K., 1994] и пр.

Материалы и методы

В нашем исследовании мы попробовали использовать эффект фиксированной установки для актуализации когнитивных и эмоциональных реакций, связанных с ситуацией нарушенной привязанности с последующим решением ситуационных задач. В исследовании приняли участие 28 испытуемых, 5 мужского и 23 женского пола, в возрастном диапазоне 19–21 года. Испытуемым предлагалось решение соответствующих ситуационных задач перед прохождением тестирования с помощью «Опросника привязанности к близким людям» (адаптация опросника К. Бреннан, С. Кларк и Ф. Шейвера «Опыт близких отношений» (ECR)) [Сабельникова Н. В., Каширский Д. В., 2015]. Кроме описания ситуационной задачи, были даны фиксированные варианты ответов, каждый из которых отображал вариант поведения, условно соответствующий одному из четырех

типов привязанности. Пример подобной ситуационной задачи представлен ниже:

Сергей проживает в семье. Отец мало участвует в семейной жизни, часто пропадает на работе, эмоционально холоден и не всегда может оказать поддержку, старается избегать разговоров «по душам». Мама склонна к гиперконтролю, эмоционально неустойчива, зачастую вместо поддержки советует «как надо», с ней возникают затяжные конфликты на бытовой почве. Отношения в семье часто достаточно напряженные настолько, что у Сергея возникают мысли уйти из дома. Как ему поступить в этой ситуации?

1. Съехать из дома, существенно ограничить контакты с семьей, поддерживая их на минимальном возможном уровне, добиваясь максимально удобного для себя варианта, даже если это нанесет ущерб интересам родителей (отвергающий).
2. Постараться поддерживать контакт с обоими родителями, учитывать их индивидуальные особенности как что-то не подлежащее исправлению, постепенно планировать переезд, даже если это потребует самостоятельную аренду жилья (надежный).

3. Постараться наладить отношения с родителями, временами поступать вопреки собственным установкам и потребностям, оказывать родителям всю необходимую эмоциональную поддержку, порой пренебрегая своими нуждами ради гармонизации отношений в семье (зависимый).
4. Постараться лишней раз не вступать в контакт с родителями по спорным вопросам, избегать конфликтных тем, стараться предотвращать ссоры, демонстрируя родителям согласие с заведенным семейным укладом (тревожный).

Результаты

В ходе исследования нами не было установлено четкой зависимости между выявленным типом привязанности и выбором ответов в ситуационной задаче. Результаты тестирования 28 студентов выявили преобладание надежного типа привязанности у большинства испытуемых – 18 человек, тревожный у 2, зависимый в 5-ти случаях и у 4-х преобладание отстраненного типа. Ниже в таблице представлены данные по выявленным типам и предпочтению вариантов ответов, варианты с ненадежными типами привязанности отмечены соответствующими буквами.

№	Имя	Избегание	Тревога	Тип	В – 1	В – 2	В-3	В-4
1	Испытуемый	63	76	Тревожный	2 (O)	2	1 (3)	1
2	Испытуемый	40	56	Надежный	2 (O)	2	4	1
3	Испытуемый	54	56	Надежный	1	2	4	1
4	Испытуемый	71	54	Отстраненный	1	2	3 (T)	1
5	Испытуемый	42	64	Зависимый	1	2	3 (T)	1
6	Испытуемый	62	47	Отстраненный	1	2	4	1
7	Испытуемый	45	47	Надежный	1	2	3 (T)	1
8	Испытуемый	31	53	Надежный	2 (O)	2	4	1
9	Испытуемый	52	57	Надежный	2 (O)	2	1 (T)	1
10	Испытуемый	37	42	Надежный	4 (3)	3 (3)	4	1
11	Испытуемый	54	51	Надежный	1	2	4	1
12	Испытуемый	57	54	Надежный	1	2	4	1
13	Испытуемый	70	83	Тревожный	2 (O)	2	4	1
14	Испытуемый	66	32	Отстраненный	2 (O)	2	4	2(O)
15	Испытуемый	52	60	Надежный	1	2	4	1
16	Испытуемый	55	74	Зависимый	1	3 (3)	4	1
17	Испытуемый	25	34	Надежный	1	2	4	1
18	Испытуемый	45	46	Надежный	1	2	4	1
19	Испытуемый	38	39	Надежный	1	2	4	1
20	Испытуемый	46	38	Надежный	1	2	4	1
21	Испытуемый	30	31	Надежный	1	2	4	1
22	Испытуемый	38	64	Зависимый	1	2	1 (3)	1
23	Испытуемый	47	52	Надежный	1	2	4	1
24	Испытуемый	67	52	Отстраненный	1	2	4	3
25	Испытуемый	41	38	Надежный	1	1 (O)	4	1
26	Испытуемый	32	62	Зависимый	1	2	4	1
27	Испытуемый	35	42	Надежный	1	2	4	1
28	Испытуемый	41	63	Зависимый	1	2	4	1

Выводы

Несмотря на отсутствие выраженной взаимосвязи между выявленным типом и предпочтением соответствующих вариантов ответов в ситуационных задачах, авторы получили полезную обратную связь. В последующих исследованиях целесообразно отка-

заться от фиксированных ответов, увеличить объем материала для формирования более последовательного и полного нарратива, обеспечить проведение контент-анализа, атак же увеличение количества испытуемых для использования корреляционного анализа.

Литература:

1. Bartholomew, Kim, Horowitz, Leonard M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol.61(2), Aug 1991, 226–244
2. Hazan C., Shaver P. Romantic love conceptualized as an attachment process. – *Journal of personality and social psychology*. – 1987.
3. Сабельникова Н. В., Каширский Д. В. Опросник привязанности к близким людям. *Психологический журнал*, 2015, том 36, № 4, с. 84–97
4. Scharfe, E.; Bartholomew, K. Reliability and stability of adult attachment patterns// *Personal Relationships: journal*. – 1994. – Vol. 1. – P. 23–43
5. Bifulco, A., Kwon, J., Jacobs, C., Moran, P. M., Bunn, A., & Beer, N. (2006). Adult attachment style as mediator between childhood neglect/abuse and adult depression and anxiety. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 41(10), 796–805.

УДК 159.9.07

ГРНТИ 15.81.61

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ОТВЕРЖЕНИЮ ИЗ-ЗА ВНЕШНОСТИ У УЧАСТНИЦ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ ПО ПОХУДЕНИЮ**APPEARANCE-BASED REJECTION SENSITIVITY IN PARTICIPANTS OF THE WEIGHT-LOSS ONLINE COMMUNITIES***Польская Наталия Анатольевна**Polskaya Natalia Anatolievna**ФГБОУ ВО МГППУ, Россия, Москва**Moscow State University of Psychology & Education, Russia, Moscow**polskayana@yandex.ru*

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-013-00429.

Аннотация

Представлены результаты исследования связи чувствительности к отвержению из-за внешности (ЧкОВ) с эмоциональной дисрегуляцией, психологическим дистрессом и пищевым поведением в женской неклинической популяции. Исследование проведено в онлайн-группах, связанных с тематикой похудения (N=712; Mвозр.=18,98, SD=1,43). Выявлены значимые связи ЧкОВ с психологическим дистрессом, эмоциональной дисрегуляцией и нарушениями пищевого поведения. По данным факторам получены значимые различия между группами, использующими разные стратегии контроля своего веса. Наиболее выраженная эмоциональная дисрегуляция и нарушения пищевого поведения – в группе девушек, использующих очистительные способы контроля веса. А в группе девушек, использующих ограничительные способы контроля веса наиболее выражены ЧкОВ и психологический дистресс. В качестве предикторов ЧкОВ выступают такие стратегии и формы эмоциональной дисрегуляции как подавление эмоций, руминация и избегание.

Ключевые слова: чувствительность к отвержению из-за внешности, эмоциональная дисрегуляция, онлайн сообщества, нарушения пищевого поведения.

Abstract

We present the results of the study of the links between appearance-based rejection sensitivity (Appearance-RS) and emotion dysregulation, distress and disordered eating in a community sample of young women. The study was carried out in online communities aimed at weight loss (N=712; mean age – 18.98, SD=1.43). Significant correlations between Appearance-RS, distress, emotion dysregulation and disordered eating behaviors were found. These variables yielded significant differences between groups of girls using different strategies to control weight. The

most pronounced emotion dysregulation and unhealthy eating behaviors were discovered in purging girls. Girls who restricted their eating had the highest scores of Appearance-RS and distress. Emotion suppression (a strategy of emotion regulation), rumination and avoidance (types of emotion dysregulation) predicted Appearance-RS.

Keywords: appearance-based rejection sensitivity, emotion dysregulation, online communities, disordered eating habits.

В исследованиях последних лет чувствительность к отвержению из-за внешности (ЧкОВ) связывают с развитием нарушений пищевого поведения, особенно в подростковом и юношеском возрасте, а также с эмоциональными дисфункциями [1; 3]. В данном сообщении будут представлены результаты исследования связи ЧкОВ с эмоциональной дисрегуляцией, психологическим дистрессом и нарушениями пищевого поведения на доклиническом уровне. Сбор данных проходил в онлайн-формате (с участием студенток Ю. Соловьяновой и А. Сулаймановой): в тематических онлайн-сообществах по похудению размещалась информация об исследовании и ссылка на google-форму с тестовым материалом. Участие было добровольным и анонимным.

Выборка. Всего в исследовании приняли участие более тысячи человек, из них было отобрано 712 девушек в возрасте от 17 лет до 21 года (Мвозр.=18,98, SD=1,43). 460 (64,6%) девушек на момент участия в исследовании отметили, что стараются похудеть, 252 (35,4%) – нет.

Методики. Использовались: опросник эмоциональной дисрегуляции (Польская, Разваляева, 2017); опросник эмоциональной регуляции (ERQ) Дж. Гросса (в адаптации Панкратовой, Корниенко, 2017); шкала оценки пищевого поведения Скугаревского; опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Checklist-90-Revised) в адап-

тации Н.В. Тарабриной (Тарабрина, 2007) – в данном сообщении будет представлен только общий индекс тяжести симптомов. В рамках адаптации на русскоязычной выборке применялась однофакторная шкала чувствительности к отвержению из-за внешности – Appearance-based Rejection Sensitivity Scale (Park, 2007). Также использовалась анкета, вопросы которой были связаны с контролем веса и способами, которые для этого используются.

Результаты. На основе оценки ответов на вопрос анкеты о способах/стратегиях контроля веса были выделены 4 группы. 1 группа (n=211, 29,6%) объединила девушек, указавших, что они регулируют свой вес с помощью здорового питания, спорта, либо считают, что в регуляции веса нет необходимости. 2 группа (n=342, 48%) объединила тех, кто для регуляции веса использует ограничительные стратегии (напр., диеты, подсчет калорий, ограничение количества пищи). В 3 группе (n=69, 9,7%) девушки использовали очистительные стратегии регуляции веса (напр., прием мочегонных и слабительных препаратов, вызывание рвоты и т.п.). В 4 группе (n=90, 12,6%) оказались те, кто используют как очистительные, так и ограничительные стратегии.

При оценке связей ЧкОВ со шкалами эмоциональной регуляции и дисрегуляции, психопатологической симптоматики и пищевым поведением был выявлен ряд статистически значимых корреляций (табл. 1).

Таблица 1. Значимые взаимосвязи ЧкОВ со шкалами эмоциональной регуляции/дисрегуляции, пищевым поведением и общим индексом тяжести симптомов

Шкалы опросников	ЧкОВ
Стремление к худобе	,258**
Булимия	,343**
Неудовлетворенность телом	-,075*
Перфекционизм	,276**
Недоверие	-,292**
Интероцептивная некомпетентность	,292**
Руминация	,521**
Избегание	,478**
Трудности ментализации	,353**
Когнитивная переоценка	-,246**
Подавление экспрессии	,283**
Общий индекс тяжести симптомов	,629**

Примечания: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Проверка различий (критерий Краскела-Уоллеса) между группами по стратегиям пищевого поведения показала, что наиболее высокие значения по нарушениям пищевого поведения и эмоциональ-

ной дисрегуляции – в группах девушек, использующих для контроля веса преимущественно очистительные стратегии (табл. 2).

Таблица 2. Значимые различия ($p < 0,001$) между группами с разными способами контроля веса по шкалам эмоциональной регуляции/дисрегуляции и пищевого поведения

Шкалы опросников	Правильное питание, спорт (N=211)	Ограничительные стратегии (N=342)	Очистительные стратегии (N=69)	Ограничительные + очистительные стратегии (N=90)
	Среднее (стандартное отклонение)			
Шкала оценки пищевого поведения Скугаревского				
Стремление к худобе	5,24 (2,86)	10,31 (4,1)	12,90 (2,91)	9,29 (3,7)
Булимия	3,21 (3,89)	8,32 (6,01)	15,30 (6,17)	11,07 (6,08)
Неудовлетворенность телом	12,78 (4,98)	17,99 (7,12)	23,57 (5,72)	12,21 (5,87)
Неэффективность	11,7 (5,63)	13,99 (6,05)	17,71 (4,94)	9,59 (4,14)
Перфекционизм	6,39 (4,17)	8,1 (4,46)	8,23 (4,37)	8,71 (4,63)
Недоверие	13,11 (4,75)	13,18 (5,44)	16,51 (3,63)	7,43 (4,57)
Интероцептивная некомпетентность	8,32 (5,69)	11,44 (6,55)	15,72 (5,61)	11,81 (5,42)
Шкала эмоциональной дисрегуляции Польской, Развальяевой				
Руминация	20 (6,08)	22,77 (6,05)	25,32 (5,08)	24,43 (5,82)
Избегание	12,31 (4,52)	15,09 (4,78)	17,45 (4,51)	16,83 (4,67)
Трудности ментализации	22,59 (6,14)	24,93 (6,29)	27,04 (5,14)	25,34 (6,08)
Шкала эмоциональной регуляции Гросса				
Когнитивная переоценка	26,17 (7,91)	24,21 (7,88)	21,25 (7,89)	19 (6,86)

ЧкОВ оказалась наиболее высокой в группе девушек с ограничительными стратегиями контроля веса ($p < 0,001$), как и общий индекс психопатологической симптоматики ($p < 0,001$). Для оценки влияния эмоциональной дисрегуляции на ЧкОВ была проведена линейная регрессия (метод принудитель-

ного включения). Проверка нескольких моделей позволила определить три предиктора, влияющие на выраженность чувствительности к отвержению из-за внешности – это подавление экспрессии, избегание и руминация (табл. 3).

Таблица 3. Регрессионная модель влияния эмоциональной дисрегуляции на чувствительность к отвержению из-за внешности

Зависимые переменные	Предикторы	Параметры модели			Уровень значимости по t-критерию – p
		Коэффициент множественной корреляции – R	Коэффициент множественной детерминации – R ²	β	
Чувствительность к отвержению из-за внешности	Подавление экспрессии	0,616	0,380	0,111	0,003
	Руминация			0,379	0,000
	Избегание			0,249	0,000

Обсуждение и выводы. Представленные результаты подтверждают, что деструктивные способы/стратегии регуляции собственного веса связаны с психологическим дистрессом, эмоциональной дисрегуляцией и нарушениями пищевого поведения, а также с ЧкОВ. Эти данные согласуются с исследованиями близкой направленности. Так, подтверждена связь психологического дистресса и неудовлетворенности телом среди подростков [4]. Выраженность симптомов расстройств пищевого поведения связана с трудностями в распознавании, дифференциации и интерпретации своих и чужих эмоций [5]. Помимо этого, выявленная в нашем исследовании связь нарушений пищевого поведения с ЧкОВ, согласуется с общекультурной тенденцией, активно продвигаемой в социальных медиа – это идеализация худого тела и, как следствие, стремление к худобе [1; 2]. Результаты проведенного исследования подтвердили, что ЧкОВ может быть вызвана эмоциональными дисфункциями, а именно, использованием такой неэффективной стратегии регуляции эмоций как подавление, и таких форм эмоциональной дисрегуляции как руминация и избегание. Таким образом, чувствительность к отвержению из-за внешности, во многом связанная с переживанием психологического неблагополучия и обусловленная хроническими эмоциональными дисфункциями, может повышать вероятность аутодеструкции в разных ее формах [1–3], в частности, через развитие нарушений пищевого поведения [4; 5]. Подобные нарушения нередко берут на себя функции регуляции эмоций с целью смягчения интенсивности негативного аффекта.

Литература:

1. Григорьева Д.А., Польская Н. А. Идеализация тела в социальных сетях как фактор риска нарушений пищевого поведения у девушек // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л. Ф. Обуховой) «Возможности и риски цифровой среды». Т. 2. / ред. Басилова Т. А. и др. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 346–348.
2. Польская Н.А., Якубовская Д. К. Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия.– 2019.– Т 27.– № 3.– С.– 156–174.
3. Якубовская Д.К., Польская Н. А. Идеал «худого тела» и самообъективация в социальных медиа // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л. Ф. Обуховой) «Возможности и риски цифровой среды». Т. 2. / ред. Басилова Т. А. и др. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 368–371.
4. Duchesne A.P. et al. Body dissatisfaction and psychological distress in adolescents: Is self-esteem a mediator? // Journal of Health Psychology. 2017. Vol. 22. № . 12. P. 1563–1569.
5. Foye U., Hazlett D. E., Irving P. ‘The body is a battleground for unwanted and unexpressed emotions’: exploring eating disorders and the role of emotional intelligence // Eating disorders. 2019. Vol. 27. № . 3. P. 321–342.

УДК 159.99

ДЕПРЕССИЯ В СТРУКТУРЕ КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРИ СОСУДИСТЫХ ПОРАЖЕНИЯХ ГОЛОВНОГО МОЗГА В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ DEPRESSION IN THE STRUCTURE OF COGNITIVE IMPAIRMENTS IN VASCULAR LESIONS OF THE BRAIN DURING AGING

Харламова Наталья Сергеевна
Kharlatova Natalya Sergeevna

Московский Государственный Психолого-Педагогический Университет
Moscow State University of Psychology and Education

rarog.falke@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена вопросам старения личности и факторов, снижающих ее адаптационные возможности. Автор рассматривает понятие благополучного старения и типы когнитивных особенностей в позднем возрасте, освещает наиболее распространенные причины когнитивных нарушений в старости, а также рассматривает депрессию в контексте ее влияния на реабилитационный процесс больного.

Ключевые слова: поздний возраст, когнитивные нарушения, депрессия.

Abstract

The main point of this article is aging of personality and factors that can reduce the adaptive capacity of a personality. The author considers the concept of successful aging and types of cognitive features. In this article the

writer also describes the most common reasons of cognitive impairments in the aging. And also examines depression in the context of impacting on the patient's rehabilitation process.

Keywords: aging, cognitive impairment, depression.

В настоящее время в мире отмечается стремительное развитие медицины и связанных с ней наук, что закономерно приводит к увеличению продолжительности жизни. По данным Всемирной организации здравоохранения, за период с 2000 г. по 2016 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении возросла с 66,5 до 72 лет. Увеличивается как доля пожилого населения планеты, так и поздний возраст каждого человека.

В связи с этими изменениями все более актуальными становятся вопросы благополучной старости. Под благополучной старостью понимается особо благоприятная форма старения, выражающаяся в удовлетворенности своей настоящей жизнью и своей ролью в ней.

Поздний возраст неизменно влечет за собой физиологические изменения, способствующие ослаблению организма, обострению хронических и развитию новых заболеваний. Большое влияние на качество жизни оказывает также состояние когнитивных функций человека. В позднем возрасте определенное когнитивное снижение свойственно многим людям и считается частью нормального старения [3, 5].

«Старение – это закономерный процесс, сопровождающийся характерными возрастными изменениями в органах и системах, ведущими к ограничению адаптационных возможностей организма, которые при нормальном старении доступны компенсации» [2].

Выделяют 4 типа нормального старения по критерию наиболее слабого и чувствительного к нагрузке функционального блока мозга: [2]

1. Нейродинамический – наиболее распространенный тип старения, характеризующийся снижением энергетического обеспечения психической активности.
2. Пространственный – при нарушении симультанности в переработке информации, что в первую очередь проявляется в зрительно-пространственной сфере. Считается наиболее благоприятным вариантом.
3. Регуляторный – характеризуется снижением произвольной регуляции деятельности, нарушениями критичности, импульсивностью.
4. Смешанный – при данном типе отмечают наиболее неблагоприятный прогноз. Нарушения выявляются со стороны 2х факторов – энергетического обеспечения и произвольной регуляции психической деятельности. Характерны повышенная забывчивость, сужение сферы интересов, эмоциональная монотонность.

Говоря же о патологическом старении, имеют в виду наличие патологических процессов, ускоряю-

щих старение организма. Часто это так называемые возраст-ассоциированные заболевания.

Наиболее распространенными заболеваниями, которые влекут за собой когнитивные нарушения, являются нарушения сердечно-сосудистой системы, а также нейродегенеративные процессы.

В вопросе о сосудистых патологиях, влияющих на головной мозг, речь идет прежде всего о так называемых «мозговых катастрофах» – острых или преходящих нарушениях мозгового кровообращения (инсульт и транзиторная ишемическая атака).

Большинство инсультов происходят по ишемическому типу, вследствие чего значительно снижается поступление кислорода в некоторые области мозга и происходит гибель нейронов. В значительно меньшем проценте случаев инсульт носит геморрагический характер, когда нарушается целостность сосудистой стенки и кровь изливается в ткани мозга. Помимо клеток, страдающих от гипоксии, гибнут и ткани соседних областей, подвергшиеся механическому повреждению.

В ряде сосудистых патологий также выделяют заболевания, связанные с хроническим нарушением мозгового кровообращения. Наиболее частым диагнозом такого характера в нашей стране является дисциркуляторная энцефалопатия, приводящая к хронической ишемии головного мозга и развитию нарушений в его функционировании.

Еще одна чрезвычайно распространенная причина когнитивных нарушений в пожилом возрасте – нейродегенеративные заболевания. Болезнь Альцгеймера является причиной порядка 60% всех случаев деменции в мире. Также описаны болезнь Паркинсона, деменция с тельцами Леви, лобно-височная деменция (болезнь Пика), дисметаболическая энцефалопатия, нормотензивная гидроцефалия, прогрессирующий надъядерный паралич, хорей Гантингтона, мультисистемная атрофия, прионовые болезни и др [1].

Особенная сложность в терапевтических подходах к патологиям нейродегенеративного характера – это отсутствие эффективного лечения подавляющего большинства известных заболеваний. Многие из них имеют стремительное течение и приводят к инвалидизации и летальному исходу. В настоящее время научные достижения позволяют лишь относительно улучшать качество жизни таких пациентов [1].

В условиях заболевания возможности адаптации и достижения состояния благополучной старости существенно снижаются. К свойственным нормальному старению ограничениям добавляются специфические нарушения, развивающиеся вследствие того или иного заболевания. Помощь таким

пациентам, очевидно, мультидисциплинарная задача, немаловажная роль в которой должна быть отведена нейропсихологу [2].

В настоящей работе наиболее пристальное внимание обращено к такому аспекту состояния пожилых больных с органическими поражениями мозга, как депрессия. Многие исследователи упоминают ее в качестве характерного симптома в синдромах различных заболеваний, затрагивающих головной мозг.

Помимо непосредственного снижения качества жизни человека, депрессия способна оказывать влияние на компенсаторные возможности в коррекционно-реабилитационной работе в случае заболевания и когнитивных нарушений [4].

При этом имеются данные о значительной распространенности такого состояния у больных, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения. К сожалению, на данный момент нет достоверных данных о статистике депрессивных состояний после перенесенной транзиторной ишемической атаки и при дисциркуляторной энцефалопатии.

В рамках развития данной работы запланировано и разработано исследование, призванное оценить, насколько часто пациенты после перенесенного нарушения мозгового кровообращения (острого, преходящего или хронического) страдают депрес-

сией, каковы особенности ее протекания в данном случае, а также выявить или опровергнуть наличие значимых корреляций уровня депрессии и когнитивных нарушений.

Для осуществления подобной задачи предполагается набор испытуемых от 65 лет и старше в 4 группы исследования: 3 экспериментальные (пациенты с диагностированными острым нарушением мозгового кровообращения, транзиторной ишемической атакой и дисциркуляторной энцефалопатией соответственно) и 1 контрольную (пациенты, в анамнезе которых отсутствуют вышеуказанные заболевания, а также другие патологические состояния, способные приводить к развитию когнитивных нарушений), сбор и обработка показателей участников исследования по результатам клинической беседы, скрининговых методик для оценки психического статуса (MMSE, FaB), шкал для оценки уровня депрессии.

Как уже отмечалось ранее, в современном мире все большую актуальность приобретают проблемы пожилого возраста. Этому способствует широкая распространенность заболеваний, приводящих к нарушению когнитивных функций и ухудшению качества жизни, а также ограниченные возможности их эффективного лечения. Этим обстоятельством и продиктован выбор темы исследования.

Литература:

1. Захаров, В.В. Когнитивные расстройства в пожилом и старческом возрасте. Методическое пособие для врачей / В. В. Захаров, Н. Н. Яхно. – Москва. – 2005. – 71 с.
2. Корсакова, Н. К. Нейропсихологический подход к исследованию нормального и патологического старения // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика / Н. К. Корсакова, И. Ф. Рощина. – 2009. – № 1(3–4). – С. 4–7.
3. Макушкин, Е. В. Аспекты эволютивности и инволютивности в раскрытии онтогенеза позднего возраста // Российский психиатрический журнал / Е. В. Макушкин, Л. Е. Пищикова. – 2013. – № 2. – С. 50–56.
4. Мелехин, А. И. Оценка эмоциональной компетентности как биопсихосоциальный маркер течения старения // Коллекция гуманитарных исследований / А. И. Мелехин. – 2018. – № 6(15). – С. 23–29.
5. Фролькис В. В. Физиологические механизмы старения // Физиологические механизмы старения. – Л., 1982. – С. 187–198.

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ COVID-19**THE COPING BEHAVIOR IN PANDEMIC COVID-19***Куваева Ирина Олеговна**Kuvaeva Irina Olegovna**Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург**Ural Federal University, Russian Federation, Ekaterinburg**irina.kuvaeva@urfu.ru***Аннотация**

Представлены результаты исследования когнитивной оценки и особенностей совладания с уникальной ситуацией – пандемией COVID-19. Показано, что субъективное восприятие пандемии обуславливает выраженность стратегий «самоконтроль» и «планирование решения проблемы». Получены данные о том, что стратегия «поиск социальной поддержки» входит в структуру проблемно- и эмоционально-ориентированного совладания. Выявлены субъективные трудности и ресурсы совладания с эпидемиологической угрозой.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, когнитивная оценка, совладающее поведение, копинг-стратегии

Abstract

The research of cognitive appraisal and coping behavior with a unique situation – the COVID – 19 pandemic, is presented. The subjective perception of the pandemic determines the severity of the strategies "self-control" and "planning" was shown. The strategy "social support" was included in the structure of problem- and emotional-oriented coping behavior. Subjective difficulties and coping resources with the epidemiological threat are identified.

Keywords: pandemic, COVID-19, cognitive appraisal, coping behavior, coping-strategies.

Пандемия COVID-19 представляет собой уникальную ситуацию, захватившую все сферы жизни современного человека. Литературные данные свидетельствуют о том, что основная особенность пандемии коронавируса заключается в невидимости угрозы и разнообразных последствиях [2]. Многофакторный характер стрессора приводит к формированию стрессовой симптоматики разной интенсивности. Изучение особенностей восприятия пандемии и активизируемых копинг-стратегий позволит понять, какие ресурсы доступны человеку в условиях эпидемиологической угрозы.

В теории психологического стресса Р. Лазаруса и С. Фолкман отмечается, что когнитивная оценка выступает медиатором между реакцией на стресс и выбранной стратегией совладания [5]. Авторы, классифицируя типы первичной когнитивной оценки, выделили безразличную (стрессор не вызывает потерь и приобретений), слегка позитивную (человек извлекает пользу, сохраняет психологическое благополучие), стрессовую (ситуация воспринимается как вред, угроза или вызов). Вторичная когнитивная оценка связана с анализом возможностей для разрешения трудной ситуации. Выбор стратегии обусловлен первичной когнитивной оценкой, а также личностными особенностями и имеющимися копинг-ресурсами.

В исследовании J. P. Bjorck & L. H. Cohen (1993) показано, что оценка трудной ситуации как угрожающей способствует проблемно-ориентированному и религиозному совладанию; в то время как эмоциональная и социальная поддержка востребуется реже. Если ситуация категоризуется как вызов, то индивид в большей степени демонстрирует активный копинг и реже обращается к религии и позитивной переоценке. Анализ ситуационного копинга выявил, что молодые люди, оценивая период перед защитой диссертации как угрожающий и менее сложный (less challenging), демонстрируют продуктивное совладающее поведение [4].

Цель исследования – анализ когнитивной оценки и копинг-стратегий у респондентов, находящихся в ситуации пандемии. Платформой для сбора эмпирических данных стала программа GoogleForms.

В исследовании приняли участие 177 респондентов (44 м. /133 ж.) в возрасте от 18 до 64 лет (mean=25.9±10.5). Большинство респондентов (78%) проживают в Свердловской области (преимущественно в Екатеринбурге), оставшаяся часть – в других регионах РФ.

Психодиагностический комплекс включал 2 блока:

1 блок – Задания на выявление субъективной оценки ситуации пандемии:

- «Опишите одним словом, фразой или метафорой свое отношение к пандемии». Ответы респондентов разносились по типу когнитивной оценки – безразличная, слегка позитивная, стрессовая.
- «Что оказалось самым трудным для Вас в ситуации пандемии?». Ответы классифицировались по группам: финансовые проблемы, самоизоляция, социальная разобщенность, изменение привычного образа жизни и т.д.
- «Оцените степень трудности ситуации пандемии по отношению к другим трудным ситуациям в Вашей жизни» (0 – «самое легкое событие в моей жизни», 4 – «самое сложное событие в моей жизни»).

2 блок – Оценка особенностей совладающего поведения в ситуации пандемии:

- «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса, С. Фолкман относится к интериндивидуальным, многомерным и ситуационно-ориентированным инструментам [1]. Авторы выделяли 8 стратегий, образующих 2 стиля: проблемно-ориентированный (Конфронтативный копинг, Планирование решения проблемы); эмоционально-ориентированный (Дистанцирование, Самоконтроль, Поиск социальной поддержки, Принятие ответственности, Бегство-избегание, Положительная переоценка).

Статистические методы обработки данных включали: описательная статистика, факторный ана-

лиз (метод главных компонент, вращение Varimax), однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

По совокупности собранных данных выявлено, что большая часть респондентов (79%) не относила себя к группе риска по COVID-19: у них отсутствовали хронические заболевания, их родные не работали в «красной зоне».

Анализ субъективных трудностей у участников исследования показал, что в ситуации пандемии 28% выборки испытывают напряжение из-за вынужденной самоизоляции, 20% – ограничения социальных контактов с близкими и друзьями. Дистанционная форма деятельности и финансовые проблемы вызывают затруднения у 15% и 11% респондентов соответственно. 7% выборки отметили тревогу, страх и переживания за близких людей.

Изучение особенностей совладающего поведения продемонстрировало, что наиболее востребованной проблемно-ориентированной стратегией является планирование решения проблемы ($mean=5.53\pm 2.00$); эмоционально-фокусированными – принятие ответственности ($mean=5.58\pm 1.80$) и позитивная переоценка ($mean=5.55\pm 1.92$).

В результате процедуры факторизации выявлены два фактора ($вес\geq 1.0$), которые в совокупности объясняют 62,4% общей дисперсии. Структура совладающего поведения в условиях пандемии представлена в Табл. 1.

Таблица 1. Структура стратегий совладания с ситуацией пандемии

Копинг-стратегии	Матрица повернутых компонент	
	Факторы	
	1	2
Бегство – избегание	0,777	0,162
Принятие ответственности	0,754	0,255
Дистанцирование	0,734	0,032
Самоконтроль	0,691	0,275
Планирование решения проблемы	0,164	0,863
Положительная переоценка	0,081	0,845
Поиск социальной поддержки	0,532	0,571
Конфронтативный копинг	0,489	0,542
Вращение сошлось за 3 итерации		

Согласно данным Табл. 1, фактор 1 (34,4%) состоит из эмоционально-фокусированных стратегий: в ситуации пандемии респонденты принимают ответственность и осуществляют самоконтроль, при этом когнитивно дистанцируются и избегают трудную ситуацию. Фактор 2 (28%) включил проблемно-ориентированные стратегии: решение проблемы, поиск позитивных сторон и агрессивные усилия по изменению ситуации. Стратегия поиск социальной поддержки вошла в оба фактора: в условиях эпиде-

миологической угрозы респонденты обращаются к другим людям с целью получения инструментальной и эмоциональной поддержки.

Выявление особенностей субъективного восприятия пандемии продемонстрировало, что большая часть выборки (63%) оценивают ее как стрессогенную, каждый четвертый респондент (24%) – как позитивную. Половина опрошенных (46%) охарактеризовали пандемию как «среднюю» по степени сложности (2 балла) по отношению к другим труд-

ным событиям жизни; для 23% респондентов пандемия относится к сложным периодам.

Для определения выраженности копинг-стратегий от особенностей восприятия пандемии проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). На рис. 1 показано, что стратегия *самоконтроль* зна-

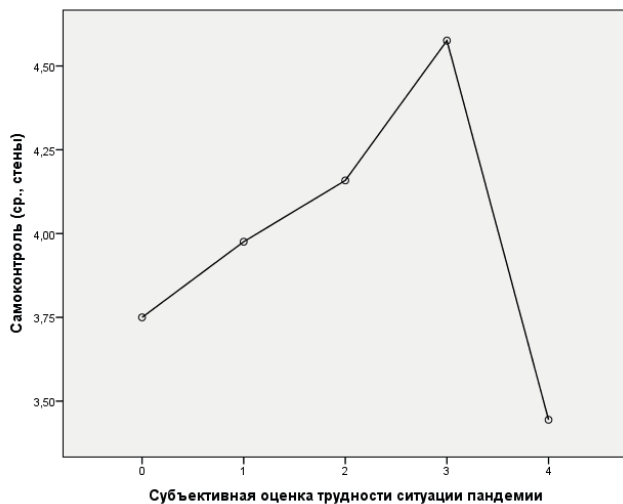

Рис. 1.
Выраженность стратегии
Самоконтроль
в зависимости от субъективной
трудности ситуации пандемии

чимо изменяется в зависимости от ее субъективной трудности ($F=2.745$, $p=0.030$). На рис. 2 видно, что тип когнитивной оценки (*безразличная, слегка позитивная, стрессовая*) определяет востребованность стратегии *планирование решения проблемы* ($F=5.069$, $p=0.007$).

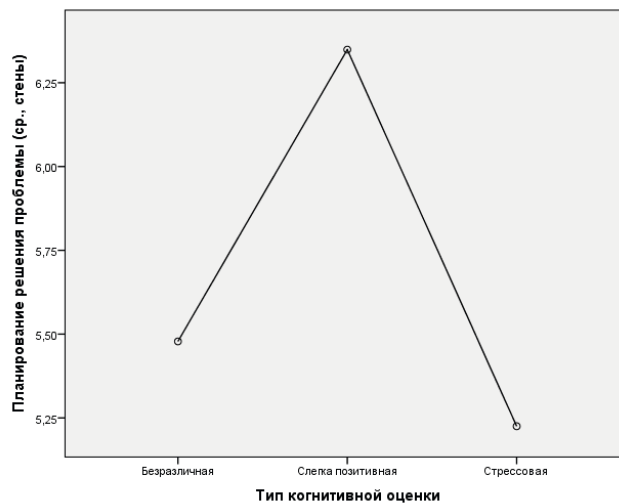

Рис. 2.
Выраженность стратегии
Планирование решения проблемы
в зависимости от когнитивной
оценки ситуации пандемии

Таким образом, проведенное исследование выявило особенности совладающего поведения в условиях пандемии. Респонденты, оценивающие ситуацию пандемии как слегка позитивную, достоверно чаще анализируют способы по управлению осложненными условиями жизни. В то время как люди, имеющие безразличную и стрессовую оценки, в меньшей степени ориентированы на решение трудной

ситуации. Копинг-ресурсами оказались позитивное восприятие ситуации, принятие ответственности, систематическое обдумывание проблемы и социальная поддержка. Будущие исследования направлены на анализ особенностей организации индивидуально-психологических представлений о пандемии (концепт Пандемия) и их соотношения со стратегиями совладания.

Литература:

1. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул. – 2007.
2. Харламенкова Н.Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19 // М.: Институт психологии РАН. 2020 [Электронный ресурс]: http://ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html; дата обращения – 16.06.2020].
3. Bjorck J.P., Cohen L. H. Coping with threats, losses and challenges // Journal of Social and Clinical Psychology. – Vol. 12. – No. 1. – P. 56–72.
4. Devonport T.J., Lane A. M. Cognitive appraisal of dissertation stress among undergraduate students // Psychological Record. – 2006. – 56. P. – 259–266. Фролькис В. В. Физиологические механизмы старения // Физиологические механизмы старения. – Л., 1982. – С. 187–198.
5. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. NewYork: Springer. 1984.

УДК 01.159.9; 159.91

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК У ЛИЦ С НИЗКИМ УРОВНЕМ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

DETERMINATION OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS IN INDIVIDUALS WITH A LOW LEVEL OF FUNCTIONAL STATUS

Денисова Елена Анатольевна, Лукьянова Светлана Николаевна

Denisova Elena Anatolievna, Lukyanova Svetlana Nikolaevna

ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, Россия, Москва

A. I. Burnazyan SSC FMBC FMBA of Russia, Russia, Moscow

lady-denisowa-lena@yandex.ru

Аннотация

Данная работа посвящена изучению особенностей сенсомоторных реакций у лиц с различными уровнями тревожности. В исследование принимали участие пациенты, госпитализированные в стационар, с функциональными неврологическими нарушениями. Все исследуемые имели в анамнезе стрессовое переживание.

Ключевые слова: сенсомоторная реакция, подвижность нервных процессов, тревожность, функциональное состояние.

Abstract

This paper is devoted to the study of the features of sensorimotor reactions in individuals with different levels of anxiety. The study involved patients admitted to the hospital with functional neurological disorders. All the subjects had a history of stressful experiences.

Keywords: sensorimotor reaction, mobility of nervous processes, anxiety, functional state.

Данное исследование было направлено на изучение особенностей сенсомоторных реакций (зрительных и слуховых) у лиц при тревожных состояниях. Сенсомоторная реакция, затрагивает чувствительные и двигательные пути периферической и участки центральной нервной систем. Они являются, своего рода, индикатором свойств и состояния нервной системы в целом.

Для проведения пилотного исследования использовали методы оценки: простая зрительно – моторная реакция (ПЗМР), простая зрительно – моторная реакция со счётом (ПЗМР со счётом), критическая частота световых мельканий (КЧСМ), шкала выраженности тревожности Спилбергера-Ханина. В исследовании принимали участия пациенты неврологического отделения с функциональными

нарушениями соматического здоровья, не имеющие тяжелой соматической патологии (18 человек, средний возраст – $48,0 \pm 1,4$ лет). Исследование проводили в первой половине дня при помощи комплекса АПК «НС-ТЕСТ» компании Нейрософт (г. Иваново). Для статистической обработки применялся пакет SPSS.

Испытуемые по уровню тревожности распределились на две группы: первая группа – 12 (70%) человек имели высокий уровень тревожности как реактивной, так и личностной ($48,0 \pm 2,0$; $49,0 \pm 5,0$ соответственно). Вторая группа 6 чел. (30%) имела умеренную реактивную тревожность, при повышенной личностной тревожности ($34,0 \pm 4,0$; $40,0 \pm 2,0$ соответственно).

Показатели по зрительно-моторным методам исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика показателей зрительно-моторной реакции в группах 1 и 2.

Название метода	показатель	Группа 1 (n – 12)	Группа 2 (n – 6)
ПЗМР	скорость реакции, мс	$326 \pm 0,9$	$203,3 \pm 0,69^*$
	СКО, мс	$130,0 \pm 34,9$	$29,4 \pm 10,8^*$
	ошибки, ед	$4,0 \pm 2,0$	$0,1 \pm 1,0^*$
ПЗМР со счётом	скорость реакции, мс	$330 \pm 3,6$	$226,3 \pm 1,9$
	СКО, мс	$140,0 \pm 53,4$	$89,4 \pm 10,0$
	ошибки, ед	$5,0 \pm 2,0$	$0,1 \pm 2,0^*$

КЧСМ	Ср. частота при возрастании, Гц	47,4±4,8	26,4±5,2*
	Ср. частота при убывании, Гц	50,2±2,2	30,1±2,5
	Ср. частота, Гц	44,5± 3,2	25,5±1,2

Примечание: * достоверные различия между группами при ($p < 0,05$) по критерию Стьюдента

У лиц группы 1 отмечаются достоверные различия от группы 2 при ($p < 0,05$). У обследуемых наблюдается замедление сенсомоторной зрительной реакции с увеличением количества ошибок на фоне значительного увеличения подвижности нервных процессов. Это характерно для функциональных расстройств нервных процессов в коре зрительного анализатора. Данные признаки отражают снижение функциональных возможностей нервной системы, снижение устойчивости функции внимания. Полученные результаты свидетельствуют о текущем функциональном состоянии, которое определяется психофизиологическими характеристиками. Низкий показатель скорости протекания сенсомоторной реакции свидетельствует о наличии сниженного уровня функционального состояния, либо об особенностях свойств нервных процессов. Это может быть обусловлено, как характеристиками психиче-

ского состояния либо особенностями темперамента. А также – психологическими параметрами, или наличием острого либо хронического соматического расстройства. При этом наблюдается высокий или предельно высокий уровень подвижности нервных процессов в коре зрительного анализатора, что характерно для функциональных расстройств в корковом отделе зрительного анализатора.

В группе 2 отмечались преимущественно показатели средней скорости сенсомоторной реакции. По результатам обследования (при значениях средних или выше среднего) это свидетельствует о том, что подвижность нервных процессов в корковом отделе зрительного анализатора в пределах нормы при среднем уровне тревожности (реактивной и личностной).

Показатели по аудио-моторной реакцией исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительная характеристика показателей аудио-моторной реакции в группах 1 и 2.

Показатель	Группа 1 (n – 12)	Группа 2 (n – 6)
Скорость реакции мс	886±22,9	790,3±44,9
СКО мс	210,0±38,9	149,0±20,9
Ошибки ед	2,0±2,0	2,1±2,3

Достоверные различия между группами при анализе аудио-моторной реакции получены не были.

Таким образом, лица группы 1, имеющие высокую тревожность, характеризовались: низкой скоростью сенсомоторной зрительной реакции на стимул; высокой подвижностью нервных процессов в коре зрительного анализатора; низким уровнем оперативной и кратковременной памяти; снижением устойчивости внимания. Это можно охарактеризовать, как перенапряжение регуляторных механизмов нервной системы и оценить как низкий уровень функционального состояния и снижение ресурса адаптационных возможностей личности.

Лица группы 2 характеризовались: средними показателями зрительно моторной реакции; средними показателями подвижности нервных процессов в зрительном анализаторе; умеренно выраженной тревожностью. Это можно охарактеризовать, как средний уровень функционального состояния при достаточном ресурсе адаптационных возможностей личности.

В итоге, данное исследование дает возможность разработки реабилитационных мероприятий и определения на доклиническом этапе начальных проявлений снижения функционального состояния.

Литература:

1. Данилова Н. Н. Функциональные состояния: механизмы и диагностика. М.: МГУ, 1985. 287 с.
2. Меерсон Ф. З. Адаптация стресса и профилактика. Л.: Наука, 1981. 284 с.
3. Небылицын В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976. 336 с.
4. Хомская Е. Д. Мозг и активация. М., 1972. 382 с.

УДК 159.9.072.43

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АНЕСТЕЗИИ У МАТЕРЕЙ ПОДРОСТКОВ С ДИАГНОЗОМ
ДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ ОПУХОЛЬ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

THE REPRESENTATION OF ANESTHESIA IN MOTHERS OF ADOLESCENTS WITH A BENIGN
TUMOR OF THE MUSCULOSKELETAL SYSTEM DIAGNOSIS

Харламенкова Наталья Евгеньевна, Дан Марина Владимировна, Дымова Екатерина Николаевна,
Еськин Николай Александрович, Акинъшина Александра Дмитриевна, Матвейчук Наталья Николаевна
Kharlamenkova Natalia Evgenievna, Dan Marina Vladimirovna, Dymova Ekaterina Nikolaevna,
Eskin Nikolay Aleksandrovich, Akinshina Alexandra Dmitrievna, Matveychuk Natalya Nikolaevna

Институт психологии РАН, Россия, Москва
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

НМИЦ Травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова Министерства здравоохранения РФ,
Россия, Москва

Federal State Budgetary Institution «N. N. Priorov National Medical Research Center of Traumatology and
Orthopedics» of the Ministry of Health of the Russian Federation, Russia, Moscow

harlamenkovane@ipran.ru, danmv@ipran.ru, dymovaen@ipran.ru, cito11@hotmail.ru,
akinishna@yandex.ru, n-m-73@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-00-00393 К)

Аннотация

Приводятся данные об особенностях представления об анестезии у матерей, ухаживающих за своими детьми до и после операции по поводу удаления опухоли опорно-двигательного аппарата. Показано, что наибольший вклад в представления об анестезии делает фактор «Неопределенность, неизвестность». Различия в представлении об анестезии у матерей, чьи дети были прооперированы под общей или регионарной анестезией, не выявлены.

Ключевые слова: общая и регионарная анестезия, стресс, представление об анестезии, матери подростков, опухоль опорно-двигательного аппарата

Abstract

The peculiarities of anesthesia representations in mothers caring for their children before and after surgery for the removal of the musculoskeletal system tumor are presented. It was shown that the factor "Uncertainty, unknown" makes the largest contribution to the representation of anesthesia. Differences in the representation of anesthesia in mothers whose children were operated on under general or regional anesthesia were not revealed.

Keywords: general and regional anesthesia, stress, representation of anesthesia, mothers of adolescents, musculoskeletal tumor

Возможности современной анестезиологии позволяют решать множество вопросов, касающихся не только купирования болевого синдрома, но и оценки последствий применяемого анестезиологического пособия на постоперационное физическое и психическое состояние пациента. В. М. Бехтерев, рассматривая проблему внушаемой анестезии и исследуя объективные показатели повышения порога болевой чувствительности в состоянии гипноза, постоянно подчеркивал необходимость учета индивидуальных особенностей субъекта [2].

С момента исследований, проведенных В. М. Бехтеревым (1857–1927), произошли серьезные изменения в области разных наук, в том числе, в медицине и психологии. Несмотря на это, представление об индивидуально-психологических особенностях индивида, личности, субъекта устойчиво сохраняется до сих пор; сохраняется и представле-

ние о том, что, кроме научных знаний о каком-либо феномене, человек владеет ненаучными, житейскими знаниями о разных явлениях действительности.

Одной из задач настоящей работы стало изучение представлений об анестезии у матерей, ухаживающих за своими детьми до и после операции по поводу удаления доброкачественной опухоли опорно-двигательного аппарата. Существенное внимание было уделено различию представлений об анестезии при использовании разных видов анестезиологического пособия – общего, регионарного и смешанного.

На сегодняшний день регионарная анестезия имеет ряд преимуществ перед общей анестезией. В первую очередь это «эффективная модуляция стресс-ответа, наличие противовоспалительного, антимикробного и антитромботического эффектов, противоопухолевое действие» [3; 4].

В качестве **гипотезы** настоящего исследования было выдвинуто предположение о том, что представление матери об анестезии в большей степени соотносится с такими характеристиками как состояние ребенка и эмоциональные переживания самой матери, значимость которых меняется в зависимости от этапа исследования и вида анестезии.

Выборка. В исследовании приняли участие матери 33–50 лет подростков 11–17 лет, находящихся в отделении детской костной патологии и подростковой ортопедии Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова (г. Москва) в период проведения плановых операций по удалению доброкачественных костных новообразований ($n=43$). В процессе оперативных вмешательств использовались 2 вида анестезии: регионарная и общая.

Методики. Медико-психологическое исследование проводилось поэтапно: первый – до операции, не позднее 2-х дней до предполагаемой даты операции, второй – после операции, не позднее 3–5 дней. В обоих случаях использовался идентичный методический инструментарий: Анкета «Представление об анестезии», разработанная участниками исследования, которая представляет собой список из 21 дескриптора – ассоциаций, связанных с представлением матери об анестезии. Дескрипторы составили группы: Неопределенность, неизвестность, Принятие ситуации, Состояние ребенка, Эмоциональные переживания матери; Опросник воспринимаемого стресса «ШВС-10» (The Perceived Stress Scale-10, «PSS-10») в адаптации В. А. Абабкова, К. Барышниковой и др. [1]. Для статистического анализа данных использовались U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Уилкоксона, факторный анализ (метод главных компонент с варимакс-вращением).

Анализ результатов. Для проверки гипотезы выборка была разделена на группы. В первую группу вошли матери, дети которых были прооперированы с применением общей анестезии ($n=18$ до и $n=17$ после операции), во вторую – матери, дети которых были прооперированы с применением смешанной и регионарной анестезии ($n=26$ до и $n=25$ после операции).

Предварительно проводился анализ уровня воспринимаемого стресса ($T=313,0$, $p=0,56$) и его отдельных показателей – перенапряжения ($T=280,5$, $p=0,41$) и противодействия стрессу ($T=171,5$, $p=0,13$) – на всей выборке до и после проведения операции ребенку, который не выявил значимых различий ни по одному из показателей. Анализ уровня стресса в отдельных группах также не выявил различий в уровне воспринимаемого стресса: группа с общей анестезией (общий уровень стресса, $T=49,5$, $p=0,56$; перенапряжение $T=32,0$, $p=0,35$; противодействие стрессу, $T=56,0$, $p=0,53$); группа со смешанной и регионарной анестезией (общий уровень стресса, $T=112,5$, $p=0,91$; перенапряжение $T=60,0$, $p=0,39$; противодействие стрес-

су, $T=92,0$, $p=0,63$).

Для объединения отдельных дескрипторов Анкеты «Представление об анестезии» в группы дескрипторов был использован факторный анализ – метод главных компонент с варимакс-вращением. Выявлено, что до и после операции представления матерей ни на выборке в целом, ни в отдельных группах респондентов не меняются.

В первый фактор, названный нами **Неопределенность, неизвестность** (20,2% объясняемой дисперсии до и 35% после операции), вошли такие дескрипторы как неизвестность (0,85), неопределенность (0,73), угроза жизни (0,66), темнота (0,58), страх (0,50). Во второй фактор (13,9% дисперсии до и 17,6% после операции), названный **Принятие ситуации**, вошли дескрипторы – правильный выбор (0,77), врачи (0,75), необходимость (0,71), вынужденная мера (0,65), помощь (0,52). Третий и четвертый факторы после операции меняются местами. До операции (10% дисперсии) третий фактор – **Негативные ожидания**, объединяет такие дескрипторы как боль (0,62), последствия наркоза (0,50), этап лечения (0,56), а после операции он смещается на четвертое место (6,9% объясняемой дисперсии). В качестве четвертого фактора (8,1% объясняемой дисперсии) до операции выделяется группа дескрипторов – потеря чувствительности (0,83), нечувствительность (0,74), сон (0,47). Этот фактор был назван **Состояние ребенка**. После операции он занимает третье место (10,7% объясняемой дисперсии). Пятый фактор – **Внешние атрибуты** (капельница (0,73), укол (0,61) объясняет небольшой процент дисперсии (7,5% дисперсии до и 5,2% после операции).

При сопоставлении групп респондентов по отдельным дескрипторам Анкеты «Представление об анестезии» было выявлено только одно различие по дескриптору «правильный выбор» после операции: матери гр. 1 (общая анестезия) оценили правильность своего выбора выше по сравнению с матерями гр. 2 (смешанная и регионарная анестезия).

Полученные данные не позволяют полностью верифицировать гипотезу исследования. Представления обеих групп матерей об анестезии сходны: анестезия ассоциируется с пугающей неопределенностью и неизвестностью. Вне зависимости от процедуры обезболивания матери реже всего соотносят анестезию с состоянием ребенка, особенно на этапе до проведения операции. Негативные переживания матери доминируют над позитивными оценками анестезии (Принятие ситуации). Выявлено, что уровень стресса устойчиво сохраняется после операции. Устойчиво сохраняется структура представлений об анестезии. Следует предположить, что в представлениях матери об анестезии ведущее место занимают бытующие в общественном сознании оценки анестезии как опасной процедуры, которая может привести к негативным последствиям.

Литература:

1. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» / В. А. Абабков, К. Барышникова, О. В. Воронцова-Венгер, И. А. Горбунов и др. // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 2. – С. 6–15.
2. Бехтерев В. М. Феномены мозга. М.: Изд-во «АСТ», 2014.
3. Проект клинических рекомендаций по применению нейроаксиальной анестезии у детей для перидуральной анальгезии / Д. В. Заболотский, В. А. Корячкин, Г. Э. Ульрих, М. Д. Иванов и др. // Региональная анестезия и лечение острой боли. – 2017. – 11(4). – Р. 279–290.
4. Снетков А. И., Батраков С. Ю., Морозов А. К. Диагностика и лечение доброкачественных опухолей и опухолеподобных заболеваний костей у детей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2017.

УДК 159.9.072.43

ОТСРОЧЕННЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ УГРОЖАЮЩИХ ЖИЗНИ ЗАБОЛЕВАНИЙ**DELAYED PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF LIFE-THREATENING DISEASES**

*Федорова Виктория Александровна, Харламенкова Наталья Евгеньевна
Fedorova Victoria Alexandrovna, Kharlamenkova Natalia Evgenievna*

*Государственный академический университет гуманитарных наук, Россия, Москва
State Academic University of Humanities, Russia, Moscow*

*Институт психологии РАН, Россия, Москва
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow*

fedoro.va@mail.ru, harlamenkovane@ipran.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00324)

Аннотация

В статье представлено эмпирическое исследование психологических особенностей отсроченного переживания опасного для жизни заболевания как психотравмирующего события. Основными результатами стали статистически выявленные различия: средний показатель оценок влияния травматического события в ситуации угрожающего жизни заболевания выше показателей по всем другим потенциально психотравмирующим событиям; уровень посттравматического стресса у респондентов с наличием в анамнезе серьезного заболевания выше средних показателей других выборок (спасатели, пожарные, беженцы и др.); уровень психотравмирующего влияния на взрослого человека события, связанного с утратой близкого человека, отличается от уровня влияния угрожающего жизни заболевания и указывает на высокую степень интенсивности переживания человеком опасного заболевания.

Ключевые слова: психотравмирующее событие, посттравматический стресс, угрожающее жизни заболевание, утрата близкого человека.

Abstract

The article presents the results of the empirical study devoted to the experience of life-threatening disease as a traumatic event. The main results were statistically identified some differences: the average indicator for assessing the impact of a traumatic event in a life-threatening disease situation is higher than the indicators for all other potentially traumatic events; the level of post-traumatic stress among respondents with a history of serious disease is higher than the average estimates of other samples (rescuers, firefighters, refugees, etc.); the estimates of the traumatic effect of a loved one loss on an adult differ from estimates of a life-threatening disease impact and indicate a high degree of intensity of a dangerous disease experience. The study was supported by the Russian Found for Basic Researches, project No. 18-013-00324.

Keywords: psychotraumatic event, posttraumatic stress, life-threatening disease, loss of a loved one.

Исследование воздействия опасных заболеваний на отсроченные психологические последствия имеют высокую теоретическую и практическую значимость не только для психологов, но и для медиков. Переживания, связанные с болезнью, состояние стресса, в котором находится пациент, негативно влияют как на успешность лечения, так и на качество

жизни человека. Исследование Н. Ю. Кувшиновой и Л. И. Мостовой раскрывает значимость разработки проблемы посттравматического стресса, вызванного различными заболеваниями; они продемонстрировали положительную динамику терапии пациентов после введения курса психокоррекции [1]. Ряд исследователей освещает проблему влияния стрес-

са на иммунитет человека, а также последующую его восприимчивость к болезням.

Немаловажным при изучении посттравматического стресса является фактор возраста. Специфика ПТС проявляется в учете возрастного периода, в котором человек подвергся травматическому воздействию, поскольку вероятность развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) во многом зависит от того, в каком возрасте произошло травматическое событие. С возрастом увеличивается вероятность роста количества травматических ситуаций в индивидуальном опыте индивида. В зарубежных исследованиях показано негативное влияние возраста на интенсивность проявлений тревожности пациента [5]. Было выявлено, что и в молодом возрасте, и в более поздние периоды жизни опасное заболевание приводит к устойчивым и долгосрочным психологическим изменениям, которые проявляются в симптомах ПТС и психопатологии, причем даже в ситуации успешного завершения лечения. Особое значение при изучении ПТС, вызванного болезнью, имеет не сам диагноз, а интенсивность проявления посттравматического стресса и степень его влияния на индивида.

В качестве *теоретической гипотезы* было сформулировано предположение о том, что переживание посттравматического стресса, вызванного угрожающим жизни заболеванием, имеет свою специфику, отличную от переживаний других типов психотравмирующих событий, которая состоит в более высоком уровне посттравматического стресса. *Объектом* исследования стали взрослые люди как носители психотравмирующих событий (опасных заболеваний и утраты близкого человека) и их отсроченных психологических последствий. *Предметом исследования* стали посттравматический стресс, вызванный угрожающим жизни заболеванием, и психологические особенности его переживания.

В ходе сбора данных использовались следующие *методики*: *Опросник травматических ситуаций* (Life Experience Questionnaire – LEQ, Дж. Норбек, И. Сарасон и др. в адаптации Н. В. Тарабриной и др.) для выявления наличия в опыте респондентов большого ряда потенциально травматических ситуаций и общей оценки уровня психотравматизации, вызванного данными событиями. *Психодиагностическая шкала оценки влияния травматического события* (сокр. ШОВТС, англ. Impact of Event Scale, сокр. IES-R, М. J. Horovitz) использовалась для анализа воздействия ситуации болезни. Обработка сырых данных проводилась посредством программы Microsoft Excel 2016. Статистический анализ данных осуществлялся с помощью программы SPSS Statistics 17.0. Использовались методы описательной статистики и непараметрический критерий Манна-Уитни, позволяющий выявлять статистически значимые различия.

Выборку составили 58 респондентов (19 мужчин и 39 женщин) от 39 до 64 лет (средний возраст мужчин – 50 лет, женщин – 51 год). Из всей выборки 14 респондентов указали опасное для жизни заболевание и им было предложено заполнить Шкалу оценки влияния травматического события. Из 14 респондентов, 10 женщин и 4 мужчин.

В группу респондентов с наличием в анамнезе угрожающего жизни заболевания вошло 24,14% всей выборки. Из данной группы по результатам методики ШОВТС, измерявшей психологические последствия влияния ситуации болезни – посттравматический стресс (ПТС), у 35,7% респондентов были выявлены низкие показатели ПТС, у 42,9% – средние, у 21,4 – высокие. Респонденты указывали различные диагнозы такие, как двустороннее воспаление легких, отек Квинке, опухоль в ЖКТ и многие другие.

Таким образом, были получены следующие результаты. Переживание посттравматического стресса, вызванного опасным заболеванием, имеет наибольший средний балл (3,3) по оценкам влияния пережитого события за последний год, что указывает на высокую степень психотравмирующего влияния на индивида ситуации болезни. Средние показатели (2,6) влияния за последний год имеют события, связанные с утратой близкого человека. Как уже говорилось ранее, опасные заболевания вызывают отсроченные психологические последствия высокого уровня, даже несмотря на достаточно высокую интенсивность травмирующего влияния ситуации утраты близкого, ведь при наличии подобной болезни возникает непосредственная угроза собственной жизни. Практикующие психологи отмечают схожесть протекания процессов переживания данных психотравмирующих ситуаций, так как оба случая включают в себя механизм горевания.

Индексы травматизации по опроснику ШОВТС сравнивались между группой респондентов, переживших угрожающее жизни заболевание, и другими выборками для выявления значимых различий, которые были обнаружены, по шкалам «вторжение», «избегание» и «физиологическая возбудимость» [3]. По этим шкалам показатели респондентов с наличием в анамнезе серьезного заболевания превысили показатели групп пожарных и спасателей, и оказались ниже показателей других групп. Отдельно рассмотрены группа с серьезным заболеванием и группа с раком молочной железы [2]. Оказалось, что средние оценки уровня психотравматизации больных с раком молочной железы превышают средние данные обследованной нами группы. Выявленные различия указывают на специфичность ПТС, вызванного как РМЖ, так и другими угрожающими жизни заболеваниями. Полученные данные могут послужить предпосылкой для последующих исследований ПТС, вызванного конкретными группами заболеваний, опасных для жизни.

Сравнение оценок влияния психотравмирующих событий продемонстрировало статистически значимое различие ($p=0,047$), которое отразилось в более низкой интенсивности влияния утраты близкого человека по сравнению с влиянием угрожающего жизни заболевания на взрослого человека. Сравнение индексов травматизации по опроснику LEQ статистически значимых различий между данными группами не показало. Таким образом, можно считать, что вероятность развития ПТС выше в случае наличия в анамнезе угрожающего жизни заболевания по сравнению с ситуацией смерти близкого человека. Наличие в процессе переживания ПТС, вызванного серьезной болезнью, эффекта незавершенности события является одной из отличительных черт этого типа события от переживания

утраты близкого человека, при наличии множества схожих реакций на оба стрессора.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов. Наибольшая средняя оценка влияния болезни на взрослого человека указывает на высокую интенсивность воздействия данного стрессора по сравнению с другими психотравмирующими событиями. Значимые различия между показателями интенсивности ПТС, вызванного угрожающим жизни заболеванием и другими психотравмирующими событиями, дают нам возможность предполагать наличие специфики ПТС, связанного с наличием серьезного телесного недуга. Эта специфика соотносится нами с непроработанным страхом собственной смерти и принципиальной незавершенностью ситуации болезни.

Литература:

1. Кувшинова Н.Ю., Мостовая Л. И. Здоровьесберегающие технологии в клинике ишемической болезни сердца и их влияние на качество жизни больных (психологический аспект) // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. № 5. – С. 444–449.
2. Тарабрина Н.В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е. Онкопсихология: посттравматический стресс у больных раком молочной железы. М.: Институт психологии РАН, 2010.
3. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса // СПб: Питер, 2001.
4. Харламенкова Н. Е. Интенсивные стрессоры и психологические последствия их переживания в молодости и ранней взрослости // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика» – 2017. – Т. 23. – № 4. – С. 26–30.
5. Wiesel Weiss T.R., Nelson C.J., Tew W.P. et al. The relationship between age, anxiety, and depression in older adults with cancer // Psycho-Oncology. – 2015. – Т. 24. – № 6. – P. 712–717.

УДК 616.05, 159.9

ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА ДЕФЕКТА КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С ДЕФИЦИТАРНЫМ РАЗВИТИЕМ

INWARD DISORDER PATTERN AS A FACTOR OF ADAPTATION AMONG ADOLESCENTS WITH DEFICIENT DEVELOPMENT

*Адеева Татьяна Николаевна, Шипова Наталья Сергеевна
Adeeva Tatiana Nikolaevna, Shipova Natalia Sergeevna*

*Костромской государственный университет, Россия, Кострома
KostromaStateUniversity, Russia, Kostroma
adeeva.tanya@rambler.ru, ronia_777@mail.ru*

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00768А.

Аннотация

Внутренняя картина дефекта (ВКД) рассматривается как составляющая Я-концепции, как фактор, значимый для формирования адаптационных возможностей личности. В работе определены взаимосвязи компонентов внутренней картины дефекта и параметров адаптации подростков с нарушениями зрения и нарушениями слуха. У подростков с нарушениями зрения внутренняя картина дефекта минимально связана с параметрами социально-психологической адаптации. Для формирования параметров адаптации подростков с нарушениями слуха значимым является когнитивный компонент ВКД.

Ключевые слова: внутренняя картина дефекта, адаптация, подростки, нарушения зрения, нарушения слуха.

Abstract

The inward disorder pattern (IPD) is considered as a component of the Self-concept, as a factor significant for the formation of adaptive capabilities of the individual. Correlations of components of the inward disorder pattern and adaptation parameters of adolescents with visual and hearing impairments were determined. In adolescents with visual impairment, the inward disorder pattern is minimally associated with the parameters of socio-psychological adaptation. For the formation of adaptation parameters of adolescents with hearing disorders, the cognitive component of IPD is significant.

Keywords: inward disorder pattern, adaptation, adolescents, visual impairment, hearing impairment.

Проблема эффективного развития и самореализации личности во многом связана с проблемой адаптации. Под адаптацией понимаем такое динамическое состояние личности, которое обуславливает возможность самоактуализации, гармоничного выстраивания отношений с окружающей средой, реализацию собственных потребностей и отсутствие патологических признаков развития личности. Наличие ограниченных возможностей здоровья является фактором, способствующим формированию специфических личностных черт. Другой проблемой часто оказывается стигмация людей с ОВЗ в социуме. Оба аспекта связаны с необходимостью изучения условий и детерминант адаптации лиц с ОВЗ. Адаптация людей с ОВЗ часто изучается через исследование личностных качеств, способствующих или препятствующих эффективности процесса. Для детей и подростков с различными вариантами дизонтогенеза характерны неадекватная самооценка, трудности овладения социальными ролями, дисгармоничность процесса социализации. Выявляется риск формирования негативного самоотношения и патологического развития личности [5]. Подчеркивается значимость в процессе адаптации становления аффективно-оценочного компонента Я-концепции, адекватной самооценки, уровня притязаний, позитивного самоотношения, способности выстраивать диалогическое общение. Становление данных качеств должно стать одной из целей реабилитационной работы с молодыми людьми с ОВЗ [1]. Изучение параметров внутренней картины дефекта (далее ВКД), с одной стороны, расширяет, а, с другой – конкретизирует факторы, значимые в процессе адаптации. Феномен ВКД включается в структуру Я-концепции. В структуре ВКД традиционно наиболее полно анализируются когнитивный и эмоциональный компоненты. В ряде исследований, посвященных феномену ВКД, основное внимание уделяется личностным особенностям, определяющим специфику внутренней картины дефекта, эмоциональному компоненту, на основании которого может выстраиваться классификация типов ВКД. Выделяя пять типов ВКД (гиперкомпенсирующий, нозофильный, манипулятивный, гармоничный, отрицающий), С. В. Чебарыкова показывает свойства личности, осо-

бенности системы социальных отношений, мотивационно-ценностные аспекты, характерные для каждого из них [4]. Автором представлены концептуальные модели личности, проиллюстрированы специфические поведенческие паттерны личности с тем или иным вариантом ВКД в сложных ситуациях. В основе классификации вариантов ВКД Е. А. Гайдукевич лежит сочетание когнитивного и эмоционального компонентов, которое проявляется в степени признания дефекта и формировании типа отношения. Различные содержательные комбинации компонентов позволяют не только определить тип ВКД, но описать возможные поведенческие проявления: пассивность – активность в преодолении последствий состояния; контрастность поведения; отсутствие настойчивости; преобладание действия определенных защитных механизмов и др. [2].

Цель исследования – определить взаимосвязь компонентов внутренней картины дефекта и параметров адаптации подростков.

Выборку исследования составили 43 человека: 24 подростка с нарушениями зрения (слабовидящие), 19 подростков с нарушениями слуха (слабослышащие). Средний возраст 14 лет.

Методический инструментарий представлен беседой «Изучение внутренней картины дефекта» Т. Н. Адеевой (2018) и опросником социально-психологической адаптации Р. Даймонда и К. Роджерса.

Перейдем к результатам исследования. Соответственно дескриптивной статистике по методике адаптации Р. Даймонда в группе подростков с нарушением зрения максимально выраженными шкалами является адаптация ($M=69,2$, $SD=17,14$), а также эмоциональная комфортность ($M=62,31$, $SD=17,63$). В группе подростков с нарушением слуха больше всего выражены самопринятие ($M=90,98$, $SD=8,06$) и эмоциональная комфортность ($M=82,69$, $SD=12,33$). Среди компонентов внутренней картины дефекта у подростков с нарушением зрения равно выражены оказались два: когнитивный и эмоциональный ($M=5,79$, $SD=1,22$ и $1,25$). У подростков с нарушением слуха большую выраженность имеет когнитивный компонент ($M=4,63$, $SD=2,01$). В результате обработки полученных данных нами выявлены значимые различия по следующим шкалам (табл. 1):

Таблица 1. Значимые различия в наполненности компонентов ВКД у подростков с дефицитарным развитием

Параметр	U	Уровень значимости	Суммарный ранг группы с нарушением зрения	Суммарный ранг группы с нарушением слуха
Физический к-т ВКД	131	0,02	625	321
Когнитивный к-т ВКД	139,5	0,03	616,5	329,5
Мотивационный к-т ВКД	29,5	0,000001	726,5	219,5
Эмоциональный к-т ВКД	27	0,000001	729	217

$p < 0,05$

Подростки с нарушениями зрения демонстрируют большую наполненность всех компонентов внутренней картины дефекта. Они отмечают больше физических ощущений, более ориентированы в причинах нарушения, ограничениях, связанных с дефектом, в профилактических мерах. В группе респондентов с нарушениями зрения более выраже-

но отношение к нарушению, наблюдается изменение системы мотивов. Такой результат во многом обусловлен структурой дефекта, спецификой (трудностями) использования речи в группе подростков с нарушениями слуха. В то же время подростки с нарушениями слуха показывают более высокие показатели социально-психологической адаптации (табл. 2).

Таблица 2. Значимые различия по параметрам адаптации у подростков с дефицитарным развитием

Параметр	U	Уровень значимости	Суммарный ранг группы с нарушением зрения	Суммарный ранг группы с нарушением слуха
Особенности социально-психологической адаптации				
Адаптация	61	0,00002	361	585
Самопринятие	65,5	0,00003	365,5	580,5
Принятие других	58	0,000009	358	588
Эмоциональная комфортность	58	0,000009	358	588
Интернальность	127,5	0,01	427,5	518,5

$p < 0,05$

Это может свидетельствовать о большей легкости приспособления к окружающему миру, о более адекватной социальной среде, созданной для подростков с нарушенным слухом и тем самым, облегчающей их адаптацию, либо о работе механизма гиперкомпенсации. В данной группе выявлено больше корреляционных связей между адаптацией и наполненностью внутренней картины дефекта по сравнению с подростками с нарушениями зрения. Когнитивный компонент имеет наибольшее количество корреляций. Он связан с такими параметрами адаптации, как адаптивность ($r=0,58$), принятие себя ($r=0,59$), принятие других ($r=0,47$), эмоциональный комфорт ($r=0,55$), интернальность ($r=0,54$), стремление к доминированию ($r=0,58$). Мотивационный компонент связан с адаптивностью ($r=0,48$), интернальностью ($r=0,52$), стремлением к доминированию ($r=0,46$). Эмоциональный компонент связан с адаптивностью

($r=0,56$), внутренним контролем ($r=0,57$). Физический и сенситивный компонент связан с непринятием себя ($r=0,46$) и внутренним контролем ($r=0,57$). Адаптивность оказывается связанной со всеми компонентами ВКД. В группе подростков с нарушениями зрения отмечена значимая связь наполненности эмоционального компонента и принятия себя ($r=0,42$).

Выводы. Подростки с нарушениями зрения более ориентированы в специфике своего состояния по сравнению с подростками с нарушениями слуха. В группе подростков с нарушениями слуха показатели адаптации выше, что не имеет однозначной интерпретации. Наиболее значимым для формирования параметров адаптации подростков с нарушениями слуха является когнитивный компонент ВКД. В группе подростков с нарушениями зрения внутренняя картина дефекта минимально связана с параметрами социально-психологической адаптации.

Литература:

1. Акинина Е. В. Самосознание как ведущий психолого-акмеологический компонент в структуре личности глухих и слабослышащих студентов [Self-attitude a saleading psychological and acmeological component in the structure of the personality of deafandhard of hearing students]. Экономика образования [Economics of education], 1, 103–107. DOI: 10.21277/sw.v1i9.456

2. Гайдукевич Е. А. Специфика внутренней картины дефекта подростков с ДЦП // Вестник психофизиологии. – 2018. – № 2. – С. 45–50.
3. Кацера А.А. К вопросу о развитии аффективно-оценочного компонента Я-концепции студентов с ОВЗ // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2019. – № 4. – С. 107–110.
4. Чебарыкова С. В. Личность в условиях дизонтогенеза: внутренняя картина дефекта: монография / С. В. Чебарыкова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. – 140 с.
5. Shefaly Shorey, Esperanza Debby. The Lived Experiences of Children and Adolescents with Non-Communicable Disease: A Systematic Review of Qualitative Studies // Journal of Pediatric Nursing – Volume 51, March–April 2020, Pages 75–84 Retrieved from:
<http://www.sciencedirect.com/.https://doi.org/10.1016/j.pedn.2019.12.013>

УДК 159.9.07

АПАТИЯ И ЕЕ СВЯЗИ С АЛЕКСИТИМИЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АНГЕДОНИЕЙ APATHY AND ITS RELATIONS WITH ALEXITHYMIA AND SOCIAL ANHEDONIA

*Золотарева Алена Анатольевна
Zolotareva Alena Anatolyevna*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва
National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow
alena.a.zolotareva@gmail.com*

Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект № МК-541.2020.6)

The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists and candidates of sciences (project No. MK-541.2020.6)

Аннотация

Целью настоящего исследования стало изучение апатии и ее связей с алекситимией и социальной ангедонией. На материале 166 респондентов была построена эмпирическая модель, в соответствии с которой трудности идентификации чувств предсказывают апатию, внешне-ориентированный тип мышления предсказывает социальную ангедонию, а трудности с описанием чувств другим людям предсказывают и апатию, и социальную ангедонию. Результаты исследования представляют потенциальный интерес для специалистов, работающих с людьми с выраженной алекситимической направленностью и склонностью к апатичным состояниям и переживаниям.

Ключевые слова: апатия, алекситимия, социальная ангедония, психологическая дезадаптация.

Abstract

The aim of this study was to examine apathy in its relations with alexithymia and social anhedonia. Based on the material of 166 respondents, an empirical model was built, according to which difficulties identifying feelings predict apathy, externally oriented thinking predicts social anhedonia, and difficulties describing feelings to other people predict both apathy and social anhedonia. The results of the study are of potential interest for specialists working with people with a pronounced alexithymic orientation and a tendency to apathetic states and experiences.

Keywords: apathy, alexithymia, social anhedonia, psychological maladjustment.

По данным современных специалистов, психологическая дезадаптация как невозможность приспособиться к постоянно меняющимся условиям внутренней и внешней среды является следствием эмоциональной инертности, или эмоциональной неустойчивости к изменениям окружающего мира [5]. При этом в качестве эмпирического индикатора эмоциональной инертности исследователи, как правило, используют такие феномены, как низкую самооценку или депрессивные состояния, и игнорируют феномен апатии как наиболее близкий по содержанию и нередко даже отождествляемый с эмоциональной инертностью. В настоящее время существует

всего два эмпирических исследования, демонстрирующих положительные связи между апатией и алекситимией, а также между апатией и социальной ангедонией, но в то же время отсутствуют данные о их взаимных связях в единой модели психологической дезадаптации [4].

Целью настоящего исследования стало изучение апатии и ее связей с алекситимией и социальной ангедонией.

Методика

Участники исследования. В исследовании приняли участие 166 студентов (66 юношей и 100 девушек; возраст $19,93 \pm 1,22$ лет) 1–4 курсов экономического

и юридического факультетов Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. Все респонденты заполняли анкеты во время лекционных занятий на анонимных и добровольных условиях.

Инструменты. Психодиагностический пакет содержал следующие шкалы:

1. *Шкала апатии А. А. Золотаревой* предназначена для диагностики психического состояния, характеризующегося безразличием и равнодушием к себе, другим и миру. Оригинальная русскоязычная шкала, объединяющая 12 тестовых пунктов, была разработана на выборке взрослых условно здоровых респондентов [1].
2. *Торонтская шкала алекситимии Р. Бэгби, Дж. Паркера и Дж. Тэйлора в адаптации Е. Г. Старостиной и др.* предназначена для диагностики алекситимии как специфической личностной черты, заключающейся в трудностях в определении и описании собственных чувств и чувств других людей. Оригинальная версия шкалы (Toronto Alexithymia Scale, TAS-20) включает 20 тестовых пунктов, сгруппированных в три шкалы: «трудности идентификации чувств», «трудности с описанием чувств другим людям» и «внешне-ориентированный тип мышления». Русскоязычная версия шкалы была адаптирована на выборке терапевтических больных [3].
3. *Шкала социальной ангедонии М. Экбленда и Л. Чапмана в адаптации О. В. Рычковой и А. Б. Холмогоровой* направлена на диагностику социальной ангедонии как дефицита способности к переживанию удовольствия от социальных контактов. Оригинальная версия шкалы (Revised Social Anhedonia Scale, RSAS), содержащая 40 тестовых пунктов, была разработана для оценки предрасположенности к психотическим расстройствам и впоследствии переведена и адаптирована на русский язык при участии условно здоровых респондентов и респондентов с шизофренией и шизоаффективным расстройством [2].

Результаты и их обсуждение

Для анализа данных был использован коэффициент корреляции r -Пирсона в программе IBMSPSSv.19.0. По результатам корреляционного анализа было обнаружено, что апатия тесно связана с такими показателями алекситимии, как трудности идентификации чувств ($r = 0,55, p < 0,001$) и трудности с описанием чувств другим людям ($r = 0,43, p < 0,001$), а также с социальной ангедонией ($r = 0,27, p < 0,001$). Социальная ангедония оказалась тесно связанной со всеми показателями алекситимии, а именно с трудностями идентификации чувств ($r = 0,24, p < 0,01$), внешне-ориентированным типом мышления ($r = 0,31, p < 0,001$) и трудностями с описанием чувств другим людям ($r = 0,33, p < 0,001$). Сами показатели алекситимии оказались частично связанными между собой и обнаружили связи между трудностями идентификации чувств и трудностями с описанием чувств другим людям ($r = 0,49, p < 0,001$), а также между трудностями с описанием чувств другим людям и внешне-ориентированным типом мышления ($r = 0,24, p < 0,01$).

На основе этих данных была построена эмпирическая модель, реализованная с помощью анализа пути (pathanalysis) в программе IBMAMOSv.19.0. В соответствии с этой моделью, трудности идентификации чувств предсказывают апатию ($\beta = 0,41, p < 0,001$), внешне-ориентированный тип мышления предсказывает социальную ангедонию ($\beta = 0,38, p < 0,001$), а трудности с описанием чувств другим людям предсказывают и социальную ангедонию ($\beta = 0,26, p < 0,01$), и апатию ($\beta = 0,25, p < 0,01$). При этом трудности идентификации чувств не предсказывают социальную ангедонию ($\beta = 0,13, p > 0,05$), а социальная ангедония не предсказывает апатию ($\beta = 0,09, p > 0,05$). Проверяемая модель, представленная на рис. 1, показала отличное соответствие данным (Satorra-Bentler $\chi^2(1) = 0,576, p < 0,001$; CFI = 0,994; AGFI = 0,979; NFI = 0,996; RMSEA = 0,000 (90% CI от 0,000 до 0,187); SRMR = 0,032).

Таким образом, основным результатом исследования стало построение модели, в которой апатию

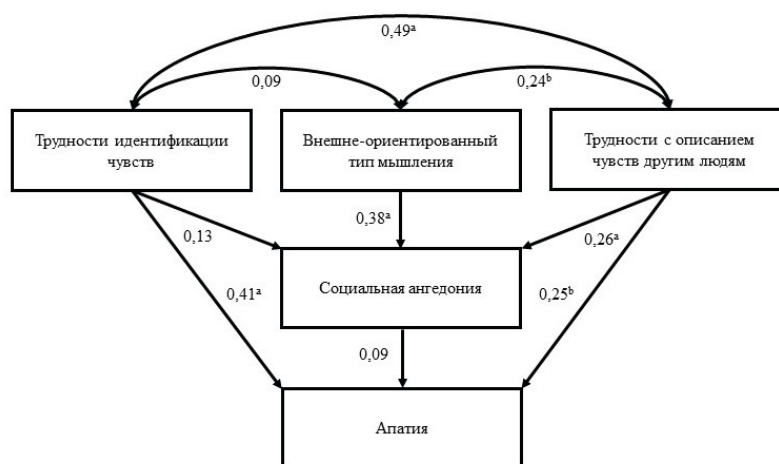

Рис. 1. Апатия и ее связи с алекситимией и социальной ангедонией

Примечание: ^a $p < 0,001$; ^b $p < 0,01$.

предсказывает алекситимия, но не социальная ангедония. Эта закономерность может представлять потенциальный интерес для специалистов, работающих с людьми с выраженной алекситимической направленностью и склонностью к апатичным состояниям и переживаниям.

Литература:

1. Золотарева А. А. Психометрический анализ новой шкалы апатии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 191–209. doi: 10.17323/1813–8918–2020–2–191–209
2. Рычкова О. В., Холмогорова А. Б. Адаптация методики диагностики социальной ангедонии (RSAS) на российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24. – № 4. – С. 62–96. doi: 10.17759/cpp20162404004
3. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных / Е. Г. Старостина, Г. Дж. Тэйлор, Л. К. Квилти, А. Е. Бобров и др. // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – Т. 20. – № 4. – С. 31–38.
4. Husain M., Roiser J. P. Neuroscience of apathy and anhedonia: a transdiagnostic approach // Nature Reviews Neurosciences. – 2018. – Vol. 19 – (8). – P. 470–484. doi: 10.1038/s41583–018–0029–9
5. Kuppens P., Allen N. B., Sheeber L. Emotional inertia and psychological maladjustment // Psychological Science. – 2010. – Vol. 21 (7). – P. 984–991. doi: 10.1177/0956797610372634

Тематическая рубрика: 15.81.70

ИНТЕНСИВНЫЙ СТРЕСС В ДИАДЕ МАТЬ-РЕБЕНОК В СИТУАЦИИ ОПЕРАЦИОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА У РЕБЕНКА

INTENSE STRESS IN THE MOTHER-CHILD DYAD IN THE SITUATION OF SURGICAL INTERVENTION IN A CHILD

Быховец Юлия Васильевна
Bykhovets Julia Vasilevna

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт психологии РАН; РФ, Москва

Federal state-financed establishment of science Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Russian Federation, Moscow

bykhovets@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-00-00393 К (18-00-00049).

Аннотация

Исследования показывают, что между ребенком и родителем существуют тесные эмоциональные связи. Данная работа посвящена изучению этой связи с ситуации болезни ребенка (доброкачественная опухоль и опухолеподобное заболевание скелета). На выборке диады мать-ребенок (n=46), находящихся на лечении в отделении детской костной патологии и подростковой ортопедии НМИЦ ТО им. Н. Н. Приорова, показано, что уровень стресса ребенка взаимосвязан с поведением матери по преодолению стресса. Получены данные о динамике стресса подростка: интенсивность стресса до операции выше, чем после неё. Выраженность материнского стресса не снижается после проведения операции ребенку. Выявлено, что уровень стресса матери взаимосвязан с её возрастом.

Ключевые слова: интенсивный стресс, операция, стрессор, семья, ребенок, заболевание опорно-двигательного аппарата.

Abstract

Research shows that there are emotional connections between a child and a parent. The current study is devoted to relationship child-parent in the situation of the child's disease (benign tumor and tumor-like disease of the skeleton). A sample of mother-child dyads (n=46) being treated in the Department of pediatric bone pathology and adolescent orthopedics of the N. N. Priorov MEDICAL research CENTER shows that the child's stress level is correlated with the mother's behavior in overcoming stress. We obtained data on the dynamics of adolescent stress: the intensity of stress before surgery is higher than after it. The severity of maternal stress does not decrease after the operation to the child. It was found that the mother's stress level is correlated with her age.

Keywords: intensive stress, operation, stressor, family, child, musculoskeletal system disease.

Проблема переживания стрессовых ситуаций семьей имеет большую практическую значимость. Болезнь ребенка, требующая операционного вмешательства, является стрессовой ситуацией для всех членов семьи. Источниками интенсивного стресса выступают как постановка диагноза, связанного с угрозой физической целостности и здоровью ребенка, так и неопределенность относительно последствий для здоровья, финансовые трудности у родителей в связи с необходимостью платного лечения, организационные сложности поездок в больницу, госпитализация и организация ухода и пр. В исследованиях указывается, что вследствие неадаптивных стратегий совладания с ситуацией болезни ребенка у родителей, а вслед за ними и у детей, часто развиваются признаки тревоги и депрессии [3]. Данные эмоциональные состояния родителей проявляются в специфике их коммуникации с детьми в виде холодности, отстраненности, росте агрессии и недовольства, что не может не сказаться на психологическом благополучии ребенка. Посредством механизмов психологического заражения эмоциональный дискомфорт родителя может стать причиной дистресса у ребенка. Противоположным проявлением реакций на стресс родителя является проявление ребенком эмоциональной заботы о родителе. В русле исследований данного направления описан феномен парентификации, когда дети берут на себя ответственность за эмоциональные потребности своих родителей.

Целью данного исследования стало изучение взаимосвязи интенсивного стресса матери и ребенка в ситуации операционного вмешательства у ребенка. Задачи исследования:

1. Оценить динамику стресса матери и ребенка до и после операции.
2. Оценить взаимосвязь стресса матери и ребенка как до, так и после операционного вмешательства.

Выборка: в исследовании приняло участие 46 подростков (19 девочек, 27 мальчиков, 12–17 лет, ср. возраст – 14,0 лет) с впервые выявленными добро-

качественными опухолями и опухолеподобными заболеваниями скелета, находившиеся на лечении в отделении детской костной патологии и подростковой ортопедии НМИЦ ТО им. Н. Н. Приорова. Также в исследовании принимали участие их матери (n=46, в возрасте 32–51 год, ср. возраст – 41,24 г.). Все участники исследования заполняли комплекс психологических методик дважды – при поступлении в стационар и после оперативного вмешательства у ребенка. В данной работе будет представлен анализ показателей следующих методик: шкала воспринимаемого стресса для детей – ШВС-Д (PSS-C) (2014); шкала воспринимаемого стресса-10 (для взрослых), которая состоит из двух показателей: перенапряжение и преодоление стресса, а также общего индекса стресса [1,2].

Анализ нормальности распределения показателей используемых методик показал, что распределение значений всех анализируемых переменных статистически не отличается от нормального ($p \geq 0,05$).

Для описания выборки подростков и их матерей по уровню выраженности интенсивного стресса использовались низкие и высокие оценки по общему баллу ШВС-Д и ШВС-10. По опросу подростков получены следующие данные: нижний квартиль распределения ШВС-Д (до операции) включал оценки от 3 до 9 баллов (N=10; M=6,3), а верхний – от 15 до 28 (N=13; M=18,69). Респонденты, набравшие по ШВС-Д от 9 до 15 баллов, вошли в группу значений среднего уровня (N=23; M=11,56).

Опрос подростков с использованием ШВС-Д после операции позволил получить следующие данные: нижний квартиль распределения ШВС-Д (после операции) включал оценки от 4 до 11 баллов (N=30; M=7,76), а верхний – от 13 до 20 (N=12; M=15,66). Респонденты, набравшие по ШВС-Д от 11 до 13 баллов, вошли в группу значений среднего уровня (N=5; M=12,4). Результаты распределения численности подростков по каждой из выделенных групп представлены в таблице 1.

Таблица 1. Численность подростков с разным уровнем выраженности стресса по шкале ШВС-Д (n=46)

	Низкие значения ШВС-Д	Средние значения ШВС-Д	Высокие значения ШВС-Д
До операции	21,7%	50%	28,26%
После операции	68,18%	11,36%	20,45%

Сравнительный анализ уровня стресса у подростков до (M=12,43; SD=5,137) и после (M=10,09; SD=3,934) операции показал, что уровень выраженности стресса у подростков до операции статистически значимо выше, чем после операции (U=712, $p=0,015$).

По оценкам стресса матерей до операции ребенка: нижний квартиль распределения общего индекса стресса по ШВС-10 включал оценки от 14 до 22 (N=13; M=21,53), а верхний – от 28,5 до 35 (N=15;

M=29,2). Респонденты, набравшие по ШВС-10 от 22 до 28,5, вошли в группу со средним уровнем стресса (N=28; M=25,75).

По оценкам стресса матерей после операции ребенка: нижний квартиль распределения общего индекса стресса включал оценки от 15 до 21 (N=10; M=17,5), а верхний – от 29 до 38 (N=6; M=34). Респонденты, набравшие по ШВС-10 от 21 до 29 баллов, вошли в группу со средним уровнем стресса (N=27; M=25,96).

Результаты распределения численности матерей по каждой из выделенных групп представлены в таблице 2.

Таблица 2. Численность матерей с разным уровнем выраженности стресса по шкале ШВС-10 (n=46)

	<i>Низкие значения ШВС-10</i>	<i>Средние значения ШВС-10</i>	<i>Высокие значения ШВС-10</i>
До операции	28,26%	60,86%	32,6%
После операции	21,73%	13,04%	58,69%

Сравнительный анализ уровня стресса у матерей до ($M=25,67$; $SD=4,372$) и после ($M=25,12$; $SD=5,552$) операции показал отсутствие статистически значимых различий ($U=912,5$ $p=0,529$).

В целом, не выявлено связи уровня стресса ребенка и матери ($p \geq 0,05$), но показано, что уровень стресса ребенка как до операции, так и после взаимосвязаны с преодолением стресса матерью ($\chi^2=0,470$ $p=0,001$; $\chi^2=0,378$ $p=0,011$).

Относительно переживания стресса матерями получены данные о том, что преодоление стресса до операции ребенка взаимосвязано с их общим баллом стресса ($\chi^2=0,548$ $p=0,000$) и уровнем преодоления стресса после операции ($\chi^2=0,358$ $p=0,018$). Отдельно выявлено, что общий уровень стресса матери до операции ребенка положительно взаимосвязан с её возрастом ($\chi^2=0,318$ $p=0,014$).

Таким образом, показано, что у подростков переживания стресса до операции выше, чем после операции, а интенсивность стресса матери не изменяется после операции у ребенка, что может быть сопряжено с неопределенностью прогноза восстановления здоровья. Эти данные свидетельствуют о том, что для ребенка источником стресса выступает прежде всего сама операция, а не болезнь и прогнозы по восстановлению после неё. Для матери – ситуация болезни ребенка является комплексным стрессором высокой интенсивности, включающим как переживания относительно здоровья ребенка, операции, прогнозов по восстановлению, ответственности по соблюдению режима и пр.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о том, что чем меньше мама проявляет активность для того, чтобы справиться со стрессом (шкала преодоления стресса является обратной), тем

интенсивнее ребенок проявляет стрессовую симптоматику. Более того, уровень противодействия стрессу матери взаимосвязан с её общим баллом стресса, т.е. низкий уровень противодействия стрессу следует рассматривать как один из механизмов реагирования на стрессовую ситуацию, когда человек настолько растерян, напуган в стрессовой ситуации, что является как будто бы «парализованным» и не способен проявлять какую-либо активность. Наше исследование показало, что такая реакция мамы взаимосвязана с более интенсивными стрессовыми переживаниями ребенка. Возможным объяснением этого результата является то, что в стрессовой ситуации ребенок видит, что мама настолько эмоционально отключена, что он остается один на один со своими переживаниями страха, беспомощности перед болезнью и операцией. Это достаточно непростая задача для подростков, которая может стать источником дополнительной травматизации.

Дополнительным результатом стали данные о взаимосвязи возраста матери с уровнем её стресса до операции. Вероятно, это обусловлено тем, что на протяжении жизни количество стрессовых ситуаций растет и их кумулятивное воздействие ослабляет защитные механизмы человека, делая его уязвимым к воздействию интенсивных стрессоров.

Это исследование показало, что операция является источником интенсивного стресса для ребенка. Для матери операция ребенка – это одна из составляющих комплекса стрессоров, связанных с его болезнью. Выявлено, что такой поведенческий паттерн матери как растерянность перед лицом угрозы жизни ребенку в виде болезни, операции и пр. может выступать дополнительным источником травматизации ребенка.

Литература:

1. Абабков В.А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О.В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник Санкт-петербургского университета. – 2016. – Сер.16. – Вып.2 – С. 6–15.
2. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress // Journal of Health and Social Behavior. – 1983. – Vol.21. – P. 385–396.
3. Pai A.L., Greenley R. N., Lewandowski A., Drotar D., Younstom E., Peterson C. C. A meta-analytic review of the influence of pediatric cancer on parent and family functioning. Journal of Family Psychology. – 2007. – 21. – P. 407–415.

УДК 159.97

СТЫД КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ SHAME AS FACTOR IN THE EMERGENCE OF SELF-INJURIOUS BEHAVIOR

Красильникова Анна Михайловна, Пыркова Ксения Вячеславовна
Krasilnikova Anna Mihailovna, Pyrkova Ksenia Vyacheslavovna
 Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
 Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan
krasilnikova_anna@bk.ru, pyrkova_75@mail.ru

Аннотация

Механизмы, касающиеся регуляции отрицательных эмоциональных состояний, являются ключевыми для понимания возникновения самоповреждающего поведения. Понимание связи между отрицательными эмоциями и возникновением агрессии в отношении собственного тела способствует различению этих механизмов, что может помочь в разработке и адаптации психотерапевтических методов работы с самоповреждающим поведением.

Ключевые слова: стыд, личность, селфхарм, самоповреждающее поведение.

Abstract

Mechanisms related to the regulation of negative emotional states are key to understanding the emergence of self-harming behavior. Understanding the relationship between negative emotions and the occurrence of aggression against your own body helps to distinguish these mechanisms, which can help in the development and adaptation of psychotherapeutic methods to work with self-harming behavior.

Keywords: shame, personality, selfharm, self-destructive behavior.

Самоповреждающее поведение представляет собой серьезную проблему в области мирового общественного здравоохранения по причине его высокой распространенности и связи с последующим риском самоубийств. Под причинением себе вреда понимается умышленное повреждение собственного тела независимо от намерений покончить с собой, и представляет собой целый ряд видов деструктивного поведения, включая самопорезы, ожоги и самоизбиение. Одной из наиболее часто указываемых причин причинения себе вреда является преодоление или регуляция сложных эмоциональных состояний. Эта функция указывается как основная 71% тех, кто принимал участие в самоповреждающем поведении 5.

Стыд был описан как самосознательная, "моральная" эмоция, возникающая в ответ на оценку себя 4. По сути, стыд представляет собой когнитивно-аффективную конструкцию, включающую в себя негативные суждения о себе. Эти суждения являются глобальными, нежелательными и характеризуются оценкой самого себя как изначально ошибающегося, неадекватного. Концептуализация стыда фокусируется на восприятии индивидом самого себя и может возникнуть в связи с различными аспектами себя, такими как характер, поведение или тело.

Предполагается, что стыд может быть особенно губительным в связи с его тесной связью с самооощущением, самовосприятием человека. Действительно, стыд тесно связан с различными психологическими

трудностями, включая депрессию, психоз, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и расстройство пищевого поведения 4.

Теоретические модели самоповреждающего поведения прямо указывают на то, что данное поведение поддерживается отрицательным подкреплением, характеризующимся бегством от неприятных внутренних состояний, в том числе и стыда 2. Селфхарм может возникнуть из убеждений о себе как заслуживающем наказания, которые могут быть следствием сильного чувства стыда. Стыд может быть адаптивной эмоцией в тех случаях, когда побуждает к разрывам отношений или исправлению и восстановлению межличностных связей. Деадаптивным стыдом является возникновение ощущений изолированности или отдаленности от других из-за чувства недостаточности, неполноценности. Стыд может стать интернационализированным и дезадаптивным, в случае получения последовательных отрицательных сообщений о нашем теле или личности либо напрямую (через критику, дразнили издевательства), либо более косвенно (из-за того, что нас исключают или избегают, или постоянно подвергают неосмысленным формулировкам или нереалистичным образам).

Повышенное чувство стыда связано с поведением, направленным на причинение вреда самому себе. Эти данные согласуются с ориентированными на регулирование эмоций моделями самоповреждающего поведения, которые рассматривают селфхарм

как реакцию на негативные аффективные состояния, такие как стыд, а также как функцию, которая касается управления негативными внутренними состояниями, что отмечают сами пациенты 5. Тем не менее, чувство стыда может быть также следствием самоповреждений (например, чувство стыда, связанное со шрамами после селфхарма).

На данном этапе изучения эмоции стыда невозможно сделать вывод о том, что стыд непосредственно воздействует на возникновение самоповреждающего поведения или всё же поддерживает его. Качественные исследования подчеркивают, что стыд может быть, как предшествующим, так и следствием селфхарма. Важно также признать, что функции саморазрушающего поведения сильно различаются и что разные эмоции могут играть большую или меньшую роль в каждом отдельном клиническом случае. Существующая ныне теория предполагает, что стыд может быть особенно уместен в контексте возникновения селфхарма, поскольку он тесно связан с тем, как люди воспринимают себя и относятся к себе. Самоповреждение может возникнуть как средство регулирования этих негативных чувств в отно-

шении себя. Имеются данные, свидетельствующие о том, что по мере усиления чувства стыда, увеличивалась частота самоповреждающего поведения 3. В таком случае, действительно, стыд может являться непосредственным и опосредованным фактором возникновения самоповреждающего поведения.

Все это говорит о том, что образ собственного тела и личности – это сложный и часто очень личный опыт. Его связь с психическим здоровьем является важной и зависит от многих аспектов нашей окружающей среды, которые меняются на протяжении всей нашей жизни. Неадекватность восприятия себя в самосознании может влиять не только на отношение личности к себе и своему телу, но и служить самостоятельным мотивом отрицательной активности в отношении собственной внешности и тела, такой как, например, самоповреждающее поведение. Поскольку стыд является эмоцией, отражающей чувство ненависти к самому себе, он может, таким образом, быть релевантным при управлении саморазрушающими тенденциями и может быть использован в качестве основной мишени для терапии.

Литература:

1. Forrester R.L. et al. Self-esteem and non-suicidal self-injury in adulthood: A systematic review // Journal of Affective Disorders, 2017. Т.221 С.172–183.
2. Nock M. K. Why do people hurt themselves? New insights into the nature and functions of self-injury// Current Directions in Psychological Science, 2009. Т.18. С.78–83.
3. Schoenleber M., Berenbaum H. Shame regulation in personality pathology // Journal of Abnormal Psychology, 2012. Т.121. С.433–446.
4. Tangney J.P. et al. Moral emotions and moral behaviour // Annual Review of Psychology, 2007.Т. 58. С.345–372.
5. Taylor P.J. et al. A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self-injury // Journal of Affective Disorders, 2018. Т.227. С.759–769.

УДК 159.99

ОРТОРЕКСИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ORTHOREXIC PERSONALITY IN THE SPHERE OF CLINICAL PSYCHOLOGY

Москвина Алёна Витальевна
Moskvina Alena Vitalievna

Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики», Россия, Москва
National Research University "Higher School of Economics", Russia, Moscow
alienpropsy@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена месту личности, страдающей орторексией, в поле клинической и доклинической психологии. Орторексия – навязчивое желание правильного питания для поддержания внутренней чистоты организма. Автором рассматриваются основные подходы к пониманию природы орторексии и месте этого феномена в научном пространстве, а также первичные данные исследования.

Ключевые слова: орторексия, орторексическая личность.

Abstract

This issue is devoted to an orthorexic person place in the field of clinical and preclinical psychology. Orthorexia is an obsessive desire for proper nutrition for maintaining body internal cleanliness. The author considers

the main approaches to the understanding the nature of orthorexia and the place of this phenomenon in the scientific field and first data of investigation.

Keywords: orthorexia, orthorexicperson.

Рассматривая тот или иной феномен, мы обращаем в не последнюю очередь внимание на то, как он отражается в личности, так как личность есть носитель феномена. В клинической психологии, образованной на стыке психологии и психиатрии, есть множество заимствований из той и другой области. Однако до сих пор остается открытым вопрос касательно одного из феноменов, а именно орторексии – навязчивого желания питаться «чисто» и «правильно». Что делать человеку, страдающему орторексией? Как ему получить помощь? Является ли он объектом исследования клинической психологии, психиатрии или же психологии?

Споры по этому поводу до сих пор идут в мировом сообществе. С одной стороны, орторексию относят к пищевым аддикциям, с другой – к продромальному периоду анорексии (и наоборот) или шизофрении, с третьей – дают ей пространство просто быть как факту, не углубляясь в подробности.

Существующие исследования говорят нам, что орторексия имеет схожести с анорексией и обсессивно-компульсивным расстройством, однако она ею не является [5]. Так что же такое орторексия? И к какой области можно отнести данный феномен? Или же диагноз?

Пока что мы можем оставаться только в поле доклинической психологии, так как мы можем знать, что человек с орторексией испытывает трудности социального характера, а также имеет некоторые деструктивные поведенческие паттерны и негативные переживания, которые могут только усугублять состояние. При этом орторексия не значится ни в DSM-V, ни в МКБ-10, якобы за недостаточностью данных.

На данный момент разрабатывается концептуальная модель, в которой орторексия занимает центральное место среди анорексии, обсессивно-компульсивного расстройства, аддикций, нарциссического расстройства и депрессии. Суть данной модели заключается в том, что не столь важна причинно-следственная связь, сколь симптомокомплекс, который может проявляться при орторексии, и при этом необходимо выделить отличительные паттерны орторексической личности. На данный момент их всего четыре: заикленность на качестве еды, нереалистичные представления о пользе еды, стремление максимально улучшить состояние своего здоровья, чувство превосходства над другими [3]. Несмотря на данные отличительные особенности, объем данных представляется весьма фрагментированным и недостаточным для полноты восприятия феномена и представления личности, страдающей орторексией.

Но перед исследователями стоит еще ряд вопросов, на которые предстоит найти ответы, как то: является ли орторексия эго-синтонной (как анорексия), носит ли копинговую стратегию совладания с тревогой (как при обсессивно-компульсивном расстройстве), насколько характерны депрессивные состояния для такой личности (как при депрессии), характерно ли расщепление личности (как при нарциссическом расстройстве), заменяема ли зависимость от «чистой» пищи (как при аддикциях), и многие другие вопросы. А также каковы поведенческие паттерны и личностные характеристики человека, страдающего орторексией. Как говорилось ранее, на эти вопросы еще только предстоит найти ответы.

Однако, орторексия все более и более входит в клиническое поле. Если учесть, что у человека присутствует сенсопатия, расстройства памяти, расстройства мышления и нарушение социализации, то этого в целом достаточно для определения орторексии как минимум в поле клинической психологии. Другой вопрос – осознает ли сам человек, что ему нужна помощь?

Большинство исследований, проведенных на студентах медицинских высших учебных заведений и спортсменах показывают, что многие из респондентов склонны к орторексии или имеют ее, однако за помощью они не обращаются. Для данного феномена характерен возраст дебюта 18–35 лет (если в данном случае корректно говорить о дебюте) без гендерных особенностей. И крайне сложно оценить эпидемиологический статус данного феномена ввиду того, что для людей, для которых он характерен, он является вариантом нормы, поэтому только исследовательским путем возможно предположить данный статус. Эксперты оценивают его от довольно низкого (3–5%) до довольно высокого (70%) от общего числа людей, страдающих различными психическими заболеваниями.

Что же касается данных моего исследования, то мною был проведен сбор данных с использованием анкетирования и адаптированной методики ORTO-15 [4]. Из 486 респондентов у 84 (17,3%) наблюдается субклинический уровень орторексии (при этом 19 респондентов – 3,9% – несовершеннолетние женщины), а у 103 респондентов (21,2%) наблюдается клинически выраженный и значимый уровень орторексии (при этом 41 респондент – 8,4% – является несовершеннолетним). Таким образом, по имеющимся статистическим данным можно сделать вывод, что распространенность орторексии с разным уровнем клинической значимости равна 38,5%, 12,3% из которых являются несовершеннолетними.

Это только первый этап исследования, в дальнейшем предстоит выяснить, какие психологические предикторы пищевого поведения существуют у людей, страдающих орторексией и имеющих к ней склонность, начало чему было положено еще в 2015 году [2]. Однако уже достаточно очевидно, что данный вопрос требует детального и в то же время обширного рассмотрения с точки зрения клинической психологии, так как выборка не была специ-

ализирована и, тем не менее, показала достаточно высокий эпидемиологический статус, особенно что касается клинически значимого уровня.

Таким образом, на мой взгляд, орторексию незаслуженно обходят вниманием с точки зрения психологии, клинической психологии и психиатрии, и данный вопрос требует повышенного исследовательского внимания.

Литература:

1. Barnes Marta A., Caltabiano Marie L. The interrelationship between orthorexia nervosa, perfectionism, body image and attachment style // *Eating and Weight Disorders*. Springer. 2017. P. 177–184.
2. Brytek-Matera A. Predictors of orthorexic behaviours in patients with eating disorders: a preliminary study // *BMC Psychiatry*. 2015. Schoenleber M., Berenbaum H. Shame regulation in personality pathology // *Journal of Abnormal Psychology*, 2012. T.121. С.433–446.
3. Dunn T.M., Bratman S. On orthorexia nervosa: a review of the literature and proposed diagnostic criteria // *Eatig Behavior*. 2016. P. 11–17.
4. Heiss S., Coffino Jaime A., Hormes Julia M. What does the ORTO-15 measure? Assessing the construct validity of a common orthorexia nervosa questionnaire in a meat avoiding sample // *Appetite*. 2019. T. 135. P. 93–99.
5. Koven N.S., Abry A. W. The clinical basis of orthorexia nervosa: emerging perspectives // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2015. P. 385–394.

УДК 159.9

БАЗИСНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЖЕНЩИН С ДИАГНОЗОМ РАК МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

BASIC BELIEFS AND QUALITY OF LIFE OF WOMEN WITH BREAST CANCER

Евстафеева Евгения Александровна
Evstafeeva Evgenia Aleksandrovna

Лаборатория психофизиологии Национального исследовательского Томского государственного университета

Laboratory of Perception Psychophysiology, Tomsk National Research State University

evgeniy-eg@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18 00426).

Аннотация

В работе дано краткое описание результатов исследования взаимосвязи базисных убеждений и качества жизни женщин с раком молочной железы. В исследовании приняли участие 186 женщин в возрасте от 26 лет до 80 лет, проживающих в России. У всей выборки женщин в течение 6 месяцев диагностирован рак молочной железы. В результате исследования обнаружена взаимосвязь базисных убеждений и качества жизни женщин с раком молочной железы. Качество жизни женщин с раком молочной железы имеет сильную прямую связь с их базисными убеждениями.

Ключевые слова: рак молочной железы, качество жизни, базисные убеждения.

Abstract

The paper gives a brief description of the results of a study of the relationship between the quality of life and basic beliefs of women with breast cancer. The study involved 186 women aged 26 to 80 years living in Russia. The entire sample of women was diagnosed with breast cancer within 6 months. As a result of the study, the relationship of basic beliefs and the quality of life of women with breast cancer. The quality of life of women with breast cancer has a strong direct relationship with basic beliefs.

Keywords: breast cancer, quality of life, basic beliefs.

Каждый год в России от рака молочной железы погибает более 22000 женщин (НМИЦ радиоло-

гии Минздрава России, 2017). Несмотря на достижения современной медицины в методах диагностики

и лечения данного заболевания, смертность от рака молочной железы остается высокой. Поэтому актуальным направлением для современной медицины является поиск дополнительных критериев эффективности и безопасности лечения данного заболевания.

Одним из таких критериев является оценка качества жизни пациентов, дающая возможность выявить эффективность лечения конкретного пациента и использовать полученные данные для коррекции программы лечения [2].

Существуют различные трактовки понятия качества жизни. Качество жизни рассматривается как «ощущение отдельных людей в контексте их культуры и системы ценностей, а также их личных целей, стандартов и интересов» (Всемирная организация здравоохранения, 2020).

Чаще всего качество жизни описывают как интегральную характеристику физического, психического, социального функционирования больного или здорового человека, основанную на его субъективном восприятии [3].

Наиболее близким к проблеме нашего исследования является определение качества жизни как сложного психосоциального конструкта, «как совокупности переживаний и отношений человека (больного или здорового), которые органично связаны с субъективным пониманием ценности здоровья и потребностями в самореализации, в том числе и в условиях болезни» [5, стр.5]. Данное определение указывает на важность психологических факторов в формировании оценки качества жизни человека. Всестороннее и целостное изучение психологических факторов, обеспечивающих успешную адаптацию личности в конкретных жизненных условиях, позволяет понять психологические механизмы качества жизни [4].

Таким образом, всестороннее исследование различных психологических характеристик и их связи с качеством жизни человека является актуальным направлением и требует дальнейшей разработки.

Проблемой настоящего исследования является поиск взаимосвязи базисных убеждений женщин с раком молочной железы (далее РМЖ) с их оценкой качества жизни. Целью исследования являлось выявление взаимосвязи базисных убеждений и оценки качества жизни у женщин больных РМЖ.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что базисные убеждения женщин с РМЖ связаны с их оценкой качества жизни.

Выборку составили 186 женщин в возрасте от 26 лет до 80 лет. У всей выборки женщин в течение 6 месяцев диагностирован рак молочной железы (I стадия – 59%, II стадия – 22,7%, III стадия – 13,6%). В исследовании использовались шкала базисных убеждений (М. А. Падун, А. В. Котельникова) и опросник SF-36 (36-Item Short-Form Health Survey), кото-

рый позволяет оценить субъективное восприятие физического, ментального здоровья.

В результате корреляционного анализа обнаружена прямая связь между базисными убеждениями и оценкой качества жизни у женщин с РМЖ. Так, обнаружена значимая положительная взаимосвязь субшкалы «Образ Я» с 7 показателями качества жизни: физическое функционирование ($r=0,243$; $p=0,001$), ролевое функционирование, обусловленное физическим ($r=0,179$; $p=0,015$) и эмоциональным состояниями ($r=0,231$; $p=0,002$), интенсивность боли ($r=0,162$; $p=0,027$), общее состояние здоровья ($r=0,203$; $p=0,006$), жизненная активность ($r=0,221$; $p=0,002$), психическое здоровье ($r=0,282$; $p=0,000$).

Чем больше женщины с раком молочной железы убеждены в собственной ценности и значимости, тем больше они удовлетворены своим физическим и эмоциональным состоянием.

Значения субшкалы «Доброжелательность окружающего мира» значимо положительно коррелируют с 5 параметрами качества жизни: социальное функционирование ($r=0,168$; $p=0,022$), ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием ($r=0,188$; $p=0,010$), общее состояние здоровья ($r=0,205$; $p=0,005$), жизненная активность ($r=0,192$; $p=0,009$), психическое здоровье ($r=0,270$; $p=0,000$). Следовательно, убеждения женщин в безопасности окружающего мира, доверие миру способствуют повышению оценки качества жизни, удовлетворению физическим и психическим здоровьем.

Убеждения женщин в справедливости мира также связаны с оценкой качества жизни. Значимо положительные связи выявлены между субшкалой «Справедливость» и оценками психического здоровья ($r=0,220$; $p=0,003$), общего состояния здоровья ($r=0,165$; $p=0,025$), жизненной активности ($r=0,145$; $p=0,050$).

Чем больше женщины убеждены в принципе справедливости в распределении событий между людьми, тем лучше они оценивают состояние своего общего и психического здоровья.

Убеждения женщин в возможности контролировать происходящие с ними события имеют прямую связь с оценкой качества жизни. Выявлены положительные корреляции между субшкалой «Убеждения о контроле» и параметром качества жизни «ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» ($r=0,156$; $p=0,034$).

Чем больше женщины убеждены в том, что могут контролировать жизненные события, тем больше они удовлетворены своим эмоциональным состоянием и выполнением повседневной деятельности.

Базисные убеждения об удаче имеют связь с психическим здоровьем ($r=0,217$; $p=0,003$) и общим состоянием здоровья ($r=0,156$; $p=0,034$). Чем удачливее себя считают женщины, тем выше их оценка своего психического благополучия и здоровья в целом.

Таким образом, на основе полученных данных, можно сформулировать предположение, требующее дальнейшей верификации, о том, что базисные убеждения женщин с РМЖ являются одними из психологических факторов формирования их оценки качества жизни. Базисные убеждения могут оказывать сильное влияние на мышление, эмоциональное состояние и поведение женщин. Ситуация травмы способна повлиять на базисные убеждения

женщин. В случае успешного совладания с травмирующей ситуацией к женщинам возвращается чувство безопасности и возможность контроля собственной жизни. Для поддержания удовлетворительного физического и эмоционального состояния женщинам с диагнозом рак молочной железы необходима психологическая помощь и поддержка специалистов в период лечения заболевания и реабилитации.

Литература:

1. Ионова Т. И. Значение исследования качества жизни в современном здравоохранении // *Качество и жизнь.* – 2019. – 1(21). – С. 3–8.
2. Ионова Т. И., Никитина Т. П., Новик А. А., Снеговой А. В. Практические рекомендации по оценке качества жизни у онкологических больных // *Злокачественные опухоли: Практические рекомендации RUSSCO #3s2.* – 2017 (том 7). – С. 586–591.
3. Котельникова А. В., Кукшина А. А. Психосоциальные факторы качества жизни, связанного со здоровьем, у больных с нарушением двигательных функций // *Клиническая и специальная психология.* – 2017. – Том 6. № 1. – С. 63–78.
4. Психологическая структура качества жизни больных эпилепсией: пособие для врачей и мед. психологов / М-во здравоохранения и соц. развития Рос. Федерации, С.-Петербург. науч.-исслед. психоневрол. ин-т им. В. М. Бехтерева; [Л. И. Вассерман и др.]. – Санкт-Петербург: СПбНИПНИ, 2008. – 44 с.

**СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПСИХОДИАГНОСТИКЕ И КОРРЕКЦИИ
ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И АНОМАЛИЙ**

УДК 159.99

**ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРАКТИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES USED IN PRACTICAL PSYCHOLOGY

*Дмитриева Елена Юрьевна, Демцура Светлана Сергеевна
Dmitriyeva Yelena Yuryevna, Demtsura Svetlana Sergeevna*

*Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации
последствий стихийных бедствий, Россия, Санкт-Петербург*

Extreme Situations in Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia, Russia, St. Petersburg

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Челябинск
South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Russia, Chelyabinsk*

dmitrievaey@mail.ru, demtsurass@cspu.ru

Аннотация

В настоящее время в практической психологии идет поиск новых методов, форм и технологий для повышения эффективности работы специалистов. Авторы, проводят анализ современного рынка VR-технологий, рассматривают возможности их применения в работе психолога с клиентом.

Ключевые слова: психология, психотерапия, технологии виртуальной реальности, восприятие, VR-среда, VR-пространство, Axon VR Exosuit, NOLO, приложение Bravemind для лечения посттравматического стрессового расстройства.

Abstract

Currently, practical psychology is searching for new methods, forms and technologies to improve the efficiency of specialists. The authors analyze the current market of VR technologies and consider their application in the work of a psychologist with a client.

Keywords: psychology, psychotherapy, virtual reality technologies, perception, VR environment, VR space, Axon VR Exosuit, NOLO, Bravemind application for the treatment of post-traumatic stress disorder.

В последнее десятилетие в практической психологии стали разрабатываться и использоваться технологии виртуальной реальности (VR).

Виртуальная реальность (VR), создаваемая за счет визуализации трехмерных объектов методами компьютерной графики, анимации и программирования, является продуктом не только информационных, но и психологических технологий [2].

Говоря о виртуальной реальности, мы понимаем искусственный мир, который воссоздается (похож на существующий) или создается «с нуля» (не имеет аналогов) на основе компьютерных технологий. При этом воспринимается человеком с помощью органов чувств и кажется реальным. Подобный эффект достигается при помощи разнообразных устройств и программ [4].

На современном рынке представлен широкий ряд различных моделей очков и шлемов виртуальной реальности. Но на очках и шлемах производители не остановились. Обзор VR технологий, представленных в 2019 году [5], показывает, что появились

усовершенствованные устройства (Axon VR Exosuit, VR free, Claw, Feel VR, ANTVR Kit, VRGLUV, NOLO), которые помогают еще более полно погрузиться в виртуальный мир. К примеру, у производителей устройства Axon VR Exosuit появилась идея создания экзоскелета виртуальной реальности. При этом данное устройство по весу соизмеримо с обычной одеждой человека, оно предоставляет возможность человеку взаимодействовать с виртуальным миром и объектами, присутствующими в нем (прикасаться к ним, ощущать размер, форму, мягкость или твердость предметов, их температуру – понимать то, насколько теплый или холодный предмет перед ним). Разработанный в 2019 году экзоскелет дает человеку возможность ходить, а не «топтаться на месте», что выгодно отличает новое устройство от аналогов. Axon VR Exosuit создает возможность по-настоящему бежать, подниматься по лестнице, наклоняться, приседать, толкать предметы. Устройство реагирует на малейшие движения [3].

На рынке присутствуют устройства, позволяющие погружаться в виртуальный мир с помощью мобильного телефона. К примеру, устройство NOLO [3]. Данное устройство необходимо «дополнить» мобильным телефоном и карт-боксом. NOLO работает практически со всеми смартфонами на android. Помимо этого, устройство совместимо с некоторыми шлемами для компьютеров и может работать в комплексе. Станция мониторит сигналы с датчиков, расположенных на телефоне, шлеме, контроллерах. Затем их анализирует, обрабатывает с небольшой задержкой. Таким образом, виртуальный мир оптимально синхронизируется с реальностью.

Все это расширяет арсенал психологов в работе с клиентами, позволяет достигать требуемого эффекта в максимально короткие сроки.

Исследователи отмечают следующие особенности виртуальных технологий – погружение, вовлечение, фокусировка и изоляция. Основной чертой считается погружение в «виртуальную действительность». При этом человек не реагирует на внешние раздражители, он полностью поглощен происходящим процессом, ни на что не отвлекается и вместе с психологом выстраивает требуемую модель поведения, задаваемую чередой определенных событий. Клиент находится в прямом взаимодействии с виртуальным миром (полное погружение в условия конкретного места и времени), совершая определенные поступки, реагируя на действия виртуальных субъектов. Осуществляется фокусировка на деталях, которые обговаривает и отрабатывает психолог. При необходимости ситуацию можно повторить, «пережить заново» для закрепления необходимого результата.

Практики описывают эффекты использования VR-технологий для переноса переживаний клиента из виртуальной среды в реальный мир. Благодаря VR-технологиям практикующим психологам удается «нащупать» внутренние проблемы и подтолкнуть человека к их решению [5].

То есть в смоделированной в виртуальном мире некомфортной ситуации клиент получает возможность совершать воображаемые действия, поступки. Более того, клиент вместе с психологом может наблюдать за собственным поведением «со стороны», детально разбирать мотивы своих действий, многократно «прокручивать» и анализировать ситуацию. В данном случае виртуальная среда помогает увидеть одинаково среду глазами клиента и психотерапевта.

В 90-х годах XX века ученые университета Южной Калифорнии комплексно исследовали лечение посттравматического стрессового расстройства средствами VR. То есть можно сделать вывод о том, что данное направление интересовало научное сообщество уже давно, особенно в области практической психологии и психотерапии.

Отметим, что в области лечения посттравматического стрессового расстройства особенно

популярно приложение Bravemind. Именно в нем присутствует программируемая виртуальная среда (VR-среда), виброплатформа и даже симулятор запахов. Данная технология используется в посттравматической терапии для солдат, которые вернулись из зоны военных действий. Другие разработчики – фирма BeyondCare – развивает решения для VR-терапии на основе EMDR-терапии: виртуальные объекты помогают клиентам лучше двигать глазами в рамках лечения.

Однако, стоит отметить, что в применении таких технологий могут быть ограничения, например возраст, так как пожилые чувствуют себя в шлемах хуже. И стоит выделить еще и такой факт, что важным фактором эффективности психотерапии являются отношения клиента и психотерапевта, предполагающие определенные ожидания, желания, доверие, которые сложно смоделировать в виртуальной среде.

VR-технологии можно использовать для дистанционных консультаций. Данный факт особо актуален оказался на сегодняшний день. Во многих странах мира был введен режим самоизоляции или карантинные мероприятия – вынужденная мера по предотвращению распространения вируса и эффективной минимизации рисков (11 марта 2020 года ВОЗ охарактеризовала текущую ситуацию с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 как пандемию). И когда клиентам понадобилась психологическая помощь, практикующие психологи обратились к VR-технологиям, провели VR-сеансы, что помогло дополнить онлайн консультации виртуальными сессиями.

На сегодняшний день существуют нарисованные VR-пространства для преодоления боязни публичных выступлений, аэрофобии, арахнофобии, для частных случаев посттравматической терапии.

Следует отметить, что область применения VR-технологий на сегодняшний день недостаточно изучена и исследована. Ученым еще предстоит доказать целесообразность замены обычных психологических консультаций VR-сеансами. Но уже становятся очевидными положительные эффекты от применения VR-технологий в работе практикующих психологов.

Технологии виртуальной реальности все чаще используются психологами в следующих направлениях. Во-первых, для лечения агорафобии при наличии или отсутствии панических атак, страха полетов (исследования Malbos, 2013; Meyerbroeker, 2013; Pelissolo, 2012; Penate-Castro, 2014; Pitti, 2015). Во-вторых, для преодоления социальной тревоги (к примеру, исследования Anderson, 2013; Safir, 2012). В-третьих, для лечения арахнофобии (например, исследования Shiban, 2015; Shiban, 2013; Shiban, 2015). В-четвертых, для управления стрессом (этому направлению посвящено исследование Gaggioli, 2014). В-пятых, для терапии нарушений пищевого поведения (Marco, 2014) и аутизму (Smith, 2015; Smith, 2014) [1].

VR-технологии успешно применяются квалифицированными психотерапевтами в качестве дополнительного инструмента к основному лечению.

Более того, стоит отметить положительный опыт специалистов VR-центра университета Прави-

тельства Москвы, которые выступили разработчиками комплекса учебных программ по управленческим навыкам и другим softskills для государственных органов, бизнеса, частных клиентов [2].

Литература:

1. Виртуальная реальность в психотерапии [Электронный ресурс]. URL: https://psychodemia.ru/2017/05/03/vr_psychotherapy (дата обращения: 01.03.2020).
2. Войскунский А.Е., Меньшикова Г.Я. О Применении систем виртуальной реальности в психологии // Вестник Московского университета. – Сер. 14. Психология. – 2008. – № 1. – С. 22–36.
3. Кравченко Ю.О., Демцур С.С. Информационный бизнес в России: преимущества создания предприятия, специализирующегося на информационном продукте // Тенденции и перспективы финансово-экономического развития России: межвузовский сборник научных трудов. Министерство образования и науки Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 65–67.
4. Пижевский М.К. Современные VR технологии, представленные в 2019 году // ModernScience. – 2020. – № 1–1. – С. 429–431.
5. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы /Ю.П. Зинченко, Г.Я. Меньшикова, Ю.М. Баяковский, А.М. Черноризов, А.Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. – 2010. – №1(3). – С. 54–62.

УДК 159.942.5

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

CONCEPT OPERATIONALIZATION IN DEVELOPING A SYSTEM FOR STUDYING AN EMOTIONAL STATE

*Шимрова Людмила Алексеевна
Shimrova Lyudmila Alekseevna*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan*

Ishimrova@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются этапы операционализации понятия при разработке методики исследования эмоционального состояния, на примере состояния эйфории. В качестве операционального понятия представлено семантическое поле значений понятия эйфория. Операнды (значения) поля используются как признаки-индикаторы исследуемого теоретического конструкта в результатах методики. Использование семантического пространства эмоционального состояния как исходного определения позволяет операционализировать его как совокупность (синдром) признаков и повышает конструктивную валидность методики.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, методика исследования, операционализация понятия, эйфория, семантический анализ, конструктивная валидность.

Abstract

The article discusses the stages of a concept operationalization in developing a system for studying the emotional state using the state of euphoria as an example. The semantic field of the meaning of the concept of euphoria is used as an operational concept. The operands (values) of the field are used in the results of the system as indicators of the studied theoretical construct. Using the semantic space of the emotional state as the initial definition allows you to operationalize it as a set (syndrome) of features and increases the construct validity of the system

Keywords: emotional state, research system, concept operationalization, euphoria, semantic analysis, construct validity.

В сферу исследовательских интересов В.М. Бехтерева входили такие эмоциональные состояния, как страх, стыд, радость, испуг, гнев, смущение. Состо-

яние исследовалось им в ключе целостной реакции организма как соответствие психических процессов внешним раздражителям, настоящим и прошлым.

Изучая субъективные данные об эмотивных проявлениях состояния, В. М. Бехтерев уделял большое внимание методикам исследования, так, его требования к объективности эмпирических исследований в психологии были очень строги, им даже были предприняты попытки математической обработки полученных данных с построением профилей личности. Можно сказать, что принцип объективности эмпирических исследований – одно из выдающихся достижений В. М. Бехтерева в развитии экспериментальной науки.

На современном этапе развития экспериментальной психологии решение такой сложной исследовательской задачи, как изучение эмоциональных состояний, по-прежнему сталкивается с трудностями регистрации проявлений, признаков состояния.

Одним из основных требований к объективности регистрируемых показателей методикой эмпирического исследования является ее конструктивная валидность, отражающая степень репрезентации исследуемого психологического конструкта в результатах методики. Данное требование соблюдается с помощью процедуры операционализации понятия, которая завершается созданием методики, позволяющей применять математический аппарат для статистической обработки системы показателей исследуемого явления (эмоционального состояния).

Рассмотрим процедуру операционализации понятия на примере такого эмоционального состояния, как эйфория. Теоретический конструкт «состояние эйфории» нуждался в операционализации ввиду существования большого количества определений данного психического состояния. Процедура операционализации определения позволила по содержательному критерию дифференцировать эмпирические значения качественных особенностей состояния эйфории от других состояний. Таким образом, операционализация необходима для проведения исследования, поскольку устанавливает связь между исходным определением с системой показателей.

По сути, посредством процедуры операционализации понятия обеспечивается связывание концептуального аппарата исследования с его методическим инструментарием. Операционализация понятий является обязательным условием для построения системы показателей, пригодной для изучения обозначаемого и отображаемого понятием психического явления. В процессе операционализации понятия «состояние эйфории» были выявлены адекватные концептуальной модели средства фиксации качественных особенностей состояния эйфории, была разработана методика исследования состояния эйфории [4].

Теоретической основой построения методики исследования состояния эйфории послужило понимание психического состояния, «как отражение личностью ситуации в виде сочетания (совокупности)

различных характеристик человека, возникающее в динамике психической деятельности и выражающее единство поведения и переживания» [2, с. 61].

Операционализация понятия «состояние эйфории» как психологического синдрома предполагала осуществление на начальном этапе операционализации определения эйфории (теоретического конструкта) средствами семантического анализа. Семантические отношения, устанавливающиеся между понятиями через описываемый объект по семантическому сходству (по выраженности и степени близости языковых единиц друг другу) признаков описываемого явления, позволяют строить семантические поля анализируемой области значений. Семантическое пространство как графическая форма описания может содержать не рядоположные понятия, быть многомерным и позволяет не потерять ни одного, даже единичного признака объекта. Семантическое пространство значений, полученное в результате анализа 40 определений состояния эйфории, данных разными авторами (источники: русскоязычная и англоязычная психологическая и психиатрическая литература), можно рассматривать как его понятийное описание, устанавливающее качественные особенности состояния эйфории, а также позволяющее дифференцировать его в ряду других положительных эмоциональных состояний [4].

Установленные характерные признаки состояния эйфории в виде семантического поля значений (рисунок 1) позволили перевести исходное понятие эйфории как психического состояния в понятие-конструкт, пригодное для его последующего перевода в понятия-индикаторы.

Процедура операционализации предполагает последующее преобразование теоретической модели (теоретического конструкта) в операциональную, состоящую из индикаторов. «Индикаторы представляют собой идеальные объекты оперирования (понятия-индикаторы), замещающие реальные объекты оперирования (явления-индикаторы) – фрагменты действительности, наделенные экспериментальными функциями приборов-измерителей и «представляющие» изучаемый объект в исследовательской ситуации» [3, с. 18].

В данном случае значения семантического поля эйфории являются характеристиками, наиболее полно и четко описывающими такое психологическое явление, как состояние эйфории. Именно эти значения (операнты семантического поля) составляют эмпирически регистрируемые индикаторы – признаки (характеристики эйфории) в разработанной методике исследования эйфории [5].

Операциональная модель в дальнейшем была преобразована в математическую, состоящую из переменных с указанием эмпирического показателя, свидетельствующего о наличии или отсут-

ствии явления (эйфории), выраженного в теоретическом понятии. Выраженность состояния эйфории определялась через эмпирически регистрируемый индикатор – наличие/отсутствие признака, который индексировался по 11-и балльной шкале от «не

проявляется» до «очень сильно проявляется» (0–1–2–3–4–5–6–7–8–11) и позволял замерять интенсивность эйфории через средство регистрации – простой подсчет (чем выше итоговый балл, тем более выражено состояние эйфории).

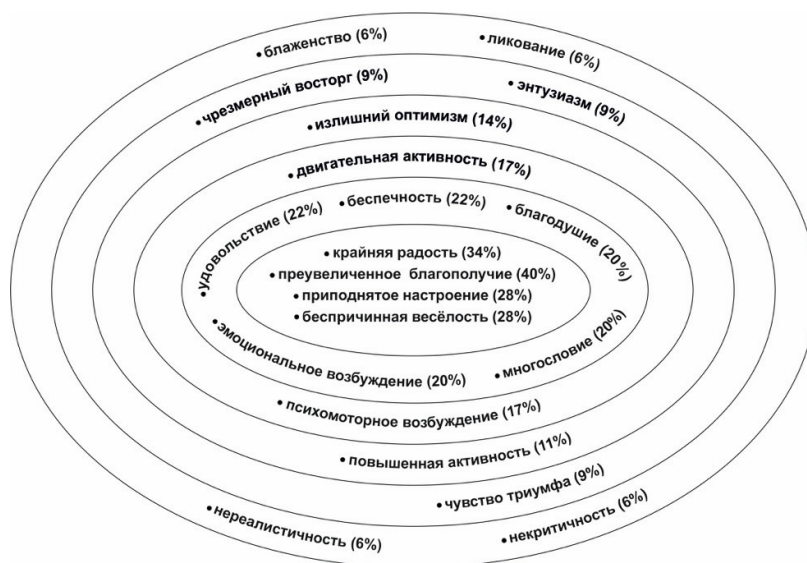

Рис. 1. Семантическое пространство состояния эйфории

Оценка индекса интенсивности состояния эйфории, замеряемого разработанной методикой исследования, производилась расчетом его надежности и валидности. Анализ пунктов методики на однородность определялся через коэффициент корреляции Пирсона каждого пункта с итоговым баллом ($p < 0,001$). Надежность по однородности пунктов методики и ее дифференцирующая сила устанавливались по величине критерия одномоментной надежности Альфа-Кронбаха (0,974) для шкалы, включающей все 50 пунктов. Оценка разработанной методики на надежность по устойчивости результатов проводилась методом повторного тестирования, вычислялся коэффициент ретестовой надежности (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,6$; $p = 0,005$). Конструктивная валидность методики оценивалась путем соотнесения разработанной методики и методики определения склонности к эйфории В. В. Бойко [1, с. 40], вычислялся коэффициент корреляции Пирсона между шкалами обеих мето-

дик ($r = 0,5$; $p = 0,001$). Оценка индекса интенсивности состояния эйфории по результатам статистического анализа подтверждает, что методика соответствует психодиагностическим требованиям.

С помощью разработанной методики можно диагностировать выраженность состояния эйфории. Она позволяет диагностировать проявления состояния эйфории по психологическим, физиологическим, поведенческим критериям. Определение понятия состояния эйфории эмпирическим образом, посредством его операционализации, позволяет замерять признаки эйфории с высокой степенью достоверности и валидности.

Таким образом, при использовании в процессе исследования операциональной и математической модели регистрируются данные, позволяющие расширить концептуальные представления об эйфории и тем самым осуществить обратную связь с исходным понятием.

Литература:

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь». – 1996. – 472 с.
2. Психология состояний: Учебное пособие / Под ред. А. О. Прохорова. – М.: Изд-во «Когито-Центр». – 2011. – 6.
3. Рабочая книга социолога / Под ред. Г. В. Осипова – М.: Изд-во Едиториал – 2003. – 480с.
4. Шимрова Л. А., Прохоров А. О. Семантическое пространство эйфории как понятийное описание // Психология состояний человека: Мат-лы 3–1 междунар. науч. Конф. Казань, 8–10 ноября – 2018 / отв. Ред.: Б. С. Алишев, А. О. Прохоров, А. В. Чернов. Казань: Изд-во Казань. ун-та – 2018. – С. 578–580.
5. Шимрова Л. А., Прохоров А. О. Разработка методики исследования состояния эйфории // Психология психических состояний: сб. Статей / под ред. М. Г. Юсупова, А. В. Чернова. Казань: изд-во Казан. Ун-та. – 2019. – вып. 13. – С. 300–304.

УДК 159.96

АКТИВИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАСТНИКОВ СЕМЕЙНОЙ ГРУППОВОЙ ЛОГОПСИХОТЕРАПИИ**ACTIVATION OF PERSONAL POTENTIAL OF PARTICIPANTS IN FAMILY GROUP LOGOPSYCHOTHERAPY***Карпова Наталия Львовна**Karpova Nataliya Lvovna**ФГБНУ «Психологический институт РАО», Россия, Москва**Federal state budgetary scientific institution**«Psychological Institute of RAO», Russia, Moscow**nlkarpova@mail.ru**(Работа выполняется при поддержке РФФИ, грант № 18-013-00721)***Аннотация**

В контексте теорий В. М. Бехтерева о внутренней энергии человека и роли внушения рассматривается вопрос о личностном потенциале и ресурсах людей с ограниченными возможностями здоровья и специфике работы с ними в процессе социореабилитации на примере семейной групповой логопсихотерапии. Рассматривается развитие этих идей в контексте работ К. М. Дубровского, Ю. М. Орлова, А. В. Петровского, которые оказали существенное влияние на систему логопсихотерапии.

Ключевые слова: потенциал, личностный потенциал, общение, внушение, речь, личность, заикание, семейная групповая логопсихотерапия.

Abstract

V. M. Bekhterev's theoretical approach to the person's internal energy and the role of suggestion raises the issue of potential and resources of people with disabilities. The specifics of working with them in the process of social rehabilitation using family group logopsychotherapy is considered. The development of these ideas in the works of K. M. Dubrovsky, Yu. M. Orlov, A. V. Petrovsky is considered, so far as they had a significant impact on the system of logopsychotherapy.

Keywords: potential, personal potential, communication, suggestion, speech, personality, stuttering, family group logopsychotherapy.

В плане развития и практического применения идей В. М. Бехтерева в психологии личности, а также в общей, социальной и медицинской психологии может быть представлен один из современных подходов к психодиагностике и коррекции личностных особенностей и аномалий, практикуемых в системе семейной групповой логопсихотерапии [5].

Физическое и психическое благополучие человека связано с экономным, оправданным, с точки зрения ситуации, расходом его жизненной энергии. В. М. Бехтерев настаивал на том, что психология не может ограничиться рассмотрением только психических явлений, оставляя без внимания сопровождающие их разнообразные колебания скрытой в нервной системе энергии. Он ввел в отечественную психологию понятие энергии в работах «Психология и жизнь», «Общие основы рефлексологии человека» и подчеркивал, что чем больше этой энергии в организме, тем более способен человек поддерживать активное отношение к окружающей среде, что проявляется, в частности, в его деятельности, поступках, взаимодействии с другими людьми – т.е. в энергии общения [1].

При рассмотрении проблем энергетического потенциала человека в последнее столетие все больше внимания психология обращает на роль субъекта в саморазвитии и саморегуляции. В последние десятилетия речь идет о «человеческом потенциале» и о «личностном потенциале» как интегральной системной характеристике индивидуально-психологических особенностей личности, лежащей в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий [2, с. 45]. При этом исследователи отмечают: чем выше уровень развития личности, тем большим потенциалом она характеризуется. И в понятии «потенциал» акцентируется, что это в основном еще нераскрытые способности, которые подлежат выявлению и включению в деятельность с целью более полной самореализации субъекта в ней [там же, с. 55].

Проблема энергетического и личностного потенциала обостряется для человека особо в ситуации ограниченных возможностей здоровья. К людям

с ОВЗ относятся и те, кто страдает заболеваниями, накладывающими ограничения на личностное развитие и профессиональный выбор. Так, например, около 60 миллионов людей в мире тяжело заикаются и вынуждены выбирать «неречевые» профессии, что зачастую оборачивается трагической нереализованностью и глобальным жизненным неуспехом, несмотря на сохранность интеллектуально-творческого потенциала. Личностный потенциал в данном случае отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете, преодоление личностью самой себя. Актуализации потенциала способствует и грамотно организованная система психологического воздействия на человека, в частности – лечебного внушения.

Внушение непосредственное и опосредствованное применяется в системе семейной групповой логопсихотерапии Ю. Б. Некрасовой – Н. Л. Карповой [3; 5] в целях восстановления у заикающихся детей, подростков и взрослых нарушенного речевого общения. Данная система состоит из четырех основных этапов: I – Диагностический-пропедевтический (3–6 месяцев) выстроен на динамической психотерапевтической диагностике, в основе которой метод библиотерапии (чтение и анализ специально подобранных книг, способствующих укреплению у заикающегося и его родственников уверенности в возможности преодоления речевого недуга). II – Сеанс «директивного внушения наяву» К. М. Дубровского в аранжировке Ю. Б. Некрасовой, где за 1,5 часа «снимается» сложный симптомокомплекс заикания. III – Активная групповая семейная логопсихотерапия: после сеанса «снятия» заикания 4–6 недель ежедневных интенсивных 8-часовых занятий разнообразной речевой деятельностью с элементами коммуникативного тренинга, методов нейрокоррекции, арттерапии, кинезитерапии и др. IV – Контрольно-поддерживающая логопсихотерапия: 2 недели ежедневных групповых занятий полгода спустя после основного курса.

Проблему внушения В. М. Бехтерев разрабатывал в ряде своих трудов («Гипноз. Внушение. Телепатия», «Внушение и его роль в общественной жизни», «Внушение и воспитание» и др.), отмечая постоянное его проявление в обыденной жизни как влияние одного человека на другого чаще всего через посредство слова, которое действует на другого человека не путем убеждения, а путем прививания ему тех или других мыслей и состояний [1]. Подчеркивая основную роль В. М. Бехтерева в разработке данного понятия, внушение также определяется в Энциклопедическом словаре «Психология общения» [4, с. 62].

Понимая общение как «сложное психологическое явление, которое может выступать в одно и то же время как процесс взаимодействия, информационный процесс, как отношение людей друг к другу, процесс их взаимовлияния, сопереживания и взаимного понимания» [4, с. 85], в системе семейной групповой логопсихотерапии каждый из этапов работы направлен на формирование саногенного (Ю. М. Орлов) оздоравливающего состояния и поддержание у участников состояния успеха в овладении всеми элементами новой правильной речи. Это подтверждает слова В. М. Бехтерева о том, что «внушение может быть вводимым в психическую сферу или мало-помалу, путем постоянных заявлений одного и того же рода, или же сразу наподобие повелительного приказа» [1].

Процесс опосредствованного внушения в системе логопсихотерапии строится на диалогическом взаимодействии всех участников, что близко концепции воздействия-взаимодействия Г. А. Ковалева, где диалог, в отличие от монолога, рассматривается как «открытая» система, которая обеспечивает более конструктивный характер психологической регуляции и саморегуляции и обладает большим эффектом психологического воздействия и взаимодействия (воспитательного, личностно-развивающего, психокоррекционного) [4, с. 54]. При этом особо подчеркнем, что основная цель – формирование успеха в разносторонней речевой деятельности в группе, которая становится «коллективным психотерапевтом» [3; 5]. По теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе А. В. Петровского «сплоченность» в таких группах трактуется как «мера общности взглядов, позиций, ценностных ориентаций участников совместной деятельности относительно самой этой деятельности» [4, с. 54]. Это помогает каждому человеку дальше развивать свои навыки и свои возможности, укрепляя свои силы. Возникает оптимальное психологическое состояние, состояние «потока» (М. Чиксентмихайи), что также повышает уровень взаимодействия личности с окружающим миром.

Результаты успешной работы уже более 120 разновозрастных групп семейной логопсихотерапии в Москве, Таганроге, Самаре и Самарской области, Владивостоке, Саратове и Екатеринбурге свидетельствуют о том, что данная комплексная система социореабилитации обладает большим энергетическим потенциалом, активизируя личностный потенциал участников, и может быть представлена как эффективный психолого-педагогический социальный ресурс не только для самого заикающегося пациента, но и для всей его семьи и ближайшего окружения.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Избранные труды по психологии личности: в 2 т. Т. 1: Психика и жизнь / под ред. Г. С. Никифорова, Л. А. Коростылевой. СПб: Алетейя. – 1999.

2. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. – 2011.
3. Некрасова Ю. Б. Лечение творчеством / под ред. Н. Л. Карповой. М.: Смысл. – 2006.
4. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Когито-центр. – 2015.
5. Семейная групповая логопсихотерапия: исследование заикания / Под ред. Н. Л. Карповой. М.: СПб.: Нестор-История – 2011–328 с.

УДК 159.9.07

ГРНТИ 158100

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

POSSIBILITIES OF USING ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN MODERN EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY

*Кайдалова Дарья Алексеевна, Кузнецова Алеся Анатольевна
Kaydalova Daria Alekseevna, Kuznetsova Alesya Anatolyevna*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации,
Россия, Курск*

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kursk State Medical University» of the
Ministry of Health of the Russian Federation, Russia, Kursk*

l.i.s.a.3327@gmail.com, kuznetsova.a80@mail.ru

Аннотация

Ассоциативный эксперимент – метод, направленный на обнаружение ассоциаций, языковых клише, сложившихся в сознании человека в процессе его жизнедеятельности. По мнению А.Р. Лурия, при проведении классического ассоциативного эксперимента необходимо учитывать не только непосредственно произносимые испытуемым слова-ассоциации, но и моторный компонент, что позволит изучать не только последний этап (ассоциацию), но и скрытые промежуточные этапы ассоциативного процесса у испытуемых. На наш взгляд, современные тенденции и технологии проведения научных исследований могут повысить эффективность классического ассоциативного эксперимента именно за счёт регистрации внутренних часто неосознаваемых механизмов принятия решений и реакций выбора.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, окулография, диагностика зависимого поведения.

Abstract

An associative experiment is a method aimed at detecting associations, language cliches that have developed in a person's consciousness in the course of his life. According to A.R. Luria, when conducting a classic associative experiment, it is necessary to take into account not only the association words directly pronounced by the subject, but also the motor component, which will allow studying not only the last stage (association), but also the hidden intermediate stages of the associative process in the subjects. In our opinion, current trends and technologies for conducting scientific research can increase the effectiveness of the classical associative experiment precisely due to the registration of internal often unrecognized decision-making mechanisms and selection reactions.

Keywords: associative experiment, oculography, diagnosis of addictive behavior.

Введение. Первые идеи об ассоциациях возникли ещё в античности, окончательно сформировались в XIX веке, и вот теперь, в век технологического прогресса и компьютеризации, ассоциативный эксперимент подвергся преобразованиям и, на наш взгляд, получил возможность раскрыть свой потенциал в полной мере.

Цель исследования – изучение возможностей применения ассоциативного эксперимента в современной экспериментальной психологии, выявление возможности его объективизации через использо-

вание технологии окулографии.

Методы исследования: библиометрический, персонологический анализы публикационной активности по проблеме исследования.

Результаты исследования. Ассоциативный эксперимент — это метод, направленный на обнаружение ассоциаций, языковых клише, сложившихся в сознании человека в процессе его жизнедеятельности [2]. Впервые ассоциативный эксперимент описан в 1879 году Ф. Гальтоном, который по результатам своих исследований сделал вывод, что многие из

возникающих у человека ассоциаций – это воспоминания о прошлых переживаниях, и что эти ассоциации-воспоминания повторяются [4]. В дальнейшем развил и обосновал идею З. Фрейд, активно используя созданный им «метод свободных ассоциаций» в психотерапевтической практике. По мнению учёного, поток ассоциаций, продуцируемый клиентом в процессе психотерапевтической сессии, раскрывает как содержание сознания, так и бессознательного человека. По его мнению, произвольные ассоциации являются символической или иногда прямой проекцией сознания [3]. В отечественную экспериментальную психологию ассоциативный эксперимент ввел А.Р. Лурия. Учёный подверг тщательному анализу существовавшие на тот момент представления о природе ассоциаций и механизмах ассоциативного эксперимента и предложил собственный метод, который назвал «методика сопряжённых моторных реакций». По мнению А.Р. Лурия, при проведении классического ассоциативного эксперимента необходимо учитывать не только непосредственно произносимые испытуемым слова-ассоциации, но и моторный компонент. Такой комплексный подход позволит изучать не только последний этап (ассоциацию), но и скрытые промежуточные этапы ассоциативного процесса у испытуемых. Речь здесь идёт о возможности диагностики скрытых механизмов принятия решения, аффективных следов и степени напряженности, возбужденности, процесса генерации ответа. При проведении ассоциативного эксперимента, эти процессы остаются без необходимого качественного анализа, так как обычно бывают скрыты от исследователя [1]. Таким образом, включение наблюдения и регистрации компонентов поведения в процессе исследования может вывести ассоциативный эксперимент на новый уровень.

На наш взгляд, современные тенденции и технологии проведения научных исследований могут повысить эффективность классического ассоциативного эксперимента именно за счёт регистрации тех внутренних часто неосознаваемых механизмов, про которые говорил А.Р. Лурия. Выделяют два варианта ассоциативного эксперимента: свободный ассоциативный эксперимент (при котором предлагают отвечать первой пришедшей в голову реакцией, на предъявление слова-стимула) и направленный ассоциативный эксперимент (в котором выбор ограничивается). Направленность ассоциации делает её более сосредоточенной. Классический ассоциатив-

ный эксперимент предполагает признание единицей анализа ассоциативной структуры два объекта (слова), между которыми существует ассоциация. Промежуточные стимулы, которые направляют процесс ассоциирования, обычно не подвергаются анализу. На наш взгляд, наглядно продемонстрировать внутренние процессы принятия решения и выбора способен окулограф. Технология контроля движения глаз отслеживает стратегию взгляда во время выполнения задачи (сознательно взгляд фиксирует не все объекты) и, таким образом, позволяет обнаружить неосознаваемые реакции, собрать данные о методах рассуждений и получить представление об информации, включенной в процесс принятия решений. Полученные в ходе исследования данные подтверждаются объективными количественными параметрами: координатами перемещения взора, временем и количеством фиксаций взгляда на объекте-стимуле, которые могут быть интерпретированы соответствующим образом. Окулограф позволяет визуализировать, какие части экрана попадают в область внимания, и тем самым мы можем получить представление о том, какая информация была включена в процесс принятия решений и выборе соответствующего стимула. При визуализации задачи восприятие её осуществляется через чередование коротких фиксаций и быстрых смещений взора (саккад). Во время фиксаций воспринимаются детали зрительных объектов, которые кодируются в памяти. Доказано, что параметры движений глаз зависят не только от физических качеств объектов, но также от особенностей когнитивных задач, выполняемых респондентами [5]. Это подтверждает гипотезу о том, что суммарное время сосредоточения внимания на персонально значимых объектах-стимулах будет больше, чем на нейтральных стимулах.

Выводы. Таким образом, изучение последовательности фиксаций взгляда на экране с помощью окулографа, позволяет сделать выводы об особенностях распределения внимания наблюдателя. Иначе говоря, промежуточные этапы ассоциативного процесса, о трудности регистрации которых говорил в своих исследованиях А.Р. Лурия, становятся доступны качественной и количественной оценке. Возможность визуализировать, какие элементы экрана попадают в область внимания испытуемого, позволяет получать представление о внутренних механизмах актуализации ассоциативных связей.

Литература:

1. Лурия, А.Р. Диагностика следов аффекта. Сопряженная моторная методика и её применение в исследовании аффективных реакций // Психология в определении следов преступления. – 1928. – № 3. – С. 79-82, 85-92.
2. Митяева, А.П. Ассоциативный эксперимент как способ конструирования концепта «бизнес» // Молодой ученый. – 2015. – № 11 (91). – С. 1651-1653.

3. Фрейд, З. Методика и техника психоанализа // Психоаналитические этюды. – Минск: Попурри. – 1997. – 602 с.
4. Шульц, Д.П. История современной психологии // Д.П. Шульц, С.Э. Шульц. – СПб: Евразия, 2002. 532 с.
5. Шурупова М.А., Ансимов В.Н., Терещенко Л.В., Латанов А.В. Влияние когнитивной задачи на параметры движений глаз при просмотре статических и динамических сцен // Сенсорные системы. – 2016. – Т.30. – №1. – С.53-62

УДК 165.24

ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПСИХОДИАГНОСТИКЕ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ IDIOPHIC APPROACH TO PSYCHDIAGNOSTICS OF DEVELOPING PERSONALITY

*Криулина Александра Александровна
Kriulina Alexandra Alexandrovna*

*Курский государственный университет, Россия, Курск
Kursk State University, Russia, Kursk*

anitim@list.ru

Аннотация

Описаны преимущества идиографического подхода к научным исследованиям в сравнении с номотетическим подходом. Метод словесного автопортрета как разновидность метода словесного портретирования предложен в качестве нового средства психодиагностики развивающейся личности бакалавра. Дано аргументированное обоснование возможности рассматривать метод в качестве проективного, обеспечивающего исследователю все преимущества идиографического подхода. Обозначено соответствие трех словесных автопортретов конкретным видам самоопределения в юности: интеллектуальному, профессиональному, социальному. Показана преемственность идеи В.М. Бехтерева о значимости данных интроспекции с психодиагностическими возможностями метода словесного автопортрета.

Ключевые слова: идиография, номотетика, психодиагностика, самообраз, автопортрет, профессиональное самосознание, «живое знание».

Abstract

The advantages of the idiographic approach to scientific research in comparison with the nomothetic approach are described. The method of verbal self-portrait as a variety of the method of verbal portraiture is proposed as a new means of psychodiagnostics of the developing personality of the bachelor. A reasoned justification is given for the possibility of considering the method as a projective one, which provides the researcher with all the advantages of the idiographic approach. Three verbal self-portraits correspond to specific types of self-determination in youth: intellectual, professional, and social. The continuity of V.M. Bekhterev's idea of the significance of introspection data with the psychodiagnostic capabilities of the verbal self-portrait method is shown.

Keywords: idiography, nomothetic, psychodiagnostics, self-image, self-portrait, professional self-awareness, "living knowledge".

Представители разных наук, анализируя фундаментальные работы В. М. Бехтерева, воспринимают его как ученого естественнонаучной ориентации. Это справедливо, но только отчасти. Не стоит забывать о его научном интересе к проблемам социальной психологии, психологии общения, к методу самонаблюдения, к влиянию социальной среды на развитие детей, к возможности дополнять результаты объективного анализа интроспективными данными. Он понимал и высоко оценивал «самобытность развития личности», которая плоды этого развития «вносит в сокровищницу человеческой культуры» [1,102]. Используя язык современной методологии, уместно предположить, что этот талантливый ученый, владея номотетическим

подходом к изучению человека, оценил бы по достоинству преимущества идиографического подхода.

Каковы же преимущества названного подхода по сравнению с номотетическим? Во-первых, изучаются единичные, а не универсальные случаи. Во-вторых, используются методы не только выявляющие, но и сохраняющие индивидуальность человека. В-третьих, каждый испытуемый получает возможность «говорить на его собственном языке», что позволяет «сохранить смыслы, которые поддерживают жизнь конкретных людей в этом мире». В-четвертых, можно зафиксировать субъективные смыслы и переживания испытуемых с помощью проективных и интерпретативных методов [4, 225].

На наш взгляд, одним из таких методов, наделенным всеми названными преимуществами, является метод словесных автопортретов. Следует отметить, что словесное портретирование как научный метод многократно зарекомендовало себя с положительной стороны при его использовании в разных гуманитарных областях: в политологии, в юридической психологии, в психотерапии, в литературной критике и др. областях. Впервые разновидность этого метода в виде метода словесных автопортретов была применена в сфере образования в процессе изучения психологических дисциплин будущими педагогами профессионального обучения (по отраслям): автотранспорт; дизайн, конструирование и моделирование швейных изделий; технология машиностроения и материалобработки; информатика и информационно-компьютерные технологии.

Собраны 113 вербальных автопортретов бакалавров Курского государственного университета (50 юношей и 63 девушки). Каждый бакалавр написал три автопортрета. На первом курсе создавали автопортрет «Моя индивидуальность». На третьем курсе – автопортреты «Я – профессионал» и «Я – партнер по деловому общению». В результате создания трех разных автопортретов у каждого бакалавра постепенно накапливалась информация о собственной персоне.

Структура автопортрета «Моя индивидуальность» соответствует структуре индивидуальности, изучаемой в курсе общей психологии. Она дополнялась сведениями о мотивационно-потребностной и эмоционально-волевой сферах, а также индивидуальными особенностями познавательных процессов. Структура автопортрета «Я – профессионал» соответствует компонентам «Образа субъекта» Е. А. Климова, названного им «профессиональное самосознание». Благодаря данному автопортрету бакалавры осознают себя в новой ипостаси, как исполнителя будущей педагогической деятельности. Такой самообраз значим для них в плане продумывания своего дальнейшего личностного и профессионального роста, при планировании карьеры и управлении ее реализацией.

Структура автопортрета «Я – партнер по деловому общению» соответствует общепринятым трем сторонам общения: перцептивной, коммуникативной, интерактивной. Соответственно группируются и личностные качества, которые выявили бакалавры в процессе тестирования на практических занятиях, а также методом самонаблюдения при выполнении психотехнических игр и упражнений.

Обучение в бакалавриате приходится на юношеский возраст, к концу которого у каждого, согласно Э. Эриксону, должна сформироваться готовность к жизненному самоопределению. Она включает в себя следующие компоненты: телесное, интеллектуальное, профессиональное, социальное и нравственное самоопределение. С определенной долей осто-

рожности выскажем предположение, что каждый из трех автопортретов в большей мере связан с развитием конкретного вида самоопределения. Автопортрет «Моя индивидуальность» имманентно содержит в себе ориентацию на интеллектуальное самоопределение, «Я – профессионал» – на профессиональное самоопределение, «Я – партнер по деловому общению» – на социальное самоопределение.

Аргументом в пользу такого предположения служит концепция «живого знания» В. П. Зинченко. Согласно автору концепции, главное преимущество «живого знания» в том, что «познавая и переживая нечто, мы одновременно познаем себя и этим самопознанием доопределяем это нечто, самоопределяем, в пределе – изменяем, сотворяем себя» [3, 33]. В. П. Зинченко провозгласил живое знание «подлинной ценностью образования» в противовес вербализму и концептуализму «догматической, заорганизованной и заформализованной системы образования» [3, 39].

Отправным моментом для использования словесных автопортретов в процессе изучения психологических дисциплин послужило желание обеспечить целостное восприятие бакалаврами психологической информации. В дальнейшем точка зрения Н. И. Чуприковой о несомненном психодиагностическом значении создаваемых детьми и взрослыми текстов позволила рассмотреть словесный автопортрет в качестве нового средства психодиагностики личности бакалавров. Н. И. Чуприкова аргументировала свою точку зрения тем, что «...особенности продуктов деятельности глубинно и, даже можно сказать, причинно связаны с содержанием, структурой и динамикой психического отражения действительности» [5, 54].

Поскольку автопортрет является продуктом творческой деятельности бакалавров, его можно отнести к разновидности проективных методик изучения продуктов творчества. Согласно В. Н. Дружинину, проективные методики обладают набором признаков, сближающих их с тестами креативности [2]. К ним относятся: неопределенность материала или инструкции к заданию; «открытость» множества потенциальных ответов – принимаются все реакции испытуемого; атмосфера доброжелательности и отсутствие оценочного отношения со стороны экспериментатора; измерение не психической функции, а модуса личности в ее отношениях с социальной средой.

Анализ словесного автопортрета в качестве психодиагностического метода базировался также на теоретико – методологическом исследовании феномена психологических практик И. Н. Карицко. Особое значение автор придавал рефлексивным психотехнологиям, основанным на работе с психикой через самоосознание и осознание психического материала, а также с необходимостью его вербализации.

В этом плане развернутое во времени создание словесных автопортретов с полным основанием можно считать одной из психотехнологий, являющейся по классификации И. Н. Карицкого социальной, гуманистической, структурированной, рефлексивной.

Полученные в результате применения метода словесных автопортретов тексты убедительно показали правомерность его использование в качестве психодиагностического средства для систематического накопления бакалаврами сведений о своей персоне. Оказалось, что три разновидности использованных автопортретов взаимосвязаны между собой. Так автопортрет «Моя индивидуальность» полностью входит в состав автопортрета «Я- профессионал», поскольку обобщенный «Я-образ» включает в себя несколько условно пространственных составляющих,

среди которых есть и такая – «Я как индивидуальность». Другая условно пространственная составляющая, названная Е. А. Климовым «Я как член общества», получает свое продолжение и новое наполнение в автопортрете «Я – партнер по деловому общению».

Завершая выполненный научный анализ, подчеркнем научную преемственность между исследованиями разных столетий. Широкий спектр психодиагностических возможностей метода словесного автопортрета показывает, что применение интроспективных данных, о котором писал в прошлом веке В. М. Бехтерев, в веке нынешнем не остается фактом истории психологии, а постепенно завоевывает новые научные территории в области психодиагностики, получает заслуженное признание современных исследователей.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека: Избр. психол. тр. / под ред. Брушлинского А. В. и Кольцовой В. А. – М.: Изд-во "Ин-т практ. психологии"; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1997. – 416 с.
2. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. – М.: Питер, 2003. – 319 с.
3. Зинченко В. П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое Знание. – Самара: «Самарский Дом печати», 1998. – 296 с.
4. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб.: Питер, 2006. – 1096 с.
5. Чуприкова Н. И. Методы и методология психологической науки // Методология и история психологии. – Том 2. Выпуск 1. – 2007. – С. 51–60.

УДК 159.9.07

РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ СУЕВЕРНОСТИ

RESULTS OF TESTING THE METHOD FOR MEASURING SUPERSTITION

Акбировая Резеда Раисовна, Абитов Ильдар Равильевич

Akbirova Rezeda Raisovna, Abitov Ildar Ravilievich

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань,

Kazan (Volga-Region) Federal University, Russia, Kazan

akbrezeda@yandex.ru, ildar-abitov@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Суеверность как механизм психологической адаптации личности к изменяющимся условиям жизнедеятельности», № 20–013–00644А

The reported study was funded by RFBR, project number 20–013–00644 A

Аннотация

В статье представлены обзор основных теоретических взглядов на природу суеверности, результаты проверки психометрических показателей методики исследования суеверности И. Р. Абитова.

Ключевые слова: суеверность, суеверия, диагностика суеверности.

Abstract

The article provides an overview of the main theoretical views on the nature of superstition, the results of testing psychometric indicators of the methodology of researching superstition by I. R. Abitov.

Keywords: superstition, superstition, diagnosis of superstition.

Суеверность можно рассматривать как характеристику мировоззрения субъекта, которая определяет его отношение к реальности. В современной психологии наиболее близкой категорией является

категория «веры». А. М. Двойнин определяет веру как «внутреннее отношение личности, мифологизирующее отношение человека к действительности» [3]. Мы рассматриваем суеверность как частный

случай проявления веры, так как она предполагает внутреннее отношение личности к происходящему и опосредует его отношение к реальности. Суеверность – это система верований, включающая в себя убежденность человека в существовании сверхъестественных сил, способных влиять на людей, способов сверхъестественного воздействия (колдовство, глаз, наведение порчи), а также, причинно-следственной связи между нейтральными событиями жизни (встреча с черной кошкой, участие в чем-либо под номером «13» и т.д.) и негативными последствиями в будущем для данного человека (неудачи, болезни и т.д.), которых можно избежать реализуя определенные ритуальные действия, выполняющие функцию защиты.

Одним из основных механизмов усвоения суеверий и их закрепления в качестве устойчивого стереотипа реагирования является внушение. Согласно В.М. Бехтереву, «внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, – прививанию, происходящему без участия воли (и внимания) воспринимающего лица и нередко даже без ясно с его стороны сознания» [1]. Внушение проникает в психическую сферу помимо личного сознания, является предметом пассивного восприятия. Одним из факторов, способствующих внушению, является вера [1].

Многие авторы фокусируют внимание на трех аспектах суеверности: эмоциональном, когнитивном и поведенческом.

Л. Леви-Брюль рассматривает суеверия как особый вид представлений, передающихся с помощью социально-психологических механизмов заражения и внушения из поколения в поколение. Он указывает, что в суевериях соединяются между собой когнитивные элементы и эмоциональные переживания [4].

Ю. В. Саенко также выделяется 3 аспекта суеверий: когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий [4].

На основании рабочего определения и описанных выше компонентов суеверности (аффективного, когнитивного и поведенческого) был разработан авторский опросник И. Р. Абитова, включающий в себя 30 утверждений, касающихся поведения испытуемых, выполнения ими действий, предписываемых приметам, разделения ими верований, принятых в современном российском обществе. Для получения более объективных данных, испытуемым также предлагается перечислить приметы и верования, не попавшие в опросник, которых они придерживаются и выполняют. Каждое утверждение оценивается по 4-х балльной шкале: 0 – никогда так не поступаю, 1 – редко так поступаю, 2 – часто так поступаю, 3 – постоянно так поступаю. Подсчет баллов по утвердительным ответам выявляет интегративный показатель суеверности.

Выборка. Всего в ходе исследования на разных этапах был опрошен 661 человек (553 женщин (84%), 108 мужчин (16%)) в возрасте от 17 до 66 лет ($SD_{\text{возраст}} = 25,1$). Исследование проводилось с использованием сети интернет, все методики были переведены в Гугл-форму, испытуемые привлекались через социальную сеть «ВКонтакте».

Данные обрабатывались в программах SPSS Statistics 22.0.

Использованы психометрические процедуры, применяемые при стандартизации методик психологической диагностики. Произведена проверка на согласованность вопросов методики, нормальность распределения, надежность, внешнюю и внутреннюю валидность методики.

Проверка надежности. Ретестовая надежность методики устанавливалась путем повторного тестирования через 4 месяца испытуемых из состава первоначальной выборки (247 испытуемых в возрасте 17–25 лет, среди которых 198 – женщины и 49 – мужчины), представленной 115 испытуемыми (78 женщин и 37 мужчин). Оценка надежности выполнялась на основании рассчитанного значения коэффициента корреляции Спирмена-Брауна ($r = 0,91$ при $p < 0,0001$). Полученный показатель свидетельствует о достаточной ретестовой надежности методики.

Для разработанной методики был рассчитан коэффициент внутренней согласованности α -Кронбаха. Высокий коэффициент α -Кронбаха ($\alpha = 0,92$) предварительно показывает надежность методики.

Оценка валидности методики. Конструктивная валидность методики (степень обоснованности того, что методика действительно измеряет заданные и при этом научно обоснованные конструкты) оценивалась путем подсчета коэффициентов корреляции между баллами по разработанной методике и показателем другой методики. В качестве прототипа нами были приняты следующие методики:

1. «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика [2]. Данная методика содержит 26 вопросов и состоит из семи субшкал: традиционная религиозная вера, пси-способности, колдовство, суеверия, спиритизм, экстраординарные формы жизни и предсказания. Степень согласия с каждым утверждением оценивается по семибалльной шкале (от «абсолютно не согласен» – 1 балл до «абсолютно согласен» – 7 баллов).
2. Методика «Опросник верований и суеверий» И. Я. Стояновой, которая определяет степень востребованности в повседневной жизни примет, ритуалов, поверий, закрепленных социокультурными традициями либо сформированных индивидуально [6]. Опросник содержит в себе 25 вопросов, разделенных на шесть шкал: шкала пралогического восприятия, шкала магической тревожности, шкала магического про-

гноза, шкала использования нетрадиционных способов лечения, шкала активного применения пралогической защиты и шкала общего уровня суеверности. При выполнении методики испытуемый выбирает один из пяти вариантов ответов: нет – 0 баллов; скорее нет, чем да – 1 балл; не знаю – 2 балла; скорее да, чем нет – 5; да – 7 баллов. Подсчет баллов по утвердительным ответам выявляет суммарный балл каждой из шкал опросника, а также интегративный показатель пралогической защиты.

Основной процедурой проверки текущей валидности является корреляционный анализ связи результатов разработанной нами методики с характеристикой выраженности наиболее интересующей нас субшкалы методики Дж. Тобасика – шкалой «Суеверия» и выраженности всех шести шкал методики И. Я. Стояновой.

В результате исследования была получена значимая положительная корреляционная связь между показателем суеверности нашей методики и показателем шкалы «Суеверия» методики Дж. Тобасика ($r =$

$0,667$; $p < 0,0001$). В ходе психометрической проверки были также установлены значимые корреляционные связи исследуемого показателя суеверности с другими шкалами методики «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика (значения коэффициентов корреляции в диапазоне от 0,32 до 0,57 при $p \leq 0,05$). Таким образом, наличие значимых взаимосвязей показателя суеверности (по опроснику суеверности И. Р. Абитова) с большинством показателей веры в паранормальное по методике Дж. Тобасика подтверждает внешнюю валидность данной методики. Стоит отметить, что при подборе диагностического инструментария, отражающего специфику конструкта суеверности, делался упор на родственные категории, с которыми данное понятие могло бы быть так или иначе взаимосвязано.

Показатель суеверности разработанной нами методики значимо коррелирует со всеми шкалами опросника «Верований и суеверий» И. Я. Стояновой. В таблице 1 представлены результаты вычисления коэффициентов ранговой корреляции при уровне значимости $p < 0,001$.

Таблица 1. Результаты корреляционных связей показателя суеверности со шкалами методики «Верований и суеверий» И. Я. Стояновой

	Шкала пралогического восприятия (суеверности)	Шкала магической тревожности	Шкала магического прогноза	Шкала использования нетрадиционных способов лечения	Шкала активного применения пралогической защиты	Общий показатель пралогической защиты
Суеверность	0,585	0,708	0,713	0,594	0,797	0,777

Кроме того, одним из показателей текущей валидности является удобность и экономичность теста, а также адекватность получаемой с его помощью информации. Содержательная валидность анализировалась методом экспертных оценок на начальных стадиях формирования теста в процессе пилотажной работы.

Стандартизация методики, ее проведение и обработка полученных данных. Расчет норма-

тивных показателей проводился на выборке 548 человек в возрасте от 17 до 66 лет (452 женщин, 96 мужчин), здоровых, принявших участие в исследовании добровольно. При выделении тестовых норм учитывались как общие показатели, так и показатели в мужской и женской выборках. Результаты стандартизации позволяют использовать методику в исследовательских целях (таблица 2).

Таблица 2. Тестовые нормы методики (средние значения показателя суеверности для женщин и мужчин)

Шкала	Женщины		Мужчины	
	N	M (SD)	N	M (SD)
Суеверность	452	23 (15,46)	96	21,5 (15,33)

Условные обозначения: N – количество человек, M – среднее, SD – стандартное отклонение.

Таким образом, в процессе пилотажного исследования доказана конструктивная валидность, выполнены процедуры стандартизации разрабо-

танной нами методики, что позволит в дальнейшем получить надежную психологическую информацию о выраженности суеверности.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб: Издание К. Л. Риккера, 1908.
2. Григорьев Д. С. Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика // Социальная психология и общество. – Т. 6. – № 2. – 2015. – С. 132–145.
3. Двойнин А. М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. СПб., 2011.
4. Саенко Ю. В. Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. – 2006. – № 6. – С. 85–97.
5. Стоянова И. Я. Психологические образования в норме и патологии [Текст]: дис... доктора психологических наук: 19.00.04: защищена 09.11.2007/ Стоянова Ирина Яковлевна. – Томск.

УДК 159.964

КИНОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА**MOVIE THERAPY AS A METHOD OF CORRECTION OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE IN ADOLESCENTS***Пилюгина Елена Радимовна**Pilyugina Elena Radimovna**ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет» (ИЭУП), Россия, Казань**Kazan innovative University named after V. G. Timiryasov (IEMU), Russia, Kazan**simvol352@mail.ru***Аннотация**

Приводятся результаты коррекции психологической защиты при помощи метода кинотерапии, а также сравнительный анализ двух формирующих экспериментов кинотерапии с различающимся принципом подбора стимульного материала. Приводится интерпретация полученных результатов, рассматриваются возможные причины для той или иной динамики механизмов защиты. Приводится теоретическое и эмпирическое обоснование использования кинотерапии в качестве метода коррекции психологической защиты.

Ключевые слова: кинотерапия, психологическая защита личности, механизмы защиты, коррекция психологической защиты, методы коррекции, психотерапия, конструктивная психологическая защита.

Abstract

The results of the correction of psychological defense using the method of Movie Therapy and a comparative analysis of two formative experiments of kinotherapy with a different principle of selection of stimulus material are presented. An interpretation of the results is given, possible reasons for one or another dynamics of protection mechanisms are considered. The theoretical and empirical substantiation of the use of Movie Therapy as a method of correction of psychological defense is given.

Keywords: Movie Therapy, psychological defense, defense mechanisms, correction of psychological defense, correction methods, psychotherapy, constructive psychological defense.

Психологическая защита – это система неосознаваемых реакций индивида, позволяющих ему свести к минимуму негативные переживания путем перестройки восприятия (искажением или блокировкой информации о реальной действительности), и как следствие, являющаяся регуляторным механизмом, повышающим адаптационные способности человека к среде. В современных условиях, подвергающих личность давлению большого числа фрустрирующих факторов, поиск возможностей коррекции психологической защиты является актуальной задачей, требующей тщательного теоретического и эмпирического подхода. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что кинофильмы, раскрывающие глубинные фрустрации героев, а так-

же показывающие образцы конструктивной психологической защиты, способны повлиять на защитные механизмы личности в сторону их оптимизации. Теоретическое обоснование использования кинотерапии в целях коррекции защиты основано на следующих психологических принципах и приемах: прием реконструкции травматического опыта (Калмыкова, 2003; Крамер, 2013); принцип катарсиса (Nietzsche, 2002; Захарова, Карабанова, 2018); принцип интериоризации (Быстрицкий, 2007); принцип экономии ресурсов и принцип ослабления эмоций (Выготский, 1987); принцип безопасности (Березин, 2012); принцип мультимодальности (Abedin, Molaie, 2010) и др.

Выборка исследования составила 92 испытуемых в возрасте от 16 до 24 лет. Методы исследова-

ния включили теоретический анализ проблемы, эксперимент, тесты, методы статистической обработки данных (SPSS версия 23.0). Достоверность сдвигов определялась критерием Вилкоксона.

В качестве основных методов диагностики были использованы: DSQ М. Bond, русскоязычная адаптация Е. Е. Туник [2], измеряющий 4 блока защит – неадаптивные, искажающие образ, самопринижающие и адаптивные; методика измерения психологической защиты Пилюгиной Е. Р.-Сулейманова Р.Ф. [1], измеряющая 20 механизмов защиты.

В качестве вспомогательных методов диагностики использовались 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла; методика исследования самоотношения МИС Панталева С. Р.; тест реакции на фрустрацию С. Розенцвейга; контент-анализ.

В рамках исследования было проведено два формирующих эксперимента кинотерапии, различающихся принципом подбора стимульного материала. Первый эксперимент с условным названием «фактор героизма» был построен на проработку психотравм испытуемых и обучение их конструктивным вариантам защиты. Единицей контент-анализа для отбора материала являлись фрустрирующие факторы, факторы преодоления фрустрации и концептуальные факторы, соответствующие высшим адаптивным механизмам защиты, то есть проявление юмора, сдержанности, предусмотрительности, альтруизма и творчества.

Второй эксперимент с условным названием «фактор нелепости» строился на формировании в испытуемых терпимого отношения к неудачам и поражениям, снижения уровня тревоги и повышении их самооценки независимо от фактора успешности. Единицей контент-анализа для отбора материала являлся фактор попадания героя в нелепую и смешную ситуацию.

Для оценки конструктивности сдвигов использовалось 4 фактора: снижение или увеличение напряженности; сдвиг относительно средних значений; специфика проявления механизма; сдвиги по конструктивно связанным шкалам вспомогательных опросников.

В 1 эксперименте («фактор героизма») непосредственно после формирующего воздействия (2 измерение) из возможных 20 сдвигов получено 12, в том числе: 5 позитивных (желаемых) сдвигов (ипохондрия, изоляция, проекция, избегание, компенсация), 6 негативных сдвига (диссоциация, вытеснение, всемогущий контроль, подавление импульсов, предвосхищение), 1 неопределенный сдвиг (отрицание) (табл. 1).

Остаточный эффект (спустя неделю после формирующего воздействия, 3 измерение) составил 5 из 20 возможных сдвигов, в том числе: 2 позитивных (желаемых) сдвига (ипохондрия, компенсация),

2 негативных сдвига (пассивная агрессия, всемогущий контроль), 1 неопределенный сдвиг (отрицание) (табл. 1).

Во 2 эксперименте («фактор нелепости») непосредственно по проведению формирующего воздействия (2 измерение) из возможных 20 сдвигов получено 12, в том числе: 10 позитивных (желаемых) сдвигов (ипохондрия, изоляция, вытеснение, замещение, пассивная агрессия, отрицание, избегание, сублимация, подавление импульсов, предвосхищение), 1 негативный сдвиг (регрессия), 1 неопределенный сдвиг (всемогущий контроль) (табл. 1).

Остаточный эффект (спустя неделю после формирующего воздействия, 3 измерение) составил 5 из 20 возможных сдвигов, в том числе: 4 позитивных (желаемых) сдвига (вытеснение, предвосхищение, замещение и отрицание), 1 негативный сдвиг (регрессия) (табл. 1).

Сравнительный анализ экспериментов показал, что позитивная динамика защиты в 1 эксперименте ниже, чем во 2 эксперименте (в обоих измерениях в 2 раза), а негативная динамика защиты в 1 эксперименте выше, чем во 2 эксперименте (в 2 измерениях – в 6 раз, в 3 измерениях – в 2 раза) (табл. 2).

Из этого можно сделать вывод, что стимульный материал 2 эксперимента, основанный на «факторе нелепости», оказал более благотворное влияние на психологическую защиту, чем стимульный материал 1 эксперимента, основанный на «факторе героизма». Очевидно, что стимульный материал «фактор героизма» оказал на испытуемых не только ожидаемое положительное влияние, но и отрицательное – преодолеваемые героями кинопроизведений трудности и опасности не вызвали в испытуемых желание подражать, как ожидалось, а, напротив, продемонстрировали опасность и враждебность окружающего мира, что спровоцировало возрастание психотических механизмов (диссоциация, вытеснение) и снижение адаптивных механизмов (подавление импульсов, предвосхищение). Кроме того, рост психотических механизмов, таких, как диссоциация и вытеснение, возможно, стоит объяснить специфическим воздействием искусства, которое, отчасти, переносит субъекта в другой «нереальный» мир, и, затрагивая фрустрации субъекта, необязательно сразу вскрывает и помогает изжить травму, а, наоборот, на какое-то время повторно травмирует его.

Заключение

Коррекция психологической защиты у лиц юношеского возраста при помощи метода кинотерапии принципиально возможна, при этом целесообразно использовать стимульный материал, направленный на формирование в испытуемых терпимого отношения к неудачам и поражениям, снижения уровня тревоги и повышении их самооценки независимо от фактора успешности.

Таблица 1. Результаты экспериментов

Механизм защиты	Кинотерапия											
	"Фактор героизма"						"Фактор нелепости"					
	2 измерение			3 измерение			2 измерение			3 измерение		
	Δ, в %			Δ, в %			Δ, в %			Δ, в %		
	Позит	Негат	Неопр	Позит	Негат	Неопр	Позит	Негат	Неопр	Позит	Негат	Неопр
	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг	сдвиг
Диссоциация		12										
Регрессия							8			8		
Ипохондрия	-8			-7			-9					
Изоляция	-6						-5					
Вытеснение		12					-8			-5		
Замещение/перенос							10			8		
Проекция	-5											
Компульсивное поведение												
Пассивная агрессия		9		9			-6					
Отрицание			-6		-6		15			8		
Рационализация												
Избегание	-15						-9					
Реактивное образование												
Компенсация	10			9								
Всемогущий контроль		7		7					11			
Сублимация							5					
Альтруизм												
Подавление импульсов		-5					9					
Предвосхищение		-12					8			7		
Юмор												
Итого сдвигов (кол, в ед):	5	6	1	2	2	1	10	1	1	4	1	0

Таблица 2. Сравнительный анализ динамики двух экспериментов кинотерапии

п/п	Динамика психологической защиты	2 измерение				3 измерение			
		"фактор героизма"		"фактор нелепости"		"фактор героизма"		"фактор нелепости"	
		ед.	в %	ед.	в %	ед.	в %	ед.	в %
1	позитивная	5	25	10	50	2	10	4	20
2	негативная	6	30	1	5	2	10	1	5
3	неопределенная	1	5	1	5	1	5	2	10
4	отсутствие	8	40	8	40	15	75	13	65

Литература:

1. Пилюгина Е., Сулейманов Р. Методика измерения психологической защиты. // Экспериментальная психология, 2020. – Vol. 13, No. 2, Pp. 194–209.
2. Туник Е. Е. Психологические защиты. СПб.: Речь, 2010. – 218 с.

УДК 159.923.3

ТИПЫ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ
TYPES OF SUBJECTIVITY OF FUTURE TEACHERS*Юсупов Ильдар Масгудович, Горынина Вера Сергеевна*
*Yusupov Il'dar Masgudovich, Gorynina Vera Sergeevna**Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Россия Казань*
*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Russia, Kazan**knyaz5491@mail.ru, vera.gorynina@gmail.com***Аннотация**

Субъектность представлена как психологический конструкт, интегрально описывающий способность личности произвольно изменять себя и окружающую реальность. Её отличительные критерии от сознания – ценностно-смысловая ориентация и саморегуляция, проявляющиеся в активно-преобразующей деятельности. Субъектность изучалась у 314 студентов педагогических вузов и колледжей на протяжении четырех лет обучения. Диагностировался тип преобладающего сознания по индикаторам «деятельный» и «созерцательный», а общительность – по показателям «коммуникабельность» и «рефлексивность». Результаты представлены в виде графических профилей субъектности, которые по доминирующему в профиле индикатору классифицированы на четыре типа: «философ», «организатор», «фасилитатор», «учитель» с их последующим описанием.

Ключевые слова: будущие педагоги, типы субъектности.

Abstract

Subjectivity is presented as a psychological construct integrally describing the ability of a personality to voluntarily change oneself and the surrounding reality.

The criteria distinguishing it from consciousness are value-meaning orientation and selfregulation, which are revealed in transformational activity. Subjectivity was researched in 314 students of pedagogical universities and technical schools during four years of their studies. The type of prevailing consciousness was diagnosed by the indicators «active» and «contemplative», and communicativeness – by the indicators «communicability» and «reflectivity». The results are presented as graphic profiles of subjectivity, which are classified into four types according to the dominating indicator: «philosopher», «organizer», «facilitator» and «teacher»; the types were further described.

Keywords: future teachers, types of subjectivity.

Идея саморазвития личности в деятельности была обозначена как субъектность и получила импульс к изучению её в аспектах социальном, педагогическом, онтогенетическом соответственно вызовам эпохи [5]. Смысловая нагрузка этой категории, введенной в научный аппарат, привела к множественности его авторских интерпретаций. Субъектность рассматривается как интегральное свойство психики человека, как способность изменять себя и внешнюю реальность, как активность, обнаруживаемую в деятельности, как самотворчество личности, способность человека к самодетерминации своего бытия, как нематериализованный продукт межличностного взаимодействия педагога и обучаемого. При этом отмечается условие – готовность обучаемого во взаимодействии с педагогом синтонноинтериоризировать его субъектность. Пестрота дефиниций вызвана не только эмпирическим измерением локальных индикаторов целостностного явления, но и стремлением исследователей обозначить его как обобщенную характеристику функционирующей личности. Контент-анализ, выполненный О. А. Ленглер [2], показал,

что субъектность – это атрибут личности с акцентом в дефинициях на продуктивную деятельность индивида. Результаты изучения введенного психологического конструкта в общем виде однозначно не разрешили проблему детерминант развития субъектности. Подводя итоги теоретического анализа субъектности, осмелимся дать обобщающую формулировку её дефинициям. **Субъектность – конструкт психологического содержания, интегрально описывающий способность личности осознанно-произвольно изменять себя и внешнюю реальность.**

Не вдаваясь в существующие концепции сознания, при эмпирическом выявлении типов субъектности обучаемых мы опирались на представления о двух факторах сознания – свободе и контакте. Фактору «свобода» в ортогональных координатах пространства субъектности соответствуют созерцательный и деятельностный типы сознания, а фактору «контакт» – коммуникативный и рефлексивный типы [1].

Цель проведенного нами эмпирического исследования – выявить типы субъектности будущих педагогов в их учебной деятельности. В исследовании

добровольно приняли участие 314 обучаемых гуманитарным специальностям в Казанском инновационном университете им. В. Г. Тимирязова. В их числе 33 студента-заочника, 147 студентов очного отделения и 134 учащихся колледжа. Возраст волонтеров – от 16 до 45 лет. Использовались: тест преобладающего типа сознания [1] и пятифакторный опросник осознанности [4].

Кластерный анализ всего массива сепарировал генеральную совокупность по доминанте сознания в четыре типа. Конфигурациям субъектности по их психологическому содержанию мы присвоили условные обозначения [3].

«Философ» (рис. 1) склонен к интеллектуальной деятельности, к осознанному наблюдению. Субъектность обучаемых с таким типом сознания сублимируется в творческую научную или литературную деятельность. Эти личности сензитивны, рефлексивны, с обостренным восприятием, склонны распознавать глубинные взаимосвязи в наблюдаемых явлениях, имеют задатки аналитического мышления. В происходящие события активно не вмешиваются и с высокой достоверностью прогнозируют их развитие.

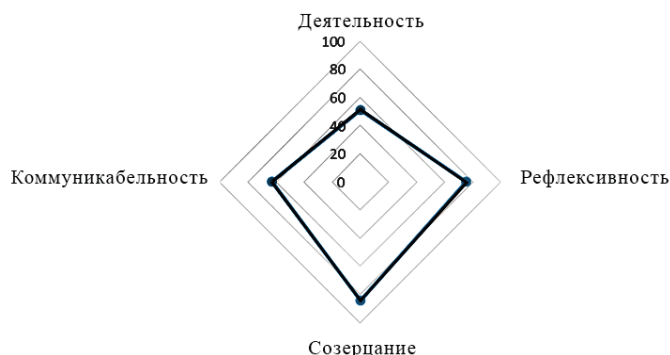

Рис. 1. Конфигурация субъектности типа «философ»

«Организатор» (рис. 2) – деятельная личность с высоким коммуникативным потенциалом и эмоциональным интеллектом (EQ). Субъектность будущих педагогов подобного типа обычно проявляется в управленческой деятельности. Монотонная рутинная работа их угнетает, для самореализации

им постоянно требуется интерперсональное взаимодействие. Они становятся организаторами частных образовательных фирм, директорами учебных учреждений, менеджерами по связям с общественностью, классными руководителями, администраторами.

Рис. 2. Конфигурация субъектности типа «организатор»

Субъектность типа «учитель» (рис. 3) проявляется в аддиктивности при восприятии социальной ситуации. Это экстернально ориентированные личности, чутко реагирующие на экспектации своего окружения и опасющиеся их не оправдать. В совместной деятельности склонны занимать родительскую позицию с менторскими тенденциями. Среди своих сокурсников выделяются более широкой эрудицией. Их поведенческая черта – накапливать и транслировать знания другим. В решении учебных задач

обучаемые обычно за помощью обращаются к ним. Те в ответ разрешают возникшие вопросы методично, толково и обстоятельно. Самооценка таких студентов адекватная, притязания невысокие. Будущие педагоги с преобладанием описанного типа субъектности имеют требуемые для этой профессии задатки. Избранному роду занятий остаются верными на длительном отрезке жизни: это воспитатели, учителя, методисты.

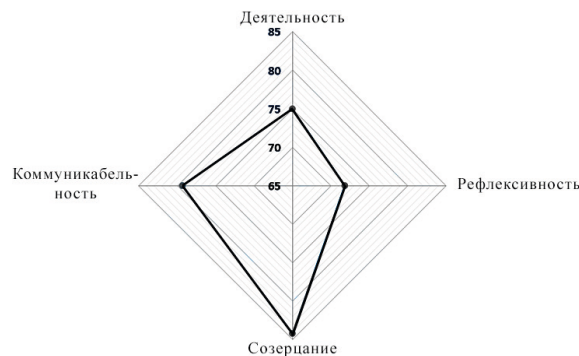

Рис. 3. Конфигурация субъектности типа «учитель»

«Фасилитатор» (рис. 4) – личность с обостренной рефлексией и развитой эмпатией, ярче проявляющихся в ситуации интерперсонального группового общения. При фоновой диагностике профиль его субъектности оказался ближе к гармоничному (если такой вообще существует в реальности), соразмерно спроецировавшись на оси коммуникабельность – рефлексивность и созерцание – деятель-

ность. Появление этого человека среди однокурсников приводило к оживлению. Это эмоциональный лидер, который, не нарушая регламента работы, ненавязчиво консолидировал присутствующих. Впоследствии выяснилось, что им оказался студент заочного обучения, имевший педагогический опыт. В генеральной выборке обучаемых такие субъекты встречались как единичные.

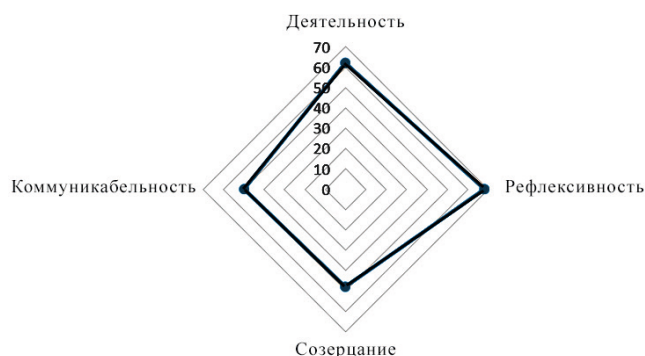

Рис. 4. Конфигурация субъектности типа «фасилитатор»

Выводы. Субъектность человека не поддается непосредственному измерению, ибо представляет собой психологический конструкт по определению; это не феномен психики. Субъектность сродни паттерну – консервативному узору поведения – образованному подсознательными адаптивными алгоритмами ещё в дошкольном детстве. Она ярко проявляется не в повседневности, а в кризисах жизни. Её конфигурация по типам доминирующего созна-

ния может радикально преобразиться вследствие пережитой личностью психической травмы, угрожающей здоровью и жизни.

Субъектность, диагностированная при обучении любой профессии, особенно при жестком отборе в профилированные военные учебные заведения, позволит личности осознать, отыскать свою нишу в пространстве социума и с меньшими потерями адаптироваться к вызовам своего окружения.

Литература:

1. Акопов Г.В., Семенова, Т.В. Созерцание: диагностический инструментарий. Диагностика склонности к созерцанию. Методическая разработка / Сост. Г.В. Акопов, Т.В. Семенова. – Самара: ПГСГА, 2015. – 52 с. Прохоров А. О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта. // Психологический журнал. – 2020. – Т41. № 1. – С. 5–17.
2. Ленглер О. А. Субъектность человека: психолого-педагогические основы // Молодой ученый, 2012. – № 11. – С. 440–442. <https://moluch.ru/archive/46/5654>.
3. Горынина В.С., Юсупов И.М. Развитие субъектности будущих педагогов в процессе профессиональной подготовки // Вестник Самарского гос. техн. унив-та. Серия «Психолого-педагог. науки», 2020. – № Т. 1, – № 45. – С.37–48.
4. Baer R.A. et all. Five Facet Mindfulness Questionnaire / Baer, R.A., Smith, G.T., Hopkins, J., Krietemeyer, J., & Toney, L. // Using Self-Report Assessment Methods to Explore Facets of Mindfulness. Assessment, 2006. 13. – Pp. 27–45. <http://dx.doi.org/10.1177/1073191105283504>
5. Heckman J.J., Kautz T. Hard evidence on soft skills. Laboureconomics, 2012. 19 (4). – Pp. 451–464.

**СЕКЦИЯ 5. СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ
В РАБОТЕ С ЛИЧНОСТЬЮ**

УДК 159.9

**НООЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
NOOLOGICAL ASPECTS OF SELF-ISOLATION IN A PANDEMIC**

*Панюкова Юлия Геннадьевна, Утробина Валерия Геннадиевна
Panukova Yulia Gennadevna, Utrobina Valeria Gennadievna*

*Психологический институт РАО, РГАУ-МСХА им.К.А.Тимирязева, Россия, Москва
Psychological Institute, Russian Academy of Education, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural
Academy, Russia, Moscow*

*РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Россия, Москва
Pirogov Russian National Research Medical University, Russia, Moscow
apanukov@mail.ru, vg_utrobina@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу психологических изменений в смысловой сфере личности под воздействием ситуации самоизоляции в условиях COVID-19. Авторы подчеркивают взаимосвязь смысловой сферы личности и ее психосоматического здоровья. Рассматриваются психологические технологии реконструкции ноологической (смысловой) сферы личности. Цель этой реконструкции – сохранение психологического здоровья и развития личности в условиях самоизоляции.

Ключевые слова: ноологическая сфера, изменения, самоизоляция, психологические технологии, психологическое здоровье, психосоматическое здоровье.

Abstract

The article is devoted to the analysis of psychological changes in the semantic sphere of personality under the influence of self-isolation in conditions of COVID-19. Authors emphasize the relationship of the semantic sphere of personality and its psychosomatic health. Psychological technologies of reconstruction of noological (semantic) sphere of personality are considered. The aim of this reconstruction – to save of psychological health and personality development in conditions of self-isolation

Keywords: noological sphere, changes, self-isolation, psychological technologies, psychological health, psychosomatic health.

Психологический анализ феномена самоизоляции, актуализированный пандемией COVID-19, в настоящее время получает различные направления интерпретации в отечественной и зарубежной психологии. Самоизоляция в самом общем виде понимается как вынужденное пребывание человека в относительно ограниченном пространстве, в частности, дома, когда возможность покинуть это пространство регламентирована извне; кроме того, человек не обладает информацией о том, сколько времени продлится такая ситуация. В первую очередь, психологов интересуют направления возможной психологической помощи в создавшейся сегодня ситуации или “мишени психологической работы”, что обусловлено высокой стрессогенностью условий самоизоляции в общем контексте пандемических реалий [1]. Идентификация важных в современных реалиях направлений психологической помощи человеку возможна, если будут анализироваться, в том числе, психологические «эффекты» длительного пребывания человека в условиях самоизоляции.

В отечественной психологии проблема психологических “эффектов” пребывания человека в условиях разной степени “замкнутого” пространства анализировалась в разных контекстах: специфические условия учебной и профессиональной деятельности, условия вынужденного заключения и др., а предметами исследования выступали такие феномены, как психические состояния, проявления субъектности, социально-психологические феномены и др. Одно из классических направлений – разработанная Л. А. Китаевым-Смыком в контексте психологии стресса теория “социально-психологического субсиндрома стресса”, посвященная анализу общения в стрессовых условиях. Анализируя изменения в общении, происходящие при остром стрессе, выделяя стадии стрессогенного изменения общения (“замирание”, “личностная экспансия”, “стабилизация ролевого статуса”), в качестве фактора, обеспечивающего стрессогенные изменения общения, обозначаются различные проксемические переменные, в том числе, пространственная стесненность или “экстремальная скупченность”, особенности

организации пространственно-предметной среды, оставляющие минимальные возможности для персонализации среды субъектом и пр. Другое направление в анализе влияния длительного пребывания человека в условиях вынужденного заключения – это пенитенциарная психология, в рамках которой анализ психотравмирующих факторов в условиях группового или индивидуального, длительного или кратковременного пребывания в условиях вынужденного заключения всегда был и остается предметом исследовательского интереса [2].

Предмет настоящей статьи – обращение к ноологическим аспектам пребывания человека в условиях самоизоляции. Из уже проведенных исследований известно, что пребывание более 10 дней в условиях самоизоляции ведет к изменениям в психологическом состоянии и является фактором риска возникновения пограничных состояний психики. Эффект от коронавируса является предиктором симптомов посттравматического расстройства и возникновения состояний: страха, тревоги, апатии, депрессии и других состояний, разрушающих психическое и психологическое здоровье человека. Подобные исследования проводятся в России и за рубежом. Вопрос о душевном состоянии, о смыслах жизни и изменении образа мыслей в период пандемии пока мало изучен. На основе результатов эмпирического исследования влияния смысловой структуры личности на качество ее психологического здоровья и деятельности, мы констатируем значимость и силу этой взаимосвязи [4]. Наличие смыслов помогает человеку структурировать свою жизнь и дает силы для жизни. Еще М. М. Бахтин указывал, что смысл дает человеку вневременную опору. Ученый подчеркивал, что смысл не может действовать как материальная сила, влиять на физические явления, он не нуждается в этом; осуществляя смысловое преобразование бытия, он оказывается сильнее всякой силы. К. Ясперс писал о смысле как о понятии, характеризующем взаимосвязь психических явлений в душевной жизни человека, в его личном мире. Осознание смыслов дает возможность душевного спокойствия и является фактором силы и мотивом для жизни и деятельности. В обыденной жизни человек не задумывается часто о смыслах своей жизни, он занят ежедневным Процессом жизни, который диктуется самой жизнью.

В ситуации карантина происходит изменение пространственно-временной парадигмы существования в социуме, что дает возможность человеку сделать остановку, подумать и осознать свои смыслы и ответить на вопросы: чем я занят, куда я иду по жизни и зачем? Нравится ли мне то, чем я занимаюсь и многие другие ноологические вопросы возникают и решаются каждым человеком. В результате подобного рода рефлексивного анализа меняется образ мыслей, отношение к себе, миру, людям и выстраивается новая концепция жизни.

Ноологическая составляющая в структуре личности включает в себя ценностный компонент. В зависимости от смыслов человек выбирает те ценности, которые он принимает, и которые помогают ему выживать в экстремальных условиях социальных изменений, к которым относится и ситуация с пандемией.

Одним из инструментов психологической самопомощи, которую мы рекомендуем в ситуации пандемии является переключение фокуса внимания с макроуровня – мирового уровня на микроуровень – ты сам и твои близкие. Порядок в своих мыслях и контроль своей жизни, собственная активность, направленная на реконструкцию в ноологической сфере собственной жизни: создать новые мысли и новые смыслы, которые позволят сохранить психологическое и соматическое здоровье свое и своих близких – это актуальная и достаточная задача, на наш взгляд, в сложившихся условиях. Какие эти новые мысли и смыслы, которые помогут сохранить свое психологическое и соматическое здоровье? Мы разработали ноологический аутотренинг, направленный на сохранение психологического здоровья субъекта. Приводим варианты «новых» мыслей:

1. Я принимаю этот мир новым. Я принимаю себя в этом мире и вхожу в этот мир с новыми мыслями и смыслами.
2. Я уверен в собственной эффективности в новой ситуации социальной жизни.
3. Я активен, спокоен, с радостью меняюсь и контролирую свои мысли и жизнь.
4. Я благодарен за любой опыт, который делает меня мудрее и повышает мой социальный иммунитет.
5. Я благодарен за возможность познать и ценить то, что и кого я имею и наслаждаться каждым часом своей Жизни.

В настоящее время, с нашей точки зрения, важно уметь оказать психологическую помощь себе и своим близким, что возможно после осознания и принятия новой парадигмы – ЖИТЬ.

П. Тиллих в своей наиболее известной работе «Мужество быть» [3, с. 40] отмечает, что человек есть человек лишь потому, что обладает способностью понимать и формировать свой мир и самого себя в соответствии со смыслами и ценностями. Человек живет «внутри» смыслов, внутри того, что имеет значимость. Утрата человеком смысла вызвана утратой духовного центра и порождает специфическую форму тревоги – тревогу сомнения и отсутствия смысла. В. Франкл рассматривал стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям. Отсутствие смысла порождает у человека состояние, которое В. Франкл называет экзистенциальным вакуумом, являющееся причиной ноогенных неврозов [5]. Если человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным.

Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни, а сама жизнь, изменения, происходящие в социуме, ставят такие вопросы, и человеку нужно ежедневно отвечать на них – не словами, а действиями. А действие становится продуктивным и эффективным, если оно осознанно и наполнено смыслом.

Пандемия разделила нашу жизнь на «до» и «после». Резкие изменения социальной ситуации существования в экстремальных условиях пандемии,

а именно, самоизоляция по объективным причинам и на длительное время (три месяца), изменили не только ритм жизни, но и психологию людей. Но, каждый из нас имеет право сделать свой Выбор. Принимать то, что уже нельзя изменить, или осознать и осуществлять реконструкцию своей жизни и наполнять ее новыми смыслами, позволяя тем самым сохранять психосоматическое здоровье и ценить саму Жизнь со всеми ее проявлениями.

Литература:

1. Бойко О. М., Медведева Т. И., Ениколопов С. Н., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. – 2020, т. 13, № 70.
2. Панюкова Ю. Г. Субъектные феномены взаимодействия в пространственной среде // Субъект-средовые феномены взаимодействия: экпсихологический подход к развитию психики (коллективная монография) под. Ред. М. О. Мдивани. – М.: Изд-во «Перо», 2017. – С. 46–87.
3. Тиллих П. Мужество быть. – М.: Юрист – 1995. – 137 с.
4. Утробина В. Г. Процесс осознания смыслов преподавательской деятельности врачами как психологический механизм формирования их врачебного и педагогического профессионализма и личностного роста // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования: сб. ст. по материалам XVII Международной научно-практической конференции «Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования». – № 11(17). – М., Изд. «Интернаука», 2018. – С. 142–149.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс. – 1990. – 368с.

УДК 159.9

РАЗВИТИЕ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ С ДИАГНОЗОМ «САХАРНЫЙ ДИАБЕТ»

DEVELOPING THE ADAPTIVE ABILITIES OF ADOLESCENTS DIAGNOSED WITH DIABETES MELLITUS

Кислых Анна Александровна

Kislykh Anna Aleksandrovna

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

Altai State University, Russia, Barnaul

kislykh1994@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению актуальных переживаний подростков с диагнозом «сахарный диабет». В работе рассмотрены изменения, вызванные данным хроническим заболеванием. Определено, что арт-терапия является одним из наиболее эффективных методов психологического сопровождения подростков с данным хроническим заболеванием, способствующим развитию адаптивных способностей.

Ключевые слова: подростковый возраст, заболевание «сахарный диабет», кризисная ситуация, адаптивность, личность.

Abstract

The article is devoted to the consideration of current experiences of adolescents diagnosed with diabetes mellitus. The work considers the changes caused by this chronic disease. It is determined that art therapy is one of the most effective methods of psychological support for adolescents with this chronic disease that contributes to the development of adaptive abilities.

Keywords: adolescence, disease "diabetes mellitus," crisis situation, adaptability, personality.

Центральным научным интересом для В.М. Бехтерева была проблема человека. Ее разрешение ученый усматривал в разработке обширного учения о личности.

Одной из главных психологических проблем того периода ученый находил проблему личности, и одним из немногочисленных психологов XX века понимал личность как интегративное целое. В. М. Бехтерев отстаивал мысль о том, что во взаимоотношениях личности и коллектива в приоритете стоит именно личность, а не коллектив.

В современной психологии личности идеи В. М. Бехтерева находят свое отражение, активно разрабатываются и применяются в практической деятельности психологов [1].

В своей исследовательской работе мы делаем попытку найти оптимальный способ, который позволил бы подросткам с диагнозом "сахарный диабет" адаптироваться в обществе, социализироваться, жить полноценной жизнью без ограничений, которые диктует заболевание.

Подростковый возраст учеными рассматривается как самый важный и наиболее трудный период человеческой жизни. Для данного периода свойственно резкое, бурное, кризисное течение, в результате чего возникает новое «Я».

В настоящее время по данным полученной нами статистики по Алтайскому краю отмечается тенденция роста заболеваемости сахарным диабетом. Это еще больше актуализирует данную проблему и призывает к активным действиям помощи в адаптации и полноценной жизни заболевших детей.

У детей и подростков с диабетом могут возникать проблемы социализации, адаптации, которые связаны как с наличием хронического заболевания, так и с личностными особенностями больных.

Изучением психологических особенностей подростков, больных сахарным диабетом, занимались Л. Б. Павлова, И. Л. Коломиец, Е. Г. Щукина, Е. С. Цветкова, Д. А. Якоби, Е. А. Бибикина, М. В. Шамардина, И. А. Ральникова, Э. Н. Рахматуллина, О. В. Гурович, Л. И. Стахурлова, Г. И. Снегирева [5].

Заболевание «сахарный диабет» рассматривается как образ жизни, к которому больной должен адекватно приспособиться, адаптироваться, используя при этом все имеющиеся у него возможности [3].

Адаптивность рассматривается как общая способность человека к адаптации, которая является индивидуально-психическим свойством личности. Адаптация зависит от особенностей адаптивности человека. Адаптированность личности – различная степень уравновешенности отношений между личностью и средой, которая устанавливается в процессе адаптации [4].

Адаптивность рождена из активности психического. Во многих работах выделены различные критерии адаптивности и категория испытываемых достаточно обширна: от старших подростков (Е. Н. Кисельникова, И. В. Розов, Л. Г. Попова) до взрослых (А. М. Богомолов, Т. А. Голубева, С. А. Пакулина, С. Т. Посохова, С. В. Чебарыкова, М. В. Ростовцева).

Адаптивный потенциал человека с нарушениями развития изначально снижен вследствие неблагоприятного влияния биологических и социальных факторов, но наличие препятствия, сложность ситуации в ряде случаев способствует совершенствованию адаптивных возможностей личности [3].

При сахарном диабете происходят личностные изменения, возникает нарушение эмоционально-волевой сферы. Д. Н. Исаев отмечает у больных, страдающих сахарным диабетом, изменения настроения с преобладанием депрессии, а также молчаливость, апатичность, мнительность, подозрительность, несдержанность, замкнутость, агрессивность, недостаточную мотивацию поступков и склонность к конфликтам с окружающими людьми. Появляется чувство неполноценности, вызванное негативным отношением сверстников и, в целом, окружающих, ограничениями в поведении, одиночеством и др.

На первоначальных этапах протекания заболевания для подростков характерен уход в себя, замыкание. Ребенок, порой, в этом возрасте не в состоянии дифференцировать те изменения и состояния, которые с ним происходят и понять, что он испытывает. Нет возможности переосмысления и принятия ситуации. Ребенку-подростку в этот возрастной период сложно справиться в одиночку с возникающими изменениями в его физическом состоянии, смириться с изменениями в образе жизни. Задача специалистов – оказать качественную своевременную психологическую поддержку с целью развития адаптивных способностей подростков [4].

Способ приспособления к сахарному диабету порой имеет решающее значение. От него зависит, будет ли болезнь протекать с серьезными осложнениями, можно ли будет избежать психологических проблем.

Человек социален, поэтому одним из наиболее оптимальных способов работы с данной категорией детей, на наш взгляд, выступает коррекция через группу с применением арт-терапии. Данный метод достаточно лояльно и бережно способен проработать глубинные проблемы, не добавляя и без того немалочисленных переживаний подростку. Арт-терапия является эффективным профилактическим и коррекционно-развивающим методом в работе с рассматриваемым кризисным состоянием. Правильно подобранные упражнения, а также адекватное отношение окружающих к ситуации, может помочь ребенку справиться с возникающим психологическим дискомфортом. В ходе применения данного метода, у подростков происходит развитие саморегуляции, рефлексии, эмпатии и сочувствия к другим подросткам с таким же хроническим заболеванием [5].

Арт-терапия – это направление, в котором применяется "лечение искусством". Одна из главных задач арт-терапии – развитие целостной личности человека. Дети на арт-терапевтических занятиях

активно играют с различными предметами: песком, пластилином, соленым тестом, мелкими бусинками, камешками. Детей на таких занятиях не учат рисовать, лепить по образцу, им предоставляют возможность творить. Такие занятия способствуют выражению детских мыслей, чувств, настроений.

Арт-терапия – это особая форма психотерапии, психокоррекции и развития личности, которая основана на творческом самовыражении при помощи различных видов искусства (рисунок, лепка, музыка, танец, театр). В процессе работы применяются пение, движение, драма, поэзия, сочинение историй.

Личность и характер ребенка на занятиях не обсуждаются, нет сравнения с другими детьми, в общении не используются негативные оценочные суждения. В ходе занятий дети выплескивают все свои отрицательные эмоции, становятся спокойнее, у них появляется возможность расслабиться.

На подобных занятиях у детей развиваются коммуникативные навыки и способность к сотрудничеству со сверстниками. Арт-терапия – это хороший способ без вреда для окружающих выражать

свои эмоции и чувства. Арт-терапевтические занятия позволяют формировать положительную самооценку ребенка и его позитивное отношение к окружающему миру.

Рисование – это один из самых популярных методов арт-терапии. В процессе творчества ребенок высвобождает свое подсознание. Не имеет значения итог, важен сам процесс: размазывание, разбрызгивание, смешение, подбор или импульсивное рисование красками [2].

Рассматривая методы работы с детьми, можно сказать, что арт-терапия – это один из наиболее действенных и наименее болезненных, бережных способов по взаимодействию с рассматриваемой категорией детей. Арт-терапию, применяемую в работе с детьми, можно правомерно представить как здоровьесберегающую инновационную технологию, проявляющуюся через систему методов спонтанного творчества наравне с другими технологиями психологической и социальной работы, развивающими адаптивные способности личности подростка с сахарным диабетом.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: НАУКА, 1994. – 400 с.
2. Вальдес-Одриосола М. С. Арт-терапия в работе с подростками: психотерапевтические виды художественной деятельности [Электронный ресурс]: методическое пособие / М. С. ВальдесОдриосола. – М.: Владос. – 2005. – 61 с.
3. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
4. Павлова Л. Б. Психологические проблемы и личностные особенности подростков с сахарным диабетом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 76–2. – С. 191–197.
5. Технологии психолого-педагогического сопровождения детей с сахарным диабетом: учебно-методическое пособие / М. В. Самардина, Н. А. Першина; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Алтайская гос. акад. образования им. В. М. Шукшина". Бийск: АГАО им. В. М. Шукшина. – 2014. – 167 с.

УДК 159.9

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ АРТ-ПЕДАГОГИКИ

PRACTICAL RECOMMENDATIONS FOR OVERCOMING PROFESSIONAL BURNOUT AMONG TEACHERS OF A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION USING ART PEDAGOGY METHODS

*Плешкова Елена Владиславовна, Татаринцева Альбина Юрьевна
Pleshkova Elena Vladislavovna, Tatarinceva Albina Yurevna*

*Воронежский государственный педагогический университет, Россия, Воронеж
Voronezh State Pedagogical University, Russia, Voronezh
pleshkovaelena.2013@mail.ru, Tatarinceva_30@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются рекомендации для педагогов дошкольной образовательной организации по профилактике профессионального выгорания. Также дается характеристика арт-педагогических тех-

нологий, используемых в составлении программ профилактики профессионального выгорания работников дошкольной образовательной организации.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, артпедагогика, терапия творчеством, профилактика стресса, дошкольное образование

Abstract

The article discusses recommendations for teachers of preschool educational organizations on the prevention of professional burnout. The article also describes the art-pedagogical technologies used in the preparation of programs for the prevention of professional burnout of employees of a preschool educational organization.

Keywords: professional burnout, the pedagogic, creativity therapy, stress prevention, early childhood education

Проблема профилактики и коррекции профессионального выгорания педагогов сегодня является достаточно актуальной.

Внедрение системы практических мероприятий по преодолению профессионального выгорания педагогов дошкольных образовательных организаций создаёт неопределимые преимущества, позволяющие сотрудникам, столкнувшимся с данным недугом, переключаться на решение новых – творческих задач, способствующих снятию стресса и эмоциональных нагрузок, повышению эффективности осуществляемой профессиональной деятельности сотрудников и организации в целом.

Данный способ смены деятельности может выступать и в качестве профилактических мер, предохраняющих педагогов от переутомления, возникновения стрессовых ситуаций, снижения работоспособности.

Существует немало подходов к решению проблемы профилактики и коррекции профессионального выгорания педагогов.

Так, Щегловой В. С. разработаны рекомендации по профилактике и коррекции профессионального выгорания педагогов, в которых она выделяет четыре уровня работы:

- органический (телесный) (снятие физического напряжения, усталости, головной боли, бессонницы, ослабления иммунитета);
- эмоциональный (снятие эмоционального напряжения, беспокойства, взволнованности, чувства тревоги, подавленного и апатичного состояний);
- рациональный (смысловой) (приобретение смысла своей профессиональной деятельности, снятие негативного отношения работника к собственным возможностям, формирование/реконструкция позитивного отношения к себе как к специалисту, повышение самопринятия);
- поведенческий (устранение стереотипов профессиональных действий, налаживание трудовой дисциплины) [5].

Бабич О. И., в свою очередь, эффективным методом предотвращения и коррекции профессионального выгорания предлагает педагогам освоить различные «...способы экономного потребления эмоциональных и энергетических ресурсов...» [1]. По мнению автора, педагогам следует научиться

переключаться между различными видами деятельности, эффективно распределяя нагрузку, а также соответствующим образом соотносить её с собственными ресурсами; избегать конфликтные ситуации на работе.

С целью профилактики и помощи педагогам в предотвращении профессионального выгорания Кожевникова В. В. и Осухова Н. Г. рекомендуют следующее:

- оптимизация рабочих пауз для эмоциональной разгрузки;
- оптимизация режима работы и отдыха;
- обучение приёмам релаксации и саморегуляции психического состояния;
- привитие навыков конструктивных (успешных) моделей преодолевающего поведения [3].

Бладыко А. В. считает, что необходимо внедрять методы психологической помощи в профессиональную деятельность педагогов. Педагоги должны быть обучены использованию методов релаксации, которые можно применять непосредственно на рабочем месте [2].

Для того, чтобы предотвратить возникновение профессионального выгорания у педагогов, а также достичь снижения степени его выраженности Сидоров П. И. предлагает следующие рекомендации:

- определение краткосрочных и долгосрочных целей;
- использование «тайм-аутов» (отдых от работы);
- овладение умениями и навыками саморегуляции (положительная внутренняя речь, определение целей, релаксация);
- профессиональное развитие и самосовершенствование;
- уход от конкуренции;
- эмоциональное общение;
- поддержание хорошей физической формы [4].

В данной работе мы предлагаем в качестве профилактических и коррекционных мер по преодолению профессионального выгорания педагогов дошкольных образовательных организаций рассмотреть различные методы арт-педагогике.

Преимущества методов арт-педагогике в сфере профилактики и коррекции профессионального выгорания педагогов дошкольного образования состоят в следующем:

- развитие эмоциональной сферы педагога; познание мира посредством творчества;
- снятие негативных стрессовых состояний – обиды, тревоги, гнева;
- помогает вскрыть проблемы, переживания, отношение к себе и окружающему миру;
- отсутствие учёта уровня развития творческих способностей педагога; отсутствие критики результатов его творческой деятельности;
- предоставление возможности агрессивно настроенному человеку широкого выбора индивидуальной творческой деятельности – рисование, лепка, музыка, танец;
- обеспечение наиболее лёгкого выражения внутренних переживаний педагога посредством зрительных образов;
- использование различных материалов и оборудования для творчества;
- повышение художественной компетентности; развитие творческих и сенсорных способностей;
- укрепление взаимоотношений между сотрудниками.

Для профилактики и помощи педагогам дошкольного образования в предотвращении профессионального выгорания средствами арт-педагогики нами разработана программа, в которой мы рекомендуем следующее:

1. в художественной деятельности мы предлагаем ряд техник, способствующих отстранению от стрессогенных факторов. Так, наиболее популярными у взрослых людей являются рисование цветным песком, рисование на бумаге и стекле «цветными» пальчиками, рисование пластилином, тестопластика, а также техника «марание» и кляксография. Часто взрослые не могут словами выразить свои страхи, эмоции, переживания, на помощь им предлагаются игры-занятия с песком, красками, тестом и пластилином;
 2. техника «общение с водой» позволяет взрослым людям получить приятные ощущения, активизировать различные рецепторы; предоставляет
- неограниченные возможности экспериментировать с водой, её свойствами и качествами (цвет (использование акварели), плотность (добавление примесей), температура);
3. техника использования цветовой гаммы – холодных и теплых оттенков может сочетаться с применением музыкального сопровождения, аэро-, фитотехники (обдувание теплым и холодным воздухом в сочетании с различными (успокаивающими и, наоборот, активизирующими) ароматами, позволяющими создать оптимальные условия для расслабления и релаксации педагогов;
 4. сочинение историй и сказок позволяют взрослым корректировать их психологические проблемы, представляя данные жизненные неурядицы, как действующие персонажи или фантазийные ситуации. Также героем литературного творчества может оказаться и сам педагог, для которого создаются определённые трудности, возникающие в ходе раскрытия сюжета рассказа.
 5. техники использования различных музыкальных инструментов (барабаны – для снятия эмоционального напряжения, духовые и струнные – в качестве успокаивающих средств), исполнения произвольного танца, пения ориентированы на сам процесс исполнения, а не на результат, то есть педагоги играют, танцуют и поют не для того, чтобы оценили качество их исполнения, а ради самих танца, музыки, пения. Каждый участник данного действия получает от него удовольствие, может почувствовать свою незаменимую роль, свою принадлежность коллективу, как чему-то целому.

Предложенные нами рекомендации по профилактике и коррекции профессионального выгорания помогут педагогам научиться переключаться с одного вида деятельности на другой, оптимально распределять свои нагрузки, продолжать поддерживать уверенность в себе, избегать конфликтных ситуаций на рабочих местах, раскрывать свой творческий потенциал.

Литература:

1. Бабич О.И. Профилактика синдрома профессионального выгорания педагогов: диагностика, тренинги, упражнения/ О.И. Бабич. Волгоград: Учитель, 2009. – 116 с.
2. Бладыко А.В. Особенности эмоционального выгорания у учителей и преподавателей/ А.В. Бладыко //Психология: Традиции и инновации: материалы Междун. науч. конф. (г. Уфа, октябрь 2012). – Уфа: Лето, 2012. – С. 34–39.
3. Осухова Н.Г., Кожевникова В.В. Профилактика профессионального выгорания/ Н.Г. Осухова, В.В. Кожевникова//Школьный психолог. – 2006. – № 6. – С. 42–43.
4. Сидоров П.И. Синдром эмоционального выгорания. Причины, симптомы, лечение и профилактика/П.И. Сидоров//Педагогическая техника. – 2013. – № 1. – С. 68–74.
5. Щеглова Г.С. Психолого-педагогическая коррекция синдрома эмоционального выгорания педагогов школы/ Г.С. Щеглова //Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 8. – С. 56–60.

УДК 37.032

**ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.
РАССМОТРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В ВОСПИТАНИИ.**

**THE USE OF MODERN PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL TECHNOLOGIES IN THE
FORMATION OF PERSONALITY. EDUCATIONAL TECHNOLOGY.
CONSIDERATION OF INDIVIDUAL PERSONALITY TRAITS IN EDUCATION**

*Мамедова Ирана Октайкызы, Каракадаева Диана Насиркызы
Mammadova Irana Oktay, Karakadaeva Diana Nasir*

*Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Азербайджан, Баку
Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan, Baku*

Elchin_mamedzade@hotmail.com, nkamalya@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются инновационные педагогические технологии, исследуются современные психологические аспекты в формировании личности. В статье выявляются воспитательные технологии, профессиональные компетенции учителя, изучаются способы по соблюдению профессиональных и нравственных норм в период его профессиональной деятельности. В статье рассматривается индивидуальные качества личности в воспитании, предполагаются методы по улучшению взаимопонимания в учебном процессе между участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: педагогическая технология, воспитательная технология, личность, учебный процесс, компетенция учителя.

Abstract

The article discusses innovative pedagogical technologies, explores modern psychological aspects in the formation of personality. The article identifies educational technologies, professional competencies of teachers, explores ways to comply with professional and moral standards during his professional career. The article considers the individual personality traits in education, methods are proposed to improve mutual understanding in the educational process between the participants in the educational process.

Keywords: pedagogical technology, educational technology, personality, educational process, teacher competence.

В создании образовательных технологий должны быть приняты во внимание следующие педагогические принципы:

1. Целеустремленность
2. Перспектива
3. Комплексность
4. Деятельность
5. Активность
6. Организованность

Коллективизм играет большую роль в организации образовательных мероприятий. Великий русский педагог А. С. Макаренко (1888–1939) в своей педагогической деятельности для коллективного воспитания определил, что каждый учитель при работе с учащимися должны согласовывать индивидуальную работу с коллективной работой. Потому что именно в этой работе воспитание в соответствии с требованиями технологий и методов обучения общие и индивидуальные особенности студентов должны быть приняты во внимание. Известно, что когда речь идет о процессе воспитания, прежде всего, мы сталкиваемся с некоторыми вопросами.

Кто воспитывается?

Какова цель воспитания?

Какие методы используются в процессе воспитания? [2]

Конечно, правильные ответы на эти вопросы без ссылки на психологические знания невозможно дать. Чтобы правильно ответить на эти вопросы, нужно знать потребности, желания и стремления личности ребенка, темперамент характеристики, тенденции благосостояния, интересы, идеалы, мировоззрение и веру. На какие педагогические и психологические знания следует ссылаться в процессе воспитания, какие психологические закономерности следует соблюдать, чтобы достичь поставленной цели, образовательная работа должна быть успешной. Естественно, человек, являющийся объектом образования, резко отличается друг от друга по своим индивидуальным психологическим характеристикам. Анализ и учет индивидуальных особенностей в различных сферах социальной практики занимает особое место среди проблем применения педагогики и психологии. Это особенно важно в воспитании подрастающего поколения. Если мы посмотрим на историю педагогики и психологии, мы можем ясно увидеть одну вещь. Известные ученые того времени всегда говорили о проблемах индивидуального

подхода, когда говорили о воспитании детей. Индивидуальный подход является важным педагогическим и психологическим принципом. Согласно этому принципу в воспитательной работе необходимо учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка. Индивидуальный подход к образованию особенно важен в двух отношениях: первый заключается в создании психологически благоприятной среды для развития ребенка как личности с уникальными качествами, используя индивидуальный подход. Во-вторых, независимо от индивидуальных особенностей освещения, педагогическое воздействие на него обычно не дает желаемого результата. Установлено, что педагогическое влияние всегда обусловлено индивидуально-психологическими особенностями ребенка. Это означает, что характер и эффективность педагогического воздействия определяется не только его объективными характеристиками, но и тем, как ребенок воспринимает этот эффект. Суть индивидуального подхода к воспитанию заключается в том, что общие цели воспитания определяются не только в соответствии с возрастом детей, но и в соответствии с их индивидуальными особенностями. Опыт показывает, что даже самые эффективные средства воздействия теряют свое значение в работе по воспитанию, если не учитывать индивидуальные особенности детей. Есть два взаимосвязанных аспекта индивидуального подхода:

1. анализ индивидуальных особенностей личности;
2. психологически обоснованное рассмотрение в образовании.

Индивидуальные особенности ребенка также должны быть приняты во внимание при выборе средств воспитания. Некоторые учителя приравнивают индивидуальный подход и индивидуальное воспитание, хотя между ними есть различия. Для родителей и опекунов важно знать эти различия. Профессор М. А. Мурадханов показал, что они заключаются в следующем:

1. Индивидуальное воспитание означает воспитание ребенка в одиночестве, совершенно отдельно от коллектива;
2. индивидуальный подход требует, чтобы индивидуальные особенности были приняты во внимание и оказали положительное влияние на ребенка, сохраняя его или ее в команде;
3. Индивидуальное воспитание, подчиняющее цель воспитания личностным характеристикам ребен-

ка, означает, что цель воспитания каждого ребенка зависит от этих характеристик;

4. Индивидуальный подход требует, чтобы ребенок был приведен к общей цели в соответствии с его или ее индивидуальными особенностями. Здесь цель не подчинена ребенку, методы и средства выбираются в соответствии с характеристиками ребенка [4].

Для учителей и педагогов особенно важно обучать детей в естественной среде – в классе, в процессе общения с одноклассниками, на общественных работах [1]. Педагогические и психологические характеристики, которые охватывают все важные аспекты личности ребенка, имеют для них большое значение. Педагогические и психологические характеристики обычно составляются классным учителем и обсуждаются со всеми учителями в классе. В педагогике это называется педагогической консультацией. Какие вопросы следует учитывать при анализе индивидуальных особенностей детей? Преподаватель учитывает возрастные особенности учащихся, а также их индивидуальные психологические особенности – способности, темперамент, характер и т.д. Факторы, индивидуальных характеристик, должны быть детально изучены [5].

Таким вышеперечисленного состоят в том, что воспитание обеспечивает социализацию личности, процесс подготовки его к жизни, обществу, деятельности, которая пойдет на пользу обществу. Потому что богатство человека зависит от богатства его настоящих, объективных отношений. Именно через воспитание формируется многогранное отношение к людям, работе, знаниям и деятельности. Ключевым аспектом получения личного опыта является осознанное понимание общественных отношений. В этом случае ребенок пытается удовлетворить свои личные потребности, добивается взаимодействия общественных и личных отношений. Образование – это очень динамичный и дидактический процесс. В процессе воспитания различные связи и зависимости переплетаются друг с другом в социальном, психологическом и педагогическом отношении и обусловлены друг другом. Дидактика образовательного процесса выражается в его противоречиях, развитии, мобильности и изменениях. Организация таких мероприятий формирует научную основу процесса формирования личности [3]. Личность – это человек, имеющий социальные связи и взаимные социальные отношения.

Литература:

1. Аббасов А. Педагогически-психологические проблемы управления системой образования. Баку: Изд-во Мутарджим, 2011. – 338 с.
2. Аббасов А. Новые подходы в подготовке учителя. Баку: Изд-во Мутарджим, 2012. – 324 с.
3. Аббасов А. Актуальные проблемы модернизации образования. Баку: Изд-во Мутарджим, 2013 г. – 412 стр.
4. Агаев А. Проблема формирования личности в социально-педагогической мысли Азербайджана. Баку: Изд-во Наука 2005. – 288 с.
5. Современные Педагогические технологии. А. Аббасов, Р. Гасанов, З. Зейналов, А. Мехрабов. Баку: Изд-во АГПУ 2006. – 104 с.

УДК 37.032

СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЫ, СЕМЬИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ЛИЧНОСТИ**JOINT ACTIVITIES OF THE SCHOOL, FAMILY AND THE PUBLIC IN THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK OF THE INDIVIDUAL***Мамедова Ирана Октай кызы, Шейдаева Фариды Чингиз кызы**Mammadova Irana Oktay, Sheydayeva Farida Chingiz**Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Азербайджан, Баку**Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan, Baku**Elchin_mamedzade@hotmail.com, Feridesheydayeva1991@mail.ru***Аннотация**

В статье рассматриваются совместная деятельность школы, семьи и общественности в организации воспитательной работы личности. В статье выявляются воспитательные технологии родителей, профессиональные компетенции учителя, изучаются способы по соблюдению профессиональных и нравственных норм в период профессиональной деятельности школы. В статье рассматриваются индивидуальные качества личности в воспитании, предполагаются методы по улучшению взаимопонимания в учебном процессе между участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: семья, школа, общественность, личность, коллективная деятельность, воспитательная работа.

Abstract

The article discusses the joint activities of the school, family and the public in the organization of the educational work of the individual. The article reveals the educational technologies of parents, the professional competencies of the teacher, explores ways to comply with professional and moral standards during the period of the school's professional activity. The article considers the individual personality traits in education, methods are proposed to improve mutual understanding in the educational process between the participants in the educational process.

Keywords: family, school, community, personality, collective activity, educational work.

Семья является основной ячейкой общества и ее социальной структуры. Целью семейного воспитания является формирование таких качеств личности, чтобы человек мог легко преодолевать трудности и препятствия, встречающиеся в жизни. У семьи есть две главные обязанности:

1. Продолжение поколения
2. Воспитание нового поколения, нового человека.

Эти две обязанности тесно связаны между собой. Если человек не увеличит и не продолжит свое поколение, если он не будет воспитывать свое поколение, общество будет разрушено. Чем важнее первое задание, тем сложнее второе. Потому что в этой позиции проявляются не только черты, данные природой, но и культура, накопленная человечеством за тысячи лет, черты, добавленные обществом. Как солнце отражается в капле воды, так и все отношения общества развиваются в семейных отношениях. Семья – это первая школа человеческих отношений. Первый моральный опыт, добродетель и пороки формируются в семье. Дети, растущие в семье, знают о своих обязанностях и должны заботиться о своих стареющих родителях. Первоочередной задачей семьи является воспитание детей здоровыми и жизнерадостными, организация их здорового образа

жизни. Таким образом, семья – это группа, которая начала новую жизнь, основанную на взаимной любви, доверии, уважении и уверенности, и заботится о создании и развитии нового поколения [2].

Школа является центром воспитательной работы молодого поколения. Главная задача, стоящая сегодня перед системой образования, – воспитание гармоничной личности с глубокими знаниями, физическим и умственным развитием, научными взглядами, высокой культурой и богатой моралью. Воспитательная работа в школе ведется целенаправленно, планомерно и организовано, под руководством специально подготовленных педагогических кадров. Учитель является центральной фигурой в воспитательной работе, как говорится, сердцем школы. Влияние учителя на молодого человека велико – это не может быть заменено ничем. Первый период жизни ребенка возлагает большие обязанности на родителей. Родители также являются педагогами со дня, когда они становятся родителями. Некоторые педагоги справедливо называют мать естественным воспитателем. Материнская любовь в сочетании с разумными требованиями к ребенку, родительская любовь – великая сила в воспитании детей. Многие педагогические условия необходимы для успеш-

ного семейного воспитания. В семье должны быть созданы здоровые условия воспитания. Воспитание детей становится более нормальным и легким в здоровой, нормальной, спокойной, эффективной и счастливой жизни. Напротив, в ненормальном воспитании невозможно воспитать полноценного человека без полноценной человеческой жизни родителей. Организованная семейная команда – важный инструмент в образовании. Ребенок может вырасти как полноценный человек, только если его потребности и желания являются коллективными потребностями и желаниями. Когда семья теряет признаки коллективизма, ее образовательный эффект также значительно уменьшается. Большая семья больше подходит для воспитания: такую семью объединяют общие интересы, общие желания, общие радости и печали. Здесь дети учатся друг у друга, для воспитания создается благоприятная среда общения. В семье с одним ребенком воспитание трудное: здесь ребенок находится в центре всеобщего внимания, все его лелеют, никто не хочет причинять ему вред. Такие дети обычно растут эгоистами. Основа воспитания закладывается с раннего возраста. Если воспитание не проводится должным образом в этом возрасте, позже необходимо будет перевоспитывать ребенка. С другой стороны, переобучение гораздо сложнее, чем правильное обучение с самого начала: оно требует много времени, усилий и нервного напряжения от педагога. Успешное воспитание, в том числе семейное воспитание, осуществляется в соответствии с законами воспитания и вытекающими из них принципами, что естественно зависит от соответствия. Общественность – великая сила в образовании. Современный этап развития общества характеризуется тесным объединением государственных и общественных организаций в воспитании подрастающего поколения, повышением воспитательной роли общества. Общественные организации, занимающиеся воспитанием детей, формируют определенную систему. В эту систему входят следующие общественные организации – комитеты, советы, комиссии, ассоциации, общества, фонды и др. Поскольку воспитание является социальным процессом, ребенок не может быть воспитан одним человеком – учителем (или учреждением). Ребенок растет и развивается под влиянием школы, учителей, родителей, общества, стариков, сверстников. Поэтому воспитательная работа не должна ограничиваться работой школы и учителя. Отдельно ни школа, ни семья, ни общество не могут обеспечить воспитание подрастающего поколения. Ребенок проводит только 4–5 часов своего ежедневного времени в школе, а остальное время – в семье и в общественных местах. Образовательное воздействие школы на ребенка должно быть совместимым и дополняющим влияние семьи и общества. Это можно сделать посредством совместной деятельности педаго-

гического трио. Школа, семья и общество должны поддерживать связь друг с другом различными способами. Эти формы общения можно разделить на две группы:

- а. индивидуальные контактные формы;
- б. формы коллективного общения.

Индивидуальный контакт включает индивидуальные формы работы (в том числе классных) с прямым или косвенным контактом с родителями и членами сообщества. Наиболее распространенные формы личного контакта включают в себя:

- Визит учителей класса в семью: собирается информация о семейном положении ученика, проводятся беседы и консультации с родителями по вопросам воспитания ребенка, определяются совместные действия педагогического совета;
- Приглашение родителей в школу: в этом случае необходимо не делать выговор родителям и жаловаться на ребенка, а анализировать причины какого-либо конкретного педагогического события. Вместе с родителями, помогать найти конкретный выход. Желательно пригласить и для позитивных изменений в образовании и воспитании ученика.
- «Дней открытых дверей» в школе или в классе. В этом случае родители приходят школу в заранее установленное время, встречаются с любым учителем, обсуждают о своем ребенке.
- Дневник ученика или письмо: учитель делает заметки об образовании ученика в своем дневнике и дает необходимые инструкции и советы родителям;
- Телефонная связь: учитель и родители поддерживают постоянную связь по телефону для обмена определенной информацией об ученике.

В своем личном общении с семьей и обществом учитель должен действовать не как инспектор или обвинитель, а как учитель-интеллектуал, близкий советник, который заботится о будущем ребенка, и должен пытаться установить педагогическое сотрудничество с родителями. Общение школы с семьей и обществом также осуществляется в коллективных формах. Родительские встречи – это форма коллективной работы, организованной с целью пропаганды педагогических знаний, анализа проблем семейного воспитания, обмена опытом. При необходимости могут проводиться тематические встречи на различные педагогические темы, так, например, «Как помочь воспитанию детей?», «Родительский авторитет», «Трудовое воспитание в семье» и т.д. Родительские университеты и педагогические лекции являются формами работы, организованной с целью пропаганды педагогических знаний. Родительские университеты создаются в школах, департаментах и учреждениях на 1–2 года, а родители и члены сообщества получают систематические педагогические знания. Родительские лекции носят эпизодический

характер. Помимо педагогических лекций, организуются дискуссии, обмен опытом, выступления студенческих любительских групп, выставки, отражающие работу детей. Конференции и вечера вопросов и ответов, посвященные практике семейного воспитания призваны обсудить актуальные педагогические темы, связанные с воспитанием детей в семье, и вопросы, представляющие интерес для родителей. Конференция открывается вступительной речью руководителя школы (класса), после чего выступают активные родители и члены сообщества по конкретным педагогическим темам, основанным на их опыте. Конференция заканчивается педагогическими рекомендациями. Родительские комитеты – коллективная форма, которая мобилизует родителей и общественность на работу по воспитанию подрастающего поколения, обеспечивая единство воспитательного воздействия на детей. Родительские коми-

теты проводят свои собрания не реже одного раза в квартал, обсуждают проделанную работу, определяют важные задачи, которые необходимо решить. Советы по поддержке школы и семьи – это государственный орган, призванный привлекать общественные и трудовые коллективы к воспитанию детей. Такие советы действуют в отделах и учреждениях – на рабочих местах родителей. Они тесно помогают школе и семье в укреплении учебно-материальной базы школы, организации трудового воспитания и досуга учащихся, борьбе с безнадзорностью детей, а также повышении чувства ответственности родителей в сфере образования [1].

Видимо, есть много сил, которые заботятся о воспитании подрастающего поколения. Важно координировать свою работу и направлять ее в одном направлении. Школа должна играть важную роль в этой области в качестве координационного центра.

Литература:

1. Агаев А. Проблема формирования личности в социально-педагогической мысли Азербайджана. Баку: Изд-во Наука, 2005. – 288 с.
2. Кулиев С. Актуальные проблемы семейной педагогики. Баку: Изд-во Наука, 2005. – 300 с.

УДК 159.923

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДИКТОРОВ ДОСТИЖЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ

PERSONAL CHARACTERISTICS OF HIGH SCHOOL STUDENTS IN THE SYSTEM OF PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF ACHIEVEMENT OF EDUCATIONAL GOALS

*Ледовская Татьяна Витальевна
Ledovskaya Tatyana Vitalevna*

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Россия, Ярославль
Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Russia, Yaroslavl*

karmennnn@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–29–07156

Аннотация

В статье обозначаются основные предикторы успешности учебной деятельности: наличие общих, практических и теоретических способностей; специфика индивидуальных особенностей. Раскрываются теоретические представления понятия «способности». Отмечается, что определение личностного профиля успешного старшеклассника организовать индивидуальную практическую работу с каждым конкретным обучающимся в соответствии с его способностями. Результаты исследования показали, что основными чертами способных и успешных во всех сферах школьной деятельности старшеклассников, имеющих высокие показатели успеваемости, являются: доброта, открытость, легкость в общении, высокий адаптивный потенциал, предпочтение работать в коллективе, стойкость, упорство, обязательность, ответственность, требовательность к себе и другим, дисциплинированность, интуитивность, мягкость, безыскусственность, простота, естественность.

Ключевые слова: способности, общие способности, успешность учебной деятельности; личностные особенности; старшеклассники.

Abstract

The article reveals the main predictors of the success of educational activities: the presence of general, practical and theoretical abilities; specifics of individual features. The theoretical concepts of the concept of "ability" are revealed. It is noted that determining the personal profile of a successful high school student allows you to orga-

nize individual practical work with each particular student in accordance with his abilities. Results of a research showed that the main lines of capable and successful seniors in the all spheres of school activity having high rates of progress are: kindness, openness, ease in communication, the high adaptive potential, preference to work in collective, resistance, persistence, obligation, responsibility, insistence to themselves and to others, discipline, intuitivism, softness, artlessness, simplicity, naturalness.

Keywords: abilities, general abilities, success of educational activities; personal characteristics; high school pupils.

В психологии существуют разные представления о том, какие существуют предикторы успешности учебной деятельности: наследственные и врожденные индивидуальные особенности, либо приобретенные и выработанные в процессе воспитания и обучения. Исследования индивидуальных особенностей учащихся разных возрастных групп (дошкольников, школьников, студентов) являются важными и актуальными как в теоретическом, так и практическом отношении. С одной стороны, они способствуют дальнейшему развитию психологической теории учебной деятельности; с другой – являются необходимым условием решения прикладных задач по оптимизации учебного процесса, повышения качества образования, индивидуализации и дифференциации обучения в рамках компетентностного подхода.

Проблема сущности способностей и одаренности в психологии является актуальной и решается неоднозначно. Базовые аспекты изучения способностей представлены в работах ведущих отечественных психологов Э. А. Голубевой, Б. М. Теплова, С. Л. Рубинштейна, В. Д. Шадрикова и др. Пристальное внимание развитию способностей детей уделяется в контексте их обучения в дошкольных и школьных учебных заведениях (Л. И. Ларионова, А. И. Савенков и др.).

Анализируя основные определения термина «способности», нам представляется наиболее интересным его трактовка В. Д. Шадриковым, который отмечает, что понятие «способности» используется в работах по изучению интеллекта достаточно широко, и «... оно наполняется специфическим содержанием: в одних работах структура общего интеллекта рассматривается как единая способность, в других в структуре интеллекта выделяют отдельные «способности»..., отвечающие за успешное решение конкретных тестовых задач;... в ряде случаев в качестве отдельных способностей рассматривают обучаемость, креативность, общий интеллект» [3].

Анализ большинства концепций способностей, одаренности и творчества показывает, что авторы отмечают неповторимость каждого ребенка, но при всем индивидуальном своеобразии реальных проявлений детских способностей существует довольно много черт, характерных для большинства успешных детей. Особого внимания заслуживают те качества, которые существенно отличают «успешных» в обучении детей от «неуспешных». Знание этих особенностей необходимо для адекватного построения образовательного процесса. Теоретический анализ

проблемы успешности учебной деятельности позволил определить, что наиболее полно это понятие возможно описать не только при помощи академической успеваемости (среднее арифметическое отметок, полученных учеником за отчетный период), но также необходимо учитывать и самооценку учебной успешности учеником. Самооценка позволяет в сочетании с экспертной оценкой объективно оценить наличие у ученика характеристик, определяющих успешность его учебной деятельности.

Целью эмпирического исследования является определение взаимосвязи личностных особенностей старшеклассников с показателями успешности их учебной деятельности. Общая выборка составила 104 человека ученики школ Ярославской области. Для решения задач эмпирического исследования, использовался следующий комплекс методов: 1. 16-ти факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла; 2. Экспертная оценка успешности учебной деятельности и самооценка успешности учебной деятельности.

Результаты исследования:

1. Статистическая оценка различий между двумя выборками показала, что успешные и неуспешные школьники расходятся в уровне сформированности таких качеств как обязательность/безответственность ($U=170,000$ $p=0,002$), мягкость/твердость характера ($U=158,500$ $p=0,001$), проницательность/наивность ($U=188,000$ $p=0,005$) и добросердечность/отчужденность ($U=288,500$ $p=0,016$).
2. Успешность учебной деятельности связана с наличием у ученика таких качеств, как добросовестность, ответственность, дисциплинированность, настойчивость в достижении цели; доброта, терпимость к себе и окружающим; естественность, простота, общительность.
3. С помощью регрессионного анализа мы выявили вклад личностных особенностей в успешность учебной деятельности старшеклассников:
 - а) По экспертной оценке успешности учебной деятельности:
 - Академическая успеваемость = $G(0,366) + I(0,298) + A(0,232) - N(0,245) + Q2(0,221) - Q3(0,219)$. Регрессионная модель $F=9,322$; $p=0,001$. Средний балл успеваемости будет выше, чем выше будут факторы «G – ответственность: стойкость, упорство, требовательность к себе, дисциплинированность», «I – мягкость: интуитивность, фантазирование, чувствительность»,

- «А – общительность: доброта, открытость, легкость в общении, предпочтение работать в коллективе», «Q2 – самостоятельность: самостоятельность, независимость» и чем меньше будут факторы «Q3 – дисциплинированность», «N – проницательность/наивность: в данном случае простота, естественность, безыскусственность».
- Уровень знаний = $G(0,303) - N(0,295) + I(0,279) + A(0,232) - F(0,242) + C(0,204)$. Регрессионная модель $F=8,744$; $p=0,001$. Уровень знаний будет выше, чем выше будут факторы «G – ответственность: стойкость, упорство, требовательность к себе, дисциплинированность», «I – мягкость: интуитивность, фантазирование, чувствительность», «A – общительность: доброта, открытость, легкость в общении, предпочтение работать в коллективе», «C – эмоциональная устойчивость: уравновешенность, спокойствие, уверенность в себе, высокий самоконтроль» и чем меньше будут факторы «N – проницательность/наивность: в данном случае простота, естественность, безыскусственность», «F – беспечность/озабоченность: в данном случае осторожность, ответственность, серьезность».
 - Желание учиться = $G(0,326) + I(0,296) - N(0,195)$. Регрессионная модель $F=10,526$; $p=0,001$. Желание учиться будет выше, чем выше будут факторы «G – ответственность: стойкость, упорство, требовательность к себе, дисциплинированность», «I – мягкость: интуитивность, фантазирование, чувствительность» и чем меньше будет фактор «N – проницательность/наивность: в данном случае простота, естественность, безыскусственность».
- б) По субъективной оценке успешности учебной деятельности учеников:
- Объем используемого внутреннего потенциала в учебной деятельности = $-N(0,326) + G(0,323) - E(0,212)$. Регрессионная модель $F=9,268$; $p=0,001$. Объем используемого внутреннего потенциала в учебной деятельности будет тем выше, чем выше фактор «G – ответственность: стойкость, упорство, требовательность к себе, дисциплинированность» и чем меньше будут факторы «N – проницательность/наивность: в данном случае простота, естественность, безыскусственность» и «E – доминантность/конформность: в данном случае подчинение, умение четко выполнять инструкции, послушность».
 - Способность к самоорганизации в учебной деятельности = $A(0,324) + I(0,259) - O(0,214)$. Регрессионная модель $F=7,748$; $p=0,001$. Способность к самоорганизации в учебной деятельности будет тем выше, чем выше факторы «I – мягкость: интуитивность, фантазирование, чувствительность», «A – общительность: доброта, открытость, легкость в общении, предпочтение работать в коллективе» и чем меньше будет фактор «O – склонность к чувству вины/самоуверенность: в данном случае самоуверенность, спокойствие, оптимистичность».
 - Объем затраченного времени и усилий = $A(0,276) - N(0,236) + G(0,225) + I(0,193)$. Регрессионная модель объясняет 28% $F=6,839$; $p=0,001$. Объем затраченного времени и усилий будет тем выше, чем выше факторы «G – ответственность: стойкость, упорство, требовательность к себе, дисциплинированность», «I – мягкость: интуитивность, фантазирование, чувствительность», «A – общительность: доброта, открытость, легкость в общении, предпочтение работать в коллективе» и чем меньше будет фактор «N – проницательность/наивность: в данном случае простота, естественность, безыскусственность».
- Таким образом, в результате проведенного исследования нами выявлена взаимосвязь личностных особенностей с показателями успешности учебной деятельности. Установлена зависимость показателей успешности учебной деятельности от меры выраженности личностных особенностей. Основными чертами учеников, способных и успешных во всех сферах школьной деятельности, имеющих высокие показатели успеваемости, являются: доброта, открытость, легкость в общении, высокий адаптивный потенциал, предпочтение работать в коллективе, стойкость, упорство, обязательность, ответственность, требовательность к себе и другим, дисциплинированность, интуитивность, мягкость, безыскусственность, простота, естественность.

Литература:

1. Рубинштейн С. Л. Проблема способностей и вопросы психологической теории // Вопросы психологии. – 1960. – № 3. – С. 3–16.
2. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Издательство Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 536 с.
3. Шадриков В. Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. – 2019. – Том 40. – № 2. – С. 15–26.
4. Шадриков В. Д. Способности человека. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО.

СЕКЦИЯ 6 ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

ДИНАМИКА ВАНДАЛИЗМА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

THE DYNAMICS OF VANDALISM DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Кружкова Ольга Владимировна, Симонова Ирина Александровна, Воробьева Ирина Владимировна
 Kruzhkova Olga Vladimirovna, Simonova Irina Aleksandrovna, Vorobyeva Irina Vladimirovna
 ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Россия, Екатеринбург
 Ural State Pedagogical University, Russia, Ekaterinburg
galiat1@yandex.ru, luboe05@mail.ru, lorisha@mail.ru

Аннотация

Статья описывает особенности вандальных актов в период пандемии COVID-19 с начала 2020 года по июнь 2020 года. Раскрывается смысловая специфика изображений и их особенности динамики за указанный период. Вандальные акты с учетом их содержаний и скрытых психологических интенций сопоставляются с моделью Э. Кюблер-Росс по принятию изменений.

Ключевые слова: вандализм, изменения, COVID-19, благополучие, социальная реакция

Abstract

The article describes the features of vandal acts during the period COVID-19 pandemic from the beginning of 2020 to June 2020. The semantic specificity of images and their dynamics features for a specified period are revealed. Vandal acts, taking into account their contents and hidden psychological intentions, are compared with the E. Kübler-Ross model for accepting changes.

Keywords: Vandalism, changes, COVID-19, well-being, social response

Изменения, произошедшие в 2020 году беспрецедентны, широкомасштабны и высокотравматичны для большинства населения Земли. Распространение коронавируса привело к существенным ограничениям в привычном образе жизни, а также к ощущению постоянной угрозы заражения без четкого понимания его признаков и перспектив лечения. Непредсказуемость будущего при осознании невозможности возврата к прежнему устояю жизни, сопровождающиеся новыми требованиями к безопасности, порождают тревогу и страх, что было отмечено во многочисленных исследованиях, проведенных весной 2020 года в Китае, России, Италии, США, Иране, Израиле и других странах [2]. При этом структура новых угроз не однородна. К первичным угрозам можно отнести как угрозу заражения COVID-19, так и угрозу нарушения привычного образа жизни, отработанных и действенных паттернов поведения, модели самореализации. Вторичные угрозы связаны с социальной, политической и экономической турбулентностью, возникшей в результате мирового кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Вандализм, представляя собой девиантную форму поведения, тем не менее является одним из наиболее интересных маркеров, позволяющих отслеживать скрытые настроения человеческих сообществ, выявляя те социальные тенденции, которые могут быть определяющими, но не декларируемыми

в развитии общества [1]. Рассмотрение вандализма в период с марта по июль 2020 года позволяет отметить несколько интересных тенденций:

1. в первые недели пандемии и введения жестких ограничительных мер во многих странах по отчетам правоохранительных органов присутствовала тенденция к снижению числа актов вандализма, что связывалось со снижением городского трафика;
2. после введения ограничительных мер весной 2020 года даже институализированные формы стрит-арта маргинализировались, приобретая черты вандальных практик (отсутствия согласования изображений с городскими властями, отсутствие разрешений на нанесение изображений и т.п.). Это связано с тем, что вандализм давал преимущество своевременности, злободневности за счет большей динамики и свободы, что в быстроменяющихся условиях стало крайне актуально. Однако часть уличных художников в данный период перешли к виртуальным проектам, перестраивая собственную деятельность и сохраняя ее легитимность;
3. после 1,5 месяцев ограничений вандальная активность резко возросла, при чем увеличилось число как графических форм вандализма с определенной смысловой нагрузкой, так и «насилия над собственностью», сопровождающегося разрушениями и деструкцией среды;

4. в течении указанного периода смысловая нагрузка вандажных актов менялась, однако не линейно, с наложениями одних смысловых групп на другие. При этом многие вандажные изображения отражали «работу» по принятию изменений, которую можно сопоставить с моделью Э. Кюблер-Росс [4]. Анализ публикаций в СМИ о случаях вандализма, а также отдельных графических изображений вандажного характера в городских пространствах (80 вандажных кейсов в России и за рубежом [3]) позволяет выделить ряд групп данной деструктивной формы поведения, несущих различные послы при рассмотрении их социально-психологической основы и стадии принятия изменений.

Отрицание. Оцепенение и отвержение информации об изменениях, отрицание угрозы и обесценивание ситуации пандемии как «выдуманной» и «нереальной». С этой целью применялись элементы юмора и приемы обесценивания угрозы, высмеивались новые требования ношения масок, дезинфекции, стремление людей закупиться предметами и продуктами первой необходимости впрок (например, мурал в Лос-Анджелесе, США, автор Nijack, где солдаты в касках и масках крадутся с пылесосом наперевес и полным рюкзаком туалетной бумаги; мурал «Spread♥notCOVID19» Jason Naylor в Нью-Йорке, США и др.).

Гнев. Выражение недовольства и протеста против новых норм поведения и требований безопасности. В городах появилось множество граффити, посвященных нарушению режима самоизоляции, например «К черту вашу самоизоляцию» (Екатеринодар, Россия). Кроме того, о реакции гнева свидетельствуют массовые протестные движения, сопровождающиеся низвержениями и осквернением памятников историческим деятелям (Колумб (США), Черчилль (Чехия), Монтанелли (Италия) и др.). Гнев в сопровождении конспирологических убеждений в мае 2020 года был так же обращен против вышек сотовой связи 5G (случаи массовых погромов вышек в Великобритании, Новой Зеландии, России), которые по мнению толпы способствовали распространению коронавируса и чипированию населения.

Торг. Заигрывание с новыми правилами, желание «выторговать» больше привычек прошлой жизни. Так при введении режима самоизоляции (что само по себе воспринималось как весьма значимая угроза благополучию субъекта), в апреле в городах России появились «шуточные» граффити, описывающие технологию обхода ограничений. В частности, в Москве было нанесено граффити, изображающее «специальный пропуск № ТП1312д на перемещение по территории г. Москва», выданный автору граффити для нанесения вандажного изображения. Другой подобный случай, иллюстрирующий торг, нанесе-

ние тантаморески с собакой на прогулке и объявлением, гласившим «Встаньте сюда и сфотографируйтесь. Продолжайте гулять. Если встретите полицию, скажите, что ищите свою собаку, с которой только что вышли на улицу. Покажите свежее фото. Повторяйте каждую прогулку». Так или иначе данные два случая вандализма и множество подобных им делали своей целью попытку сохранения прежних привычек (например, свободного перемещения по городу, прогулок и пр. в период самоизоляции) в изменившихся условиях. Кроме того, ирония относительно ограничительных мер и отрицание первичной опасности от COVID-19, характерные для данных вандажных случаев, демонстрирует внутреннюю неготовность к принятию изменений.

Депрессия. Зачастую вандажные изображения содержат тексты упаднического характера или описывающие стратегию ухода от травматичной ситуации. Летом 2020 года все чаще стали появляться подобные надписи: «Weke up when Corona ends», «Быть может это все сон». Вместе с тем появилось огромное количество изображений, обращающих внимание на аспекты социальной несправедливости и невозможности выполнения требуемых ограничений в силу объективных обстоятельств или бездействия государств, отражающие общий социальный пессимизм и чувство безысходности.

Принятие. Готовность принять изменившуюся ситуацию и продемонстрировать новое поведение в вандажных изображениях отражалось в основном в виде пропаганды ношения масок. Так в маску «оделась» Девушка с сережкой на мурале Бэнкси (Бристоль, Великобритания); аллюзия на картину «Поцелуй» (Милан, Италия), где ее герои целуются через маски; Мона Лиза с айфоном (Барселона, Испания) и множество других изображений и скульптур, которые также приобрели этот новый элемент в своем антураже. Однако принятие новых правил достаточно условно и поверхностно, так как нет внутреннего согласия с новыми требованиями, о чем свидетельствует прием гиперболы, когда герои вандажных изображений демонстрируют уже не маски, а противогазы, намекая на излишество ограничений и требований, связанных с борьбой с распространением коронавируса.

В заключении стоит отметить, что вандализм, как средовое реактивное явление, активно отражает ту социальную ситуацию, ее неоднородность и неоднозначность, которая разворачивается в период пандемии COVID-19. По характеру смысловой наполненности вандажных актов можно отслеживать степень принятия изменений, однако процессы принятия новых требований в обществе не линейны, присутствует множество «откатов», спровоцированных дополнительными факторами, расстройством общественных мнений и позиций, что и отражает спектр вандажных актов, сопровождающих 2020 год.

Литература:

1. Кружкова О.В., Воробьева И. В., Порозов Р.Ю., Зарбова Б. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 10. – С. 95–120. DOI: 10.17853/1994–5639–2018–10–95–120
2. Мосолов С. Н. Актуальные задачи психиатрической службы в связи с пандемией COVID-19 // Современная терапия психических расстройств. – 2020. – № 2. – DOI: 10.21265/PSYPH.2020.53.59536
3. Kruzikova, O. V., Simonova, I. A., & Ljovkina, A. O. Vandalism COVID-19_cases catalogue V2. Retrieved July 13, 2020, from <https://data.mendeley.com/datasets/hgfyf5hv7s/1>
4. Kübler-Ross E. On death and dying. London: Routledge, 1989.

УДК 316.37

**ПРОБЛЕМА ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ У СОВРЕМЕННЫХ
МУЖЧИН И ЖЕНЩИН**

THE PROBLEM OF GENDER STEREOTYPING IN MODERN MALE AND FEMALE PERSONALITY

*Степашкина Валерия Александровна, Бурденева Ксения Олеговна
Stepashkina Valeriya Aleksandrovna, Burdeneva Ksenia Olegovna*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan
kukusya2007@yandex.ru, burdeneva2012@yandex.ru*

Аннотация

Данная статья обращена к вопросу о проявлении гендерных стереотипов у мужчин и женщин. Акцентируется внимание на кризисе традиционного распределения гендерных функций между мужчинами и женщинами. Жесткое следование гендерным требованиям общества в равной степени, как и активная трансформация гендерной идентичности современных мужчин и женщин может явиться причиной переживания психологического неблагополучия личности в обществе.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, гендерная идентичность, гендерное неравенство.

Abstract

This paper deals with the issue of gender stereotyping in men and women. The focus of this problem is based on the crisis of the traditional gender distribution of functions between men and women. Strict adherence to the gender requirements of society, as well as active transformation of the gender identity of modern personality, can cause experiencing of psychological distress

Keywords: gender, gender stereotyping, gender identity, gender inequality.

На современном этапе развития общества отдельного государства и мирового сообщества в целом, все чаще возникает вопрос-проблема о проявлении неравенства и влияния «переживания неравенства» каждой отдельной личностью и социальной группой в аспекте осмысления своей личностной и социальной идентичности. Одним из важных заявлений в контексте темы неравенства было выступление Вагман [5], который указал на тот факт, что неравенство, а точнее, усиливающаяся поляризация оказались «вне контроля». В качестве критериев для проявления неравенства, когда часть общества или социальная группа имеет некоторое представление или даже убежденность в привилегированности по отношению к другим, могут быть выбраны любые – пол, раса, национальность, материальное положение и так далее. Стратификация общества обнаруживает доминирование возможных социальных различий и, следовательно, формируется общественная «привычка» к неравномерному рас-

пределению социальных ресурсов.

Обратимся к одному из сложнейших вопросов о проблеме проявления гендерных стереотипов у современных мужчин и женщин – какое влияние оказывает гендерное неравенство на психологическое благополучие человека? Этот вопрос порождает психологический интерес и стремление к поиску ответов на вопросы про идентичность личности – «Какие роли играют мужчины и женщины в обществе?» и «Что значит быть мужчиной и быть женщиной в современном мире?». Здесь вполне естественно говорить, что на наш взгляд представители различных социальных групп оперируют аргументами, которые подкреплены стереотипными представлениями о ролях женщины и мужчины.

«Гендерные обобщения», которыми руководствуется человек, не имеют ничего общего с реальной проявленностью индивидуально-личностных особенностей человека, однако воздействуют на отно-

шение одного человека к другому. Существует мнение, что гендерная теория и осмысление категории гендер манифестирует, что мужчины и женщины равны, но это не совсем так. Понимание гендерных стереотипов в психологическом научном поле не ставит перед собой цель оспорить существующие различия биологического, психологического и социального характера между мужчинами и женщинами. Важнее в изучении гендера и роли гендерных стереотипов в жизни – общественная интерпретация и социокультурная оценка этих различий, а также построение на их основе иерархичной системы, ведь с точки зрения подлинного взаимодействия человека с человеком факт наличия различий в рамках гендера не имеет значения сам по себе. Гендер – это один из критериев социальной стратификации мира по признаку мужское/женское и половой символизм культуры отражает и поддерживает существующую гендерную иерархию общества в широком смысле слова.

А. И. Кабалева были описаны виды гендерных стереотипов (далее ГС) обуславливающих социальные отношения [1]:

1. ГС «мужественности» и «женственности»: стереотипы, приписываемые людям представления о личностных качествах, которые присущи мужчинам и женщинам в дихотомии активности-пассивности, положительном-отрицательном, свободе-зависимости и т.д.
2. Ролевые ГС: стереотипы о закреплении ролей в соответствии с половой принадлежностью, в дихотомии мужские-женские роли. Ролевая реализация мужчин находится в рамках профессии, женская реализация – в рамках семьи. В наибольшей степени данный вид ГС является «призрачным» показателем нормальности.
3. ГС в разделении труда, которые указывают на то, что мужчины – занимают позицию руководителя, творца в трудовой деятельности, тогда как женщина занимает позицию экспрессивности и отвечает за обслуживание в трудовой деятельности.

Понимание гендера в частном случае у отдельно человека определяет одно из свойств картины мира. Фемининность и маскулинность зачастую, таким образом, приравнивается к социальному статусу. Проявлять фемининность мужчине и маскулинность женщине в социальном контексте, на уровне «Персоны», все еще представляется нетипичным. Если женщина реализуется вне рамок традиционных стереотипов, то возникает ситуация неопределенности для традиционного взгляда на гендерную роль, что выявляет нестабильность традиционной модели мира [4]. При этом мы можем наблюдать тенденцию, что стереотипный образ «настоящего мужчины» значительно более содержателен, чем образ «настоящей женщины» и оценивается обществом более положительно.

На сегодняшний день определено, что консервативные укоренившиеся представления о ролевом пове-

дении, как мужчин, так и женщин оказывают крайне негативное влияние на процесс взаимодействия между ними при (часто) возникающей необходимости исполнять «чужую» роль в семье, браке, профессии. Оказалось, что мужчины и женщины переживают повышенный стресс и сильную фрустрацию при смене функций, так как утрачивается возможность реализации себя в рамках традиционного гендерного статуса, что в свою очередь приводит к возникновению конфликтов и гиперконкуренции за сохранение своих позиций [2].

Соответственно, ГС являются препятствием для полноценного раскрытия потенциала каждой личности внутри группы. Существует много негативных эффектов гендерного неравенства и стереотипизации (такое положение укрепилось в сфере образования, спорта, литературе, в пространстве СМИ и т.д.). Скрытое и явное давление ГС, в виде социального разрыва между мужчинами и женщинами, становится больше. Но реальный разрыв между ними не так велик, как кажется.

При этом в нашей стране традиционный гендерный аспект социализации подрастающего поколения, который активно проявлен и на культурном, и на семейном уровне, продолжает воссоздавать патриархальность ГС в отношениях мужчин и женщин в общественной и личностной сфере. Однако данные стереотипы все чаще вступают в противоречие с реальными трансформациями современных гендерных отношений [3].

Мы сталкиваемся с парадоксальной тенденцией, люди предпочитают играть по правилам мужского и женского в стратификации (разделении) по гендерному признаку, однако испытывают негативные переживания, когда подвергаются проявлениям гендерного неравенства. К тому же преодоление воздействия ГС может происходить за счет активной (иногда даже агрессивной) трансформации гендерного поведения, граничащего с психологической дезадаптацией. В некотором смысле ответы на поставленные ранее вопросы о женщине и мужчине в современном обществе находятся в выборе, рассмотрении, обсуждении и анализе того, что для меня значит быть женщиной и что для меня значит быть мужчиной. При анализе собственной идентичности важно опираться на принятие своего пути в аспекте гендерного выбора с четким пониманием – «мое» не значит «чужое». Иными словами, исходя из осознанного выбора, человеком не приписываются черты женского или мужского другому («чужому»), личность не требует от другого соответствия любым гендерным «требованиям». Таким образом, мы можем утверждать, что гендер – это выбор каждого конкретного человека относительно своего гендерного поведения, самоощущения, переживания своей идентичности, который при этом не рассматривается единственно верным в контексте жизни другого с иным выбором гендерной модели поведения.

Литература:

1. Кабалевская А. И. Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии // Психологические исследования. 2012. № 2(22). С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2020).
2. Морозова Г. А. Гендерные стереотипы и их влияние на отношения полов // Научные исследования в вузе. Межвузовский сборник научных трудов. Под общей редакцией А. Г. Плеханова. Самара. Изд-во: ООО «Научно-технический центр». 2019. С. 142–155.
3. Троицкая Н. Н. Гендерная социализация и гендерные стереотипы в современной российской семье // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика.» Под ред. Рязанцева С. В., Ростовской Т. К. Москва. Изд-во: ООО «Экон-Информ». 2019. С. 336–339.
4. Юрьева В. С. Психологическая и физическая безопасность женщин в контексте гендерных стереотипов и социальных ролевых моделей // Идентичность, благополучие и безопасность: теоретические и практические исследования. материалы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург. Изд-во: АНО ВО «Гуманитарный университет». 2019. С. 104–110.
5. Bauman Z. Out of control and running wild; or (recent) history of modern inequality. Prague, 25–28 August 2015. ESA 12th Conference. Differences, inequalities and socio-logical imagination. Abstract book. P. 10. URL: http://esa12thconference.eu/sites/esa12thconference.eu/files/esa_2015_book_of_abstracts.pdf (accessed: 15.05.2020).

УДК 159.99

**СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА**

**THE SPECIFICS OF THE MANIPULATIVE BEHAVIOR OF STUDENTS AND TEACHERS IN THE
EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY**

Маринина Алина Евгеньевна

Marinina Alina Evgenievna

*Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»,
Россия, Лесосибирск*

*Lesosibirsk Pedagogical Institute – branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education «Siberian Federal University», Russia, Lesosibirsk*

m_a_evgenievna.01@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке ККФНиНТД.

Аннотация

В статье рассматривается специфика манипулятивного поведения студентов и преподавателей в образовательной среде ВУЗа. Выявлены основные типы манипулятивного поведения у студентов и преподавателей.

Ключевые слова: манипулятивное поведение, образовательная среда, учащиеся, преподаватели, студенты, высшее учебное заведение.

Abstract

The article discusses the specifics of the manipulative behavior of students and teachers in the educational environment of the university. The main types of manipulative behavior among students and teachers are revealed.

Keywords: manipulative behavior, educational environment, students, teachers, students, higher education institution.

С самого раннего возраста мы сталкиваемся с манипулятивным поведением. Иногда в роли манипулятора выступают наши близкие, знакомые, а иногда и мы сами. Еще в детстве ребенок может манипулировать своими родителями, незаметно для себя используя вербальные способы манипуляции, например, требует к себе внимания с помощью крика или плача. Со временем это перерастает в более осознанное поведение и становится более заметным в обра-

зовательной среде (в школе или в ВУЗе). Но не стоит забывать, что иногда и сами обучающиеся выступают в роли жертвы манипуляции со стороны преподавателей.

Рассмотрим содержание понятий «манипуляция» и «манипулятивное поведение». В книге Н. Ю. Непряхина «Я манипулирую тобой. Методы противодействия скрытому влиянию» манипуляция – это скрытое психологическое воздействие

на собеседника с целью добиться от него желаемого поведения. В основном, данное воздействие заключается в игре на чувствах и эмоциях жертвы, оно иррационально по своей природе и доставляет психологический дискомфорт. Рядом с манипулятором у людей появляется чувства угнетения, подавленности и незащищенности [4].

Основной причиной возникновения у человека манипулятивного поведения являются жизненные обстоятельства, которые его окружают. Это может быть взаимодействие с окружающими людьми, например, со знакомыми, близкими, коллегами по работе или же друзьями, в процессе которых человек хочет достичь желаемого результата, применяя при этом манипуляцию [2].

В образовательной среде ВУЗа обучающиеся и преподаватели также используют разные варианты манипулятивного общения. У студентов владение многочисленными приемами управления окружающими людьми сочетается с малой информированностью об альтернативных формах поведения, недостаточной сформированностью умения защитить себя от манипуляций со стороны сверстников и взрослых в момент общения. Не стоит забывать, что у обучающихся во время обучения в ВУЗе происходят значительные изменения во всех сферах самосознания. Это выражается в характерных нарушениях норм и правил, желании нарушить границы установленных договоренностей. Основными приемами манипулятивного поведения студентов являются:

1. «Ворона и лисица» – манипуляция осуществляется за счет лести, подхалимства.
2. «Посмотри на себя» – происходит проекция ситуации на жертву манипулирования, т.е. манипулятор пытается поставить в пример свою жертву и внушить ему, что все, что происходит и произойдет – это из-за него и по его вине.
3. «Пожалей» – манипулятор пытается вызвать у своей жертвы чувства вины и сочувствия по отношению к себе.
4. «Умнейший» – манипуляция заключается в том, что манипулятор начинает задабривать свою жертву лестными высказываниями в его адрес, что он «самый умный», «самый лучший».

Но не все обучающиеся используют манипуляцию для достижения своих целей или при общении с однокурсниками [1]. В основном, студенты используют манипулирование по отношению к преподавателям, чтобы получить хорошую оценку на экзамене или зачете, прилагая к этому как можно меньше усилий и имея при этом минимум знаний по данной дисциплине.

Не стоит забывать, что и сами преподаватели ВУЗов также прибегают к манипулированию обучаю-

щимися, чтобы поддерживать свой авторитет, а также дисциплину в образовательной среде ВУЗа. В манипулятивном поведении они используют такие приемы:

1. «Наказание оценками» – преподаватель в качестве манипулирования использует оценки, несправедливо занижая их или завышая. Если для жертвы очень важен хороший результат после окончания ВУЗа, то она готова на все, чтобы достичь этого и не испортить свой аттестат или успешно закрыть сессию.
2. «Система любимчиков» – манипулятор выбирает из группы парочку студентов, которые становятся его «любимчиками», а они, в свою очередь, выполняют все его поручения, например, помогают поддерживать дисциплину в группе или «доносить» ему о одноклассниках.
3. «Ваш друг» – преподаватель пытается построить доверительные отношения со студентами, говоря им, что ему можно доверять, что он всегда поможет им, ведь он «Ваш друг», но на деле, это всего лишь слова, чтобы с лёгкостью можно было манипулировать обучающимися.

Ученые выявили, что к манипулятивному поведению в основном прибегают люди со средним уровнем самооценки. Если у обучающихся или преподавателей выявлена завышенная самооценка, то уровень манипулирования будет низким или средним. Это указывает на то, что у людей с завышенной самооценкой нет необходимости применять манипуляции и управлять людьми. Обычно они являются автономными личностями: «проявляется на поведенческом уровне – самостоятельность решений; на эмоциональном уровне – независимость привязанностей, увлечений, симпатий; на морально-ценностном уровне – выражение собственных взглядов и мнений» [3].

У людей с заниженной самооценкой желание прибегнуть к манипулятивному поведению появляется довольно редко, зачастую они становятся на противоположную сторону – сторону жертвы манипулирования, или же создают свои собственные приемы манипулирования. Возможно, это причина того, что данная категория людей очень доверчивая и готова к подсознательному управлению окружающими их людьми. [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что фактором, влияющим на манипулятивное поведение студентов и преподавателей в образовательной среде ВУЗа, является уровень их самооценки. Человек не рождается манипулятором, а становится и развивает эту манеру поведения в себе. Благодаря ей, существование человека становится более комфортным, но благодаря ей же, он утрачивает способность переживать ценность и полноту своего существования.

Литература:

1. Адамова Л. Е. Изменение самоотношения личности в ситуациях успеха и неуспеха в учебной и профессиональной деятельности: автореф. дис. канд. психол. наук / Л. Е. Адамова. – Ставрополь, 2003. – 22 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1992. – 400 с.
3. Петрова Н. П. Специальная воспитательная работа в вузе как способ социально – психологической адаптации студентов – иностранцев / В сборнике: Теоретические и практические вопросы психологии и педагогики / Н. П. Петрова. – Москва, 2015. – С. 143–146.
4. Непряхин Н. Ю. Я манипулирую тобой. Методы противодействия скрытому влиянию / Н. Ю. Непряхин. – Москва: ООО Альпина Паблишер, 2018.

УДК 159.92

**РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО
ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ****PERSONALITY DEVELOPMENT AS A FACTOR OF REPRODUCTION SOCIAL
HEALTH PERSONALITY***Удалова Лариса Викторовна**Udalova Larisa Viktorovna**Тверской государственный технический университет, Россия, Тверь**Tver State Technical University, Russia, Tver**lv.udalova@mail.ru***Аннотация**

В данной статье рассматриваются причины, пагубно влияющие на развитие личности, приводящие к ее упадку, отмеченные Бехтеревым В. М. в своем докладе «Личность и условия ее развития и здоровья». Автором отмечено, что встраиваясь в систему социальных взаимодействий, в совместной деятельности с себе подобными, человек становится личностью. Современная тенденция ведет к необходимости уметь оценивать душевное состояние личности, понимать целостность человека, органически включающего соматическую и психическую составляющие, такое толкование условий развития личности позволяет его связать с темой воспроизводства социального здоровья.

Ключевые слова: личность, здоровье, социальное здоровье, социализация.

Abstract

This article discusses the reasons adversely affecting the development of personality, leading to its decline, noted V. Bekhterev in his report “Personality and conditions of its development and health”. The author noted that when integrating into the system of social interactions, in a joint activity with ones like ones, a person becomes a person. The current trend leads to the need to be able to assess the mental state of a person, to understand the integrity of a person who organically includes somatic and mental components, such an interpretation of the conditions for the development of personality allows it to be associated with the topic of reproduction of social health.

Keywords: personality, health, social health, socialization.

Здоровье – это одна из основных характеристик человеческого бытия и осмысливается в разные периоды времени исходя из существующих традиций и ценностей. В XXI веке растет интерес к проблемам здоровья человека. Сегодня мы часто слышим, что «медицина только лечит болезни, а заниматься здоровьем предстоит самому человеку» [3]. В. М. Бехтерев считал, что охрана здоровья личности и правильное ее развитие, это та цель, к которой необходимо стремиться [2]. Негативные тенденции здоровья населения, увеличившиеся во время социально-экономических перемен в 90-е годы прошлого века, вызвали необходимость радикальных изменений в сфере здоровья.

Под личностью, отмечал Бехтерев В. М., следует понимать не только объединяющее начало, но и направляющее начало, «которое руководит мыслями, действиями и поступками человека», «таким образом, кроме внутреннего объединения и координации личность, как понятие, содержит в себе и активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий». В своем определении Бехтерев В. М., выделяет не только субъективную, но и объективную сторону личности, «в этих объективных явлениях собственно и содержится то обогащение, которое вносит личность в окружающий ее внешний

мир», «личность с объективной точки зрения есть ничто иное, как самодеятельная особь со своим психическим укладом с индивидуальным отношением к окружающему миру». [2].

Встраиваясь в систему социальных взаимодействий, в совместной деятельности с себе подобными, человек становится личностью. Этот процесс называется социализация. Ее основа заключается в том, что индивид погружается в социальную среду, усваивает и воспроизводит социальные связи, приобщается его к социальным процессам, принятым ценностям и нормам. [4]. На индивидуальном уровне отношение к здоровью в настоящее время представляет собой стихийный процесс, отношение к здоровью характеризуется отсутствием идеологии здоровья при доминировании внимания к болезням, а не к здоровью.

Современная тенденция ведет к необходимости уметь оценивать душевное состояние личности, понимать целостность человека, органически включающего соматическую и психическую составляющие. [1].

Такое толкование условий развития личности позволяет его связать с темой воспроизводства социального здоровья. Понятие «социальное здоровье», в настоящее время, активно входит в научный дискурс и определяется как «состояние благополучия, рассматриваемое через призму социальных отношений, систему социальных ценностей, этических, нравственных и правовых норм общественного устройства, ... среди них главными являются: равные возможности, гарантия прав и защищенность, свобода и независимость личности» [3].

Римашевская Н. М. отмечает, что социальное здоровье общества необходимо рассматривать с субъективных и объективных позиций, так как оно определяется степенью воплощения социальных ценностей и соответствует степени удовлетворенности индивида, условиями и качеством жизни, [5]. Существуют и более краткие определения, такие как «социально здоровым индивидуумом считается тот, кто содействует развитию общества» [6].

По мнению В. А. Ядова социальное здоровье зависит от «социального ресурса», или «социального капитала» личности, который состоит из следующих составляющих: социальное происхождение, первичная социализация, возраст, состояние здоровья, образование, квалификация, владение иностранными языками, показатель материального благополучия, гендерная, этнокультурная и религиозная принадлежность и т.п. [8].

Можно сделать вывод о том, что «здоровье» – это социальный феномен, продукт эволюции общества, которая связана с определенным историческим периодом времени, его культурными и социальными условиями.

Бехтерев В. М. в своем докладе «Личность и условия ее развития и здоровья» отметил причи-

ны, пагубно влияющие на развитие личности, приводящие к ее упадку.

- Природа организма, «наследие его отцов или те антропологические особенности, которые составляют почву для развитая личности», – это первое, основное условие правильного развития личности.
- Биологический фактор Связан с условиями зачатия и развития человеческого организма. Это элемент вырождения, он коренится в условиях неблагоприятного зачатия и развития плода: неблагоприятная психо- или невропатическая наследственность, физические недостатки, болезни матери во время зачатая и беременности, алкоголизм родителей, тяжелые физические и психические моменты в течение беременности. Последствием их являются дегенеративные особенности потомства, которые сводятся к разложению личности и к ее упадку.
- Физические условия. Это гармоничное развитие тела и духа, непосредственное соотношение между физическим и психическим. Если физическое развитие от природы слабо, если человек с раннего возраста и в зрелом возрасте подвергается целому ряду инфекционных болезней, то развитие личности будет задержано.
- Неблагоприятные экономические условия, приводящие к физическому ослаблению организма.
- Хронические отравления, в особенности те, которые поражают в первую очередь мозг, это алкоголизм, наркомания.
- Воспитание и образование. В дошкольном возрасте воспитание играет большую роль. В это время закладываются основные особенности будущей личности, «что касается образования, то и в этом отношении повидимому более заботятся о загромождении головы знаниями, подчас совершенно ненужными, ... нежели о развитии критики и самостоятельного мышления, которые составляют истинный залог самодеятельности будущей личности».
- Отсутствие общественной деятельности. Личность без общественной деятельности становится пассивным членом общества, безразличным к общественной жизни. [2].

Личность – это основа, на которой формируется общество. Если недоразвитие личности приводит к ее пассивности, в последствие к отсталости всего общества, то подавление личности приводит ее к болезненным состояниям, обезличиванию и даже к самоубийству [2].

Вопрос, связанный с социальным здоровьем населения России имеет, существенный социально-экономический, политический, психологический отклик. Следуя определению, данного Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), – здоровье – «это состояние полного физического, душев-

ного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни», здоровье как социальный феномен, как понятие, отражает физиологические возможности человека, его личностные и социальные ресурсы. Однако понятие «здоровье» включает в себя не только индивидуальные поведенческие особенности человека, но и его материальное, экономическое, психосоциальное состояние. Взаимосвязь биологических, социальных, экономических и морально-психологических факторов, это то, что необходимо для сохранения здоровья человека. [7].

Мы присоединяемся к словам Бехтерева В. М. сказанным в речи, произнесенной 4 сентября

1905 года на Втором съезде отечественных психиатров в городе Киеве: «Личность задавливается еще при самом зачатке своего развития в школе, дающей ей неподходящую духовную пищу вместе с тяжелым нравственным гнетом, уничтожающим в ней всякую самостоятельность; она задавливается в семье, где господствуют и пользуются покровительством закона патриархальные нравы и обычаи; она систематически задавливается даже там, где государство непосредственно опирается на ее силу и мощь, т.е. в войсках; она задавливается в общественной жизни при проявлении лучших ее стремлений» [2].

Литература:

1. Беялов, Ф. И. Психосоматика / Ф. И. Беялов. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. – 360 с.
2. Бехтерев, В. М. Личность и условия ее развития и здоровья: Речь, произнес. 4 сент. 1905 г. на Втором съезде отеч. психиатров в г. Киеве / [Соч.] Акад. В. М. Бехтерева. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: К. Л. Риккер, 1905. – 43 с.
3. Журавлева, И. В. Отношение к здоровью индивида и общества / И. В. Журавлева; Российская акад. наук, Ин-т социологии. – М.: Наука, 2006. – 238с.
4. Ильин, В. В. Философия: учебник / В. В. Ильин. – М.: Прспект, 2019. – 480 с.
5. Римашевская, Н. М. О методологии определения качественного состояния населения / Н. М. Римашевская // Демография и социология. – Вып. 6 – М., 1993 – С. 7–21.

УДК 159.922.8:316.628.23

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЕ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION AND SOCIAL ATTITUDES IN THE MOTIVATIONAL-NEED SPHERE OF SENIOR PUPILS

*Додога Людмила, Терещук Раиса
Dopoga Lyudmila, Tereshchuk Rayisa*

*Кировский филиал АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», Россия, Киров
Kirov branch of the APEI HE «Moscow University of Finance and Law MFUA», Russia, Kirov*

*ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Россия, Киров
FSBEI HE "Vyatka State University", Russia, Kirov*

donogaliudmila@gmail.com, teresciucpsihologie@rambler.ru

Аннотация

В статье приводятся и анализируются результаты эмпирического исследования социально-психологической адаптации и социальных установок в мотивационно-потребностной сфере, полученные на выборке испытуемых, состоящей из 72 учеников 11-го и 12-го классов теоретического лицея имени академика К. Сибирского (г. Кишинев, Республика Молдова).

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, социальные установки в мотивационно-потребностной сфере, старшекласники.

Abstract

The article presents and analyzes the results of an empirical study of socio-psychological adaptation and social attitudes in the motivational-need sphere, obtained on a sample of subjects consisting of 72 senior pupils of 11th and 12th grades of the theoretical lyceum named after academician K. Sibirsky (Chisinau, Republic of Moldova).

Keywords: socio-psychological adaptation, social attitudes in the motivational-need sphere, senior pupils.

Происходящие в обществе трансформации ставят человека перед необходимостью непрерывной адаптации к постоянно изменяющейся социальной среде, предъявляя повышенные требования к личности,

среде. В связи с этим проблема социально-психологической адаптации человека не теряет своей актуальности. В периоды глубоких социальных преобразований возрастает социальный заказ на новые знания о психологических механизмах, обуславливающих эффективность адаптационных процессов. Происходящие изменения в жизненных условиях влекут за собой перемены в вершинных психических структурах личности. К значимым личностным системам, которые определяют успешность социально-психологической адаптации и сами преобразовываются в этом процессе, относятся социальные установки.

Социально-психологическая адаптация рассматривается как активное самоизменение личности в соответствии с требованиями ситуации [3], как способ самораскрытия личности, которая сама делает выбор: достигать лишь соответствия требованиям среды или преодолевать зависимость от среды, раскрывать свой потенциал, преобразовывать себя и окружающую среду [2].

В контексте отмеченных выше положений, мы предположили, что социально-психологическая адаптация обусловлена особенностями социальных установок личности. Чтобы проверить данную гипотезу мы поставили перед собой цель изучить связь социально-психологической адаптации и социальных установок в мотивационно-потребностной сфере у старшеклассников. Реализация цели исследования предполагала решение таких задач: определение уровня социально-психологической адаптации у старшеклассников; выявление особенностей социальных установок старшеклассников в мотивационно-потребностной сфере. В качестве психодиагностического инструментария в исследовании были использованы релевантные задачам исследования методики: «Диагностика социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда

и «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потемкиной.

Анализ эмпирического материала показал, что в выборке испытуемых оказались четыре группы старшеклассников: с уровнем социально-психологической адаптации ниже среднего (16,7%); со средними показателями по данной переменной (33,3%); с показателями выше среднего уровня (34,7%) и с высоким уровнем социально-психологической адаптации (15,3%).

Количественный анализ результатов констатирующего эксперимента показал, что среди объектов социальной установки, по степени значимости у старшеклассников выделяется два мотива – процесс и свобода (по 6,3 балла). За ними следуют альтруизм (5,3), результат (5,2), труд (4,7), эгоизм (4,2), деньги (3,3) и власть (2,7).

Сопоставление результатов по двум методикам позволило проследить зависимость уровня социально-психологической адаптации испытуемых от иерархии их социальных установок. В таблице 1 выделены иерархии 4 самых значимых мотивов у каждой из сравниваемых групп испытуемых.

Из таблицы следует, что у всех старшеклассников, независимо от уровня их социально-психологической адаптации, в иерархии наиболее значимых мотивов присутствуют такие установочные объекты как процесс и свобода. В каждой группе отличительным является лишь статус этих мотивов в иерархии социальных установок. Так, у старшеклассников с уровнем социально-психологической адаптации ниже среднего на первом месте стоит процесс, но для них также важна свобода. По значимости она занимает второе место. Будучи ориентированными на процесс, такие старшеклассники меньше задумываются над достижением результата. Этот мотив и не попал в число четырех значимых объектов.

Таблица 1. Иерархии значимых мотивов у старшеклассников с разными уровнями социально-психологической адаптации

Уровни социально-психологической адаптации			
Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Значимые мотивы			
Процесс	Альтруизм	Процесс	Свобода
Свобода	Свобода	Свобода	Процесс
Альтруизм	Процесс	Труд	Результат
Эгоизм	Результат	Результат	Альтруизм

Старшеклассники со средним уровнем социально-психологической адаптации, будучи более других альтруистически ориентированными, также высоко ставят свободу и процесс. Но в отличие от предыдущей группы сверстников, для старшеклассников со средним уровнем социально-психологической адап-

тации важным становится и результат. Этот мотив занимает лишь четвертое место, но все-таки появляется в списке значимых объектов. Для старшеклассников с уровнем социально-психологической адаптации выше среднего также важны процесс и свобода, но для них приобретают значение и такие мотивы,

как труд и результат. Старшеклассники с высоким уровнем социально-психологической адаптации на первое место ставят свободу, для них важен процесс, но результат, как мотив, поднимается у них на ступень выше, чем у остальных сверстников. Эти данные дают право думать, что именно направленность на результат обеспечивает некоторым старшеклассников более высокий уровень социально-психологической адаптации. Социальные установки на процесс обеспечивают старшеклассникам определенный уровень социально-психологической адаптации, но этот уровень во многом зависит от того, какое место занимает результат в иерархии их социальных установок.

По мнению В. А. Петровского [1], активность, направленная на достижение результата является адаптивной активностью. Но человек, подчеркивает цитируемый автор, проявляет и неадаптивную активность. Неадаптивная активность, в отличие от адаптивной активности, направлена на процесс, на поиск новых путей решения задач и достижения целей, на проверку своих возможностей, на их познание и развитие. Следовательно, полученные нами данные могут быть интерпретированы так: чем больше ориентированы старшеклассники на результат, тем больше проявляют они адаптивную активность и тем выше у них уровень социально-психологической адаптации. И, наоборот, чем больше ориенти-

рованы старшеклассники на свободу и процесс, тем больше свойственна им неадаптивная активность и тем ниже у них уровень социально-психологической адаптации.

Представленные выше результаты позволяют сделать такие выводы:

1. Особенности социальных установок в мотивационно-потребностной сфере старшеклассников обуславливают уровень их социально-психологической адаптации. Направленность старшеклассников на процесс обеспечивает им более низкий уровень социально-психологической адаптации. По мере того, как результат приобретает большую значимость в иерархии социальных установок старшеклассников, уровень их социально-психологической адаптации повышается.
2. Активность старшеклассников, направленная на процесс носит неадаптивный характер. Неадаптивная активность старшеклассников направлена на поиск собственных путей решения проблем, на испытание и развитие своих возможностей. Она обеспечивает старшеклассникам чувство самоопределения, самодетерминации и осознание собственной субъектности. Для этого старшеклассникам, кроме процесса, нужна свобода, чтобы самим определять какими путями решать возникающие проблемы и достигать свои цели.

Литература:

1. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: ТОО «Горбунок», 1992. – 224 с.
2. Посохова С. Т. Личностный адаптационный синдром в экстремальных условиях профессиональной деятельности // Вестн. С.-Петерб. ун-та. – Сер. 12. – 2011. – № 4. – С. 7–13.
3. Реан А. А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм, 2006. – 479 с.

УДК 159.9.072

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ОЦЕНКА НАДЕЖНОСТИ ОПРОСНИКА «ОЦЕНКА УРОВНЯ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УНИВЕРСИТЕТУ»

THEORETICAL JUSTIFICATION AND ASSESSMENT OF THE QUESTIONNAIRE RELIABILITY "ASSESSING THE LEVEL OF STUDENTS ADAPTATION AT A UNIVERSITY"

*Нугманова Джамилia Ренатовна, Куприянов Роман Владимирович
Nugmanova Dhzamilia Renatovna, Kupriyanov Roman Vladimirovich*

Autonomous University of Barcelona (Universitat Autònoma de Barcelona), Barcelona, Spain

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Россия, Казань

Kazan National Research Technological University, Russia, Kazan

djamilia_ng@list.ru, kroman1@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена проблема измерения уровня адаптации студентов к обучению в вузе. Дано описание предложенной нами методики «Оценка уровня адаптации студентов к обучению в вузе», состоящей из четырех шкал, которые базируются на четырех компонентах адаптационного процесса. Рассмотрены возможности ее применения. Теоретически обоснована и раскрыта конструкция шкал, приведены результаты пилотного исследования их надежности и согласованности.

Ключевые слова: компоненты адаптационного процесса, физиологическая адаптация, социально – культурная адаптация, социально – психологическая, академическая адаптация, согласованность, конструктивная валидность.

Abstract

The article deals with the problem of measuring the level of adaptation of student to university studies. A description of our proposed methodology for “assessing the level of students adaptation at a university”, which are based on the four components of the adaptation process is given. Possibilities of its application are considered. The design of scales is theoretically justified and disclosed, the results of a pilot research of its reliability and consistency are available.

Keywords: components of adaptation process, physiological adaptation, sociocultural adaptation, socio – psychological adaptation, academic adaptation, consistency, construct validity.

Проблема адаптации студентов является одной из самых актуальных тем не только в России, но и в Европейском союзе и других странах. Мобильность студентов является сегодня одной из образовательных задач, всех цивилизованных стран, как мощный инструмент обмена опытом. «Болонский процесс» начавшийся в Европейском пространстве высшего образования и поддержанный Россией стремиться содействовать мобильности между европейскими системами образования, способствуя взаимному признанию периодов обучения, сопоставимых квалификаций и единообразных уровней качества. К примеру, в период с 1987 по 2017 год программа Erasmus + предоставила возможность более 4 миллионам человек, в основном молодым людям, учиться, обучаться, получать опыт работы или работать волонтером в другой стране. В этом процессе глобальной интеграции в Европейском Союзе продолжают проявляться, те же затруднения, которые характерны и для процесса адаптации студентов в России. Это различия между национальными системами образования, в методах стимулирования в школах и университетах, в культурных традициях, языке, климате, возрасте, зрелости и уровнях академической самостоятельности студентов.

Компоненты процесса адаптации студентов первокурсников к обучению в вузе. Проведенный анализ научной литературы показал, что существуют разные точки зрения на процесс адаптации студентов к обучению в вузе. В методическом обосновании исследования процессов адаптации мы придерживаемся взгляда, что адаптация – это целостный, системный процесс, характеризующий взаимодействие человека с природной и социальной средой, в которой можно выделить психофизиологические, поведенческие, когнитивные и субъектно-личностные компоненты адаптационного процесса [4]. Исходя из вышесказанного, адаптацию студента к университету можно рассмотреть, как сложный по структуре феномен, представляющий собой взаимодействие различных видов адаптации [3, с. 22]. На основе данного подхода мы выделяем следующие компоненты адаптационного процесса у студентов первокурсников: физиологический компонент адаптации; академи-

ческий компонент адаптации; социально – культурный компонент адаптации; социально – психологический компонент адаптации, который в свою очередь подразделяется на социальную и психологическую адаптацию.

Анализ существующих психодиагностических методик показал, что на данный момент не существует единой методики, позволяющей одновременно дать оценку всем компонентам процесса адаптации у студентов первокурсников. Большинство методик направлено на оценку одного – двух компонентов процесса адаптации. В результате для комплексной оценки процесса адаптации студента первокурсника необходимо задействовать целую батарею психодиагностических инструментов, что создает значительную нагрузку на психологов университета при обработке, анализе и интерпретации результатов батареи методик. Таким образом существует противоречие, между потребностью в компактной методике для всесторонней оценки уровня адаптации студентов первокурсников к обучению в вузе и отсутствием подходящих психодиагностических инструментов.

Авторами была разработана опросник «Оценка уровня адаптации студентов к университету», направленный на измерение физиологического, социально – культурного, социально-психологического, академического и интегрального уровня адаптации студентов к университету [5]. Опросник может использоваться для диагностики уровня адаптации и для оценки риска дезадаптивных процессов. Опросник состоит из 4 шкал, каждая из которых содержит вопросы по отдельному компоненту адаптационного процесса. Опросник позволяет оценить уровень адаптации по каждому из компонентов процесса адаптации и дает возможность дать оценку общего уровня адаптации. Стимульный материал опросника представляет собой 25 вопросов, на которые предусмотрены ответы по 7-балльной шкале Лайкерта. Эта методика предполагает, что испытуемый не заинтересован скрыть данные о своем уровне адаптации. Методика не имеет шкал защиты, в связи с чем необходимо обеспечить создание доверительной обстановки проведения опроса. Время выполнения заданий опросника составляет 7–10 мин.

Оценка надежности опросника «Оценка уровня адаптации студентов к университету». В рамках пилотного исследования была проведена апробация опросника на выборке студентов первокурсников (N = 245). Исследование выполнено на базе ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский

технологический университет» и КФУ «Казанский (Привожский) федеральный университет». Исследовались лица в возрасте от 17 до 22 года студенты первокурсники разных специальностей инженерные и гуманитарные в течение 3 первых месяцев обучения.

Таблица 1. Средние значения по шкалам и показатели согласованности шкал.

Шкалы опросника	Среднее по шкале	Альфа Кронбаха	Средняя межпозиционная корреляция
Социально – культурный компонент адаптации	4,65±1,08	0.76	0.40
Физиологический компонент адаптации	4,85±0,87	0.73	0.34
Социально–психологический компонент адаптации	5,03±0,91	0.83	0.42
Академический компонент адаптации	4,88±0,87	0.72	0.27

Из таблицы видно, что средняя межпозиционная корреляция у всех шкал высокая. Наиболее высокие показатели межпозиционной корреляции у шкалы социально – психологической адаптации и шкалы социально – культурной адаптации. Все значения межпозиционных корреляций шкал опросника разбросаны от 0.27 до 0.41, что свидетельствует о межпозиционной согласованности шкал. Внутренняя согласованность внутри шкал отражает то, насколько, вопросы, составляющие материал этой методики, работают на измерение уровня адаптации. Значения альфа Кронбаха в нашем опроснике больше, 0.7 по всем шкалам. Таким образом, все шкалы опросника имеют достаточную согласованность и измеряют с разных сторон процесс адаптации. Достаточная внутренняя согласованность шкал методики является доказательством ее конструктивной валидности. Ссылаясь на А. Анастаси, можем утверждать, что хорошая внутренняя согласованность внутри шкал методики, является существенной мерой однородности внутри шкал [1] показы-

вает нам процесс адаптации с разных сторон, и тем самым подтверждает теоретический конструкт опросника. Полученные нами данные свидетельствуют о теоретической обоснованности методики.

Заключение. На основе проведенного анализа научной литературы и проведенного пилотного исследования, можно сделать следующие выводы:

- Адаптация это целостный, системный процесс, характеризующий взаимодействие человека с природной и социальной средой.
- Адаптацию студента к университету можно определить, как сложный по структуре процесс, состоящий из различных компонентов адаптации: физиологической, социально – психологической, социально – культурной и академической.
- Пилотажное исследование показало высокую внутреннюю согласованность шкал методики «Оценка уровня адаптации студентов к университету», что дает возможность для проведения дальнейших исследований с использованием данной методики.

Литература:

1. Анастаси А. Психологическое тестирование. Книга 1, 2. – М.: Просвещение, 1982.
2. Анциферова Л. И. Принцип развития в психологии. – Академия наук СССР: Институт психологии, 1974
3. Арсеньев, Д. Г. Социально-психологические и физиологические проблемы адаптации иностранных студентов / Д. Г. Арсеньев, А. В. Зинковский, М. А. Иванова. – СПб.: СПбГПУ, 2003. – 160 с.
4. Реан А. А. Психология личности: Социализация, поведение, общение. СПб., 2004. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.
5. Kupriyanov, R. Nugmanova, D. EL CUESTIONARIO DE EVALUACIÓN DEL NIVEL DE ADAPTACIÓN DE ESTUDIANTES A LA UNIVERSIDAD 5th International Congress of Clinical and Health Psychology on Children and Adolescents, held in Oviedo (Spain), from organized by AITANA-UMH and the University of Oviedo, 2019.

УДК 159.944.4

КРИЗИС ПОЛО-РОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН**CRISIS OF GENDER-ROLE IDENTITY AMONG WOMEN***Ильина Татьяна Игоревна, Гуриева Светлана Дзахотовна**Ilina Tatiana Igorevna, Gurieva Svetlana Dzahotovna**Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia**Tatilina91@gmail.com, gurievasv@gmail.com***Аннотация**

В данной статье предлагается новый взгляд на кризис поло-ролевой идентичности женщин. Статья представляет собой аналитический обзор литературы, в которой рассматривается период появления у женщины первого ребенка как кризис идентичности, что усиливает вероятность развития синдрома эмоционального выгорания. Анализируются основные аспекты профессионального выгорания в применении к родительской деятельности. Предлагаются направления для дальнейшего изучения проблемы.

Ключевые слова: материнство, кризис идентичности, материнская идентичность, родительская деятельность, эмоциональное выгорание, симптомы эмоционального выгорания.

Abstract

In this article a new view on conditions of development of syndrome of gender-role crisis of women. The article represents an analysis of the study of the basic approaches to research the first child appearing as a critical period of female identity. We suppose that deconstructive overcoming of the mother's identity crisis forces the probability of the syndrome of emotional burnout development. In the article the legitimacy of researching the syndrome of emotional burnout not linked to work-related stress is confirmed. The basic aspects of professional burnout in application to parental activity are analyzed. The author offers some directions of further studying the problem.

Keywords: motherhood, identity crisis, mother's identity, parental activity, emotional burnout, symptoms of the syndrome of emotional burnout.

Мы живем в эпоху глобализации, радикальных изменений в сознании людей, трансформации структурных единиц общественной организации, что ставит под угрозу «священный Грааль» человечества, первооснову духовной культуры, единицу функционирования общества – семью. Происходящие изменения во всех сферах жизнедеятельности, такие как: сокращение многодетных семей, добровольный отказ иметь детей, сокращение населения, увеличение количества разводов, и, соответственно, матерей-одиночек и детей-беспризорных, рост незарегистрированных браков и, как следствие, рождение официально незарегистрированных детей, подрывают основы функционирования семьи – происходит девальвация семейных ценностей, происходит падение социально значимой роли материнства. Таким образом, интерес к проблемам материнства обусловлен, с одной стороны, потребностями современного общества, в связи с необходимостью психологической поддержки матерей, с другой, активным проникновением в общественное сознание идеи об «эксклюзивной» роли матери в раннем развитии ребенка. В исследовании феномена материнства выделяются два аспекта: материнство как формирование условий для гармоничного развития ребенка, и материнство как элемент личностной идентичности женщины.

Впервые в отечественной науке появилось исследование об эмоциональном выгорании матерей, которое связано с работой Л. А. Базалева [3], защитившей кандидатскую диссертацию по теме «Личностные факторы эмоционального «выгорания» у матерей в отношениях с детьми» (2010). В результате многолетнего исследования автором были сформулированы выводы о том, что специфический набор личностных качеств матери и характер ее отношений с ребенком значимо коррелируют с уровнем эмоционального выгорания. Помимо собственно выводов по теме исследования, работа также имеет огромное значение как первый отечественный успешный научно-обоснованный труд, выводящий феномен выгорания за пределы сугубо профессиональной сферы.

В дальнейшем эта проблема также получила развитие, результатом которого можно считать статью «Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии» Г. Г. Филипповой [17, с. 154–159], которая, опираясь на богатый практический опыт, подробно описывает причины возникновения синдрома эмоционального выгорания у матерей в благополучных семьях. Основной причиной возникновения данного синдрома, по мнению Г. Г. Филипповой, являются возрастающие требования матери к себе, которые формируются у молодой матери под влиянием общественного

сознания. За последние годы в него все глубже проникают благие на первый взгляд представления об исключительной роли матери в развитии и становлении личности ребенка. Популярность самой разнообразной литературы, содержащей порой противоречащие друг другу рекомендации о воспитании детей, погружает женщин в бездонное море информации, в котором каждый остров – это еще одно свидетельство ее несостоятельности.

Вместе с популярными изданиями о роли материнско-детских отношений в психическом и физическом состоянии ребенка пишут и в серьезных научных источниках [18]. Все это оказывает серьезное влияние на эмоциональное состояние матери, вызывая в дальнейшем серьезные нарушения, как на психологическом, так и на физиологическом уровне, что характерно для людей с эмоциональным выгоранием.

Г. Г. Филиппова предлагает перечень основных симптомов синдрома эмоционального выгорания в приложении к материнству:

- физические: утомление, изменение веса, нарушения сна, общее ухудшение состояния здоровья;
- эмоциональные: усталость, безразличие, пессимизм; отсутствие ярких эмоций, ощущение одиночества и безнадежности, чувство беспомощности; раздражительность; тревожность, снижение концентрации; чувство вины, депрессия; истерики;
- интеллектуальные: скука, апатия, снижение интереса к новым впечатлениям; потеря вкуса к жизни;
- социальные: низкий уровень социальной активности, снижение интереса к досугу и отсутствие возможности для его проведения (Рис. 1).

Рисунок 1. Симптомы эмоционального выгорания у женщин-матерей

Как видно, симптомы материнского выгорания очень сходны с симптомами выгорания в профессиональной сфере. С одной стороны, это дает возможность распространить термин «эмоциональное выгорание» за пределы профессиональной сферы и применять его, в том числе, к определению состояния женщин-матерей. С другой стороны, возникает вопрос, есть ли в таком случае необходимость изучать эмоциональное выгорание у матерей как отдельный феномен, или достаточно будет использовать наработки специалистов, рассматривавших профессиональную сферу? В статье «Кризис идентичности

как фактор проявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей» мы приводим сравнительную таблицу, в которой анализируются основные аспекты эмоционального выгорания в профессиональной сфере – среди педагогов, суть работы которых заключается во взаимодействии с детьми, как и у рассматриваемой нами родительской «деятельности», («профессиональное выгорание») и у матерей («материнское выгорание»). [3, С. 91–92]

Результаты сравнения показывают, что и труд педагога, и деятельность матери обладают сходными аспектами, способствующими возникновению

синдрома эмоционального выгорания. Тем не менее, непрерывный характер материнской вовлеченности в «работу», несравнимо большая эмоциональная вовлеченность в общение с ребенком, бесперспективность деятельности матери (отсутствие «карьерного роста» или видимых показателей успешности материнской деятельности) создают особую, отличную от профессиональной, ситуацию. В то время как педагог (или представитель любой другой профессии) всегда имеет «запасной выход» в виде увольнения, смены вида деятельности, мать остается «заложником» своего положения (мы не рассматриваем крайние случаи асоциального поведения).

Как было отмечено выше, появление ребенка само по себе является крайне эмоциогенным периодом в жизни женщины и приравнивается к одному из кризисов идентичности, переживание которого для каждой женщины проходит по-разному. В некоторых случаях кризис остается неосознанным, и новая роль воспринимается женщиной позитивно, нагрузки материнства в этом случае не кажутся непосильными, и даже периодическая усталость воспринимается женщиной, в целом, спокойно. В иных же случаях новая социально-биологическая роль осваивается женщиной путем серьезной внутренней дисгармонии, что само по себе серьезно истощает эмоциональные силы женщины. В этом случае, те аспекты родительства, которые выделяются как факторы риска для развития синдрома эмоционального выгорания, с большей вероятностью проявят себя в качестве соответствующих симптомов.

Отдельным направлением работы с проблемой материнского эмоционального выгорания, развивающегося на фоне кризиса идентичности, может стать подготовка женщин к материнству в период беременности. На сегодняшний день существует большое количество курсов подготовки к материнству, однако они преимущественно являются медицинскими по своему содержанию – женщин обучают поведению в родах, рассказывают о физиологических изменениях в организме в период беременности, описывают основные правила ухода за новорожденным. На наш взгляд, такая подготовка должна включать и психологическую подготовку женщин к освоению новой социальной роли, к формированию у них новой идентичности – материнской.

Итак, анализ существующих исследований, рассматривающих один из важных и сложных этапов в жизни женщины – появление первого ребенка, приводит к выводу, что этот кризисный период может нести в себе риск развития синдрома эмоционального выгорания матери, о котором все чаще пишут современные исследователи. Представляется, что такой взгляд на проблему позволит выявить новые факторы дезадаптивного прохождения женщинами кризиса идентичности и рассмотреть новые возможности снизить риск развития синдрома эмоционального выгорания матерей. Роль матери в жизни малыша в первые годы его жизни исключительна, поэтому поддержание эмоциональной стабильности женщины в этот период имеет особое значение.

Литература:

1. Базалева Л. А. Личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми: автореф. дисс. ... канд. пс. наук: 19.00.04. – Краснодар. 2010. 26 с.
2. Захарова Е. И. Психология освоения родительства: научная монография. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. 258 с.
3. Ильина Т.И., Гуриева С. Д. Кризис идентичности как фактор проявления синдрома эмоционального выгорания у женщин-матерей // Человек и образование. 2019. № 3. С. 85–93.
4. Филиппова Г. Г. Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии/ Материалы итогового международного конгресса «Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи и общества». Москва, 12–15 октября 2017 г. С. 154–159. held in Oviedo (Spain), from organized by AITANA-UMH and the University of Oviedo, 2019.

**СЕКЦИЯ 7. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА
И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

УДК 159.9

**ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****APPROACHES TO DETERMINING THE ESSENTIAL OF THE ENTREPRENEURIAL
POTENTIAL OF AN ACTOR**

Сергеев Евгений Павлович
Sergeev Evgenii Pavlovich

*Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования
«Медицинский университет инноваций и развития», Россия, Москва.
Institute of supplementary vocational education «Medical University of Innovation and Development»,
Russia, Moscow
sergeevyevgenii91@gmail.com*

Аннотация

Предпринимательство – сложная сфера профессиональной деятельности, требующая не только глубоких экономических знаний, но и особых способностей и личностных качеств, т.е. того, что изучается в современной психологии как потенциал личности. В рамках данной статьи предпринимательский потенциал субъекта деятельности рассматривается с позиции составной части личностного потенциала.

Ключевые слова: потенциал, человеческий потенциал, личностный потенциал, жизненный потенциал, векторный потенциал, профессиональный успех, локус контроля, предпринимательский потенциал.

Abstract

Entrepreneurship is a complex area of professional activity that requires as deep economic knowledge and special abilities and personal qualities. There is a personality potential in modern psychology. In the framework of this article, the entrepreneurial potential of an actor is considered from the perspective of the part of personal potential.

Keywords: potential, human potential, personal potential, life potential, vector potential, professional success, locus of control, entrepreneurial potential.

В первую очередь необходимо раскрыть понятие самого «потенциала», которое в настоящее время используется в различных науках, что говорит о его многогранности и многозначности. Этимологическое значение термина «потенциал» происходит от латинского «*potentia*» и буквально означает мощь, силу, возможность. В этой связи существует большое количество его интерпретаций. Не углубляясь в анализ публикаций, отметим, что широкий спектр трактовки понятия позволяет применять его в разных интерпретациях в зависимости от специфики отрасли научного знания. При этом в изученных определениях потенциала нет противоречивости, так как в них представлены его различные сущностные характеристики, интеграция которых в единый целостный процесс проявляют потенциал как категорию научного знания.

Следующим этапом к раскрытию сущности предпринимательского потенциала является рассмотрение феномена «человеческий потенциал». Повышенный интерес к нему появился совсем недавно – ближе к концу XX века как результат осмысления

ценности человеческой жизни, повышения внимания к последствиям активной деятельности человека в окружающей его среде, а также в связи с оценкой состояния здоровья человека и человеческого сообщества на современном этапе развития цивилизации.

Наш обзор хотелось бы начать с интерпретации выдающегося советского и российского философа И. Т. Фролова, который связывал оценку человеческого потенциала с характеристикой двух важнейших его аспектов. Первый – формирование человеческого потенциала, приобретение новых знаний и умений, улучшение здоровья и т.д., второй – использование накопленного потенциала в трудовой деятельности, для участия в политической, общественной и других видах деятельности.

В то же время имеется точка зрения, согласно которой человеческий потенциал – это совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, как инструментальных, так и экзистенциальных, включая рас-

ширение самих потенциалов человека и возможность его самореализации [4].

При определении указанного понятия многие авторы пытаются отразить в нем сущностные черты, так, например, Б. Г. Юдин предлагает выделять уровневую структуру человеческого потенциала, взяв за основу пирамиду потребностей Абрахама Маслоу [5]:

- базовый уровень, состоящий из физического, психического, социального здоровья;
- деятельностный уровень, включающий физиологический, психологический, интеллектуальный, социальный и культурный потенциалы.

В этой связи также уместно обратиться к исследованиям Г. М. Зараковского, который отдельно выделил понятие жизненного потенциала индивида и определил его как комплекс «тех свойств человека, которые лежат в основе его возможности осуществлять жизнедеятельность с тем или иным уровнем активности и полноты самореализации» [1]. Автор различает общий и векторный жизненные потенциалы.

Жизненный потенциал общий складывается из анатомо-физиологического (уровень общего физического развития и здоровья); психологического (уровень общей активности мотивации достижения и самооффективности личности, уровень общих способностей) и культурного (уровень освоения общечеловеческой культуры, включая систему ценностей, нравственные нормы и идеалы, общую образованность).

Векторный жизненный потенциал складывается из частных векторных потенциалов, аналогичных частным общим потенциалам, но специфичным в отношении возможности успешной самореализации человека в той или иной сфере жизни и в определенном виде деятельности. Данное определение близко к отдельно рассматриваемой категории – профессионально личностный потенциал, определяемый в соответствии с профессиональной реализацией личности (профессиональным успехом).

Профессиональный успех – естественный результат самореализации в профессии, обеспечивающий продвижение по карьерной лестнице, высокий социальный статус, финансовую обеспеченность [3].

Профессиональная успешность зависит от многих детерминант: профессиональных знаний, умений, личностных качеств, среди которых умение использовать свой личностный потенциал является одним из определяющих факторов [2]. Иными словами, наличие высокого личностного потенциала у человека может обеспечить в случае необходимости мобилизацию его интеллектуальной, креативной и прочих видов активности, способствуя достижению продуктивности и результативности деятельности.

Личностный потенциал лежит в основе личностной автономии, самодетерминации и саморегуляции личности. Он включает в себя три подсистемы, соответствующие трем функциям саморегуляции. Первая из них – функция реализации, обеспечивающая успешную реализацию поставленных целей; вторая – функция ориентации, которая обеспечивает выбор целей, гибкое переключение с одних на другие и своевременный отказ от исчерпавших себя или дискредитировавших себя целей, т.е. саморазвитие, самосовершенствование; третья – функция сохранения, обеспечивающая устойчивость под давлением неблагоприятных обстоятельств.

Таким образом, в работах различных авторов приведено множество параметров личностного потенциала человека. Однако в целом можно сделать вывод о том, что личностный потенциал может быть оценен по наличию у человека личностных качеств, необходимых для успешного выполнения какой-либо деятельности и достижения значимых результатов.

Далее рассмотрим, какие из параметров личностного потенциала присущи предпринимателям, иными словами, какой личностный потенциал мы можем считать предпринимательским.

Изучение предпринимательского потенциала в том или ином аспекте нашло своё отражение в работах зарубежных и отечественных психологов Д. Макклеланда, Д. Аткинсона, Х. Хекхаузена, Дж. Роттера, Р. Брокхауса, Д. Миллера, А. Л. Журавлева, В. П. Познякова, Е. К. Завьяловой, Ф. Р. Газизуллина, В. Г. Зыбкина, М. А. Чернышовой, А. Ю. Понасюка, В. Д. Шадрикова и других.

Американский психолог Д. Макклеланд выразил предположение о взаимосвязи между мотивацией достижения и успехом в предпринимательстве. Его исследование показало, что индивиды с высоким уровнем мотивации достижения вели себя как успешные, рациональные предприниматели. Кроме того, для них были характерны: позитивное отношение к ситуации достижения; стремление к решению интересных, достаточно сложных, но реально выполнимых задач; уверенность в успешном решении задачи; высокая настойчивость в достижении поставленной цели и т.п.

В более поздних исследованиях мотивации (Д. Аткинсон, Х. Хекхаузен) психологи стали различать мотив достижения успеха и мотив избегания неудачи. По данным многих исследований было получено, что успешные предприниматели отличаются преобладанием мотивации достижения успеха над мотивацией избегания неудач.

Дж. Роттер предложил концепцию «локуса контроля» – различия между людьми в локализации факторов контроля над собственным поведением и значимыми для них событиями. Люди с преобладанием интернальности (внутренний локус

контроля) отличаются более высокой активностью, независимостью и самостоятельностью, они более уверены в себе, имеют более высокую самооценку и проявляют более высокую ответственность за своё поведение.

В отечественной психологии также особое внимание уделялось исследованиям психологии предпринимательства, но с акцентом на изучение межличностных и социальных аспектов предпринимательства (А. Л. Журавлев, В. П. Позняков). К примеру, были выделены ключевые мотивы выбора предпринимательской деятельности: мотивы достижения самостоятельности и независимости своего бизнеса, возможности реализации своих способностей и материальной обеспеченности. Е. К. Завьялова к числу основных компонентов предпринимательского потенциала относит ценностно-мотивационный,

интеллектуальный, эмоциональный, поведенческий, коммуникативный, регуляторный. П. В. Бершаков интегрирует все предпринимательские качества (способности) в три основных компонента предпринимательского потенциала: психофизиологический, интеллектуально-квалификационный и ценностно-мотивационный.

Таким образом, предпринимательский потенциал – это составная часть потенциала личности, который проявляется в специфической профессиональной деятельности, осуществляемой в общественно значимых и частных интересах. Одними из ключевых психологических аспектов феномена отечественного предпринимательства являются способности человека, внутренние резервы психической и деловой активности, без которых осуществление предпринимательской деятельности невозможно.

Литература:

1. Зараковский Г. М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. – М., – 2009. – 319 с.
2. Киенко Е. В., Морозова И. С. Специфика самореализации личности в профессиональной деятельности // Вестник КемГУ. – 2010. – № 3. – С. 69–78.
3. Котовский В. В., Краснощеченко И. П. Представление студенческой молодежи о профессиональном успехе // Вестник ЧГПУ. – 2014. – № 6. – С. 58–68.
4. Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. – М., – 2007. – 202 с.
5. Юдин Б. Г. Концепция человеческого потенциала // ZPU-JOURNAL.RU: информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2007. – [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/prospects/articles/2007/Yudin/> (дата обращения: 01.06.2020).

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕШТАТНОЙ СИТУАЦИИ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (НА ПРИМЕРЕ УСПЕШНЫХ И НЕУСПЕШНЫХ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ СОТРУДНИКОВ)

PARTICULARS OF THE PSYCHOLOGICAL REPRESENTATION OF THE EMERGENCY SITUATION ON THE RAILWAY (EXEMPLIFIED BY SUCCESSFUL AND UNSUCCESSFUL EMPLOYEES IN THIS SITUATION)

*Пятун Дарья Эдуардовна
Pyatun Darya Eduardovna*

*Российский Государственный Аграрный Университет – Московская Сельскохозяйственная Академия им.
К. А. Тимирязева, Россия, Москва
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Russia, Moscow
dasha99_90@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена проблеме профессиональной успешности и неуспешности в нештатной ситуации. По результатам исследования выявлены и описаны структурные особенности психологической репрезентации нештатной ситуации по критерию объективной и субъективной оценки.

Ключевые слова: психологическая репрезентация, нештатная ситуация, объективная и субъективная оценка успешности в нештатной ситуации.

Abstract

The article is devoted to the problem of professional success and failure in emergency situations. According to the results of the study, the structural features of the psychological representation of the emergency according to the criterion of objective and subjective assessment are identified and described.

Keywords: psychological representation, contingency, objective and subjective assessment.

Проблема взаимодействия человека и его профессиональной среды имеет разные варианты интерпретации в отечественной психологии. Один из вариантов осмысления этой проблемы в современной психологии – исследование особенностей психологической репрезентации субъектом условий профессиональной деятельности. В качестве примера исследования, выполненного в обозначенном направлении, можно привести работу, посвященную изучению ментальной репрезентации вахты как фактора профессиональной адаптации профессионала [1].

Опираясь на работы классических и современных психологов, психологическую репрезентацию мы определяем как «представленность», «изображение», «отображение одного в другом или на другое», т.е. как внутреннюю структуру, формирующуюся в процессе жизни человека, в которой представлен сложившийся образ мира.

Наше исследование посвящено анализу репрезентации нештатной ситуации в профессиональной деятельности сотрудников железной дороги в связи с объективной (экспертной) и субъективной (самооценкой) успешности/неуспешности в нештатной ситуации. Традиция связывать особенности профессиональной деятельности сотрудников с предлагаемыми вариантами оценки их успешности/неуспешности в этой деятельности известна по классическим работам в области профессионального самоопределения (Е. А. Климов) [2].

Согласно нормативным документам, нештатная ситуация определяется как ситуация с отклонением от нормальных (штатных) условий и ситуация, для которой характерна дезадаптация субъекта к определенным аспектам профессиональной деятельности [5].

Для исследования была сформулирована гипотеза о существовании различий между особенностями психологической репрезентации нештатной ситуации в группах респондентов, которые имели разные объективные и субъективные показатели и по оценке успешности-неуспешности в нештатной ситуации.

Эмпирическая часть исследования была организована в одной из структур железной дороги, респондентами являлись дежурные по станции. Профессиональная деятельность дежурного связана с высокой ответственностью за безопасность, и одним из важнейших факторов, влияющих на деятельность сотрудника, является самооценка.

В исследовании приняли участие 300 человек в возрасте от 20 до 45 лет, среди них 150 женщин и 150 мужчин. Для исследования использован методический инструментарий: экспертная оценка успешности, самооценка успешности (метод шкалирования (шкала Т. Дембо) для определения уровня ситуативной успешности/неуспешности), графиче-

ская методика для определения особенностей психологической репрезентации. Критерий разделения на группы – объективная (экспертная) и субъективная (самооценка) респондентов с точки зрения их успешности-неуспешности в нештатной ситуации.

Первый этап исследования был связан с анализом особенностей психологической репрезентации нештатной ситуации. Для анализа особенностей психологической репрезентации была использована графическая методика, предложенная Г. В. Шуковой для оценки социально-психологического пространства студентов-психологов. В нашем исследовании респондентам предлагалось назвать важные, на их взгляд, составляющие (элементы) нештатной ситуации, и разместить их внутри предложенного круга ($d=110$ мм), отмечая номер элемента и называя его. Результаты исследования представлены формальными (простота/сложность, количество элементов), содержательными (одномерность/многомерность, группы смыслов) особенностями. Кроме этого, представлены типы структуры репрезентации оптимальный (линейность расположения элементов), ресурсный (слипание элементов) и дефицитарный (хаотичность расположения элементов). Обработка данных проводилась по схеме, представленной в исследовании Г. В. Шуковой [3].

Первоначальный анализ полученных результатов показал, что у 52% респондентов структура репрезентации определяется как «простая», «многомерная», а тип репрезентации «оптимальный»; у 26% респондентов структура репрезентации определяется как «простая», «одномерная», тип репрезентации «ресурсный»; у 22% респондентов структура репрезентации определяется как «сложная», «многомерная» и тип репрезентации «дефицитарный».

Второй этап был связан с оценкой успешности респондентов. Опираясь на исследования профессионального становления личности (Е. А. Климов), мы использовали объективный критерий (экспертную оценку) и субъективный критерий (самооценку) для определения успешности-неуспешности сотрудников в нештатной ситуации.

Объективная оценка представлена оценкой экспертов (специалисты отдела безопасности и охраны труда, психологи отдела управления персоналом, руководители подразделений), результаты получены с помощью наблюдений, анкет, экзаменов. Анкета экспертной оценки включала пять блоков вопросов, связанных с процессом работы, обменом информацией, работой с коллегами, действиями в нештатных ситуациях и работа с причинами возникновения ситуаций (критерий оценки: да/нет, определенно да/нет, не могу ответить). Результаты исследования показали, что 70% – успешные сотрудники, а 30% – не успешные. Исследование показало, что на успеш-

ность сотрудников влияет несколько параметров: обучение, коллектив, готовность к нестандартным ситуациям, уверенность.

Субъективная оценка представлена самооценкой респондентов, результаты получены с помощью метода шкалирования (шкала Т. Дембо) для определения уровня ситуативной успешности / неуспешности. Респонденту требовалось на вертикальном отрезке (100 мм; с отметками началом, серединой и концом; сверху – успешные, снизу – неуспешные) отметить уровень реальной и желаемой успешности. Количественная обработка проводилась в измерении миллиметров от начала отрезка до отметки респондентов, полученные результаты переводились в баллы [4]. Результаты исследования показали, что 60% – успешные сотрудники, а 40% – неуспешные.

Третий этап связан с проведением статистической процедуры значимых различий, для проведения использованы методы: Т-критерий Стьюдента, критерий Фишера.

Проведенный анализ значимых различий между особенностями психологической репрезентации и показателями оценки успешности респондентов позволяет сделать выводы:

1. в группе «успешных», по объективной оценке, значимыми являются содержательные ($t=3.4$) особенности репрезентации, тип структуры «оптимальный» ($\varphi=3.74$), по субъективной оценке, значимыми являются содержательные ($t=3.3$) особенности и тип – «ресурсный» ($\varphi=4.96$).
2. в группе «не успешных», по объективной оценке, значимыми являются формальные ($t=4.8$) осо-

бенности репрезентации, тип структуры «дефицитарный» ($\varphi=2.45$), по субъективной оценке, значимыми являются содержательные ($t=3.3$) особенности и тип – «оптимальный» ($\varphi=3.47$).

3. по объективной оценке, уровень ситуативной успешности/ неуспешности в группах соответствует средним пределам нормы ($t=2.7$), по субъективной оценке, в группах соответствует средним ($t=2.1$) и нижним ($t=1.3$) пределам нормы.

В результате полученных статистических данных были обнаружены значимые различия особенностей психологической репрезентации нестандартной ситуации в группах респондентов с различными вариантами оценки успешности – неуспешности в нестандартной ситуации. Было обнаружено, что для группы «успешных» (как, по экспертной оценке, так и по самооценке) характерны более высокие показатели по «сложности», и «многомерности» репрезентации нестандартной ситуации, в данной группе преобладает «оптимальный» тип репрезентации.

Наше предположение о том, что существуют различия между показателями оценки успешности и особенностями психологической репрезентации нестандартной ситуации, подтвердилось

Изучение особенностей психологической репрезентации нестандартной ситуации представляется достаточно важной темой, в том числе, для поиска причин объяснения успешности – неуспешности сотрудника железной дороги в нестандартной ситуации. Результаты проведенного исследования определяют пути для дальнейшего изучения обозначенной проблемы.

Литература:

1. Белых С. Л., Симонова Н. Н., Корнеева Я. А., Войтехович Т. С. Ментальные репрезентации вахты как фактор профессиональной адаптации персонала: Психологический журнал. – М., – 2016.
2. Климов Е. А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд): учебное пособие – М., – 2003.
3. Шукова Г. В. Особенности социально-психологического пространства молодых специалистов – практических психологов: Психологические исследования. – М., – 2014.
4. Практикум по возрастной психологии; под ред. Головей Л. А., Рыбалко Е. Ф. – СПб.: Речь – 2002.
5. Распоряжение ОАО «РЖД» от 21.08.2017 № 1697р (ред. от 30.01.2019) «Об утверждении положения об организации расследования и учета транспортных происшествий и иных событий, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта на инфраструктуре ОАО «РЖД»».

УДК 159.9:331.101.3

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИЕМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СОСТОЯНИЯ
В ПРЕОДОЛЕНИИ СТРЕССА ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**
**EFFECTIVENESS OF HUMAN FUNCTIONAL STATES' SELF-REGULATION MEANS IN COPING
WITH DISTANT WORK STRESS AGAINST THE BACKDROP OF PANDEMIC**

*Кузнецова Алла Спартаковна
Kuznetsova Alla Spartakovna*

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва
Lomonosov Moscow state university, Russia, Moscow*

kuznetsovamsu@rambler.ru

Аннотация

Представлены результаты исследования эффективности приемов психологической саморегуляции (ПСР) функционального состояния (ФС) для устранения признаков деструктивных ФС при дистанционной работе в условиях пандемии. Исследование реализовано на контингенте сотрудников организаций муниципального управления, переведенных на непривычную для них форму удаленной работы (n=69). Показано, что типичными причинами развития ФС деструктивного типа являются факторы напряженного дистанционного взаимодействия в непривычных для работы домашних условиях. Предложенные для освоения и самостоятельного применения приемы ПСР релаксационного и моделирующего типа показали высокую эффективность для преодоления ситуативной напряженности и утомления.

Ключевые слова: дистанционная (удаленная) работа, психологическая саморегуляция функционального состояния, эффективность приемов саморегуляции, ситуативная тревожность, утомление.

Abstract

The empirical study is targeted to estimate effectiveness of self-regulation means in human functional states' optimization and eliminating of distant work stress and fatigue in employees of municipal administration offices during pandemic period. The obtained data helped to reveal high effectiveness of both relaxation and modelling self-regulation means used in order to decrease anxiety and acute fatigue as the results of distant work stressors.

Keywords: distant work, self-regulation of human functional state, effectiveness of self-regulation means, state anxiety, acute fatigue.

В условиях пандемии коронавирусной инфекции 2020 г. сотрудники большинства организаций производственной сферы в течение короткого срока были надолго переведены на дистанционный (удаленный) режим работы. Данные обстоятельства носили вынужденный характер, и фактор неожиданности перехода на удаленный формат стал сильнейшим стрессором для профессионалов, не имевших опыта работы дистанционно. Следствием перехода на полную форму удаленной работы стали: очевидное расширение временных рамок ежедневного рабочего графика; необходимость налаживать (часто – без посторонней помощи) оборудование для работы и дистанционных взаимодействий; отсутствие непосредственных рабочих контактов.

На фоне роста объемов рабочей нагрузки сотрудники оказались в условиях, когда привычные социально-ориентированные формы преодоления трудового стресса стали либо невозможны, либо ограничены в применении. Единственным доступным ресурсом социальной поддержки при непосредственном общении оказались семейные отношения; все остальные варианты социально-ориентированного копинга могли быть реализованы только дистанционно.

В этих обстоятельствах стала очевидной необходимость осознанной и целенаправленной саморегуляции для преодоления дистанционных стрессоров – и, прежде всего, саморегуляции функционального состояния (ФС). Неспособность успешно приспособиться к новым требованиям увеличивает риск развития невротических форм реакции на стресс и утомление, а ограниченный доступ к привычным способам копинга снижает эффективность адаптационных процессов. Как было показано, типичная особенность копинг-поведения при неврозах – редкое обращение к осознаваемым формам преодоления стресса, основанное на конструктивном принятии ситуации и целенаправленной регуляции эмоций [Abitov, Sokolova, Aydarova, Iina, 2016]. Таким образом, умение выбирать и целенаправленно применять адекватные приемы психологической саморегуляции ФС (ПСР), включающие осознанное управление эмоциями и выстраивание субъективных ориентиров для достижения адекватного целевого ФС, будет поддерживать адаптационные возможности профессионала [Кузнецова, Титова, Злоказова, 2019].

Накопленные данные показали высокий потенциал приемов и способов ПСР в напряженных усло-

виях [Кузнецова, Титова, Злоказова, 2019; Прохоров, Чернов, 2015; Титова, 2017]. Но никогда ранее исследования возможностей ПСР не проводились при вынужденной удаленной работе, имеющей массовый характер. Для выявления эффективности разнотипных приемов ПСР в устранении накопленных признаков деструктивных ФС сниженной работоспособности при дистанционной работе в условиях пандемии проведено эмпирическое исследование.

Для достижения поставленной цели исследования были сформулированы следующие задачи: (1) выявление основных субъективно значимых причин негативной динамики состояния в течение рабочего дня; (2) анализ эффективности приемов ПСР для минимизации признаков утомления и напряженности дистанционной работы.

В исследовании приняли участие 69 сотрудников организаций муниципального управления (8 мужчин и 61 женщина, возраст – от 21 до 62 лет; стаж работы – от 2 до 24 лет). Основной критерий подбора участников – выполнение трудовых задач в дистанционной форме в период обязательной самоизоляции, вызванной условиями пандемии коронавирусной инфекции. Существенно, что все обследуемые не имели опыта дистанционной работы.

Исследовалась эффективность 3 типов приемов ПСР: (1) приемы нервно-мышечной релаксации (НМР) в модификации А. Б. Леоновой и А. С. Кузнецовой [Leonova, Kuznetsova, Varabanshchikova, 2013] – для снятия чрезмерного рабочего напряжения; (2) приемы сенсорной репродукции образов (СРО) в сочетании с целевыми формулами (модификация А. С. Кузнецовой) – для устранения негативных симптомов и формирования целевого ФС с акцентом на достижение позитивного эмоционального отношения к ситуации.

Процедура проведения исследования включала:

1. Проведение тренинга из 2 обучающих on-line сессий для ознакомления участников с оптимизационными возможностями приемов ПСР и спецификой их самостоятельного применения. Длительность сессии – 30–40 минут (в зависимости

сти от типа приемов). Квалифицированный ведущий проводил сеансы ПСР, которые были записаны и сохранены для самостоятельной работы.

2. В течение 2 дней между сессиями участники самостоятельно проводили сеансы ПСР после работы с замерами показателей ФС до начала и после окончания сеанса. Продолжительность занятия – 25 мин (15 – сеанс; 10 – заполнение методик). Участники отправляли экспериментатору заполненные электронные формы сразу после завершения второго диагностического среза.
3. Обработанные данные самостоятельных занятий по всей выборке предоставлялись участникам на каждой тренинговой сессии, следующей за днями самостоятельной работы. По завершении цикла все участники, выполнивших правильно и точно алгоритм диагностики эффектов ПСР, получили личные пакеты индивидуальных результатов.

Для сбора данных использовались: (1) опросный лист для перечисления в свободной форме 3–4 причин развития напряженности в течение рабочего дня; (2) шкала ситуативной тревожности Ч. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина; (3) опросник острого утомления А. Б. Леоновой.

Собранные данные позволили выявить значимые факторы развития неблагоприятных ФС при удаленной работе: (1) возросший объем работы; (2) неспособность завершить все запланированное на день; (3) наличие помех в работе (сбои компьютерных средств; интерференция со стороны членов семей); (4) неудобное рабочее место, созданное наспех в домашних условиях; (5) затрудненный процесс выполнения неожиданно поступающих распоряжений; (6) высокий уровень негативных эмоциональных реакций руководства и коллег при сбоях в работе. По окончании рабочих дней участники исследования отмечали высокий уровень ситуативной тревожности и выраженный уровень утомления (см. табл. 1). Чрезвычайно важно то, что само время окончания работы часто смещалось в сторону позднего вечера (у 40% обследованных).

Таблица 1. Позитивная динамика показателей самооценки ФС после применения приемов ПСР (по t-критерию Стьюдента)

Ситуативная тревожность			Острое умственное утомление		
Средние (ст. откл.)		p	Средние (ст. откл.)		p
До сеанса	После сеанса		До сеанса	После сеанса	
Нервно-мышечная релаксация					
49,8 (10,6)	33,9 (7,8)	<0,001	19,5 (8,1)	9,6 (5,9)	< 0,001
47,1 (8,1)	34,8 (7,8)	<0,001	19,8 (7,7)	9,1 (5,6)	< 0,001
Сенсорная репродукция образов в сочетании с целевыми формулами					
48,1 (11,6)	32,1 (7,9)	<0,001	18,9 (8,6)	8,9 (5,9)	< 0,001
47,5 (8,5)	32,9 (6,8)	<0,001	18,9 (6,8)	8,0 (5,4)	< 0,001

Примечание: темная заливка ячеек обозначает диапазоны высокой тревожности и утомления; отсутствие заливки – диапазоны низкой тревожности и отсутствия утомления

Результаты самостоятельного применения приемов ПСР показали высокую эффективность всех типов приемов ПСР (см. табл. 1): все типы приемов позволяют добиться значимого снижения утомления и ситуативной тревожности при дистанционной работе. При этом, применение приемов психологического моделирования образа целевого ФС и его построения при помощи формул целевой регуляции позволяет получить более мощный эффект оптимизации ФС – по сравнению с приемами релаксационного типа, предназначенных только для снятия мышечного и эмоционального напряжения [Leonova, Kuznetsova, Varabanshchikova, 2013].

В исследовании для оценки эффектов ПСР применялись только методики субъективной оценки ФС. Полученные результаты следует рассматривать как факт достижения явного оптимизационного эффекта, отраженного на уровне субъективных представлениях об изменении ФС. Этот результат может слу-

жить подтверждением значимости рефлексивных процессов, направленных на анализ собственного состояния и поиск путей его целевой оптимизации [Прохоров, Чернов, 2015; Кузнецова, Титова, Злоказова, 2019].

Обобщая результаты, можно сформулировать следующие выводы:

1. Освоение базовых приемов психологической саморегуляции ФС в течение одного обучающего занятия позволяет их успешно использовать самостоятельно для оптимизации ФС.
2. Приемы целевой саморегуляции ФС более эффективны для преодоления повышенной напряженности и накопленного утомления в условиях удаленной работы; при дистанционной работе в условиях пандемии такие приемы могут рассматриваться как база для развития навыков самопомощи и самоуправления и в напряженных рабочих ситуациях.

Литература:

1. Кузнецова А. С., Титова М. А., Злоказова Т. А. Психологическая саморегуляция функционального состояния и профессиональная успешность // Вестник Московского университета. – Серия 14: Психология. – 2019. – № 1. – С. 51–68.
2. Прохоров А. О., Чернов А. В. Репрезентация психического состояния: феноменология образного уровня // Образование и саморазвитие. – 2015. – № 1. – С. 16–23.
3. Титова М. А. Эффективная психологическая саморегуляция функционального состояния как фактор профессиональной успешности преподавателей колледжа разных возрастных групп // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлёва, В. А. Кольцовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – С. 559–565.
4. Abitov I.R., Sokolova I. I., Aydarova A. M., Ilina M. S. Why cannot people cope with stress? // Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. – 2016. – Vol. 20. Is. Special Issue. – P. 269–273.
5. Leonova A.B., Kuznetsova A. S., Varabanshchikova V. V. Job specificity in human functional state optimization by means of self-regulation training // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – Vol. 86. – P. 29–34.

УДК 159.964

ЗАВИСИМОСТЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ОТ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

THE DEPENDENCE OF MUSICAL PREFERENCES ON PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS

Сулейманов Рамиль Фаилович
Soleimanov Ramil' Failovich

ЧОУ ВО Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), Россия, Казань
Kazan innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Russia, Kazan

souleimanov@mail.ru

Аннотация

Выявление зависимости музыкальных предпочтений от психофизиологических характеристик связано с решением проблемы развития личности молодых людей. Обнаружены зависимости: лица со слабой нервной системой предпочитают спокойные жанры музыки (романс, духовная музыка), лица с более сильной нервной системой предпочитают более энергичную музыку (рок, рэп, клубная). Обосновывается закон о разнонаправленности сдвигов: сдвигу «внешнего» баланса в сторону возбуждения соответствует сдвиг «внутреннего» баланса в сторону торможения (на примере музыкальных предпочтений). Обнаружены закономерности: при восприятии музыки энергичной, агрессивной (рок-музыка), наблюдается возбуждение по «внутреннему» балансу и торможение по «внешнему» (внешний признак – оцепенение).

При восприятии же относительно спокойной музыки наблюдается по «внутреннему» балансу торможение, а по «внутреннему» – возбуждение, связанное с внешней эмоциональной реакцией (внешний признак – притопывание ногой в такт музыки, похлопывание руками). Перспективным представляется изучить, учитывая многообразие музыки, как по характеру (спокойная – энергичная), динамике (громкая – тихая), так и другим критериям, проявления закона в различных (многообразных) сочетаниях влияния возбуждения и торможения по «внутреннему» и «внешнему» балансу на сознательное управление действиями и деятельность человека в целом.

Ключевые слова: музыкальные предпочтения, сила нервной системы, «внешний» и «внутренний» баланс нервных процессов.

Abstract

The identification of the dependence of musical preferences on psychophysiological characteristics is associated with the solution of the problem of the development of the personality of young people. Dependencies were found: people with a weak nervous system prefer quieter music genres (romance, sacred music), people with a stronger nervous system prefer more energetic music (rock, rap, club). The law on the multidirectionality of shifts is justified: a shift of the "external" balance towards excitation corresponds to a shift of the "internal" balance towards inhibition (by the example of musical preferences). Regularities were found: in the perception of music energetic, aggressive (rock music), there is excitement in the "internal" balance and inhibition in the "external" (external sign – numbness). When perceiving relatively calm music, inhibition is observed according to the "internal" balance, and according to the "internal" balance, excitement is associated with an external emotional reaction (an external sign is dabbing with the foot to the beat of the music, clapping hands). It seems promising to study, given the variety of music, both in character (calm – energetic), dynamics (loud – quiet), and other criteria, the manifestation of the law in various (diverse) combinations of the effects of excitation and inhibition on the "internal" and "external" balance on the conscious management of actions and human activities in general.

Keywords: musical preferences, strength of the nervous system, "external" and "internal" balance of nervous processes.

В. М. Бехтерев неоднократно заявлял о том, что музыка важна для человека, особенно для детей, потому как способствует развитию мозговых функций [1]. Нам представляется, что музыкальные предпочтения обусловлены психофизиологическими характеристиками, хотя на первый взгляд кажется, что выбор музыки для прослушивания зависит исключительно от человека. В качестве психофизиологических характеристик нас заинтересовали: сила нервной системы, «внешний» и «внутренний» виды баланса нервных процессов.

Сила нервной системы (выявляется через выносливость нервных клеток) по-разному проявляется в деятельности. Так, например, лица с чувствительной нервной системой склонны выдерживать длительные монотонные действия, монотонную обстановку. Можно предположить, что однообразная, монотонная музыка, не изобилующая модуляциями, различными переходами из одного регистра в другой, из одной октавы в другую, будет ближе лицам со слабой нервной системой. А музыка энергичная, агрессивная, насыщенная диссонансами, ритмами, звуком, динамикой, будет предпочитаема лицами с более сильной нервной системой. Результаты показали, что студенты с более слабой нервной системой предпочитают спокойные жанры музыки (романс, духовная музыка), студенты с более сильной нервной системой предпочитают более энергичную музыку (рок, рэп, клубная).

Баланс нервных процессов в Павловском понимании рассматривается как соотношение возбужде-

ния и торможения по силе нервной системы. В настоящее время эта позиция подверглась серьезной критике, так как мы не знаем способов определения силы процесса торможения. Как пишет Е. П. Ильин (2004), «вместо этого мы судим (по косвенным признакам) о превалировании или равновесии возбуждающих и тормозных реакций в действиях человека» [4, С. 112]. Говоря о балансе нервных процессов, мы будем говорить (по Ильину) о соотношении возбуждения и торможения по их величине (интенсивности). Ильин [2, 3]. обнаружил, что баланс, как и сила нервной системы, связан с уровнем активации покоя. Причем, если для силы нервной системы связь имеет линейный характер (чем слабее нервная система, тем выше активации в покое), то для баланса эта зависимость криволинейная: уровень активации выше у лиц с уравновешенностью возбуждения и торможения и ниже у лиц с преобладанием возбуждения и торможения. Отсюда вытекает связь силы нервной системы с балансом: слабость нервной системы связана с уравновешенностью нервных процессов, а сила – с неуравновешенностью (преобладание возбуждения или торможения). Но вот, что интересно. Ильин, по сути выдвинул положение, которое по своей сущности может быть отнесено к закону. Суть этого закона состоит в том, что процессы возбуждения и торможения – это не два полюса на одной прямой, вверху которой возбуждение, а внизу – торможение, значит середина – уравновешенность. Отношения между ними более сложны. Так

во сне «возбудимые» и «тормозные» перешли в ряд уравновешенных. И именно в этом состоянии они выполняли умственные действия более эффективно. Ильин это объясняет тем, что в полудремотном состоянии на испытуемых не давит мотивационный фактор. При условии же, когда преобладало возбуждение, либо торможение – выполнение задания экспериментатора ухудшалось. Получается, что активность лобных долей больших полушарий, в которых находятся интегративные центры, управляющие сознательными актами человека освобождались, как от возбуждательных, так и тормозных влияний на управление движениями на точность. Отсюда вытекает главный смысл этого явления: для того, чтобы облегчить выполнение каких-либо заданий, решение проблемы, необходимо нивелировать влияние тормозных и возбуждательных процессов на сознательное управление действиями или деятельностью. Не связано ли это с тем, что многие выдающиеся ученые-руководители вывозили своих сотрудников на природу, для того, чтобы создать такие условия, при которых возбуждательные и тормозные влияния были бы ослаблены (уравновешены), и сотрудникам легче было бы актуализировать в своем сознании продуктивные решения, мысли, идеи.

Как же это связано с музыкальными предпочтениями. Наши эксперименты показали, что в основном студенты вуза используют музыку для регуляции своего состояния. Например, когда они устают, то предпочитают слушать спокойную музыку, а утром, когда необходимо пробудиться – энергичную. Кроме этого, многие студенты используют музыку как фон, который помогает им выполнять какую-либо работу. Не играет ли роль в данном случае музыка, позволяющая им уменьшить возбуждательные и тормозные влияния на сознательное управление действиями или деятельностью, что повышает продуктивность деятельности субъекта труда.

Е. П. Ильин (2004) выделяет «внешний» и «внутренний» балансы нервных процессов. «Внешний» баланс связан с эмоциональным реагированием, «внутренний» же отражает потребность в двигательной активности. Этот баланс связан с «более глубинными (внутренними) процессами в центральной нервной системе [4, С. 115]. При определенных состояниях человека (монотонии или психическом пресыщении) сдвиги по этим балансам бывают разнонаправленными: сдвигу «внешнего» баланса в сто-

рону возбуждения соответствует сдвиг «внутреннего» баланса в сторону торможения, и наоборот. В данном случае этот закон подтверждается и нашими исследованиями. Так, обнаружена корреляционная зависимость: чем больше преобладание по «внешнему» балансу процесса возбуждения, тем меньше склонность к выбору рок-музыки, и наоборот, чем больше по «внешнему» балансу преобладает процесс торможения, тем больше склонность к выбору рок-музыки (.05). Как это проявляется на практике? Допустим у слушателя преобладание по «внешнему» балансу нервных процессов наблюдается возбуждение. Тогда, согласно закону, одновременно будет проявляться сдвиг в сторону торможения по «внутреннему» балансу. Рок-музыка, по своему музыкальному содержанию относится в большинстве случаев к энергичному жанру. Представим крайний случай проявления рок-музыки, когда слушатели впадают в экстаз с дальнейшей потерей сознания, что часто заканчивается больницей. Каждый нормальный человек (не фанат) будет противиться разворачиванию этой ситуации, а значит не допустит ее. В этом случае рок-музыка сильнейшим образом воздействуя на человека, вызовет в нем обратную реакцию: будет наблюдаться внешняя эмоциональная сдержанность (он будто как бы закрывается от музыки) с внутренним возбуждением.

Результаты показали обратную зависимость между возбуждением по «внутреннему» балансу и выбором арт-поп музыки (-.03). Арт-поп музыка достаточно демократичная и спокойная по характеру. В данном случае можем наблюдать следующую картину. Восприятие относительно спокойной музыки понижает возбуждение по «внутреннему» балансу, но по «внешнему» можем наблюдать активность. Нередко видно, как при восприятии музыки, слушатели часто прихлопывают в так музыки, раскачиваясь или постукивая пальцами по столу или коленям, то есть проявляют внешнюю эмоциональную реакцию.

Можно предположить, учитывая многообразие музыки, как по характеру (спокойная – энергичная), динамике (громкая – тихая), так и другим критериям, закон будет проявляться в различных (многообразных) сочетаниях влияния возбуждения и торможения по «внутреннему» и «внешнему» балансу на сознательное управление действиями или деятельностью человека. Предстоит это доказать в дальнейших экспериментах с использованием различной музыки.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Вопросы, связанные с лечебным и гигиеническим значением музыки // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. – 1916. – № 1-3. – С. 105–124.
2. Ильин Е. П., Нгуен Ки Тьонг. Склонность к стилю руководства и личностные особенности // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 3. СПб., 1999а. – С. 102–112.
3. Ильин Е. П., Нгуен Ки Тьонг. Склонность к стилю руководства и свойства нервной системы // Анальевские чтения-99. Тезисы научно-практической конференции. СПб., 1999б.
4. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с.

УДК 378.14

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАПРАВЛЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ-ФАРМАЦЕВТОВ ПЕРВОГО И ВТОРОГО КУРСОВ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DIRECTION OF MOTIVATION OF STUDENT PHARMACISTS OF THE FIRST AND SECOND COURSES

*Ботнарюк Елизавета Михайловна, Халфиева Алиса Рамилиевна**Botnaryuk Elizaveta Mikhailovna, Khalfieva Alisa Ramilievna**Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань**Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan**botnaryuk.liza@mail.ru, khalfieva@inbox.ru***Аннотация**

В статье рассматривается мотивация достижения успеха и избегания неудач у студентов первого и второго курсов фармацевтического отделения медицинского колледжа. В результате исследования было установлено, что мотивация на успех доминирует у 12 студентов первого курса (55%), и у 19 студентов второго курса (79%), мотивация на неудачу только у 2 студентов первого курса (9%). Также были сопоставлены показатели и уровни мотивации между студентами разных групп, и выявлены статистически значимые различия по уровню мотивации, и мотивационным показателям.

Ключевые слова: мотивация, мотив, достижение успеха, избегание неудач, организационная психология, личность, психология труда, студенты-фармацевты

Abstract

The article discusses the motivation for achieving success and avoiding failure in students of the first and second years of the pharmaceutical department of the medical college. As a result of the study, it was found that motivation for success dominates in 12 first-year students (55%), and in 19 second-year students (79%), motivation for failure only in 2 first-year students (9%). We also compared indicators and levels of motivation between students of different groups, and revealed statistically significant differences in the level of motivation and motivational indicators.

Keywords: motivation, motive, success, avoidance of failure, organizational psychology, personality, labor psychology, student pharmacists.

Актуальность вопросов мотивации персонала связана с совершенствованием выполняемой трудовой деятельности в любых сферах функционирования общества. Одной из таких сфер выступает здравоохранение, т.к. оно обеспечивает поддержание здоровья всего населения. Именно здесь, ключевая роль отводится фармацевтическим работникам: продавцам, исследователям, сотрудникам производственного процесса и дистрибьюторам. Зная основы мотивационной сферы личности, ее связь с психическими процессами и развитие в онтогенезе, можно спрогнозировать поведение человека, помочь в решении задач, эффективно и качественно улучшить его деятельность, образ жизни. Благодаря мотивации личность самоактуализируется, а общество развивается.

Проблема изучения мотивации обозначена в трудах З. Фрейда, К. Левина, И. П. Павлова, Э. Торндайка [3]. Исследования в области психологии труда и мотивации сотрудников представлены в работах Ф. Тейлора, А. Файоля, Л. Гьюлика, А. Маслоу, и Д. Макгрегора [1]. В отечественной психологии труда: В. В. Чебышевой (проблемы трудового обу-

чения), Б. М. Тепловым (влияние различных факторов на эффективность труда) и А. Ф. Журавским (организация и стимулирование труда) [1].

Здесь необходимо подчеркнуть, что в зависимости от направленности мотивации сотрудников, будет различаться и подход к ним. Мюррей Г. ввел понятие «мотив достижения», при котором действия личности направлены на достижения положительных результатов, а человек отличается настойчивостью и энергичностью [4]. Мотивы избегания неудач возникают в случае планирования деятельности как объективно заданной необходимости (в силу обязанности и долга) [2].

Для того, чтобы проверить какой из мотивов доминирует, было проведено исследование, целью которого являлось определение направленности мотивации у студентов-фармацевтов, а именно достижения успеха и избегания неудач. В исследовании приняли участие студенты первого и второго курсов ГАПОУ Казанского Медицинского колледжа, в составе 46 человек. Для диагностики использовалась методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реана). Для нахождения достоверности

различий компонента мотивации между студентами, использовался непараметрический U-критерий Манна – Уитни для несвязных выборок. Обработка данных производилась с помощью программы статистического анализа IBM SPSS Statistics Subscription.

На первом этапе исследования была проведена психодиагностическая методика для определения направленности мотивации студентов. Результаты представлены на рис. 1.

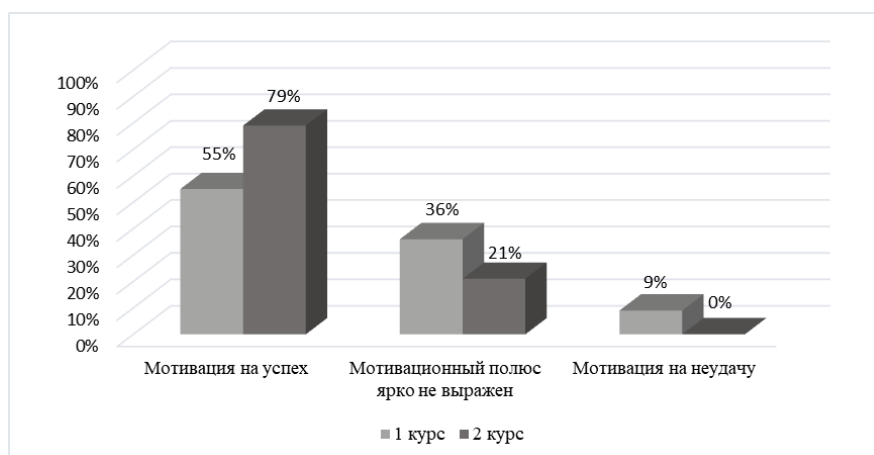

Рис. 1. Сравнение видов мотивации у студентов фармацевтического отделения по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реана)

Было выявлено, что мотивация на успех доминировала как у студентов первого курса (у 12 человек, что составило 55%), так и у студентов второго курса (у 19 человек, что составило 79%). Это является благоприятной тенденцией, т.к. люди с мотивационным полюсом на достижение успеха отличаются настойчивостью в достижении целей и задач, инициативностью и уверенностью. Для таких студентов может быть характерно желание улучшать свои профессиональные способности, деятельность и показатели. Мотивация на достижение успеха связана с адекватной самооценкой и верой в свои внутренние возможности. Таким образом, студенты с данной мотивацией могут более оптимистично оценивать себя, а при возникновении трудных обстоятельств они будут стремиться решать проблемы, а не избегать их.

Мотивационный полюс ярко не выражен у студентов первого курса, в составе 8 человек (36%), а у студентов второго курса, в составе 5 человек (21%).

Можно предположить, что для данных испытуемых характерно проявление обеих стратегий, или они не смогли однозначно определиться с направленностью своей мотивации. Мотивация на неудачу была выявлена только у 2 студентов первого курса (9%). Для студентов, с преобладанием данной мотивацией может быть характерна повышенная тревожность и боязливость, неуверенность в своих способностях, безынициативность. На этапе планирования деятельности студенты, с выраженной мотивацией на неудачу могут заранее программировать себя на провал: они тщательно выстраивают алгоритм деятельности, пытаясь минимизировать возможности потери, предугадать заранее любые трудности, но при возникновении непредвиденных обстоятельств могут винить себя и терять интерес к выполняемой работе.

Вторым этапом исследования была проверка достоверности полученных данных при помощи непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Результаты представлены в табл. 1.

Табл. 1. Распределение показателей и уровней мотивации у студентов фармацевтического отделения по U-критерию Манна-Уитни

Курс	Средний ранг		Сумма рангов		Критерий Манна-Уитни U		p-level	
	Мотивационный показатель	Уровень	Мотивационный показатель	Уровень	Мотивационный показатель	Уровень	Мотивационный показатель	Уровень
1 курс (n=22)	19,11	19,77	420,50	435,00	167,500	182,000	0,032	0,031
2 курс (n=24)	27,52	26,92	660,50	646,00				

При сравнении мотивационной направленности у студентов первого и второго курсов были выявлены статистически значимые различия по уровню мотивации (0,031; $p < 0,05$), и мотивационным показателям (0,032; $p < 0,05$). Как видно из таблицы, по уровню направленности мотивации более высокой выраженностью обладают студенты второго курса (средний ранг=26,92, сумма рангов=646), также у них более выражен показатель мотивации (средний ранг=27,52, а сумма рангов=660,50) по сравнению с первым курсом. Возможно, это связано с тем, что студенты-второкурсники благополучно адаптировались к колледжу, убедились в правильности выбора специальности, а чувство тревожности сменилось уверенностью в свои силы и возможности.

Таким образом, сравнив результаты ответов студентов, можно заметить, что большинство испытуемых отметили преобладание мотивации достижения успеха. У студентов второго курса наблюдается больше положительных ответов в выраженности данного направления мотивации. Неопределенность в выборе соотношения мотивации доминировала у студентов первого курса, также, только у них присутствовала мотивация на неудачу. Можно предположить, что это связано с трудностями адаптации к медицинскому колледжу, и в будущем направленность мотивации может измениться, в случае уменьшения уровня тревожности, или благодаря влиянию педагогов и психологов учреждения.

Средний ранг мотивации значительно выше у студентов второго курса, т.е. для этих студентов более характерна выраженность в различии уровней и показателей мотивации. Разница мотивации у студентов-медиков первого и второго курса является статистически значимой ($p = 0,032$ и $p = 0,031$).

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. У личности доминирует та или иная направленность мотивации, формирующаяся путем обучения и воспитания. Когда ученика поощряют и хвалят за заслуги, у него формируется мотив достижения успеха, который со временем делается все более устойчивым, укрепляя силу и уверенность в себе. Авторитарные педагоги, ориентированные на систему наказаний и критики, могут способствовать закреплению мотива избегания неудач. Такие студенты, а впоследствии и работники, будут беспокоиться о проблемах еще до их появления. В случае, если мотивация избегания неудач на определенном этапе становления личности доставляет беспокойство, психолог, применяя метод психокоррекции может способствовать ослаблению или устранению нежелательных симптомов, работая с системой целеполагания и самооценкой учащихся. В развитии мотивационной сферы педагоги и психологи могут опираться на личностные качества и особенности учащихся, для реализации профессионально значимых качеств.

Литература:

1. Дубровина. О. И. Психология труда, инженерная психология и эргономика: учебное пособие. Электронное издание. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2015. С. 14–18.
2. Ильин. Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. С. 68.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность // М.: Смысл, 2003. 12 с.
4. Степанова Т. В. Исследование мотивации успеха и мотивации боязни неудачи в структуре учебной мотивации студентов вуза. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2004. – № 6–2 (44). – 145 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18848172> (дата обращения: 6.05.2020)

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

PERSONAL AND ACTIVITY RESOURCES OF COPING WITH STUDENTS' STRESS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF LABOR HUMAN CAPITAL

Сольнин Никита Эдуардович, Ледовская Татьяна Витальевна

Solynin Nikita Eduardovich, Ledovskaya Tatyana Vital'evna

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,

Российская Федерация, Ярославль

Yaroslavl State Pedagogical University, Russian Federation, Yaroslavl

sonik7-39@yandex.ru, karmennnn@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156

Аннотация

В статье отмечается, что именно в процессе обучения в вузе создается человеческий капитал, в связи с этим статья посвящена анализу личностных (интернальных) и деятельностных (экстернальных) ресур-

сов совладающего поведения студентов в период обучения в вузе. Результаты исследования показали, что жизнестойкость и такие ее компоненты как контроль, принятие риска и вовлеченность оказываются личностными ресурсами совладания. Адекватная личностная и ситуативная тревожность определяет выбор студентами копинг-стратегии «положительная переоценка». Деятельными ресурсами совладающего поведения у студентов являются: место проживания, сфера занятости, финансовое положение, состояние здоровья и наличие вредных привычек.

Ключевые слова: способности, человеческий капитал, совладающее поведение, стресс, ресурсы совладания.

Abstract

The article notes that it is in the process of education at the University creates human capital, in this context, this article analyzes the personal (internal) and activity (external) resources coping behavior of students during training in high school. The results of the study showed that resilience and its components such as control, risk-taking and engagement are personal coping resources. Adequate personal and situational anxiety determines students' choice of the coping strategy "positive reassessment". Activity resources of coping behavior in students are: place of residence, employment, financial situation, health status and the presence of bad habits.

Keywords: abilities, human capital, coping behavior, stress, coping resources.

Проблема здоровья студента и его сохранения привлекает внимание исследователей человеческих ресурсов. Именно от студента педагогического вуза зависит воспитание и обучение будущего поколения, его физическое и психическое здоровье. В потоке жизни, с личными, личностными, психическими проблемами обычному человеку тяжело справляться с жизненными трудностями, не говоря о студенте, будущем учителе, который целиком и полностью отдает себя учебе, школе и детям. Итогом этого становится эмоциональное выгорание, истощение, педагогические кризисы, неврозы и разные психосоматические заболевания. Таким образом, вопрос развития способностей студентов педагогического вуза к преодолению стрессовых ситуаций представляет особую актуальность в контексте рассмотрения человеческих ресурсов. Мы исходим из того, что выпускник педагогического университета, являясь сам по себе человеческим ресурсом, в свою очередь является транслятором знаний, компетенций, ценностей подрастающему поколению «человеческих ресурсов». Следовательно, его способность противостоять стрессам, имеет решающее значение для его будущей педагогической деятельности и качеством её реализации.

Придерживаясь понимания совладающего поведения костромской психологической школы (Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова и др.), вслед за ними под ресурсом копинг-поведения мы понимаем совокупность (систему) личностных и средовых средств, ценностей, возможностей, которые имеются в наличии в потенциальном состоянии и которые человек может осознанно использовать при необходимости в совладании с трудной жизненной ситуацией [1].

Необходимость исследования ресурсов совладания подчеркивается и зарубежными коллегами. В частности, Ph. Dewe указывает, что несмотря на то, что количество исследований стресса, ресурсов

совладания с ним и копингов постоянно увеличивается, сохраняется необходимость лучшего понимания того, какие стратегии решения проблем используют студенты, как они используются и как они влияют на здоровье, психологическое благополучие и жизнестойкость [3].

Рассматривая вопрос ресурсов совладания со стрессом, исследователи пытаются выявить разнообразные возможности преодоления этого состояния.

D. E. Davis, J. Ashby, S. McElroy, J. Hook осуществляли попытку изучения взаимосвязи религиозности, копинг-ресурсов и симптомов депрессии у студентов. Оказалось, что ресурсы, направленные на преодоление стресса, частично взаимосвязаны с негативными религиозными копингами и симптомами депрессии, главным образом, за счет снижения социальной свободы [2].

В качестве ресурсов совладания исследователи рассматривают и вредные привычки. В частности, M. G. Piacentini, E. N. Banister указывают что употребление алкоголя в студенческой среде считается нормальным явлением (по мнению студентов). Эти же студенты указывают, что для них необходимость употребления алкоголя, сама по себе является стрессовой ситуацией [5].

Существует ряд исследований, в которых акцент делается больше на индивидуально – психологические особенности обучающихся.

Например, G. Luria, A. Torjman исследовали взаимосвязь уровня стресса с ресурсами человека, а именно с личностью (самооценка), физической выносливостью, социальной поддержкой (взаимодействие со сверстниками) и когнитивными способностями. Участники с более высокой самооценкой, высокими когнитивными способностями и высоким уровнем социальной поддержки воспринимали стрессовое воздействие с меньшими потерями [4].

В целом, анализ научной литературы позволяет говорить о наличии двух групп ресурсов совла-

дания со стрессом. Во-первых, это внешние, экстернальные ресурсы, к которым мы можем отнести все варианты социальной поддержки, семейное и материальное положение, вредные привычки, религиозные взгляды, место проживания, сфера занятости. Во-вторых, это внутренние, личностные ресурсы: локус контроля, самооценка, тревожность и жизнестойкость.

Таким образом, цель эмпирического исследования – определить интернальные и экстернальные ресурсы совладания со стрессом у студентов вуза. Выборку исследования составили студенты педагогического направления подготовки ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, с 1 по 4 курс. Общий объем выборки - 102 человека. Для решения задач эмпирического исследования, использовался следующий комплекс методов: 1) тест-опросник «Определение уровня самооценки» С.В.Ковалёв; 2) тест жизнестойкости (С.Мадди в адаптации Д.Леонтьева); 3) опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса; 4) шкала Ч.Д. Спилберга – Ю.Л. Ханина для определения личностной и ситуативной тревожности; 5) тест «Локус контроля» Дж. Роттера; 6) авторская анкета «Экстернальные ресурсы совладания со стрессом», предназначенная для выявления преобладающих экстернальных ресурсов у студентов (семейное и материальное положение, наличие вредных привычек, религия, место проживания, сфера занятости). С целью статистической обработки и интерпретации был использован коэффициент корреляции r -Спирмена.

Были получены следующие результаты:

1. Студенты обладают интернальным ресурсами совладающего поведения: личностная ($R_s=0,347$ при $p \leq 0,01$) и ситуативная тревожность ($R_s=0,248$ при $p \leq 0,05$). Эти два ресурса являются определяющими в выборе студентами копинга «Принятие ответственности».
2. Одним из самых важных ресурсов совладания у студентов оказывается жизнестойкость и ее составляющие (вовлеченность, принятие риска и контроль): они связаны с выбором таких копинг-стратегий как «положительная переоценка», «планирование решения проблемы», «дистанцирование» и «конфронтация». Получается, что студенты меньше прибегают к стратегии «принятие ответственности» при высоком уровне жизнестойкости ($R_s= -0,190$ при $p \leq 0,05$), и, в частности, выраженности показателя «контроль» ($R_s= -0,224$ при $p \leq 0,05$). То есть, находясь в стрессе студент с высоким уровнем жизнестойкости не будет признавать значимость своей роли в возникновении проблемы и будет принимать ответственность за ее решение.
3. Ресурсом для формирования и применения одной из самых эффективных стратегий совладания со стрессом «планирование решения проблемы» будет являться как высокий уровень жизнестойкости в целом ($R_s=0,217$ при $p \leq 0,05$), так и ее компонентов: «контроль» ($R_s=0,265$ при $p \leq 0,01$) и «принятие риска» ($R_s=0,258$ при $p \leq 0,01$). Студенты при среднем уровне развития контроля способны всегда владеть ситуацией, а при осознании и принятии риска активизируют свои волевые и эмоциональные ресурсы в борьбе со стрессовыми ситуациями и целенаправленно продумывают дальнейшее решение проблемы.
4. Жизнестойкость и ее компоненты также оказываются ресурсами и для менее эффективных стратегий совладания. В частности, вовлеченность ($R_s=0,233$ при $p \leq 0,05$), контроль ($R_s=0,254$ при $p \leq 0,05$) и принятие риска ($R_s=0,206$ при $p \leq 0,05$) оказываются определяющими при выборе копинг-стратегии «конфронтация». То есть, за счет вовлеченности студента в какую-либо стрессовую (фрустрирующую) ситуацию, он может начать проявлять не целенаправленную поведенческую активность.
5. Жизнестойкость в целом ($R_s=0,299$ при $p \leq 0,01$) и её компонент «вовлеченность» ($R_s=0,280$ при $p \leq 0,01$) позволяют студентам в стрессовой ситуации выбрать стратегию «положительная переоценка». Это говорит о том, что, когда учащийся погружается в ту или иную проблему, он преодолевает свои негативные переживания за счет её положительного переосмысления и рассмотрения этой трудности как стимула для личностного роста.
6. Корреляционный анализ также показал возможность выделить и экстернальные ресурсы совладания со стрессом у студентов. В частности, материальное положение ($R_s=0,231$ при $p \leq 0,05$) и состояние здоровья ($R_s=0,179$ при $p \leq 0,05$) являются определяющими при выборе стратегии «дистанцирование». Таким образом, чем хуже у студентов материальное положение и чем слабее их здоровье, тем чаще они прибегают к копинг-стратегии дистанцирование. Следовательно, неудовлетворительное материальное положение и слабое здоровье не позволяют студентам активно сопротивляться стрессовой ситуации, не позволяют им полноценно и эффективно совладать с ней.

Итак, нам удалось определить интернальные и экстернальные ресурсы совладания со стрессом у студентов вуза: жизнестойкость и ее компоненты (контроль, принятие риска и вовлеченности) являются интернальными ресурсами совладания, оказывая на него как положительное, так и отрицательное влияние. Адекватная личностная и ситуативная тревожность определяет выбор студентами копинг-стратегии «Положительная переоценка». Экстернальными ресурсами совладающего поведения у студентов являются место проживания (наи-

более эффективным вариантом будет проживание (одному или с супругом, нежели с родственниками), работу и учебу), стабильное финансовое положение, удовлетворительное состояние здоровья и наличие вредной сферы занятости (студентам лучше не совмещать вредные привычек).

Литература:

1. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика, психология, социокинетика. 2013. – Т. 19. – № 5. – С. 184-187.
2. Davis D. E., Ashby J., McElroy S., Hook J. Religious Coping, Coping Resources, and Depressive Symptoms: Test of a Mediation Model // Counseling and Values. 2014. – Vol. 59, – Issue. 2 – Pp. 139-154.
3. Dewe Ph. Demand, Resources, and Their Relationship with Coping // The Handbook of Stress and Health: A Guide to Research and Practice, First Edition. 2017.
4. Luria G., Torjman A. Resources and coping with stressful events // Journal of Organization Behavior. – 2009. – Vol. 30, Issue 6. – Pp. 685-707.
5. Piacentini M. G., Banister E. N. Getting hammered? students coping with alcohol // Journal of Consumer Behavior. – 2006. – Vol. 5, Issue 2. – Pp. 145-156.

УДК 159.9:331.101.3,
ГРНТИ 15.81.29

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

SPECIFICS OF ACADEMIC AND WORK ACTIVITY AS FACTOR OF PERSONALITY DEFORMATIONS DEVELOPMENT IN MEDICAL STUDENTS

*Гребенникова Татьяна Олеговна
Grebennikova Tatiana Olegovna*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет» (ФГБОУ ВО МГЛУ), Россия, Москва
Federal state budgetary educational institution of higher education "Moscow state linguistic university" (FSBEIoHE MSLU), Russia, Moscow
rougetats@gmail.com*

Аннотация

В статье проводится анализ взаимосвязи между субъективным отношением обучающихся к учебно-практической деятельности и объективными факторами развития стресса. Исследуется роль этой взаимосвязи как предпосылки к формированию личностных деформаций у будущих врачей. Рассматривается проблема формирования острых и хронических стрессовых состояний у студентов медицинских направлений подготовки, обусловленных спецификой организации учебного процесса в медицинских вузах.

Ключевые слова: медицинская специальность; стресс; субъективное отношение; учебно-практическая деятельность; личностные деформации.

Abstract

The article contemplates on the interrelation between the subjective attitude of medical students to their academic and practical activity and objective stress factors. The role of this interrelation as a precursor for personality deformations development in prospective doctors is being explored. The issue of the development of acute and chronic stress conditions in medical students that are caused by the specifics of educational process design in medical universities is being analyzed.

Keywords: medical training; stress; subjective attitude; academic and practical activity; personality deformations.

На современном этапе социально-экономического развития общества особую актуальность приобретает решение проблемы успешной профессионализации специалистов, что в первую очередь связано с ужесточением требований, предъявляемых к качеству их подготовки.

Профессия медицинского работника относится к одной из наиболее сложных в освоении, так как предполагает включение в трудовую деятельность на ранних этапах подготовки и сопряжена со значительными затратами как психологических, так и физиологических ресурсов.

Проведенный анализ научной литературы по проблематике стресса позволил выделить объективные факторы его развития в учебной деятельности студентов медицинских специальностей [3]. Так, в качестве объективных факторов развития стресса выступают:

1. совмещение учёбы и работы;
2. нарушение режима сна и отдыха;
3. «вхождение в профессию» на ранних этапах профессиональной подготовки и повышенная ответственность за собственные действия;
4. жёсткая регламентация межличностных отношений в реализации учебно-практической деятельности.

Обозначенные факторы постоянно воздействуют на будущих врачей в течение всего периода обучения. Внутренние факторы, находящие свое отражение в формирующемся у обучающихся субъективном образе затруднений, как правило, более разнообразны в своих проявлениях, и связаны с их индивидуальными особенностями. Субъективное отношение к будущей профессиональной деятельности, тем не менее, заслуживает особенного внимания в качестве одного из ключевых факторов внутреннего генеза. Несоответствие между имеющимися у обучающихся представлениями и объективными условиями трудовой деятельности может стать предпосылкой к хронизации стрессовой симптоматики и формированию негативного отношения к профессии.

Было выдвинуто предположение о влиянии субъективного отношения к профессиональной ситуации на развитие стресса у студентов медицин-

ских специальностей. Проводился опрос студентов младших и старших курсов, проходящих обучение на лечебном и стоматологическом факультетах российских медицинских вузов, и интернов, проходящих подготовку на факультете последипломного образования. Всего в исследовании приняли участие 217 студентов-медиков. Возраст испытуемых в целом по выборке варьирует от 18 до 53 лет (средний возраст – 22,7 лет), в их состав вошли 83 мужчины и 134 женщины. Результаты были проанализированы с применением методов статистической обработки. На основании процедуры кластеризации полученных данных исследуемая выборка была разделена на две группы по признаку сформированности субъективного отношения к профессиональной ситуации. В ходе обработки данных в виду несоответствия заданным параметрам был исключён один испытуемый. Испытуемых, вошедших в «неблагополучный» кластер (Кластер 1), характеризует диффузное субъективное отношение к профессиональной ситуации и более выраженная стрессовая симптоматика. В «благополучном» кластере (Кластер 2), напротив, сформированное субъективное отношение нивелирует острую симптоматику переживания стресса, препятствуя её интенсивной хронизации [2]. Метод регрессионного анализа, примененный к обозначенным кластерам, позволил выявить статистически значимые различия по каждому из компонентов факторной структуры, описывающей специфику развития и переживания стресса студентами медицинских специальностей на разных уровнях образования. В общем виде результаты кластерного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Различия в факторной структуре у студентов-медиков с разным уровнем сформированности субъективного отношения к профессиональной ситуации

Факторы	Кластер 1 (n=69)	Кластер 2 (n=147)	Р
Формирование субъективного образа профессии	-0.26558	0.12317	0.007
Отношение к деятельности с тенденцией к «хронизации» стресса	1.03716	-0.48100	0.000
Эмоциональная регуляция стресса	0.58491	-0.27126	0.000

Интересные результаты были получены при сравнительном анализе факторов напряжённости, отмеченных в анкетах-интервью студентами, вошедшими в «неблагополучный» и «благополучный» кла-

стеры. В общем виде результаты сравнительного анализа факторов напряжённости в обследованной выборке студентов (по кластерам) представлены в таблице 2.

Таблица 2. Различия по факторам напряженности у студентов-медиков с разным уровнем сформированности субъективного отношения к профессиональной ситуации

Факторы	Кластер 1 (n = 69)	Кластер 2 (n = 147)	Р
Субъективные			
Учёба практически не оставляет времени на отдых и личную жизнь	11.1% (8 чел.)	28.4% (42 чел.)	0.05

Подготовка к «обязательным» предметам не позволяет заниматься тем, что действительно интересно	5.6% (4 чел.)	9.7% (14 чел.)	0.01
Освоить все предметы за семестр не представляется возможным, и к сессии накапливается большой объём информации	11.1% (8 чел.)	29.1% (43 чел.)	0.001
Из-за большого количества изучаемых предметов трудно как следует подготовиться к каждому занятию	20.4% (14 чел.)	19.4% (29 чел.)	0.001
Полученная на экзамене оценка может не зависеть от действительно имеющихся знаний	3.7% (3 чел.)	20.1% (30 чел.)	
Объективные			
Приходится посвящать учебе вечерние и ночные часы (нарушение режима сна и отдыха)	24.1% (17 чел.)	27.6% (41 чел.)	0.001
Необходимость совмещать учебу и работу	7.4% (5 чел.)	9.0% (13 чел.)	

На основании полученных данных можно сделать заключение о ключевой роли субъективных факторов в процессе формирования стресса у студентов медицинских направлений подготовки. Различия между кластерами связаны преимущественно с содержанием учебно-практической деятельности: необходимостью работать с большими объемами информации; постоянный дефицит времени на отдых и личные нужды, вызванный значительной учебной нагрузкой. Жесткость требований, предъявляемых преподавателями к обучающимся, и различающиеся критерии оценки их успешности для студентов «благополучного» кластера играют более важную роль, несмотря на отсутствие статистически значимых различий. Стоит отметить, что в «благополучном» кластере указанные факторы напряженности были отмечены большим количеством студентов. Следовательно, можно предположить, что для студентов, входящих в «благополучный» кластер, характерна большая осознанность выбора будущей профессии, что обуславливает большую значимость успешной реализации учебно-практической деятельности [4]. Расхождения между субъективными представлениями студентов о содержании учебно-практической деятельности и объективными условиями, в которых эта деятельность осущест-

вляется, в перспективе могут приводить к формированию и переживанию негативных эмоциональных состояний, личностных деформаций, в первую очередь к т.н. эмоциональному выгоранию, а также обострению стрессовой симптоматики и ее последующей хронизации с выходом на соматические проявления. В то же время, важность «...гармонического развития тела и духа...» подчеркивал ещё В. М. Бехтерев [1, с. 112].

Таким образом, полноценная профессионализация может быть обеспечена только при организации целенаправленного, поэтапного обучения и воспитания личности будущего компетентного специалиста, реализующего профессиональную медицинскую деятельность. Многообразие и жесткость требований, предъявляемых к уровню подготовки будущих медицинских работников, отсутствие навыка эффективной мобилизации собственных ресурсов, номинальное взаимодействие с педагогами, дефицит психологической и социальной поддержки в совокупности с другими факторами учебно-практической деятельности может выступать предпосылкой к развитию стресса, а также его негативных последствий у студентов как в процессе обучения на разных уровнях образования, так и в ходе дальнейшего освоения профессии.

Литература:

1. Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития и здоровья // Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека / Под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Кольцовой. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – С. 97–136.
2. Величковская С. Б., Гребенникова Т. О. Образ трудовой ситуации как фактор развития стресса на разных этапах профессионального обучения (на примере студентов медицинских специальностей) // Профессиональные представления: сборник научных трудов № 9 / Под редакцией Е. И. Рогова. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. – С. 61–69.
3. Величковская С. Б., Гребенникова Т. О. Факторы напряженности в учебной и практической деятельности студентов медицинских специальностей на разных этапах обучения // Психология состояний: сб. материалов юбилейной Международной школы / под ред. Б. С. Алишева, А. О. Прохорова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 72–77.
4. Morosanova, V. Self-regulation and Personality / V.I. Morosanova // Procedia – Social and Behavioral Sciences 86 (2013). P. 452–457

**СЕКЦИЯ 8. ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ПРОФИЛАКТИКИ
СОЦИАЛЬНО-НЕГАТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ**

УДК 159.9.072

**ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ОСУЖДЕННЫХ ЗА РАЗНЫЕ
ТИПЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ****FEATURES OF SUBJECTIVE REGULATION AMONG CONVICTS FOR VARIOUS TYPES OF CRIMES**

Васильева Инна Витальевна
VasilevaInnaVitalievna

*Тюменский государственный университет, Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России, Россия, Тюмень*

University of Tyumen, Tyumen Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russian Federation, Tyumen
i.v.vasileva@utmn.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00423

Аннотация

Осужденные за насильственные преступления, в сравнении с осужденными за корыстные преступления, отличаются менее выраженными регуляторными характеристиками. В целом группа осужденных отличается от популяции менее выраженными регуляторными характеристиками.

Ключевые слова: субъектная регуляция, осужденные, корыстные и насильственные преступления.

Abstract

Convicted for violent crimes, compared with convicted for mercenary crimes, are less pronounced regulatory characteristics. In general, the group of convicts differs from the population in less pronounced regulatory characteristics.

Keywords: subjective regulation, convicted, mercenary and violent crimes.

Введение. Важность изучения личности человека, совершающего преступление понятна давно. Это знание позволяет более эффективно выстраивать процесс ресоциализации осужденного и адекватно планировать мероприятия по реализации психологической превенции. Индивидуально-психологические особенности преступников насильственного, корыстного, неосторожного типов и их подтипов (по разным основаниям, чаще мотивационным) установлены давно, однако изменения в социокультурной ситуации неизбежно влияют не все общество и в том числе на людей, совершающих преступления.

Одной из наиболее значимых индивидуально-психологических характеристик, оказывающих влияние на поведение человека в обществе, является возможность регулировать свое поведение [1, 2, 3]. Г. С. Прыгин [3] выделил три типа субъектной регуляции по степени самостоятельности: 1) автономный; 2) зависимый; 3) смешанный. В. И. Моросанова [2] выделила структуру в процессе субъектной регуляции: планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов; и стили саморегуляции – самостоятельность и гибкость.

Методы и результаты. В исследовании приняли участие осужденные за насильственные и корыстные типы преступлений, по 40 человек в каждой группе, всего 80 человек, мужчины. Возраст от 20 до 45 лет, в среднем $36,68 \pm 4,97$. Исследование проводилось в исправительном учреждении ФСИН РФ. На момент участия в исследовании, осужденные продолжали отбывать наказание. Участие в исследовании было добровольным.

Для оценки особенностей субъектной регуляции были использованы методики: 1) «Опросник автономности – зависимости» Г. С. Прыгина [3]; 2) опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» В. И. Моросановой [2].

Исследование распределения полученных данных на нормальность с помощью критерия Шапиро-Уилка показало, что большая часть показателей имеет распределение отличное от нормального. Это дает основание для использования методов непараметрической статистики для установления различий между группами осужденных за насильственные и корыстные преступления.

Таблица 1. Описательные статистики по параметрам субъектной регуляции у осужденных.

Исследуемые параметры	Среднее (Mean)	Минимальное значение (Minimum)	Максимальное значение (Maximum)	Стандартное отклонение Std. Dev.
Осужденные за насильственные преступления				
Возраст	35	20	45	5,84
Автономность/зависимость	8,625	6	12	1,79
Планирование	3,675	3	5	0,73
Моделирование	3,725	2	5	0,75
Программирование	4,625	3	6	0,98
Оценивание результатов	3,925	3	5	0,76
Самостоятельность	4,525	2	6	1,11
Гибкость	3,6	2	5	0,81
Осужденные за корыстные преступления				
Возраст	38,35	33	45	3,20
Автономность/зависимость	9,75	6	12	1,58
Планирование	4,7	3	6	1,02
Моделирование	5	2	6	1,11
Программирование	5,35	4	6	0,62
Оценивание результатов	4,875	3	6	1,09
Самостоятельность	4,85	2	6	1,10
Гибкость	4,75	2	6	1,26

Для оценки статистической значимости различий между группами был проведен расчет U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 2. Сравнительный анализ параметров субъектной регуляции у осужденных, совершивших преступления корыстного и насильственного типов

Сравниваемые параметры субъектной регуляции	Ранговая сумма по группе насильственных преступников	Ранговая сумма по группе корыстных преступников	Значение U-критерия Манна-Уитни	Значение p-value
Возраст	1349,0	1891,0	529,0	0,004*
Автономность/зависимость	1320,5	1919,5	500,5	0,004*
Планирование	1180,0	2060,0	360,0	0,000*
Моделирование	1111,5	2128,5	291,5	0,000*
Программирование	1283,5	1956,5	463,5	0,000*
Оценивание результатов	1217,0	2023,0	397,0	0,000*
Самостоятельность	1481,0	1759,0	661,0	0,183
Гибкость	1192,0	2048,0	372,0	0,000*

По всем исследуемым параметрам (кроме самостоятельности) имеются статистически значимые различия между группами осужденных за насильственные и корыстные преступления. Необходимо отметить, что по всем параметрам субъектной регуляции наблюдаются более выраженные показатели в группе осужденных за корыстные преступления. Это значит, что способность регулировать

свое поведение, принимать решения с опорой на свое мнение больше присуща осужденным за корыстные типы преступлений, нежели осужденным за насильственные типы преступлений. Однако в целом, нужно говорить о том, что осужденные демонстрируют нижнюю границу показателей автономности и преимущественно находятся в смешанной позиции, между автономностью и зависимостью.

Аналогичная картина наблюдается по регуляторным шкалам опросника «Стиль саморегуляции»: у осужденных за насильственные преступления показатели планирования, моделирования, программирования, оценивания результатов своих действий, стилевые характеристики гибкости и самостоятельности находятся на границе низкого и среднего уровней. Для осужденных за корыстные преступления все эти показатели находятся на среднем уровне. Ни у одного из участников исследования регуляторные характеристики не достигли высокого уровня. Это согласуется с предыдущими исследованиями в области криминальной психологии о нарушении регуляторной функции как одной из ведущих характеристик преступного поведения. Специфика преступной деятельности осужденных за корыстные преступления такова, что требует более выраженных регуляторных характеристик, нежели у осужденных за насильственные преступления. Вторая группа осужденных, согласно исследованиям [1], характеризуется наиболее низкими показателями регуляторных характеристик, более высокой импульсивностью.

В целом это говорит о том, что осужденные за насильственные и корыстные преступления склонны ориентироваться не на себя, а на внешние, ситуатив-

ные факторы при принятии решений. Испытывают трудности планирования своей жизнедеятельности, адекватной оценке важных условий и как следствие, построении адекватной модели происходящего. Это затрудняет для них правильное планирование действий по достижению цели и оценке полученных результатов. Понимание регуляторных особенностей осужденных важно для правильной организации ресоциализирующих мероприятий в исправительных учреждениях.

Выводы.

1. Проведенное исследование показало стабильность регуляторных характеристик у осужденных насильственного и корыстного типов в сопоставлении с более ранними исследованиями в области криминальной психологии.
2. Осужденные за совершение корыстных преступлений обладают более выраженными регуляторными характеристиками, нежели осужденные за насильственные преступления.
3. Осужденные за корыстные и насильственные преступления в целом обладают сниженными регуляторными характеристиками, чем популяция в целом.

Литература:

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 364 с.
2. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 2001. – 192 с.
3. Прыгин Г.С. Психология самостоятельности: монография. Ижевск, Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2009. – 565 с.

УДК 159.9.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ С ДЕЛИНКВЕНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

FEATURES OF THE IMAGE OF THE FUTURE IN ADOLESCENTS AND YOUNG MEN WITH DELINQUENT BEHAVIOR

Радионов Максим Владимирович, Пыrkова Ксения Вячеславовна
Radionov Maksim Vladimirovich, Pyrkova Ksenya Vyacheslavovna

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan (Volga region) federal university, Russia, Kazan
maksradionov2015@gmail.com, pyrkova_75@mail.ru

Аннотация

Делинкветное поведение среди лиц, не достигших возраста совершеннолетия, было и остается одной из самых актуальных социальных проблем, представляющих серьезную угрозу общественной и государственной безопасности. В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению особенностей образа будущего у подростков и юношей с делинкветным поведением. Полученные результаты, могут являться основой для дальнейших исследований образа будущего несовершеннолетних, а также могут быть использованы специалистами, осуществляющими профилактические и коррекционные мероприятия с воспитанниками учебно-воспитательных учреждений.

Ключевые слова: образ будущего, делинкветное поведение, преступность несовершеннолетних.

Abstract

Delinquent behavior among those under the age of majority has been and remains one of the most pressing social problems that pose a serious threat to public and state security. This article presents the results of an empirical study on the peculiarities of the image of the future in adolescents and young men with delinquent behavior. The results may form the basis for further research into the image of future minors, and can also be used by specialists carrying out preventive and corrective measures with pupils of educational institutions.

Keywords: the image of the future, delinquent behavior, juvenile delinquency.

Проблема преступности среди несовершеннолетних является одной из наиболее актуальных социальных проблем настоящего времени. По данным Генеральной прокуратуры РФ, преступность несовершеннолетних заметно выросла на протяжении последних трех лет. Говоря о причинах роста преступности, в ведомстве указывают на недостаточно эффективную превентивную деятельность в нашей стране, а секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев в качестве основной причины девиантного поведения среди несовершеннолетних называет пропаганду криминальных субкультур через социальные сети [3].

Серьезность проблемы обусловлено еще и тем, что дети, подростки и юноши в условиях современной демографической ситуации выступают в качестве основных кадров для пополнения взрослой рецидивной преступности. Важным фактором, влияющим на ее возникновение, является отсутствие эффективной системы ресоциализации [2].

Вместе с тем, подростковый возраст является одним из самых сложных периодов онтогенетического развития человека. Именно в рамках данного возраста возникает стремление к взрослости и начинается процесс жизненного самоопределения, включающее в себя построение перспективных моделей и образов, согласно которым будет строиться дальнейшая жизнь.

Авторы отмечают, что формирование и развитие образа будущего личности зависят от личностных и социальных факторов. К личностным чаще всего относят: пол, гендерные особенности, уровень интеллекта и тревожности, система ценностей личности и ее установки, жизненный опыт. К социальным факторам относят: влияние СМИ, религиозные и национальные особенности, особенности и условия проживания, сферу увлечений и досуга. В контекст данного исследования стоит отметить, что именно жизненный опыт, как один из личностных факторов, способен оказывать существенное влияние на формирование негативного образа будущего [1].

Официальная статистика, особенности криминогенной обстановки, а также особенности возраста – все это обусловило необходимость прове-

дения эмпирического исследования, посвященного выявлению особенностей образа будущего у подростков и юношей, демонстрирующих делинквентное поведение.

Теоретико-методологическую базу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных психологов, посвященные изучению образа будущего человека – С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, А.К. Абульхановой-Славской, Н.А. Бернштейна, Л.А. Реруш, В.С. Мухиной, Дж. Келли, В. Франкла, Г. Олпорта и др.

Главной гипотезой данного исследования являлось предположение о том, что подростки и юноши с делинквентным поведением обладают некоторыми особенностями предположительно способными оказывать влияние на формирование и развитие их образа будущего.

Для проверки гипотезы нами был использован комплекс стандартизированных, надежных и валидных психологических методик:

1. «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо;
2. «Тест антиципационной состоятельности» В. Д. Менделевича;
3. «Шкала базисных убеждений» Р.Янофф-Бульман (М.А.Падун, А.В.Котельникова);
4. «Индекс жизненной удовлетворенности» Б. Ньюгартен (Н. В. Панина).

В исследовании приняли участие 25 подростков и юношей с делинквентным поведением, обучающиеся по решению суда в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, находящемся на территории республики Татарстан и 25 подростков и юношей, обучающихся в одном из суворовских военных училищ России. Возраст испытуемых в обеих группах варьировал от 13 до 17 лет. Для выявления различий между исследуемыми группами использовался непараметрический критерий Манна-Уитни.

Анализ полученных данных, позволил выявить некоторые статистически значимые различия, характерные для подростков и юношей с делинквентным поведением, способные выступать в качестве факторов, влияющих на формирование их образа будущего, определяя его содержание и структуру.

Таблица 1. «Результаты сравнительного анализа в двух выборках испытуемых»

Шкала	Средние значения		U-критерий Манна-Уитни
	Лица с делинквентным поведением	Суворовцы	
Общая АС	258,12	273,08	163,00**
Пространственная АС	47,04	54,52	108,50**
Негативное прошлое	3,42	2,80	151,00**
Фаталистическое настоящее	3,23	2,68	138,00**
Доброжелательность окружающего мира	31,04	36,72	140,00**
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	4,6	6,12	188,50**
Положительная оценка себя и собственных поступков	4,6	6,32	128,00**
Временная АС	40,36	43,44	222,50*

В группе подростков и юношей делинквентным поведением мы наблюдаем более высокие значения по шкалам «негативное прошлое» ($U=168$; $p \leq 0,01$), «фаталистическое настоящее» ($U=138$; $p \leq 0,01$). Такие данные указывают на то, что испытуемые экспериментальной группы отличаются выраженным неприятием собственного прошлого, вызывающего отвращение, полного боли и разочарований. Что касается отношения к настоящему, то испытуемым оно видится независимым от собственной воли, изначально predetermined, где личность является подчиненной судьбе.

Кроме того, выявлены значимые различия по шкалам: «общая АС» ($U=163$; $p \leq 0,01$), «временная АС» ($U=222,5$; $p \leq 0,05$), «пространственная АС» ($U=108,5$; $p \leq 0,01$), «доброжелательность окружающего мира» ($U=140$; $p \leq 0,01$), «согласованность между поставленными и достигнутыми целями» ($U=188,50$; $p \leq 0,01$), «положительная оценка себя и собственных поступков» ($U=128$; $p \leq 0,01$).

Общая антиципационная состоятельность у подростков и юношей с делинквентным поведением едва превышает границы нормы. Это значит, что в целом испытуемые обладают способностью предвосхищать стрессовые ситуации в будущем и прогнозировать способы реагирования в этих ситуациях. Однако результаты по шкалам «временная АС» и «пространственная АС» свидетельствуют о том,

что подростки и юноши с делинквентным поведением отличаются от ровесников-суворовцев недостаточно сформированной способностью планировать свое время и прогнозировать время возникновения стрессовых ситуаций, а также неспособностью точно координировать и планировать свои движения.

Результаты по шкале «доброжелательность окружающего мира» в обеих исследуемых группах достигают средних значений по методике, однако, в контрольной выборке данный показатель несколько выше, что может свидетельствовать о большей сформированности данного базисного убеждения у испытуемых-суворовцев.

Кроме того, суворовцев отличает и большая убежденность в том, что они достигли или способны достичь тех целей, которые считают важными. А также они более склонны оценивать свои внешние и внутренние качества как хорошие, а уровень оптимизма и удовольствия от жизни достоверно выше по сравнению с группой делинквентов.

Вышеописанные результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что подростки и юноши с делинквентным поведением имеют некоторые особенности, способные оказывать влияние на формирование их образа будущего. Результаты исследования могут выступать основной для дальнейших более глубоких и всесторонних исследований феномена образа будущего.

Литература:

1. Коробкин, А.Л. Символическое моделирование позитивного образа будущего и его зависимость от индивидуально-типологических особенностей личности: дис. ...канд. псих наук: 19.00.01 /А. Л. Коробкин. – Хабаровск, 2002. – 298 с.
2. Лелеков В. А. Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение/ Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 4. - с. 15-21
3. Особо опасные дети. URL: <https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-v-strane.html> (дата обращения: 10.07.2020)

**СЕКЦИЯ 9. ЛИЧНОСТЬ И ЦИФРОВАЯ СРЕДА:
ПРОСТРАНСТВО ПРОБЛЕМ ИЛИ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

УДК 159.

ВИРТУАЛЬНЫЙ ГОРОД МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**THE VIRTUAL CITY OF YOUTH: ANALYSIS OF SOCIAL NETWORKS**

Воробьева Ирина Владимировна, Матвеева Алена Игоревна, Кружкова Ольга Владимировна
Vorobyeva Irina Vladimirovna, Matveeva Alena Igorevna, Kruzhkova Olga Vladimirovna
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Россия, Екатеринбург
Ural State Pedagogical University, Russia, Ekaterinburg
lorisha@mail.ru, lyonchik_7777@list.ru, galiat1@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема виртуального образа города и его репрезентации в социальных сетях. В виртуальном городе можно выделить официальный контент и стихийную составляющую. В формировании стихийного образа виртуального города наиболее представлена молодежь и именно ее активность была изучена посредством частотного анализа и контент-анализа. В сообществе социальной сети «ВКонтакте» были выбраны 100 тематических постов и проведен анализ комментариев к ним (более 6000). Показано, что молодежь достаточно включена в городские проблемы, но настроена умеренно оппозиционно к действиям властей.

Ключевые слова: виртуальный город, молодежь, информационный контент, социальные сети, интернет.

Abstract

The article considers the problem of the virtual image of the city and its representation in social networks. Official content and the spontaneous component stand out in the virtual city. In the formation of the spontaneous image of a virtual city, young people are most represented and it was their activity that was studied through frequency analysis and content analysis. 100 thematic posts were selected and an analysis of comments on them was carried out (more than 6000) in the community of the social network "Vkontakte". It is shown that young people are sufficiently involved in urban problems, but are moderately opposed to the actions of the authorities.

Keywords: virtual city, youth, information content, social networks, Internet.

Интернет сегодня – пространство ежедневной жизнедеятельности человека, на просторах которого осуществляется профессиональная деятельность, образовательная и социальная активность, во всем многообразии своих проявлений. По данным ежегодного отчета DIGITAL-2020 среднестатистический житель планеты в Интернете проводит около 7 часов в сутки [1]. Почти любой социальный объект – человек, группа, организация так или иначе представлены в глобальной сети. Город как глобальная организация тоже имеет свою виртуальную репрезентацию.

Н. А. Харламов, рассматривая город как виртуальный объект, указывает на то, что он состоит из символических образов, через которые транслируется реальная городская среда. Эти образы могут не иметь материального основания и объективных предикторов. Вместе с тем, их восприятие посредством Интернет-ресурсов обогащает индивидуальный опыт человека и формирует или изменяет его отношение к городу [5].

Многие исследователи разделяют официальный виртуальный город и виртуальный город, формирующийся спонтанно и стихийно. Так, Ю. Л. Балю-

шина в официальном виртуальном городе выделяет несколько структурных компонентов или источников информации, из которых он складывается: образ реального города, созданный на официальных сайтах и порталах посредством деятельности муниципальной власти; образ, создаваемый городскими СМИ и СМК, имеющий целью привлечение внимания аудитории; образ, формируемый на туристических сайтах и форумах, описывающий город как туристический объект; художественная репрезентация города (в литературе, живописи, фотоискусстве), имеющая цифровую форму существования; репрезентация города в рекламе, в том числе социальной [3].

Менее структурирован и соответственно предсказуем виртуальный город, складывающийся стихийно в сообществах социальных сетей, на форумах, сайтах видеохостинга и др. Так, А. Р. Ахметова изучая городские интернет-мемы на примере города Уфы, указывает на то, что лингвокультурная «биография» города в современных условиях формируется не только в реальном мире, но и в виртуальном пространстве. Интернет-мемы, отражающие символическую реальность города, а также морально-э-

тические предпочтения и ценности горожан, могут выступать эффективным инструментом при формировании имиджа территории и воспитания подрастающего поколения [2]. Ю. Л. Балюшина указывает на возможности виртуального города манипулировать сознанием людей, воспринимающих его образы [4].

Таким образом, виртуальный город является перспективным объектом научных исследований. Понимание тенденций и закономерностей в функционировании конкретного стихийно складывающегося образа виртуального города позволит не только осуществлять мониторинг социальной напряженности и прогнозировать возникновение конфликтных ситуаций, но и будет способствовать пониманию научным сообществом представлений горожан о пространстве, в котором они проживают.

Наиболее активной группой в формировании стихийного виртуального города является молодежь. Именно из представителей молодежи состоят многочисленные группы в социальных сетях, темой которой является городская среда. Изучение виртуального города в восприятии молодежи позволит не только выявить отношение данной категории жителей к городской среде, но и определит проблемные зоны, фокус интересов молодежи в городе.

Для анализа виртуального пространства мегаполиса, а именно города Екатеринбурга было выбрано одно из самых крупных сообществ городской тематики в социальной сети «ВКонтакте» – «Типичный Екатеринбург». Количество подписчиков сообщества составляет 553694 человек, из которых 313936 (56,7%) являются представителями социальной группы «Молодежь» (до 30 лет). Данное сообщество было выбрано в виду разнообразного контента, который предлагается к публикации самими подписчиками, а не генерируется ограниченной группой людей – администраторами сообщества. Таким образом, можно утверждать, что публикации сообщества отражают интересы и проблемы подписчиков сообщества. Для проведения исследования были проанализированы по ряду факторов качество и характер публикуемого контента, а также все комментарии пользователей на выбранные публикации. Таким образом, были выбраны 100 последовательных информационных постов, опубликованных во временном промежутке март-февраль 2020 года, к которым было оставлено в общей сложности 6620 комментариев. Посты были сгруппированы в 4 категории (таблица 1).

Таблица 1. Результаты анализа информационных постов

<i>Категория</i>	<i>Количество постов</i>	<i>Суммарное количество лайков</i>	<i>Суммарное количество комментариев</i>
Городская природа	20	8806	568
Дороги и автомобили	15	4240	1950
Здания	53	15052	3097
Объекты городского искусства	12	7632	1005

Наибольшую представленность (более 50%) в контенте сообщества имеют сообщения, связанные с городской архитектурой. Пользователи размещают фото зданий, объектов городской инфраструктуры. Доминирование данной тематики ожидаемо, так как отражает основную специфику городской среды и ее идентичности. На втором месте – городская природа, категория представлена постами с фотографиями парков, скверов, природных явлений (радуга,

закаты, рассветы и пр.). На третьем месте – дороги и автомобили, на четвертом – объекты городского искусства (памятники, инсталляции и пр.).

Эмоциональный компонент и общее отношение молодежи к городу с локализацией наиболее проблемных его зон изучалось посредством анализа комментариев к информационным постам (таблица 2). В таблице представлены 10 наиболее частотных тем комментариев.

Таблица 2. Результаты анализа комментариев к постам

<i>Тема комментария</i>	<i>Расшифровка</i>	<i>Кол-во комментариев</i>
Брань (оскорбления)	комментарии, которые содержат нецензурную лексику, оскорбления, а также «вежливые» унижения собеседников и объектов, о которых идет речь в информационных постах	180
Супрематический крест Покраса Лампаса	комментарии, содержащие оценочные высказывания о данном арт-объекте (положительные и отрицательные)	112

Ельцин-центр и сам Б. Н. Ельцин	комментарии, в которых обсуждается отношение к первому президенту РФ, а также к музею Ельцин-центр (внешний вид, деятельность, символизм)	88
Критика страны	комментарии, в которых в негативном ключе обсуждаются действия органов власти, а также абстрактные негативные высказывания о стране в целом	86
Критика коммунальных служб	комментарии, в которых в негативном ключе обсуждается работа коммунальных служб и управляющих компаний (уборка снега, сосулек, обслуживание придомовой территории, дорожного полотна и др.)	80
Критика города	комментарии, в которых в негативном ключе обсуждаются действия администрации города, общие негативные высказывания в адрес города (не дифференцированные по направлениям)	36
Критика общества (социума)	комментарии, в которых в негативном ключе обсуждаются обобщенные группы людей: все человечество, граждане РФ, молодежь, зоозащитники, вегетарианцы и др.	36
Критика архитектуры (градостроения)	комментарии, в которых в негативном ключе обсуждается внешний вид города – архитектура зданий и сооружений, арт-объектов, и районов города. В данную строку не входят комментарии к отдельным сооружениям и арт-объектам, выделенные отдельной темой (Ельцин-центр, Суперматический крест, Центральный стадион)	35
Архитектура	комментарии, содержащие позитивные высказывания относительно внешнего вида города (зданий, парков, отдельных микрорайонах, арт-объектов)	28
Путин В. В.	комментарии, содержащие любые упоминания о Путине В. В.	23

В целом, можно сказать, что в обсуждении информационных постов доминируют негативные высказывания, содержащие прямые оскорбления, деструктивную критику и косвенную агрессию. Молодежь достаточно резко и категорично обозначает свою позицию и отношение к властям (на государственном и муниципальном уровне), отдельным аспектам жизни в городе и обществу в целом. Вместе с тем, несмотря на их превалирование встречается и позитивная оценка городского пространства и изменений, которые в нем происходят. Отдельно выделяются несколько тем, получивших общественный резонанс и неоднозначную оценку. Это свиде-

тельствует о том, что молодежь не просто активно включается в общественные процессы, но и обозначает свою позицию по ряду триггерных социальных проблем.

В заключении хочется отметить, что виртуальный город – сложный мультиэлементный высокодинамичный феномен, складывающийся как из целенаправленно транслируемых информационных образов, так и из стихийного контента, который необходимо пристально изучать, поскольку именно он является имплицитным источником информации о городе для молодого поколения его жителей.

Литература:

1. DIGITAL-2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 14.07.2020)
2. Ахметова А. Р. Городские интернет-мемы: лингвокультурологический аспект (на примере г. Уфы) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. – № 1 – С. 102–111.
3. Балюшина Ю. Л. Индустриальный город как виртуальный феномен (на материалах города Череповца) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9, № 1 (30). – С. 212–218.
4. Балюшина Ю. Л. Репрезентация города в виртуальной среде как объект социально-философского исследования / В сборнике: Череповецкие научные чтения – 2017. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 4-х частях. – 2018. – С. 212–218.
5. Харламов Н. А. Виртуальные города: большой город в эпоху технической воспроизводимости / В кн. Визуальный анализ виртуальной реальности. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. – 2007.

УДК 159.923.2

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ИНТЕНСИВНОСТИ И НАВЯЗЧИВОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ**SELF-PRESENTATION AND PERSONALITY TRAITS AS PREDICTORS OF INTENSITY AND INTRUSION OF ONLINE SOCIAL NETWORK SITES USE**

*Корниенко Дмитрий Сергеевич, Горбушина Елена Анатольевна
Kornienko Dmitriy Sergeevich, Gorbushina Elena Anatolievna*

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь
Perm State National Research University, Russia, Perm*

dscorney@mail.ru, lego4155@gmail.com

Аннотация

Социальные сети заняли прочное место в системе коммуникации современного человека. Пользователи социальных сетей показывают различную интенсивность обращения к сети и степень зависимости от нее. При этом социальная сеть позволяет демонстрировать различные личностные свойства. В данном исследовании изучаются личностные черты и характеристики самопрезентации как предикторы интенсивности и навязчивости использования социальных сетей. На выборке в 201 студент были получены данные по перфекционистской самопрезентации, базовым чертам личности и активности и зависимости от социальных сетей. В результате было установлено, что характеристики перфекционистской самопрезентации и личностные черты в равной степени являются предикторами для интенсивности использования, тогда как для навязчивости в большей степени имеют значение личностные черты.

Ключевые слова: социальные сети, ВКонтакте, перфекционизм, самопрезентация, интенсивность, навязчивость, личностные черты.

Abstract

Online social network sites (OSNS) have taken a stable place in modern life. OSNS users show the different intensity of access to the network and the degree of dependence of it. At the same time, OSNS allow one to demonstrate various personal properties. This study explores the personality traits and characteristics of self-presentation as predictors of the intensity and intrusion of using OSNS. In a sample of 201, undergraduate students, data on perfectionistic self-presentation, personality traits, and activity and dependence on online social network sites were obtained. As a result, it was found that perfectionist self-presentation and personality traits are equally predictors of the intensity of use. In contrast, personality traits are more critical for the intrusion.

Keywords: online social networks sites, VKontakte, perfectionism, self-presentation, intensity, intrusion, personality traits.

Социальные сети на сегодняшний день приобретают все большее значение, так как обеспечивают альтернативный способ взаимодействия между людьми, позволяют осуществлять и поддерживать взаимодействие независимо от времени, места и других условий. Психологические факторы, связанные с активностью и эмоциональными переживаниями от использования социальных сетей, можно описать через характеристики, которые можно измерить количественно: вовлеченность и интенсивность использования социальной сети [4]. Интенсивность характеризует количество времени, проведенного пользователем в социальной сети, а поведенческие и эмоциональные реакции на действия в социальных сетях определяют навязчивость (вовлеченность) их использования. В связи с тем, что социальные сети предполагают создание профиля, в котором пользователь демонстрирует собственные характери-

стики, возникает вопрос о самопрезентации и ее специфике в социальных сетях. Одной из наиболее важных функций самопрезентации является управление впечатлением о себе с целью повышения социального успеха и популярности среди виртуального сообщества [2, 3, 5]. По сравнению с реальной, виртуальная самопрезентация носит более осознанный и разнообразный характер [1]. В процессе самопрезентации происходит контроль над выдаваемой в социальную сеть информацией, что влияет на фактор времяпрепровождения в указанной социальной сети.

Целью данной работы стало определение предикторов интенсивности и навязчивости в использовании социальных сетей. Основным предположением является то, что характеристики самопрезентации будут вносить более значимый вклад в интенсивность и навязчивость в отличие от личностных черт.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 201 студент различных направлений подготовки, в возрасте от 16 до 25 ($M=22,25$; $SD=4,46$). Опрос проводился в Интернет на сайте onlinetestpad.com. Все респонденты являются пользователями социальной сети ВКонтакте.

Использованы следующие методики: «Шкала интенсивности использования социальной сети» для измерения частоты и длительности использования социальной сети ВКонтакте, а также эмоционального отношения к социальной сети [4]. «Шкала навязчивого использования социальной сети», которая была разработана на основе базовых критериев поведенческой аддикции и содержит вопросы относительно различных негативных аспектов использования социальной сети, оценивающих эмоциональные, когнитивные и поведенческие характеристики зависимости [5].

«Шкала перфекционистской самопрезентации П. Хьюитта» в адаптации Золотаревой А. А. и портретный опросник Большая пятерка для диагностики базовых личностных черт, разработанные Егоровой М. С., Паршиковой О. В.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00775.

Результаты

Были проведены две серии иерархического регрессионного анализа, в который в качестве зависимых переменных включались показатели Интенсивности и Навязчивости использования социальной сети.

Модель предикторов для Интенсивности использования социальной сети объясняет до 24% дисперсии ($F(10\ 190) = 6,11$, $p < ,001$) и включает следующие предикторы: Пол ($\beta = ,194$, $p < ,01$), Демонстрация совершенства ($\beta = ,215$, $p < ,01$), Вербальное непроявление совершенства ($\beta = -,214$, $p < ,01$), Экстраверсия ($\beta = ,206$, $p < ,01$) и Сознательность ($\beta = -,242$, $p < ,001$).

Модель предикторов для Навязчивости использования социальной сети объясняет 22% дисперсии. Итоговая модель ($F(10\ 190) = 5,24$, $p < ,001$) включает следующие предикторы: Поведенческое непроявление совершенства ($\beta = ,265$, $p < ,001$), Экстраверсию ($\beta = ,168$, $p < ,05$), Сознательность ($\beta = -,186$, $p < ,01$) и Нейротизм ($\beta = ,163$, $p < ,05$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют утверждать, что интенсивность использования социальной сети определяется совокупностью характеристик самопрезентации и личностных черт с учетом пола. Так, высокое стремление к демонстрации себя, собственных характеристик, представление себя как более успешного, способного и компетентного человека, готовность обсуждения собственных недостат-

ков или неудач при высокой экстраверсии и низком самоконтроле будет способствовать более активному использованию социальной сети, желанию поддерживать контакты через нее и переживать положительные эмоции. Эти особенности в большей степени будут характерны для женщин. Исходя из результатов интенсивность использования социальных сетей будет характеризовать людей, направленных на других, желающих показать себя в лучшем свете. В качестве примера, можно рассматривать страницы женщин-блогеров, которые демонстрируют различные аспекты собственной жизни. Возможно, сочетание демонстративности и экстраверсии имеет нарциссическое «происхождение», что может стать предметом дальнейших исследований. При этом пользователи с высокой интенсивностью не боятся обсуждать свои неудачи, готовы к тому, что окружающие критически отнесутся к их высказываниям или мнению.

Навязчивость использования социальной сети не имеет связей с полом, т.е. модель предикторов будет характерна и для мужчин, и для женщин. При этом аддиктивные проявления в отношении социальной сети больше связаны с личностными чертами, чем с самопрезентацией. Так, высокая зависимость от мнения других, сверхчувствительность к критике, стремление к избеганию ситуаций, в которых неудачное поведение может быть замечено при высокой экстраверсии, эмоциональной нестабильности и низком самоконтроле, приводят к увеличению негативного эффекта, зависящего от социальной сети поведения. Данная модель предикторов скорее раскрывает личностные особенности человека, попадающего в зависимость от социальной сети и, как следствие, переживающего межличностные конфликты, потерю контроля, испытывающего стресс при отсутствии возможности доступа в сеть. Возможно, что данная совокупность личностных черт проявится и в отношении других форм зависящего от интернет поведения.

Выводы

Для интенсивности, активности использования социальных сетей в равной степени значимыми являются характеристики, связанные с желанием продемонстрировать себя даже пусть и не в самом выгодном свете и направленностью на других и при этом, могут показывать большую легкость в отношении с окружающими и независимость в суждениях, что востребовано аудиторией социальных сетей. Данные характеристик более выражены у женщин.

Зависимое поведение (навязчивость использования социальной сети) значительно меньше связано с желанием продемонстрировать себя, а скорее обусловлено низким самоконтролем и эмоциональной неустойчивостью при высоком стремлении к межличностному взаимодействию.

Литература:

1. Белинская Е. П., Гавриченко О. П. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования – 2018. – № 60 (11). – 12 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.06.2020).
2. Корягина Н. А. Проблемы исследования психологических факторов самопрезентации – Краснодар: Центр социально-политических исследований «Премьер», 2012. – С. 24–44.
3. Самосват О. И. «Лайк» в социальных сетях как показатель социального одобрения в подростковой среде // Казанский педагогический журнал. 2015. (6). – С. 148–150.
4. Ellison N. B., Steinfield C., Lampe C. The Benefits of Facebook “Friends:” Social Capital and College Students’ Use of Online Social Network Sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. – № 4 (12). – С. 1143–1168.
5. Elphinston R. A., Noller P. Time to Face It! Facebook Intrusion and the Implications for Romantic Jealousy and Relationship Satisfaction // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2011. – № 11 (14). – С. 631–635.

УДК 159.99

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМПАТИИ СТУДЕНТАМИ С ПОМОЩЬЮ СТИКЕРОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

**FEATURES OF EXPRESSING EMPATHY BY STUDENTS USING STICKERS IN INTERNET
COMMUNICATION**

Гайдаренко Светлана Максимовна

Gaydarenko Svetlana Maksimovna

Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОН ВО «Сибирский федеральный университет», Россия, Лесосибирск

Lesosibirsk pedagogical Institute is a branch of the Siberian Federal University

Lana.gaydarenko.2000@mail.ru

Аннотация

В статье раскрыты особенности проявления эмпатии в интернет-общении с помощью стикеров. Автор приводит результаты теоретико-экспериментального исследования взаимосвязи использования стикеров студентами с уровнем их эмпатийности.

Ключевые слова: эмпатия, стикеры, коммуникация, сетевая эмпатия.

Abstract

The article reveals the features of empathy in Internet communication using stickers. The author presents the results of a theoretical and experimental study of the relationship between the use of stickers by students and their level of empathy.

Keywords: empathy, stickers, communication, network empathy.

Сфера коммуникации не стоит на месте, она развивается со стремительной скоростью. Еще недавно для выражения своих эмоций в смс-переписке люди использовали графические знаки. Позже им на смену пришли желтолицые эмодзи. Теперь популярность набирают стикеры.

Стикеры – это статичные или анимированные картинки, похожие на обычные смайлы, но большие по размеру. Они отличаются тем, что делятся на пакеты, каждый из которых представляет отдельного героя или персонажа.

Несколько лет назад стикеры были распространены в основном на просторах различных мессенджеров, но в настоящее время их использование становится все популярнее в социальных сетях [1].

Анализ магазина стикеров «Вконтакте» показал, что общее количество стикер-пакетов – более 400 наименований. Один пакет состоит из 8–48 стикеров, отражающих разные эмоции и переживания. Наиболее популярными образами для их создания выступают животные. Такие пакеты составляют около 58% (231 пакет) всего магазина стикеров. Причем 211 – это одиночные персонажи, 20 – наборы парочек животных. Вторая группа стикеров – образы людей – 16,5%. Женских насчитывается 32, мужских – 29, совместных – 4. Стикеры, персонажи которых герои мультфильмов или кино, составляют около 12% (49 пакетов). Следующая по популярности группа – предметы, растения – 10,5% (42 пакета). Лица, смайлы и граффити не популярны – около 3%.

Говоря о функциях стикеров, можно выделить следующие: 1. экономия времени; 2. развлекательная; 3. познавательная; 4. эстетическая; 5. межъязыковая коммуникация; 6. расширение спектра передаваемых эмоций.

Многие пакеты иллюстрируют похожие переживания и эмоции, что позволяет собеседникам проявлять опосредованную (сетевую) эмпатийность.

Эмпатия – (от греч. «*empathia*») – означает «сопереживание». Как психологический термин это понятие введено Э. Титченером в 1909 г. для обозначения внутренней активности человека, результатом которой становится интуитивное понимание состояния другого. Эмпатия основана на умении правильно представлять себе внутреннее состояние другого и способности идентифицировать себя с ним. Сформированная эмпатийность проявляется человеком в умении сопереживать, сочувствовать, содействовать другому [2].

Проявление сетевой эмпатийности очень важно: для поддержания диалога, для установления межличностных связей, для понимания эмоций собеседника. Опосредованное общение, занимая огромное количество времени современного человека, является только частью межличностного общения.

Для проявления эмпатийности в «ВКонтакте» используются стикеры. Идентификация своего состояния со стикером способствует более ясной демонстрации своих переживаний, что помогает оппоненту понять оттенки состояния адресанта. Стикеры – один из приёмов воздействия. Они определяют тональность диалога и успешность коммуникации (в том числе).

Нами было проведено исследование на базе ЛПИ – филиала СФУ (г. Лесосибирск, Красноярский край). В нем участвовало 30 студентов. Цель исследования – установление связи уровня эмпатийности студентов и уровня проявления эмпатии в сети посредством стикеров.

Исследование проводилось в формате онлайн-тестирования и онлайн-переписки на платформе «ВКонтакте». Нами был разработан план проведения исследования, включающий 3 этапа:

1. Определение уровня эмпатии студентов с помощью диагностической методики В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии».
2. Определение развитости коммуникативных умений в опосредованной среде. Нами были подобраны 5 ситуаций, предполагающие переживание адресантом эмоции (радость, интерес, грусть, злость, стыд), ответ на которую студенту предлагалось осуществить с помощью стикера.
3. Анкетирование об актуальности использования стикер-пакетов и их непосредственном применении.

Результаты по первому блоку показали: общий уровень эмпатии у студентов – заниженный (средний показатель: 18,4 (из 36)). Лучше всего у них развит эмоциональный канал эмпатии и проникающая способность к ней, что позволяет «выходить» на одну эмоциональную волну с другими и устанавливать доверительные отношения. Для идентификации студентов и установок, способствующих эмпатии, характерен средний уровень развития, что гарантирует возможность повышения ее уровня. Большие трудности наблюдаются у студентов с рациональным и интуитивным каналами эмпатии, что затрудняет их моментальное вхождение в состояние оппонента из-за времени, требуемого на обдумывание.

Для проведения дальнейшего анализа все студенты были разделены на две подгруппы в зависимости от уровня эмпатии: 1) студенты со средним уровнем эмпатии; 2) студенты с заниженным и низким уровнем эмпатии.

В подгруппе со средним уровнем эмпатии 20% испытуемых (6 человек) – все студенты филологического отделения. Они характеризуются развитыми рациональным и эмоциональным каналами эмпатии, проникающей способностью к ней. Эти люди автоматически определяют состояние собеседника, в которое нужно войти. Понять «ощущения» другого не составляет для них трудности.

В подгруппе с низким уровнем эмпатии 7% испытуемых (2 человека) обучаются на физико-математическом отделении. Наименее развиты у них рациональный и интуитивный каналы эмпатии, что мешает беспрепятственно входить в чужое состояние. Им может казаться, что «Я не понимаю мир, а мир не понимает меня». На среднем уровне у них развиты эмпатийные установки – поэтому уровень эмпатии может быть повышен.

73% испытуемых (22 человека) имеют заниженный уровень эмпатии, лучше всего у них развиты способность к идентификации и проникновению – гарантия успешной деловой коммуникации. Низкие результаты по шкалам рационального, интуитивного и эмоционального каналов могут быть поводом для проблем в дружеских отношениях. Развитые установки на проявление эмпатии создают основу для ее корректировки.

Во втором блоке эксперимента участникам были предложены 5 коммуникативных ситуаций. Результаты анализа показали, что 90% студентов (27 человек) способны распознать эмоцию (грустный стикер в ответ на грустное сообщение). Но только 10% (3 человека) оказались способны проявить эмпатийность (в ответ на грустное – стикеры «Я с тобой», «Все будет хорошо»). Так, представителями сетевых эмпатов оказались именно те студенты, которые показали высокие результаты в первом блоке исследования.

Первая часть третьего блока была посвящена актуальности использования стикеров студентами.

1. На вопрос об использовании стикеров переписке 90% студентов (23 человека) ответили положительно, 10% (3 человека) – отрицательно.
2. Вопрос о частоте использования стикеров показал следующее: постоянно используют 30% (9 человек), часто 33,3% (10 человек), иногда 13,3% (4 человека), редко 13,3% (4 человека), никогда 10% (3 человека).
3. Вопрос о цели использования стикеров предполагал выбор ответа. Так, 67% (20 человек) целью использования отметили уточнение эмоций. 13,3% (4 человека) выбрали «Мне нравится цветная картинка в диалоге». 7% (2 человека) отметили целью экономию собственных усилий. 3,3% (1 человек) отметил целью использования улучшение климата межличностных отношений.
4. На вопрос об использовании платных стикер-пакетов 73% (22 студента) ответили положительно, 17% (5 человек) отрицательно, 10% (3 студента) не используют стикеры вообще. Способ появления платных стикеров: самостоятельная покупка и принятие подарка (33% – 10 человек), только покупка (10% – 3 человека), только принятие в подарок (30% – 9 человек), остальные (17% – 5 человек) предпочитают использовать стандартные стикеры.

Вторая часть третьего блока исследования включала вопросы о состоянии другого человека. Здесь студентам были представлены вопросы типа: «Какой стикер ты выберешь для продолжения общения с человеком, которому...». Были получены следующие результаты:

1. Наиболее употребляемый образ используемых стикеров – образы животных. Чаще всего одиночных и представляющих женский образ, второй по популярности использования – образы людей, третий – герои Disney, Marvel.
2. Что касается демонстрации состояния «весело», «интересно» – студенты разделяют эмоции с собеседником (80% – 24 человека). Здесь мы можем

говорить о проявлении сетевой эмпатийности. Но, согласно ответам на вопрос «Какой стикер ты выберешь для продолжения общения с человеком, которому грустно?», только 27% (8 человек) проявляют эмпатийность, выражая сочувствие и желание поддержать своего собеседника. Их сообщения содержат команды типа «Я с тобой», «Иди, обниму».

3. Следующие вопросы касались коммуникации перед сном и утром. Только 17% (5 человек) считают нужным пожелать «Спокойной ночи». «Доброго утра» своему собеседнику желают 30% (9 человек).

Третья часть третьего блока была направлена на изучение способности студентов к установлению связи между стикером и их собственным переживанием. Результаты анализа позволили нам сделать следующие выводы:

1. Все участники исследования умеют устанавливать связь между своим эмоциональным состоянием и состоянием, изображаемым стикером.
2. На вопрос «Какой стикер ты используешь, когда пытаешься разрешить конфликт?» только 23% (7 человек) используют стикеры, предполагающие попытку реально решить конфликт («Не ругайтесь!», «Давайте жить дружно») остальные предпочитают наблюдать, испытывать печаль, недовольство.

Анализ ответов на вопрос «Какой стикер ты используешь чаще всего?» показал, что студентами чаще всего выражают с помощью стикеров такие эмоции как радость, восхищение, восторг, смех, проявление любви, демонстрации одобрения, недовольство, недоверие, сарказм.

Таким образом, можно сделать вывод, что умение проявлять эмпатийность в сети напрямую связано с уровнем развития эмпатии в реальном межличностном общении. Эмпатийность как реальная, так и сетевая очень важна для человека. Стикеры как способ невербального воздействия на человека могут являться отличным способом выражения эмпатийности в опосредованной коммуникативной ситуации.

Литература:

1. Акимов В. Стикеры – язык общения будущего. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/257824>
2. Гайдаренко С.М., Мартынова М. А., Ковалева А. В. Развитие эмпатии на разных возрастных этапах // Проблемы современного педагогического образования. – Сборник научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2020. – Вып. 65. – Ч. 1. – С. 354–357.

УДК 159.9.072.433

ГРНТИ 15.21.51

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ
ХАРАКТЕРА У ПОДРОСТКОВ****CONNECTION BETWEEN A TENDENCY TO INTERNET ADDICTION AND ACCENTUATIONS OF
CHARACTERS AT TEENAGERS***Захарова Юлиана Васильевна, Иванов Дмитрий Викторович**Zakharova Juliana Vaslevna, Ivanov Dmitry Victorovich**Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия, Самара**Samara State University of Social Sciences and Education, Russia, Samara**ZJulia1911@yandex.ru, ivanov@pgsga.ru***Аннотация**

В статье содержатся результаты исследования взаимосвязи склонности к интернет-зависимости с акцентуациями характера у подростков. Рассмотрены психоэмоциональные особенности подростков, предрасполагающие к возникновению интернет-зависимости. Приводится описание классификаций акцентуаций характера. Изучены взаимосвязи между склонностью к интернет-зависимости и типами акцентуации характера у подростков. Среди подростков со склонностью к интернет-зависимости чаще встречаются такие типы акцентуации характера как лабильный и истероидный, психастенический, шизоидный и эпилептоидный, а также случаи сочетания нескольких типов акцентуаций. Результаты исследования составят основу для разработки психопрофилактических и психокоррекционных программ, направленных на предотвращение возникновения интернет-зависимости.

Ключевые слова: акцентуация характера, подросток, психологическая профилактика, аддиктивное поведение, интернет-зависимость.

Abstract

The article contains the results of investigation of connection between a tendency to Internet addiction and accentuations of characters at teenagers. The psycho-emotional characteristics of teenagers causing the emergence of Internet addiction are considered. The description of accentuations of character classifications is provided. Connections between a tendency to Internet addiction and types of accentuations of characters at teenagers are examined. Most of teenagers who have an Internet addiction are of labile, hysteroid, psychasthenic, schizoid, epileptoid, and combined types. The results of the examination will form the basis for developing of psychoprophylactic and psychocorrecting programs aiming at prevention of Internet addiction.

Keywords: accentuation of character, teenager, psychological preventive measures, addictive behavior, Internet addiction.

В настоящее время невозможно представить современное общество без высоких технологий и, в частности, без Интернета. Растет число пользователей Интернета. Соответственно, его роль влияния на человека с каждым днем набирает всё большие обороты, оказывая значительные изменения в психологической, социальной и культурной сферах личности.

Интернет-зависимость подростка представляет собой одну из наиболее серьезных проблем современности. Это приводит к необходимости разработки современных методов психологической профилактики возникновения интернет-зависимости у подростков [3]. Однако, данные, полученные разными исследователями, нередко мало согласуются друг с другом, что обуславливает необходимость продолжения исследований этой проблемы. Исследованию интернет-зависимости посвящены труды Р. Дэвиса,

М. Гриффитса, А. Голдберга, Ч. Чу, К. Янга, Дж. Грохила, Д. Гринфилда, К. Суррат. Феномен интернет-зависимости изучался такими отечественными психологами, как А. Е. Жичкина, Н. В. Чудова, А. Ю. Егорова, Ц. П. Короленко. В работах Б. С. Братуся, А. Е. Личко, В. Д. Менделевича накоплен обширный материал о личностных особенностях, зависимых от ПАВ.

Подростку присущи определенные личностные особенности, из которых можно выделить такие как Я-концепция и формирующиеся у подростка чувство взрослости. В этот период потребность принять статус взрослого определяет поведение подростка. В первую очередь, это проявляется в стремлении подростка приобщиться к жизни и образу жизни взрослых [1].

Таким образом, в подростковом периоде имеет ряд психоэмоциональных особенностей, которые могут предрасполагать к развитию интернет-зави-

симости: не до конца сформированное мировоззрение и нравственная сфера, стремление приобщиться к миру взрослых и др. Лица с акцентуациями более подвержены влияниям среды. В отличие от психопатий, акцентуации характера не приводят к общей социальной дезадаптации. Они проявляются в подростковом возрасте, а при неблагоприятных условиях – преобразоваться и видоизмениться в «краевые» психопатии [4].

Следует отметить, что, хотя история изучения акцентуаций характера насчитывает не одно десятилетие, их типы окончательно не определены. Чаще всего на практике используют классификацию и описание типов акцентуаций, предложенные К. Леонгардом и А. Е. Личко [2]. Характеристики некоторых акцентуаций позволяют предположить, что они могут играть роль предрасполагающих факторов к развитию зависимостей, в том числе интернет-зависимости.

Интернет стал важным и значимым средовым фактором, влияющим на формирование личности детей и подростков. Мы полагаем, что наиболее подвержены развитию интернет-зависимости дети и подростки. Исследование склонности подростков к интернет-зависимости с акцентуациями характера является актуальным для современной психологической науки. Результаты исследования могут составить основу для психопрофилактических и психокоррекционных программ, направленных на предотвращение развития интернет-зависимости. Мы предполагаем, что у подростков существует взаимосвязь склонности к интернет-зависимости с акцентуациями характера.

Целью исследования являлось изучение взаимосвязи склонности к интернет-зависимости с акцентуациями характера у подростков. Исследование было проведено на базе МБОУ СОШ № 70 г.о. Самара. В исследовании приняли участие 100 подростков, в том числе 48 (48,0%) мальчиков и 52 (52,0%) девочки. Возраст испытуемых составлял от 14 до 16 лет.

В ходе исследования были использованы следующие психодиагностические методики: 1. Адаптированный подростковый вариант опросника Шмишека для определения акцентуаций характера у подростков; 2. Тест интернет-зависимости Кимберли Янг в переводе и модификации В. А. Буровой; 3. Методика Л. Н. Юрьевой, Т. Ю. Больбот для диагностики компьютерной зависимости. При исследовании акцентуаций характера у подростков определялись специфические типы акцентуаций характера в соответствии с принятой в нашей стране классификацией А. Е. Личко.

Акцентуации характера были выявлены у 84% испытуемых, причем преобладал среди них гипертимический тип – он выявлялся в 29% случаев. Для таких подростков характерно постоянно приподнятое настроение, высокая активность, общитель-

ность. Однако, им присуща и тенденция разбрасываться и не доводить начатое до конца, легкая смена увлечений, склонность к риску.

Далее был проведен анализ акцентуаций характера у подростков со склонностью к интернет-зависимости, выявленной с помощью методики К. Янг. В эту подгруппу были включены подростки, чрезмерно увлеченные интернетом, а также со сформировавшейся зависимостью – всего 64 подростка. В результате было установлено, что среди подростков со склонностью к интернет-зависимости чаще, чем среди лиц без склонности к интернет-зависимости, выявлялись такие типы акцентуации характера как лабильный (у 16%) и истероидный (у 13%), а также случаи сочетания нескольких типов акцентуаций (у 24%). Кроме того, в этой группе выявлялись такие типы акцентуаций, которые отсутствовали в группе подростков без зависимости – психастенический (3%), шизоидный (3%) и эпилептоидный (5%).

Далее был проведен сравнительный анализ частоты различных типов акцентуации характера в группах подростков с компьютерной зависимостью, выявленной с помощью методики Л. Н. Юрьевой и Т. Ю. Больбот. В эту группу были включены лица с увлечением, а также интернет-зависимостью первой и второй стадий, т.е. всего 70 подростков. Были получены результаты, схожие с результатами по методике К. Янг. Исключение составляет соотношение лиц с несколькими акцентуациями характера – в данном случае достоверные различия между группами найдены не были. Таким образом, в качестве фактора риска развития склонности к интернет-зависимости можно рассматривать такие типы акцентуаций характера как лабильный, истероидный, психастенический, шизоидный и эпилептоидный.

Далее был проведен корреляционный анализ с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена между показателями склонности к интернет-зависимости и компьютерной зависимости с одной стороны и типами акцентуаций характера, с другой. Была выявлена достоверная положительная взаимосвязь между лабильным типом акцентуации и склонностью к компьютерной и интернет-зависимости. Это означает, что чем более выражена лабильная акцентуация, тем выше риск возникновения компьютерной и интернет-зависимости. Эмоциональная неустойчивость, характерная для данной акцентуации, рассматривается рядом авторов как типичная характеристика лиц с зависимостями.

Положительная взаимосвязь была выявлена между психастеническим типом акцентуации характера и склонностью к компьютерной и интернет-зависимости. Чем выше непереносимость ответственности и требований, тем более выражена склонность к компьютерной и интернет-зависимости.

Обнаружена положительная взаимосвязь между шизоидным типом акцентуации характера и склон-

ностью к компьютерной и интернет-зависимости. Чем больше склонность к фантазированию, погружению в свой внутренний мир при ограничении внешних контактов, тем выше склонность к компьютерной и интернет-зависимости.

Эпилептоидный тип акцентуации характера также взаимосвязан со склонностью к компьютерной и интернет-зависимостью: чем более выражена возбудимость, напряженность, периоды дисфории и поиски объекта для снятия злости, тем выше риск возникновения компьютерной и интернет-зависимости.

Выявлена положительная взаимосвязь между истероидным типом акцентуации и склонностью к компьютерной и интернет-зависимости. Чем более выражено желание продемонстрировать себя, про-

будить к себе интерес, тем больше риск возникновения компьютерной и интернет-зависимости.

Таким образом, существуют взаимосвязи между склонностью к компьютерной и интернет-зависимости и типами акцентуации характера. Среди подростков со склонностью к компьютерной и интернет-зависимости чаще выявлялись такие типы акцентуации характера как лабильный, истероидный, психастенический, шизоидный и эпилептоидный. Личность подростка, склонного к компьютерной и интернет-зависимости, характеризуется такими чертами как эмоциональная неустойчивость, непереносимость ответственности и требований, склонность к погружению во внутренний мир при ограничении внешних контактов, возбудимость, напряженность, периоды дисфории, желание привлечь к себе внимание.

Литература:

1. Абильмажинова А.М., Резванова О. О., Чеховская Е. А. Проблемы кризиса подросткового возраста // Фундаментальные и прикладные научные исследования: сборник статей международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 231–233.
2. Акылханова А.А., Беленко О.Г. Теоретические аспекты исследования акцентуаций старших школьников // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 255–259.
3. Антоненко А. А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика: автореф. дис. канд. психол. наук. М., 2014. – 24 с.
4. Ковалева С. Н. Понятие акцентуации характера в психологической литературе // Теория и практика научных исследований: материалы международной (заочной) научно-практической конференции / Под общ. ред. А.И. Вострецова. – 2016. – С. 323–328.

УДК 159.955.1

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ В АВАТАРЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА

REFLECTION OF PERSONALITY PROBLEMS IN THE AVATAR OF THE USER OF THE INTERNET COMMUNITY

Рамендик Дина Михайловна

Ramendik Dina Mikhailovna

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, Казань

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.

dina@ramendik.ru

Аннотация

Проанализированы по 50 изображений аватаров из 2-х русскоязычных сообществ: 1) имиджборда – анонимного сообщества, допускающего агрессивные посты и ненормативную лексику; 2) блога, содержащего посты о культуре и природе, в котором агрессия и ненормативная лексика были запрещены. Аватары анализировали как проективные рисунки. Они отображают психологические проблемы пользователей.

Ключевые слова: социализация, Интернет-сообщества, самопрезентация, проективный анализ изображений, психологические проблемы.

Abstract

We analyzed 50 images of avatars from 2 Russian-speaking communities: 1) an image Board – an anonymous community that allows aggressive posts and profanity; 2) a blog containing posts about culture and nature, in which aggression and profanity were prohibited. Avatars were analyzed as projective drawings. They display the psychological problems of the users.

Keywords: socialization, Internet communities, self-presentation, projective image analysis, psychological problems.

В. М. Бехтерев известен, прежде всего, как врач и естествоиспытатель, но он неоднократно указывал на важность цельного познания человека и его личности как социального существа [2]. В наше время значимым фактором социального развития личности является взаимодействие человека с Интернетом, который стал необходимым условием социальной жизни [1].

Многочисленные Интернет-сообщества позволяют пользователю создавать самопрезентации, ограниченные только правилами этого сообщества. При этом пользователь может создавать и менять маски, связанные или не связанные с реальностью. Важнейшим качеством виртуальной личности является ее привлекательность для других пользователей, но не любых, а близких по взглядам на жизнь, по духу. Для этого надо создать самопрезентацию, которая может быть быстро и точно опознана «своими» людьми.

Сообщения, подписанные личным именем и сопровождаемые портретом человека, вызывают доверие к сообщаемой информации. Анонимные сообщения напротив, бывают сомнительными, зато дают полную свободу самовыражения. В статье А.Г. и Г. А. Асмоловых [1] указывается, что в этом явлении просматривается аналогия с описанными Бахтиным и его последователями [5] серьезным миром культуры Героя и карнавальным, смеховым миром под маской Трикстера.

Выбор аватара отражает самовосприятие и представление автора о себе желаемом и о своей аудитории. Исходя из этого, можно рассматривать аватар как объект для психологического анализа. В Интернете можно встретить разнообразные «инструкции» по описанию характера человека по типу его аватара. Доказательств не приводится, но тексты тяготеют к взглядам, близких к К. Юнгу. В настоящее время распространяется практика использования личных общедоступных данных из Интернета, в том числе аватаров, для создания предварительной характеристики человека при принятии важных решений о нем: при приеме на работу, профессиональное обучение и др.

При этом особый интерес представляют психологические проблемы человека и способы их преодоления.

Задача данного исследования состояла в том, чтобы проанализировать аватары из разных сообществ как проективный материал и составить на этом основании представление о психологических проблемах пользователей.

Результаты. Были выбраны 2 русскоязычных сообщества, противоположных по типу общения и мотивации:

1. Сообщество блогеров, в основном, посвященное путешествиям, культуры и семейной жизни; агрессия, не уважительные высказывания и, тем более, не нормативная лексика запрещены.
2. Имиджборд, общение в котором исключительно анонимно и происходит с помощью визуальных средств (картинок, знаков) или посредством специфического языка, включающего большое количество не нормативной лексики, нарочито искаженных, огрубленных слов.

Большая часть аватаров в обоих сообществах представляют собой изображения людей или человекоподобных существ. Мы взяли по 50 аватаров из каждого сообщества и проанализировали их по правилам, установленным для проективного рисунка человека [4]. В таблице приведены признаки изображений, по которым сообщества отличались друг от друга.

Отметим некоторые особенности. В имиджборде на аватарах были карикатурные изображения людей или человекоподобные животные. Они были очень разнообразны, но, как правило, выглядели уродливыми, смешными или агрессивными. В блогах большая часть аватаров представляла собой фотографии реальных людей (вероятно, самого автора, но возможно и других людей) или рисунки. Изображения были красивыми, встречались юмористические, но не агрессивные. На многих фотографиях (40%) лицо было частично закрыто предметом, обычно фотоаппаратом. Иногда лицо было полузакрыто козырьком или ладонью, человек как бы прикрывал глаза от солнца.

Признаки, по которым рисунки аватаров различаются у 2-х групп (процент аватаров, у которых имеется данный признак; различия статистически значимы по угловому критерию Фишера, ϕ^* , $\rho \leq 0,01$)

Признак	Процент аватаров, имеющих признак	
	Блоги с запретом агрессии, ненормативной лексики и т.п.	Имиджборд без ограничений (Анонимный)
Человекоподобные	20	100
Реалистические портреты	80	0
Предмет перед лицом	40	0
Торс или тело	60	34
Только голова	40	66
Большая голова	10	100
Голова искажена	10	78
Анфас	78	44

Профиль	22	56
Акцент лба	28	0
Улыбка	32	0
Рот закрыт	54	0
Рот с зубами	12	48
Рот-щель	12	40
Хорошо виден нос	90	36
Акцент. подбородок	26	50
Хорошо видна шея	70	16
Хорошо видны уши	36	8
Волосы лежат аккуратно	76	0

В имиджборде головы у аватаров были всегда крупные, с четким контуром, но на 30 рисунках этот контур имел повреждения в верхней части: лишние выпуклости, удвоения линий или разрывы. На 39 нарисованных лицах (78%) имелись дополнительные линии, обозначающие морщины или особую выразительность. В блогах на рисунках такие грубые акценты не встречались.

Руки в блогах были на 38% изображений, но, как правило, держали фотоаппарат или на что-то указывали, кисти рук и пальцы не были видны. В имиджборде руки присутствовали на 20 рисунках (40%), но только на 5 они были более или менее полноценными, чаще это были тонкие руки-палочки. Кисти были изображены на 7, а пальца на 5 из 20 рисунков с руками.

По остальным, не указанным в таблице признакам аватары 2-х сообществ не отличались друг от друга. Так, например, у всех аватаров были глаза и у большинства – брови (у 86% в блогах и 74% в имиджборде).

Анализ аватаров как проективных изображений человека позволяет выявить некоторые психологические проблемы, которые с большой вероятностью имеются у пользователей указанных Интернет-сообществ. Несмотря на индивидуальные различия, большинство пользователей имиджборда демонстрируют недостаточную зрелость, как в социальном, так и в сексуальном плане, (На это указывают: агрессивные позы, слабые, искаженные изображения тела и/или носа или их отсутствие, акцентуированное изображение головы, подбородка, рта). Они испытывают недостаток общения, недовольство своим положением в социуме (стилизованные фигуры, лицо в профиль, слабые или искаженные руки или их отсутствие, искажение рта, примитивные, искаженные черты лица). Они обеспокоены несогласованностью своих эмоциональных импульсов и сознательного контроля (отсутствие шеи). Для них характерно стремление компенсировать межличностные и внутриличностные конфликты с помощью интеллекта и фантазии, а также демонстративной грубости, агрессивности, игнорирования мнения других людей (агрессивные

позы; крупные головы; выделение, подчеркивание и искажение контура и черт лица, особенно подбородка и бровей; отсутствие ушей)[4]. Анализ содержания общения в имиджборде показывает, что там присутствуют люди не примитивные, а обладающие интеллектом не ниже (скорее – выше) среднего, поэтому можно предположить, что эти компенсации в основном осознаны.

Аватары пользователей блогов совершенно иные. Они лишены агрессии, персонализированы и авторы стремятся показать себя наилучшим социально приемлемым образом. Однако и в них можно видеть отражение некоторых психологических проблем, особенно в сфере общения. [4] Изображение строго анфас, особенно если это только голова, указывает на подчеркивание значения мышления и воображения, озабоченность своим интеллектуальным уровнем и чувство незащищенности. Лицо, частично чем-то прикрытое, свидетельствует о стремлении скрывать свои мысли, избегать близких контактов. Отсутствие на аватарах рук или их вспомогательная роль позволяет предположить проблемы с общением, замкнутость при высоком интеллекте.

Итак, мы видим, что аватар, как карнавальная маска, будто бы призванная скрывать подлинное лицо индивида, на самом деле выставляет напоказ его внутреннюю суть, которую он обычно склонен скрывать. В Интернете, как в традиционной культуре, 2-х уровневая структура: Героя, и Трикстера. К Герою тяготеют пользователи блогов, стремящиеся к максимальной социализации и открытости, но не достигающие их. Пользователи имиджборда играют роль Трикстера. Для них наиболее адекватно описание русской смеховой культуры, данное Д. С. Лихачевым [3]. Демонстративная агрессия, смех дублеров Героев направлен не на других, а на себя и на сложившуюся знаковую систему с ее этикетом и неравенством. Сейчас именно Интернет создает среду, в которой происходит социализация человека через приобщение к культуре либо Героя, либо Трикстера (либо того и другого попеременно).

Литература:

1. Асмолов А.Г., Асмолов Г. А. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. – 2019. – № 4. – С. 1–26.
2. Бехтерев В. М. Проблемы развития и воспитания человека. Москва–Воронеж, 1997. С. 97–131.
3. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси // Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. – С. 76–90. [Электронный ресурс]: URL: <https://history.wikireading.ru/103942> (дата обращения: 11.06.2020)
4. Маховер К. Проективный рисунок человека. М., 2011.
5. Троицкий С. Трикстер: у истоков смеховой культуры. 1999. [Электронный ресурс]: URL: <http://doxa.opu.edu.ua/Doxa13/101-108.pdf> (дата обращения: 11.06.2020)

УДК 159.98

ПРОБЛЕМА ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**THE PROBLEM OF STUDENT INVOLVEMENT IN THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE CONTEXT OF DISTANCE EDUCATION***Алишев Тимирхан Булатович, Артищева Лира Владимировна**Alishev Timirhan Bulatovich, Artishcheva Lira Vladimirovna**Казанский (Приволжский) федеральный Университет, Россия, Казань**Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan**tbalishev@kpfu.ru, Ladylira2013@yandex.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Психологическая модель вовлеченности субъектов учебной деятельности на основе нейросетевого анализа в цифровой образовательной среде», № 20-04-60201

The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60201

Аннотация

В статье отражен краткий обзор проблемы вовлеченности студентов в образовательный процесс в условиях дистанционного образования. Имея связь с учебной успеваемостью, вовлеченность встает на первый план исследования, связанного с проблемой распознавания эмоций и психических состояний обучающихся.

Ключевые слова: вовлеченность, распознавание, дистанционное образование.

Abstract

The article provides a brief overview of the problem of student involvement in the educational process in the context of distance education. Having a connection with academic performance, engagement comes to the fore in research related to the problem of recognizing the emotions and mental states of students.

Keywords: engagement, recognition, distance education

События, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, охватившие весь мир в 2020 году, активизировали экстренный переход всей образовательной системы с очно-контактной формы работы на дистанционно-контактную, когда все взаимодействие между субъектами образовательного процесса переместилось в цифровую среду. Экстренная цифровизация актуализировала одну из прикладных проблем – это управление вовлеченностью студентов в учебный процесс в условиях дистанционного образования. Часто происходит сбой в системе взаимодействия преподаватель-студент, так как в РФ в настоящее время в цифровой образовательной среде отсутствуют как действенные и методологически обоснованные инструменты корректного отслеживания того, чем занимаются студенты, так и усто-

явшиеся эффективные технологии привлечения их внимания и интереса.

Проблема вовлеченности студентов исследуется с 1984 года (Astin, 1984). Исследования показали наличие прочных корреляций между вовлеченностью студентов и положительными результатами успеваемости, развития студентов, включая удовлетворенность, настойчивость, академические достижения и социальную активность (Trowler, 2010). Степень вовлеченности человека возможно определить через распознавание его эмоциональных состояний (Астахов, Катаев, 2018; Пшеничный, Катаев, Шабалина, 201; Dewan, 2019).

Вопрос идентификации и распознавания эмоциональных состояний, эмоций человека достаточно емкий, сложный и неоднозначный. Для узнавания

эмоциональных состояний другого человека должен быть специальный механизм декодирования экспрессивной реакции (Ильин, 2013).

На сегодняшний день распознавание эмоций – это горячая тема в сфере искусственного интеллекта. Создаются модели и программы распознавания эмоций человека в различных сферах жизнедеятельности (компьютерные игры, маркетинг, образование и др.).

Распознавание эмоциональных состояний машиной происходит не только по «считыванию» человеческого лица, но и по естественной речи, речевая аналитика (Полякова, Сидоров, Семенкин, 2016). Имеется ряд исследований, направленных на изучение распознавания эмоций человека по устной речи (Лосева, Липинский, 2016). Более распространенным является распознавание эмоциональных состояний по лицу человека. В. А. Лабунская создала схему описания мимики шести эмоциональных состояний (радости, гнева, страха, страдания, удивления, отвращения) [3]. Для распознавания эмоций по лицу человека, как и по естественной речи, применяются сверточные нейронные сети (Александров, 2018; Jizheng Yi, Xia Mao, Lijiang Chen, Yuli Xue, Angelo Compare, 2014; Le Cun, 2002; Lebin, 2012). Ученые описывают возможность построения системы определения эмоциональных реакций человека по мимике, голосу и невербальным движениям (Заболеева-Зотова, 2012). Поднимается вопрос определения скрытых или промежуточных выражений и проявлений эмоций у человека [1].

Распознавание такого познавательного состояния, как вовлеченность, требует особого подхода, требующего четкого определения его составляющих. Вовлеченность – это феномен, под которым понимается состояние заинтересованности чем-то, а также который описывает когнитивную и эмоциональную готовность интенсивно работать по заданному изнутри или извне направлению. Другими словами, это многомерная характеристика, которая мотивирует человека работать наиболее эффективно, прилагая все возможные усилия.

Условия, детерминирующие вовлеченность студентов, рассмотрены Kuhetal (2007) и Krauseand Coates (2008). Лиццио и Уилсон (2009) определяют вовлеченность через мотивацию (внутреннюю или внешнюю) и сосредоточенность (личную или системную). Немало зарубежных работ раскрывают внеучебный аспект вовлеченности, то есть влияние вмешательства на вовлеченность учащихся, вызывание вовлеченности через включение их в институциональное управление (Trowler, 2010). Имеются частные исследования взаимосвязи между вовлеченностью и улуч-

шениями в конкретных желаемых результатах, в том числе: общие способности и критическое мышление; практическая компетентность и передача навыков; когнитивное развитие; самооценка, психосоциальное развитие, формирование продуктивной расовой и гендерной идентичности; этическое развитие; удовлетворенность студентов; накопление социального капитала; улучшенные оценки.

Разработана методология и процедура измерения студенческой вовлеченности путем анализа опросников [2;4], обработки видеопотоков с установленных в учебных аудиториях камер (Соловьев, 2018). Кросс-культурный анализ учебной вовлеченности студентов российских, китайских, японских, американских и британских вузов определил роли культурных различий в существующих образовательных системах [5].

Проведенный анализ демонстрирует широкий спектр исследований явления вовлеченности в мировой науке. Зарубежные исследования ориентированы на широкое представление вовлеченности обучающихся, определяемое через условия реализации или формирования вовлеченности (внутренняя вовлеченность как интерес к процессу обучения, внешняя вовлеченность как включение обучающихся во внеучебную деятельность и в институциональные условия), то есть речь идет о социальной и академической вовлеченности. Отечественные ученые, создавая методологию и методы исследования вовлеченности, ссылаются на зарубежные исследования, и выделяют, а также измеряют индексы вовлеченности: индивидуальная вовлеченность, институциональные условия и социальная интеграция. Критерии оценивания определяются путем наблюдения за обучающимися и на основе их самоотчетов. Что касается серверного распознавания вовлеченности, то исследования направлены на выделение критериев (поворот и наклон головы, выраженность эмоций и т.п.) определения вовлеченности с помощью экспертных оценок. В имеющихся исследованиях отсутствует комплексное и системное представление явления вовлеченности. Психологический аспект вовлеченности был рассмотрен Астином, который понимал под этим совокупность физической и психической энергии и делал акцент на поведенческом аспекте. В связи со сказанным, мы можем сделать выводы о том, что на сегодняшний день явление вовлеченности рассмотрено с социальной и педагогической стороны, но не изученным остается психологическая сторона явления: ее структура, динамика и обусловленность психикой субъекта (мотивация, отношения и др.).

Литература:

1. Астахов Д.А., Катаев А.В. Распознавание эмоций с помощью сверточной нейронной сети для реализации обратной связи в адаптивных обучающих компьютерных играх // Известия Волгоградского государственного технического университета, 2018. – № 13 (223). – С. 34–38.

2. Дука Н.А., Стомба А.А. Об исследовании вовлеченности студентов педагогического университета в образовательный процесс // Педагогика. Гуманитарные исследования, 2016. – № 3 (12). – С. 85–87
3. Лабунская В.А. Анализ процесса опознания эмоциональных состояний по выражению лица // Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания. Краснодар, 1977. – С. 145–153.
4. Малошонок Н.Г. Студенческая вовлеченность в учебный процесс: методология исследования и процедура измерения // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 141–147.
5. Щеглова И.А. Кросс-культурное сравнение учебной вовлеченности студентов // Университетское управление: практика и анализ, 2018. – Том 22. – № 3. – С. 155–164. DOI 10.15826/umpra.2018.03.034

УДК 159.9

ПРОБЛЕМА ВОВЛЕЧЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

THE PROBLEM OF ENGAGEMENT PARTICIPANTS OF LEARNING ACTIVITY IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Попов Леонид Михайлович, Устин Павел Николаевич, Абитов Ильдар Равильевич
Popov Leonid Mikhailovich, Ustin Pavel Nikolaevich, Abitov Ildar Ravilievich
 Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
 Kazan (Volga-Region) Federal University, Russia, Kazan
leonid.popov@inbox.ru, ravust@mail.ru, ildar-abitov@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Психологическая модель вовлеченности субъектов учебной деятельности на основе нейросетевого анализа в цифровой образовательной среде», № 20-04-60201

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60201

Аннотация

Понимание вовлеченности, как практически значимого элемента образовательного процесса, побуждает изучать ее как многомерную характеристику в рамках междисциплинарного подхода. При переходе на дистанционную форму обучения цифровой мониторинг вовлеченности студентов в учебную деятельность приобретает особое значение, так как позволит, используя различные психолого-педагогические технологии, повысить эффективность взаимодействия субъектов образовательного процесса в цифровой среде и сохранять высокий уровень вовлеченности студентов в учебную деятельность.

Ключевые слова: вовлеченность, субъект учебной деятельности, цифровая образовательная среда, цифровой мониторинг вовлеченности, модель.

Abstract

Understanding engagement as a practically significant element of the educational process encourages us to study it as a multidimensional characteristic within the framework of an interdisciplinary approach. When switching to distance learning, digital monitoring of students' engagement in educational activities is of particular importance, since it will allow using various psychological and pedagogical technologies to increase the effectiveness of interaction between participants of the educational process in the digital environment and maintain a high level of student engagement in educational activities.

Keywords: engagement, educational process, participants of learning activity, digital educational environment, digital monitoring of engagement, model, technology.

События, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, охватившие весь мир в 2020 году, активизировали экстренный переход всей образовательной системы с очно-контактной формы работы на дистанционно-контактную, когда все взаимодействия между субъектами образовательного процесса переместилось в цифровую среду. В этот момент цифровые образовательные платформы выступили тем связующим звеном, которое позволило минимизировать негативные последствия глобальной

угрозы от COVID-19, обеспечив безопасный формат проведения учебных мероприятий в условиях самоизоляции.

Вместе с тем экстренная цифровизация всей образовательной активности показала одну из наиболее актуальных прикладных проблем – недостаточно проработано управление и самоуправление вовлеченностью студентов в учебную деятельность в цифровой среде. Формально подключаясь к дистанционному занятию (не потому что интересно

и хочется, а потому что надо и заставляют), студенты в этот момент могут быть вовлечены в иную активность (могут играть в игры, читать новости, книги или модные журналы, смотреть фильмы) или мирно дремать, так как нахождение в самоизоляции позволяет отгородиться от мира и демонстрировать только то, что ты хочешь показать другим. То есть в данной ситуации часто происходит сбой в системе взаимодействия преподаватель-студент, так как в РФ в настоящее время в цифровой образовательной среде отсутствуют как действенные и методологически обоснованные инструменты корректного отслеживания того, чем занимаются студенты, так и устоявшиеся эффективные приемы привлечения их внимания и интереса.

Вовлеченность – это феномен, который наиболее полно представлен в зарубежных работах (как понятие «engagement») и под которым понимается состояние заинтересованности чем-либо или процесс поощрения людей к заинтересованности в чем-либо (работа, учеба, задача и др.). В психологическом понимании вовлеченность – это состояние, которое характеризует когнитивную, эмоциональную и поведенческую готовность интенсивно работать по заданному изнутри или извне направлению и включенность в различные виды активности. Другими словами, это многомерная характеристика, которая отражает стремление человека работать наиболее эффективно, прилагая все возможные усилия, его заинтересованность в осуществляемой деятельности и ее результатах.

В зарубежных работах вовлеченность – это один из трендов, который достаточно широко представлен в исследованиях, прежде всего, в связи с проблемой эффективности учебной деятельности школьников и студентов (Kuh, Kinzie, Schuh&Whitt, 2005; Mann, 2001; Krause, 2005; Trowler, 2010 и др.). Так, вовлеченность в учебный процесс, согласно исследованиям в данной области (Banoor Y. R., Santally M. I. и RennyF. и др.), выступает в качестве одной из наиболее значимых характеристик эффективности учебной деятельности. При этом в последнее время акцент в исследованиях постепенно смещается на проблему оценки вовлеченности аудитории при восприятии разнообразного контента в цифровой среде с использованием разнообразных технологий нейронных сетей, где мониторинг, как правило, осуществляется на основе лицевых биометрических показателей, отражающих разнообразные эмоции (Karoo&Picard, 2005; Whitehilletal., 2014; Nezamietal., 2019; Melloetal. 2009; McDanieleetal., 2007 и др.). В российских исследованиях проблема вовлеченности субъекта в цифровой среде (в том числе в процессе учебной деятельности) решается с технологических позиций – разработка прикладных средств цифрового мониторинга (3D сенсоры PrimeSense, АПК «MindReader», РОФЭС-Е01С, Барьер-14, MindWaveMobile, FaceReader, EDR-систе-

ма EmoDetect и др.). Вместе с тем, обзор источников показывает, что явление вовлеченности студентов в учебную деятельность в условиях цифровизации образования недостаточно исследуется как научная категория с ее модельной структурой, мотивационным сопровождением, влиянием внешних и внутренних факторов, наконец, как элемент более крупной системы, которая включает разнообразные психологические закономерности ее функционирования, оценки и управления в цифровой среде.

Понимание вовлеченности, как практически значимого элемента образовательного процесса, побуждает изучать ее как многомерную характеристику в рамках междисциплинарного подхода. Планируемое нами исследование предполагает интеграцию усилий специалистов в области психолого-педагогического направления (специалистов в области психологии и в области образовательных методов и технологий), а также специалистов по информационным технологиям.

Цель планируемого нами исследования – на основе теоретико-экспериментального анализа разработать психологически обоснованную модель вовлеченности субъектов учебной деятельности в цифровой среде с включением средств искусственного интеллекта и предложить технологию ее практического воплощения в условиях виртуального взаимодействия студентов и преподавателей.

В контексте перехода на дистанционно-цифровую форму обучения мониторинг вовлеченности студентов в учебную деятельность приобретает особое значение, так как позволит, используя различные психолого-педагогические приемы (изменение формы, темпа подачи материала, чередования различных форм и способов подачи материала и различных форм активности) повысить эффективность взаимодействия субъектов образовательного процесса в цифровой среде и сохранять при этом высокий уровень вовлеченности студентов в учебную деятельность.

Научная проблема исследования заключается в недостаточном понимании и оценке модельной структуры и психологических механизмов вовлеченности субъектов учебной деятельности в цифровой среде и средств управления ею. Решение данной проблемы видится в том, чтобы выделить основные психологические закономерности проявления вовлеченности студентов в учебный процесс как центрального компонента эффективного взаимодействия между субъектами учебной деятельности в условиях цифровой среды и предложить психологически обоснованную модель вовлеченности, включающую как ее оценку с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, так и психолого-педагогические приемы управления и самоуправления вовлеченностью, направленные на повышение эффективности взаимодействия.

Эксперты Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) отмечают, что ситуация пандемии – это новый вызов, с которым столкнулось человечество на современном этапе своего развития. Наиболее эффективным способом минимизации рисков при распространении инфекции выступает изоляция и максимальное сокращение очных (прямых) социальных контактов (режимы изоляции, карантина, ЧС и др.), когда большинство видов человеческой активности переносится в цифровую среду. Однако последствия такого переноса могут негативно сказываться как на процессах и результатах этих активностей, так и на психологическом состоянии общества.

Таким образом, фундаментальная научная задача предлагаемого исследования состоит в необходимости раскрыть психологические закономерности проявления вовлеченности субъекта и управления и самоуправления ею в рамках его учебной деятельности в условиях цифровой образовательной среды. Результаты решения данной задачи имеют широкую теоретическую значимость и могут быть распространены на общую проблему оценки и стимулирования вовлеченности личности в цифровой среде в широком диапазоне ее активностей.

1. Литература:

2. Banoor Y.R., Santally M. I. и Renny F. A study of the relationship between students' engagement and their academic performances in an eLearning environment. *E-learning and Digital Media*. 17 (1), 2019. pp. 1–20.
3. Krause K. Understanding and Promoting Student Engagement in University Learning Communities. Paper presented as keynote address: Engaged, Inert or Otherwise Occupied?: Deconstructing the 21st Century Undergraduate Student at the James Cook University Symposium 'Sharing Scholarship in Learning and Teaching: Engaging Students'. James Cook University, Townsville/Cairns, Queensland, Australia, 21–22 September, 2005.
4. Kuh G.D., Kinzie J., Schuh J. H. and Whitt E. J. Never Let It Rest: Lessons about Student Success from High-Performing Colleges and Universities. *Change: The Magazine of Higher Learning*. 37 (4), 2005. pp. 44–51.
5. Mann S. J. Alternative Perspectives on the Student Experience: Alienation and Engagement. *Studies in Higher Education*. – 26 (1), 2001. – pp. 7–19.
6. Trowler V. Student engagement literature review. Lancaster University: The Higher Education Academy, 2010. – 74 p.

УДК 316.6

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ К КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

EMOTIONAL FEATURES OF SOCIAL MEDIA USERS' ATTITUDES TOWARDS CORONAVIRUS INFECTION

Журавлев Анатолий Лактионович, Китова Джульетта Альбертовна
Zhuravlev Anatoly Laktionovich, Kitova Dzhuletta Albertovna

Институт психологии РАН, Россия, Москва
Institute of Psychology RAS, Russia, Moscow

alzhuravlev2018@yandex.ru, j-kitova@yandex.ru

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-04-60177

Аннотация

Распространение коронавирусной инфекции вызывает разные эмоциональные переживания, которые пока еще мало изучены. Исследование проведено среди пользователей социальной сети Twitter. Анализ тональности сообщений произведен с использованием нейросетевой модели Dostoevsky. Показаны основные эмоциональные характеристики сообщений (твитов), представлены перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Ключевые слова: коронавирус, пользователи социальной сети, твиты, автоматизированный анализ, эмоциональная тональность, перспективы.

Abstract

The spread of coronavirus infection causes a variety of emotional experiences that are still poorly understood. The study was conducted among users of the social network Twitter. Sentiment analysis of messages about coronavirus infection was the Dostoevsky neural network model. The main emotional characteristics of messages (tweets) are shown, prospects for further study of the problem are presented.

Keywords: coronavirus, social network users, tweets, automated analysis, emotional sentiment, prospects.

Введение. Как известно, 11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии коронавируса. По официальным данным на 25 июля текущего года количество зараженных достигло 15 974 268 человек, из них погибли 643 476 человек. Исторически, инфекционные заболевания всегда были причиной большого количества человеческих смертей. Среди наиболее известных пандемий в мире можно вспомнить такие, как: Бубонная чума (1665 г.), Испанка (1918–1919 гг.), Азиатский грипп (1957 г.) и др. Более поздние и также опасные для жизни инфекционные заболевания по-прежнему обсуждаются и нашими современниками. К примеру, среди наиболее известных вспышек респираторных заболеваний недавнего исторического периода можно указать на: SARS (2002 г.) – зафиксировано 800 смертей; Птичий грипп (2003 г.) – зафиксировано 455 смертей; MERS (2012 г.) – зафиксировано 850 смертей; Эбола (2014 г.) – зафиксировано 11 005 смертей.

Возникновение и распространение эпидемии, кроме экспансии самой болезни, оказывает серьезное негативное воздействие на различные сферы жизнедеятельности общества и психологическое благополучие человека [2]. К примеру, в связи с пандемией коронавируса COVID-19, его последствия даже получили соответствующее обозначение – «коронакризис».

Теоретические основания исследования. В основу исследования положено представление о том, что эмоции выступают психологическими «индикаторами» образа социальной реальности, оказывают непосредственное влияние на субъективное благополучие человека, на социальное поведение личности, обеспечивают индивидуальное восприятие мира через выделение значимого и не совсем значимого. Для данного исследования имеет существенное значение и то, что эмоции проявляют себя в оценках внешней среды (условий) и возникают в случае осознания некоторой угрозы. С социально-психологических позиций, эмоции выступают важной формой проявления взаимодействия людей, лежат в основе информационного обмена, определяют эмоциональные состояния групп, могут оказывать влияние на отношения

как внутри самой группы, так и между социальными группами.

Методологический подход и методы исследования. Целью эмпирического исследования выступает выявление эмоционального фона отношения к пандемии коронавируса. Объектом исследования выступили пользователи социальной сети Twitter на территории России, а предметом – эмоциональные особенности сообщений (твитов) пользователей, в контексте которых содержится слово «коронавирус». Обращение к социальной сети Twitter обусловлено кратким форматом сообщений, доступностью API адресов пользователей для автоматического сбора контента и популярностью сети – Twitter входит в пятерку наиболее востребованных в России социальных сетей.

В ходе исследования собрано и обработано три тысячи девятьсот тридцать три твита (3 933), которые извлекались из открытых источников в интернете. Анализ сообщений производился по следующей схеме: очистка сообщений с помощью эвристики от рекламных сообщений и повторов; разбиение текста на токены и их морфологический анализ (разработчик программных инструментов М. А. Китов); машинный анализ эмоциональной тональности текста посредством нейросетевой модели Dostoevsky [подробнее см.: 1]; содержательный и структурный анализ сообщений произведен с помощью ручной разметки данных посредством экспертных оценок. Основной технологией анализа тональности является нахождение *мнений* в тексте и выявление их свойств, т.е. выявление общего эмоционального фона сообщений.

Эмпирические результаты исследования и их обсуждение. Использование описанной выше сверточной нейросетевой модели позволило произвести группирование сообщений по эмоциональной тональности отношения к проблемам, связанным с распространением коронавирусной инфекции. Для наглядности сначала представим примеры сообщений (твитов) с различной эмоциональной тональностью (таблица 1).

Таблица 1. Примеры сообщений с различной эмоциональной тональностью

№ п\п	Эмоциональная тональность	Примеры сообщений (твитов)
1.	Примеры сообщений с <i>положительным</i> эмоциональным фоном	... за сим коронавирус победим! ... В Италии коронавирус победила 104-летняя Ада Зануссо. Теперь она старейший житель планеты, победивший коронавирус! ... Как хорошо, что появились тесты на коронавирус.
2.	Примеры сообщений с <i>нейтральным</i> эмоциональным фоном	... В РФ зарегистрировали первый отечественный экспресс-тест на коронавирус. ... По словам губернатора, крупнейшие предприятия области, которые вошли в число системообразующих, продолжают свою работу. ... Россия стала одна из лидеров по тестированию на коронавирус COVID-19 среди населения.

3.	Примеры сообщений с отрицательным эмоциональным фоном	<p>... Столько планов сорвалось из-за этого коронавируса, просто ужасно.</p> <p>... Очень много тех, кто вообще не верит в коронавирус ... неадекватных надо бояться, не меньше самого вируса.</p> <p>... В Питере солнце, тепло, гуляй сколько хочешь, но нельзя: что ты наделал – коронавирус!?</p>
----	---	---

Основной задачей в анализе тональности текстов является классификация полярности исходного документа, то есть определение, является ли выраженное мнение в сообщении позитивным, негативным или нейтральным. На рисунке 1 представлено распределение (количественная оценка) модальности эмоционального компонента отношения к коронавирусной инфекции. Как и ожидалось, более половины (70%) сообщений пользователей социальной сети

выражают негативный характер отношения к проблемам, связанным с распространением коронавируса. Почти третья часть (28%) сообщений носит нейтральный характер – чаще всего эти сообщения служат обмену текущей информацией по проблеме. И последние 2% сообщений носят позитивный характер, что связано с оценкой ситуаций, указывающих на возможность преодоления проблемы.

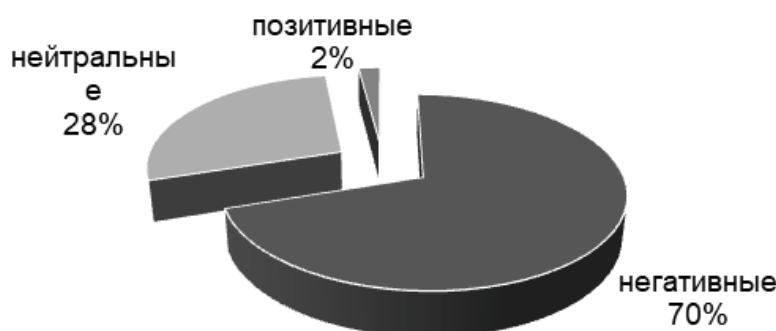

Рис. 1. Распределение общей эмоциональной тональности сообщений

Первичная классификация полярности сообщений произведена по 3-балльной шкале, каждой шкале с позитивным, негативным или нейтральным фоном присваивается значение от -1.0 до $+1.0$ (от выражено отрицательного к выражено положительному) [3]. Далее, для удобства восприятия, визуализация полученных данных производится в единой системе шкалирования – сообщениям, связанным с отрицательными, нейтральными или позитивными тональностями, также присваиваются числовые значения в диапазоне от -1.0 до $+1.0$, но уже

по общей шкале. Полученные таким образом эмоциональные характеристики сообщений представлены на рисунке 2.

Анализируя диаграмму (рис. 2), можно отметить, что выраженность (уровень) и разброс (протяженность) негативной (диапазон $-0.05013/-0.71912$) эмоциональной тональности превосходит амплитуду и силу выраженности, как нейтральной (диапазон $0.05863/-0.04997$), так и позитивной (диапазон $0.29204/0.06213$) эмоциональной тональности сообщений.

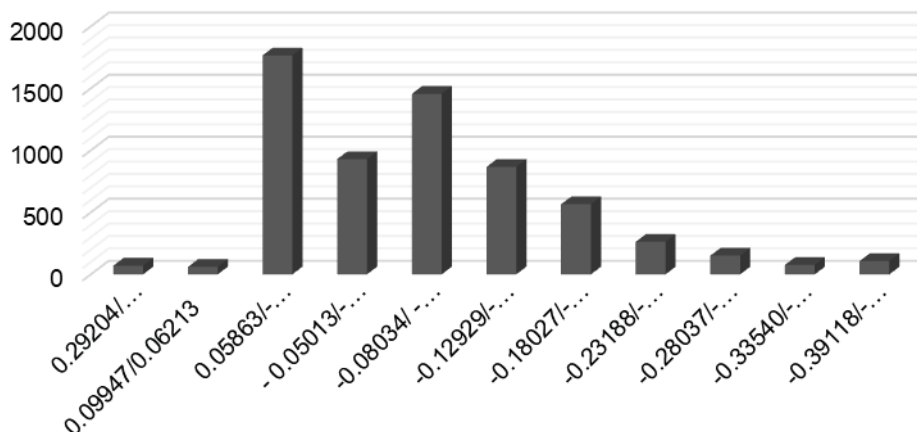

Рис. 2. Распределение эмоционального фона сообщений пользователей

В структуре негативной эмоциональной тональности проявляются свои закономерности. Так, в ряду негативной эмоциональной тональности, которая распределена по восьми позициям, наиболее выражена вторая позиция (диапазон $-0.08034/-0.12887$), которую можно определить как *выраженную обеспокоенность*, соответственно предыдущую позицию (диапазон $-0.05013/-0.07999$) как *беспокойство*, а последующую (диапазон $-0.12929/-0.17966$) как *раздражение*. Вторую тройку позиций по негативной шкале можно рассматривать как высоко значимые негативные переживания, которые связаны с сомнениями, страхами и паникой. Последние две позиции также заслуживают пояснения. Так, предпоследняя позиция (диапазон $-0.33540/-0.38925$), содержит усиливающие эмоции слова, такие как: «вообще», «совсем», «уже» и т.д., а последняя (диапазон $-0.39118/-0.71912$) сопряжена с использованием в сообщениях ненормативной лексики.

Таким образом, общий фон эмоциональной тональности сообщений можно определить как *выраженное беспокойство*, а другие фоны «*радость* от противодействия инфекции», также как выраженные *страхи и паника* не свойственны общей эмоциональной оценке коронавирусной инфекции в целом.

Перспективы исследования. В ближайшей перспективе представляется необходимым выявить и сгруппировать основные предметы переживаний,

связанные с философскими (... было бы очень полезно понять, объединяет нас коронавирус или нет), социокультурными (... похоже, пока регионами не начнут вымирать, россияне не поймут серьезность ситуации), конспирологическими (... по всему миру сейчас идет спектакль «коронавирус». Ура режиссерам!!!), психологическими (... коронавирус убивает меня морально), прогностическими (... друзья, как вы думаете, как быстро победим коронавирус?) и другими вопросами. Важно также выделить конкретные эмоции и чувства, которые проявляются в отношении к инфекции, такие как: сарказм (... а коронавирус импортозаместили, кстати?), страхи (... а вдруг он убьет всех, до последнего...), агрессия (... мало повесить тех, кто не уследил за ситуацией), тоска (... господа, верните мне футбол, я хочу смотреть футбол, пожалуйста!!!), утомление (... уже надоел этот коронавирус, давайте новую катастрофу года) или мнительность (... почему каждый раз, когда я чихаю, я думаю, что у меня коронавирус?). Также, необходимо рассмотреть выражение устного народного творчества, к примеру песни (... до свидания, футбол, до свидания / очень трудно в скафандрах играть), юмор (... мой младший брат называет коронавирус «мокоронавирусом» ... щас вымру), постановки (ребята пили на улице и изображали коронавирус) и т.д.

Литература:

1. Библиотека анализа тональности для русского языка URL: <https://github.com/bureaucratic-labs/dostoevsky> (дата обращения 20.03.2019).
2. Журавлев А.Л., Китова Д. А. Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41. – № 4. – С. 5–18.
3. Китова Д. А. Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. – 2019. – Т. 40. – № 2. – С. 128–131.
4. Pang B., Lee L. Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. – 2008. – № . 2. – P. 1–135.

УДК 159.98

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ОЦЕНКИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ
ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ПРОЦЕССЕ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ****PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TECHNOLOGIZATION OF ASSESSING STUDENT INVOLVEMENT
IN THE PROCESS OF ONLINE EDUCATION***Насибуллов Камиль Исхакович**Nasibullov Kamil Iskhakovich**Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань**Kazan Federal University, Russia, Kazan**rtkamil@bk.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Психологическая модель вовлеченности субъектов учебной деятельности на основе нейросетевого анализа в цифровой образовательной среде», № 20-04-60201

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-04-60201

Аннотация

Эпидемия COVID-19 в России серьезно повлияла на востребованность технологий онлайн обучения в профессиональном образовании. Массовизация и коммерциализация образования становятся ключевыми драйверами внедрения инновационных интернет-технологий. Превращение преподавателя в оператора технологического интерфейса поднимает вопросы создания специализированных программных «помощников», которые могли бы взять на себя отдельные функции, связанные с организацией обучения. Разработки в этой области уже сейчас могут опираться на психолого-педагогические разработки в области мультимодальности и невербальной коммуникации.

Ключевые слова: вовлеченность, онлайн образование, профессиональное образование, COVID-19.

Abstract

The COVID-19 epidemic has affected the demand for online learning technologies in Russian vocational education. The main drivers for the introduction of innovative Internet technologies are the massization and commercialization of education. The teacher turns into a technological interface operator. This requires the creation of specialized software "assistants" that could take on certain functions related to training. New technologies in the field of online education can already rely on psychological and pedagogical studies of multimodality and non-verbal communication.

Keywords: engagement, online education, vocational education, COVID-19.

Актуальная проблема 2020 года, связанная эпидемией коронавируса (COVID-19), серьезно изменила образ жизни миллионов людей в самых разных аспектах. Что касается образовательного ландшафта, то онлайн образование в короткий срок получило повсеместное распространение и стало фактически обычной образовательной практикой в последнее полугодие [4]. При том, что прежде онлайн образование воспринималось как инновация, и широкое внедрение интернет технологий представлялось делом более или менее отдаленного будущего. Влияние эпидемии из-за введенного карантина привело к революционным изменениям, а не к ожидаемым плавным трансформациям. Использование самых разных технологических платформ (Teams, Zoom и др.) с одной стороны показало, что современные технологии вполне готовы к такому переходу: интерфейс, качество связи, возможности для использования учебных материалов и др. оказались неплохо приспособлены к ведению учебного процесса. Тем не менее, из-за своей стремительности переход оказался достаточ-

но болезненным для студентов и преподавателей, он потребовал, как психологической перестройки, так и формирования новых навыков онлайн коммуникации. [2] Независимо от того, как дальше будет развиваться ситуация с эпидемией во всем мире, приобретенные преподавателями и студентами навыки уже не будут утеряны, а достоинства онлайн образования по сравнению с традиционными формами приведут, как можно предположить, к более широкому его использованию.

На мой взгляд, такие характеристики современного профессионального образования как коммерциализация и массовизация будут в наибольшей степени способствовать расширению использования онлайн технологий. Их внедрение приведет, очевидно, к удешевлению образования, так как позволит обучать большее число студентов меньшим числом преподавателей. При онлайн образовании вместимость учебной аудитории не ограничена ее физическими размерами или числом посадочных мест. Потенциально число обучающихся на одной лекции почти

не ограничено, оно определяется техническими возможностями и пропускной способностью интернета. Таким образом, отпадает необходимость в содержании значительного числа учебных зданий; возможность получать образование на дому или в любом месте с доступным интернетом ведет к сокращению транспортных расходов, а также расходов на проживание студентов в месте расположения вуза.

Вместе с тем, внедрение онлайн образования несет на себе многие издержки. Значительное число преподавателей вузов рискует остаться без работы, в то же время также интенсивность труда оставшихся возрастет. Качественно изменится сам характер образовательного процесса. При массовом онлайн образовании личное взаимодействие «преподаватель-студент» сильно затруднено. Во взаимодействии начинает доминировать односторонняя «монологическая» связь, когда преподаватель становится практически единственным реальным субъектом коммуникации, субъектность же студента сильно ограничена. Эти тенденции несут в себе риски дегуманизации образования: из традиционного взаимодействия «человек-человек» («мастер-ученик») образование возможно сводится к манипулятивному взаимодействию по типу «субъект-объект». Студент из полноправного участника познания мира превращается в абстрактный ник среди десятков и сотен на экране компьютера преподавателя, не имеющего физической способности пообщаться с каждым. В этих условиях функция полноценного диалога преподавателя и педагога неизбежно редуцируются к функции получения обобщенной и минимизированной обратной связи, позволяющей на приемлемом уровне отслеживать активность и вовлеченность обучающихся.

Оценка вовлеченности студента как психолого-педагогическая характеристика учебного взаимодействия, становится в условиях онлайн образования одним из важнейших аспектов, который позволяет контролировать интенсивность образовательного процесса, а также влияет на его результативность. Адекватная оценка вовлеченности позволяет преподавателю более эффективно регулировать взаимодей-

ствие с аудиторией и достигать целей обучения несмотря на ее массовый характер. Помимо собственно преподавательской деятельности в условиях онлайн образования преподаватель становится оператором технического устройства (компьютера и соответствующего программного обеспечения). Использование технических средств позволяет посмотреть на решение описанных выше проблем через идею автоматизации отдельных функций преподавания. Это может быть применимо и к оценке вовлеченности обучающихся посредством специальных вспомогательных программных средств.

Ввиду того, что большая часть студентов не может полноценно общаться с преподавателем (возможности непосредственно речевого общения ограничены), встает вопрос использования других знаковых средств и учета неречевых реакций обучающихся и интерпретации с точки зрения их вовлеченности. В социально-гуманитарных науках в рамках многочисленных исследований накопленные данные, связанные с этими аспектами человеческой коммуникации. Например, в социальной психологии они в значительной мере связаны с исследованием невербальной коммуникации [1]. В социальных науках и исследованиях в области образования получило широкое распространение понятие мультимодальной коммуникации. [4]

Формализация рассмотренных аспектов коммуникации и применение программных средств для их анализа, на мой взгляд, создаст необходимую методическую основу для выявления критериев вовлеченности студентов в образовательный процесс, а также использования оценки вовлеченности как одного из элементов обеспечения обратной связи между преподавателем и студентом. Полагаю, что создание подобных программных «помощников» преподавателя будет неизбежным в эпоху массовизации высшего образования и широкого внедрения технологий онлайн образования. Критическое осмысление роли студента в учебном взаимодействии, поддержание его субъектности при проектировании новых программных «помощников» является одной из актуальных задач.

Литература:

1. Ахьямова И. А. Основные подходы к исследованию невербального поведения: история и современность // Образование и наука. 2009. № 7. С. 122–130 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyepodhody-k-issledovaniyu-neverbalnogo-povedeniya-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 29.07.2020).
2. Букейханов Н. Р., Гвоздкова С. И., Бутримова Е. В. Оценка эффективности цифровых технологий преподавания в условиях covid-19 // Российские регионы: взгляд в будущее. 2020. № 2. С. 62–75 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-tsifrovyyh-tehnologiy-prepodavaniya-v-usloviyah-sovid-19> (дата обращения: 28.07.2020).
3. Загидуллина М. В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 181–188 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnost-k-voprosu-o-terminologicheskoy-opredelennosti> (дата обращения: 29.07.2020).
4. Тищенко А. С. Влияние пандемии на экономику образования // Экономическое развитие России. 2020. № 5. С. 90–97 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-na-ekonomiku-obrazovaniya> (дата обращения: 28.07.2020).

УДК 159.97

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТЕРАПИИ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ**OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE TREATMENT OF EATING DISORDERS**

*Насибуллина Рамиля Рамилевна, Пыркова Ксения Вячеславовна
Nasibullina Ramilya Ramilyevna, Pyrkova Ksenia Vyacheslavovna
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань
Kazan Federal University, Russia, Kazan
ramilya.nasibullina@yandex.ru, pyrkova_75@mail.ru*

Аннотация

В настоящее время цифровые технологии занимают существенное место в жизни каждого человека. Интегрируясь в различные области психологической науки, разрабатываемые программы и приложения используются и в терапии расстройств пищевого поведения. Подобные интернет-интервенции имеют различные формы и реализуются как с помощью терапевта, так и без его участия, имея большие перспективы дальнейшего развития.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, цифровые технологии, приложения для смартфонов, цифровые программы самопомощи.

Abstract

Currently, digital technologies occupy an essential place in the life of every person. Integrating into various fields of psychological science, the developed programs and applications are also used in the treatment of eating disorders. Such Internet interventions have various forms and are implemented both with the help of a therapist and without his participation, with great prospects for further development.

Keywords: eating disorders, digital technologies, smartphone apps, digital self-help programs.

Расстройства пищевого поведения в настоящее время являются серьезнейшей проблемой среди населения в связи с высокими показателями хронификации, летальности и коморбидности с психическими нарушениями. В мире каждый час непосредственно в результате расстройств пищевого поведения погибает один человек [3]. К сожалению, многие люди с симптомами РПП не обращаются за помощью, соответственно, не получая ее. Поэтому число лиц, занимающихся терапией имеющегося у них пищевого нарушения, невелико в сравнении с общим числом людей, испытывающих подобные состояния [2]. Среди факторов, препятствующих посещению специалиста, наиболее существенными являются географический, финансовый, а также психологический, включающий страх стигматизации или чувство стыда [1]. Снизить их влияние в современном мире способны различного уровня цифровые технологии, дополняющие существующие и используемые на данный момент методы оказания помощи, расширяя ее доступность.

Между специалистами, оказывающими помощь пациентам с РПП, на данном этапе нет единого мнения о роли цифровых технологий в лечении и признании их частью терапевтического сотрудничества [4]. В качестве видов цифровых вмешательств, направленных на профилактику и терапию РПП, сейчас наиболее распространены различные онлайн-програм-

мы и приложения для смартфонов (Recovery Record, Rise Up, и iCounselor), несомненным преимуществом которых являются легкая доступность, разнообразие и простота в использовании. Исследователи провели анализ подобных приложений, выявив среди их огромного количества порядка 20, направленных непосредственно на пищевые нарушения [2].

Многие пациенты, что особенно характерно для лиц с нервной анорексией, выражают амбивалентность к изменениям, так как чрезвычайно привязаны к симптомам своего пищевого нарушения и крепко идентифицируют себя с ними. Такая привязанность зачастую приводит к относительно высоким показателям отказа от терапии и низкой ему приверженности [2]. Подобным пациентам может быть проще обратиться за лечением онлайн с помощью приложения. Здесь можно отметить одно из важнейших преимуществ приложений – подход к терапии в индивидуальном темпе, позволяющий пациентам прочувствовать личный контроль над своим лечением, и полная конфиденциальность, нивелирующая чувство стыда, способствующая раскрытию человека. Приемлемо и удобно использовать подобные программы в качестве первого шага – «прощупывания» своей готовности к принятию помощи со стороны специалистов, прогнозов относительно комплаенса.

Пациенты с нарушениями приема пищи демонстрируют низкую мотивацию к тренировке навыков

вне кабинета специалиста [2]. В связи с этим страдает соблюдение предписанных рекомендаций – выполнение домашних заданий, самоконтроль, отслеживание и фиксирование собственного состояния. Для улучшения этих пунктов подходят приложения для смартфонов, так как они имеют систему автоматических, предварительно настраиваемых напоминаний и сообщений мотивационного характера, к тому же смартфон всегда находится под рукой у пациента, позволяя вести наблюдение в реальном времени без угрозы искажения фактов по прошествии некоторого количества времени. Таким образом, приложения используют в своей основе принципы когнитивно-поведенческого подхода, становясь полезным дополнением к основному ходу терапии.

Таким образом, смартфоны через специализированные приложения предлагают людям с нарушенным пищевым поведением доступ к методам, научно-обоснованным и используемым в практике при работе с подобными проблемами, однако пока эффективность такого вида помощи не столь изучена, поэтому сложно сравнивать ее с непосредственной работой со специалистом. Однако потенциально такая платформа может снижать симптомы расстройства привести к выздоровлению большего числа людей, в сравнении с настоящими цифрами, за счет более широкого охвата и доступности для абсолютно разных слоев.

В исследовании Aardoom J. J. et al. была обнаружена эффективность использования цифровых программ самопомощи при работе с клиентами, имеющими расстройства пищевого поведения. Более 300 участников эксперимента в возрасте от 16 лет с разными типами нарушений приема пищи в течение полугодия наблюдения использовали программу самопомощи «Featback», разработанную в Германии. Реализация программы происходила в четырех вариантах: 1) состоящая из психообразования и полностью автоматизированной системы самоконтроля и обратной связи; 2) дополненная низкоинтенсивной (еженедельной) поддержкой цифрового терапевта через чат или онлайн-консультацию; 3) дополненная высокоинтенсивной (трижды в неделю) поддержкой цифрового терапевта; 4) помещение в контрольный список ожидания (5 месяцев) с последующим вариантом с низкоинтенсивной поддержкой терапевта. Для участников не было регламентировано четкое время посещения сайта и изучения материалов касательно типов РПП, их симптомах, причинах и сопутствующих проблемах, выбор способа взаимодействия с терапевтом также оставался за самим участником. Система обратной

связи включала еженедельное заполнение анкеты, по итогу анализа которой алгоритм отслеживал имеющиеся изменения, их закономерности, отправляя соответствующее сообщение из имеющихся в базе [1].

Использование полностью автоматизированного интернет-вмешательства оказалось эффективным средством оказания помощи при расстройствах пищевого поведения. При этом степень эффективности не зависела от того, получал человек поддержку терапевта или нет. Используемый в программе метод самоконтроля и получения обратной связи, основанный на теории когнитивно-поведенческого подхода, оказался достаточным условием для снижения патологической симптоматики. Однако участники, получающие поддержку терапевта, были субъективно более удовлетворены вмешательством, что можно объяснить возможностью с их стороны высказаться, получить сочувствие, теплоту и внимание, что пока труднодостижимо внедрить в автоматизированные программы и приложения [1].

Интернет-интервенции при терапии расстройств пищевого поведения могут иметь различные формы и включать в себя множество различных компонентов, а также реализуются с помощью терапевта или без него. Цифровые технологии помогают людям с РПП в преодолении различных барьеров, которые включают в себя неподъемную стоимость услуг специалистов, географическую недоступность, нехватку специалистов, обученных эмпирически доказанным методам воздействия, страх стигматизации со стороны общества.

Исследования, доказывающие эффективность онлайн-способов поддержки и ведения терапии, на настоящий момент немногочисленны, однако крайне актуальны и многообещающи. Сейчас, на раннем этапе изучения данного вопроса, следует не забывать об имеющихся пока проблемах и рисках, связанных с интеграцией технологий в сферу лечения. Люди могут избегать обращения за классическим личным обращением к специалисту, недостаточно эффективно выстраивать индивидуальный план терапии и даже получать информацию, противоречивую или не соответствующую действительности [5]. Разработчикам программ и людям, их консультирующим, необходимо учитывать эти факторы и находить продуктивные пути решения.

В перспективе способы онлайн-помощи в лечении РПП могут охватить маломобильное население, не имеющее активного доступа к необходимым ресурсам, предоставляя им возможность регулярно психологического и медицинского обслуживания.

Литература:

1. Aardoom J.J et al. Web-based fully automated self-help with different levels of therapist support for individuals with eating disorder symptoms: A randomized controlled trial // J Med Internet Res., 2016. Т. 18. № 6. С. 13–27.
2. Juarascio A.S. et al. Review of smartphone applications for the treatment of eating disorders // Eur Eat Disord Rev., 2015. Т. 23. № 1. С. 1–11.

3. Scott J. Crow, Swanson S. Statistics on the mortality rate // The eating disorder coalition for research, 2014.
4. Smahelova M. et al. Is it important to talk about technologies with eating disorder clients? The health-care professional perspective // Health Commun., 2019. Т. 34. № 1. С. 31–38.
5. Smahelova M. et al. Internet usage by women with eating disorders during illness and recovery // Health Commun., 2020. Т. 35. № 5. С. 628–636.

УДК 159.9, 374.7, 004.9

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ КАК СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕГО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

DIGITAL COMPETENCIES OF A TEACHER AS AN ACTOR OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN HIS INDIVIDUAL TRAJECTORY

Устин Павел Николаевич, Сабирова Эльвира Гильфановна, Гарипова Илюса Ильдусовна

Ustin Pavel Nikolaevich, Sabirova Elvira Gilfanovna, Garipova Ilusa Ildusovna

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань

Kazan Federal University, Russia, Kazan

pavust@mail.ru,

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Цифровая модель формирования индивидуальной траектории профессионального развития учителя на основе больших данных и нейросетей (на примере Республики Татарстан)», № 19-29-14082

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-14082.

Аннотация

Повсеместное использование цифровых технологий во всех сферах жизни предполагает готовность личности к усвоению новых навыков и умений, от которых напрямую зависит успех в современном информационном обществе. В данной статье рассмотрены такие понятия, как «цифровая грамотность», «цифровая компетенция», перечислены различные платформы и приложения, которые могут помочь педагогу как субъекту образовательной деятельности быть успешным в его профессиональной активности.

Ключевые слова: субъект образовательной деятельности, траектория профессионального развития, цифровая компетентность, цифровая грамотность, ИКТ компетенции, профессиональный стандарт педагога, цифровой инструментарий учителя, социальные сети

Abstract

Digital technologies are used in all areas of life and require new skills and competencies from the person. Success in the information society depends on the ability to produce and acquire new knowledge, make choices, learn and self-study throughout life. In this article, we examined concepts such as “digital literacy” and “digital competency”, listed various platforms and applications that can help the teacher in his work and implement the requirements of the teacher’s professional standard.

Keywords: digital competency, digital literacy, ICT competencies, teacher’s professional standard, teacher’s digital tools, social networks, platform

В современных реалиях в процессе реализации своей профессиональной деятельности педагог сталкивается с быстро меняющимися требованиями, которые требуют от него нового, более широкого и более сложного набора компетенций. В частности, повсеместное распространение цифровых устройств и обязанность помогать ученикам приобретать цифровую компетентность требуют от преподавателей развития их собственной цифровой компетентности.

Цифровая компетентность – это одна из новых концепций, которая описывает навыки, связанные с технологиями. В последние годы несколько терминов применялись для описания навыков и умений использования цифровых технологий, такие как «навыки

ИКТ», «навыки работы с технологиями», «навыки информационных технологий», «навыки 21-го века», «информационная грамотность», «цифровая грамотность» и «цифровые навыки». Эти термины также часто используются как синонимы, например, «цифровая компетентность» и «цифровая грамотность».

Понятие «цифровая грамотность» является более ранним. Данный термин предполагает способность человека эффективно выполнять задачи в цифровой среде. «Цифровая» означает информацию, представленную в числовой форме и в основном представленную через электронно-вычислительные машины, а «грамотность» включает в себя способность читать и интерпретировать мультимедиа,

воспроизводить данные и изображения с помощью цифровых манипуляций, а также оценивать и применять новые знания, полученные из цифровой среды.

Цифровая грамотность состоит из пяти основных цифровых навыков [4]:

- фотовизуальные навыки («чтение» инструкций из графических дисплеев),
- навыки воспроизведения (использование цифрового воспроизведения для создания новых значимых материалов из существующих),
- навыки ветвления (построение знаний из нелинейной, гипертекстовой навигации),
- навыки информации (оценка качества и достоверности информации),
- социально-эмоциональные навыки (понимание «правил», преобладающих в киберпространстве, и применение этого понимания в онлайн-коммуникации).

Кроме того, в список был добавлен еще один навык: навык мышления в реальном времени (способность обрабатывать и оценивать большие объемы информации в режиме реального времени).

Цифровые компетенции включают в себя набор способностей человека, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий в различных контекстах (работа, досуг, обучение) с целью повышения результативности деятельности [3]. Цифровая компетенция включает в себя: 1) технические навыки использования цифровых технологий; 2) умения осмысленно использовать цифровые технологии для работы, учебы и повседневной жизни в целом в различных видах деятельности; 3) умения критически оценивать цифровые технологии; 4) мотивацию к участию в цифровой культуре.

В профессиональном стандарте педагога [1] выдвигается следующее трудовое действие: «формирование у обучающихся умения применять средства информационно-коммуникационных технологий в решении задачи там, где это эффективно». На практике большинство учителей умеют выполнять следующие действия: 1) вести электронный журнал и электронный дневник; 2) работать в офисных приложениях; 3) использовать специальные программы по своему предмету; 4) вести сетевой блог; 5) обладать навыками записи, редактирования, трансляции медиа-контента; 6) управлять другими средствами, использующими дидактические возможности ИКТ.

Цифровой инструментарий учителя представляет собой ряд разнохарактерных интерактивных модулей, которые учитель использует как конструктор для создания дидактических единиц [2]. При созда-

нии презентаций это программы PowerPoint (наиболее используемая), Keynote, SmartNotebook, Sketching, Prezi, Sway. Средства для контроля знаний включают: Plickers, LearningApps, ClassFlow. Данные цифровые продукты помогают создать контент, использовать контент и организовать, используя встроенные инструменты, систему опроса, тестирования, игры и др. Платформа LECTA позволяет воспользоваться учебниками, как индивидуально самим педагогом, либо как источник для работы с интерактивной доской, поскольку медиа-ресурсы можно свободно увеличивать одним нажатием и демонстрировать на весь экран. Сервис Trello.com является помощником учителя на этапе планирования своей деятельности. Удобный интерфейс дает возможность наглядно увидеть все то, что запланировано на день, неделю, месяц или год. Один из приоритетных и современных способов общения в цифровом формате – социальные сети. Данное определение включает в себя: VKontakte, Instagram, Telegram, Facebook, Twitter, Одноклассники и др.

Таким образом, значимость цифровых компетенций учителя как субъекта образовательной деятельности в его индивидуальной траектории развития определяется следующими факторами:

1. Удобство. (То есть зная цифровой мир, учитель может правильно распределить свое время; выбирать только те источники, которые гарантируют качественный материал; экономить время с помощью применения в своей работе различных готовых интерактивных заданий или создавать свои);
2. Мотивация учащихся. (Современное поколение с ранних лет сензитивно к освоению новых информационных технологий. Следовательно, использование в образовательном процессе цифровых инструментов эффективно, так как это понятно и доступно современному поколению учащихся и стимулирует их вовлеченность в изучаемый предмет. Кроме того, ученики на основе использованных педагогом ресурсов, могут, например, заинтересоваться программированием, созданием собственных сайтов, то есть, ИКТ помогают учащимся и в нахождении своего места в мире);
3. Значимость для педагога как субъекта образовательной деятельности. (В выборе между учителем, который использует только традиционный способы обучения, и учителем, который ориентируется в цифровом мире, наиболее конкурентноспособным и успешным является педагог, который обладает цифровыми компетенциями).

Литература:

1. Профессиональный стандарт для педагогов (воспитателей, учителей) в сфере дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования [Электронный ресурс]: приказ Минтруда России от 18.10.2013 №544н. URL:https://sch1205uz.mskobr.ru/files/profstandart_uchitel_vospitatel.pdf (дата обращения: 24.04.2020).

2. Аствацатуров Г. Наиболее популярные цифровые инструменты 2018 года по мнению учителей [Электронный ресурс]. URL: <https://pedsovet.org/beta/article/naibolee-popularnye-cifrovye-instrumenty-2018-goda-po-mneniu-ucitelej> (дата обращения 22.04.2020).
3. Гилева Т.А. Компетенции и навыки цифровой экономики: разработка программы развития персонала [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-i-navyki-tsifrovoy-ekonomiki-razrabotka-programmy-razvitiya-personala> (дата обращения 22.04.2020).
4. Pomäki, L., Kantosalo, A., &Lakkala, M. (2011). What is digital competence? [Электронныйресурс]: In Linked portal. Brussels: European Schoolnet. URL: <http://linked.eun.org/web/guest/in-depth3> (датаобращения 15.04.2020).

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ.....	3
Евстифеева Елена Александровна, Майкова Элеонора Юрьевна, Филиппченкова Светлана Игоревна В. М. БЕХТЕРЕВ, ИСЦЕЛЯЮЩАЯ ВЕРА И НОВЕЙШИЕ МОДЕЛИ ВРАЧЕВАНИЯ	3
Зуев Константин Борисович ТРУДЫ В.М. БЕХТЕРЕВА В РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУКОМЕТРИЧЕСКИХ БАЗАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	5
Прохоров Александр Октябрьнович СИСТЕМА Я В СТРУКТУРЕ МЕНТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СУБЪЕКТА	8
Алишев Булат Саямович К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ	10
Ничипоренко Надежда Павловна ЛОКУС КОНТРОЛЯ И МЕТАКОГНИТИВНАЯ ОСОЗНАННОСТЬ КАК ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ.....	12
Салихова Альбина Борисовна ЦЕННОСТИ КАК РЕСУРС ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	14
Салихова Наиля Рустамовна, Салихова Альбина Борисовна СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ ЦЕННОСТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	16
Чернов Альберт Валентинович ЭФФЕКТИВНОСТЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ	18
Афанасьев Павел Николаевич СУЕВЕРИЕ КАК ПСИХИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	21
Попов Леонид Михайлович, Устин Павел Николаевич ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ, СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕННОЙ АКТИВНОСТИ СУБЪЕКТА	24
Юсупов Марк Геннадьевич ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ И ОБРАЗА ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В КОНТИНУУМЕ ВРЕМЕНИ	29
СЕКЦИЯ 2. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ.....	32
Бердникова Ирина Александровна ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМФОРТА СТУДЕНТОВ ВУЗА	32
Двоглазова Маргарита Юрьевна САНОГЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА БЫТИЯ.....	34
Адеева Татьяна Николаевна, Тихонова Инна Викторовна, Плюснина Анна Александровна СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	37
Барыкина Анастасия Ивановна СЛУЖЕНИЕ КАК ЗВЕНО БЕССМЕРТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В.М. БЕХТЕРЕВА	40

Виленская Галина Альфредовна ВОСПРИЯТИЕ БОЛЕЗНИ ПОДРОСТКАМИ И ИХ МАТЕРЯМИ И РОЛЬ КОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ.....	42
Тибеева Ляля Фатыховна, Устин Павел Николаевич РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЭТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	45
Лебедев Александр Петрович СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЕГО ФАКТОРЫ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ.....	47
Лебедев Александр Николаевич РОЛЬ РЕФЛЕКСИВНО-КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В САМОРАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ	50
Зиновьева Елена Викторовна, Кузнецова Елена Андреевна СВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК, ТРАНСЛИРУЕМЫХ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ЛИДЕРАМИ МНЕНИЙ, С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ ПОДРОСТКОВ О СЕБЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ	52
Баскаева Оксана Васильевна ТОЧНОСТЬ ВЗАИМНОГО ОЦЕНИВАНИЯ И СИБЛИНГОВАЯ ПОЗИЦИЯ В ПАРАХ ВЗРОСЛЫХ СИБЛИНГОВ.....	55
Балакшина Елена Владимировна ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ОБУЧЕНИЮ СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	57
Веденева Екатерина Владимировна, Честюнина Юлия Владимировна, Ильющенкова Оксана Германовна УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА ДОХОДА ЛЮДЕЙ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА.....	59
Ветрова Ирина Игоревна СТРУКТУРА КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ	62
Куфтяк Елена Владимировна СООТНОШЕНИЕ ПРИВЯЗАННОСТИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СИМПТОМАТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ.....	64
Артищева Лира Владимировна СТРУКТУРА ВЗАИМОСВЯЗИ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТИВНОГО ОПЫТА ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СЕМЕЙНОЙ ДЕПРИВАЦИИ.....	66
Артищева Лира Владимировна, Закиева Эльвина Фархадовна БИЛИНГВИЗМ У ДЕТЕЙ – СТОРОНЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО И ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ	68
СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	71
Хусаинова Светлана Владимировна ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАВИСИМОГО ТИПА ПРОИЗВОЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ПОВЕДЕНИИ АДДИКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ.....	71
Акиндинова Ирина Александровна, Асадуллина Елена Алексеевна СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ НА 4-Й НЕДЕЛЕ САМОИЗОЛЯЦИИ, СВЯЗАННОЙ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ COVID-19	73
Фукин Анатолий Иванович, Самойлова Екатерина Геннадьевна ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19 НА СОСТОЯНИЕ ИНДИВИДОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ.....	75

Фукин Анатолий Иванович, Трусова Людмила Александровна ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ – СПОРТСМЕНОВ К ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19.....	78
Шаталова Н. Е. ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АНЕСТЕЗИИ МАТЕРЯМИ ПОДРОСТКОВ С ОПУХОЛЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА	79
Шипова Наталья Сергеевна РЕСУРСЫ ПАРТНЁРОВ ПО БЛИЗКИМ ОТНОШЕНИЯМ С РАЗНЫМ СТАТУСОМ ЗДОРОВЬЯ	82
Никитина Елена Альфредовна ХАРАКТЕРИСТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ДО- И ПОСТОПЕРАЦИОННЫМ СТРЕССОМ У ПОДРОСТКОВ И ИХ МАТЕРЕЙ.....	84
Козлов Михаил Юрьевич, Куфтяк Елена Владимировна ИЗУЧЕНИЕ НАРУШЕНИЯ ПРИВЯЗАННОСТИ ВО ВЗРОСЛОМ ВОЗРАСТЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИТУАЦИОННЫХ ЗАДАЧ НА ВЫБОРКЕ СТУДЕНТОВ	87
Польская Наталия Анатольевна ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ОТВЕРЖЕНИЮ ИЗ-ЗА ВНЕШНОСТИ У УЧАСТНИЦ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ ПО ПОХУДЕНИЮ	89
Харламова Наталья Сергеевна ДЕПРЕССИЯ В СТРУКТУРЕ КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРИ СОСУДИСТЫХ ПОРАЖЕНИЯХ ГОЛОВНОГО МОЗГА В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ.....	92
Куваева Ирина Олеговна ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ COVID-19	95
Денисова Елена Анатольевна, Лукьянова Светлана Николаевна ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК У ЛИЦ С НИЗКИМ УРОВНЕМ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ	98
Харламенкова Наталья Евгеньевна, Дан Марина Владимировна, Дымова Екатерина Николаевна, Еськин Николай Александрович, Акиньшина Александра Дмитриевна, Матвейчук Наталья Николаевна ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ АНЕСТЕЗИИ У МАТЕРЕЙ ПОДРОСТКОВ С ДИАГНОЗОМ ДОБРОКАЧЕСТВЕННАЯ ОПУХОЛЬ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА.....	100
Федорова Виктория Александровна, Харламенкова Наталья Евгеньевна ОТСРОЧЕННЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ УГРОЖАЮЩИХ ЖИЗНИ ЗАБОЛЕВАНИЙ	102
Адеева Татьяна Николаевна, Шипова Наталья Сергеевна ВНУТРЕННЯЯ КАРТИНА ДЕФЕКТА КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ С ДЕФИЦИТАРНЫМ РАЗВИТИЕМ.....	104
Золотарева Алена Анатольевна АПАТИЯ И ЕЕ СВЯЗИ С АЛЕКСИТИМИЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АНГЕДОНИЕЙ	107
Быховец Юлия Васильевна ИНТЕНСИВНЫЙ СТРЕСС В ДИАДЕ МАТЬ-РЕБЕНОК В СИТУАЦИИ ОПЕРАЦИОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА У РЕБЕНКА	109
Красильникова Анна Михайловна, Пыркова Ксения Вячеславовна СТЫД КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ	112
Москвина Алёна Витальевна ОРТОРЕКСИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	113

Евстафеева Евгения Александровна БАЗИСНЫЕ УБЕЖДЕНИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЖЕНЩИН С ДИАГНОЗОМ РАК МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ	115
СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПСИХОДИАГНОСТИКЕ И КОРРЕКЦИИ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И АНОМАЛИЙ.....	
Дмитриева Елена Юрьевна, Демцура Светлана Сергеевна ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	118
Шимрова Людмила Алексеевна ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ	120
Карпова Наталия Львовна АКТИВИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАСТНИКОВ СЕМЕЙНОЙ ГРУППОВОЙ ЛОГОПСИХОТЕРАПИИ.....	123
Кайдалова Дарья Алексеевна, Кузнецова Алеся Анатольевна ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	125
Криулина Александра Александровна ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПСИХОДИАГНОСТИКЕ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ЛИЧНОСТИ.....	127
Акбировая Резеда Раисовна, Абитов Ильдар Равильевич РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ МЕТОДИКИ ИЗМЕРЕНИЯ СУЕВЕРНОСТИ	129
Пилюгина Елена Радимовна КИНОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД КОРРЕКЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА.....	132
Юсупов Ильдар Масгудович, Горынина Вера Сергеевна ТИПЫ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ	135
СЕКЦИЯ 5. СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАБОТЕ С ЛИЧНОСТЬЮ	
Панюкова Юлия Геннадьевна, Утробина Валерия Геннадиевна НООЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	138
Кислых Анна Александровна РАЗВИТИЕ АДАПТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ С ДИАГНОЗОМ «САХАРНЫЙ ДИАБЕТ»	140
Плешкова Елена Владиславовна, Татаринцева Альбина Юрьевна ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ АРТ-ПЕДАГОГИКИ.....	142
Мамедова Ирана Октайкызы, Каракадаева Диана Насиркызы ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ. ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. РАССМОТРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В ВОСПИТАНИИ.....	145
Мамедова Ирана Октай кызы, Шейдаева Фарид Чингиз кызы СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЫ, СЕМЬИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ЛИЧНОСТИ.....	147
Ледовская Татьяна Витальевна ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДИКТОРОВ ДОСТИЖЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ	149

СЕКЦИЯ 6 ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	152
Кружкова Ольга Владимировна, Симонова Ирина Александровна, Воробьева Ирина Владимировна	
ДИНАМИКА ВАНДАЛИЗМА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	152
Степашкина Валерия Александровна, Бурденева Ксения Олеговна	
ПРОБЛЕМА ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ У СОВРЕМЕННЫХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН.....	154
Маринина Алина Евгеньевна	
СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА.....	156
Удалова Лариса Викторовна	
РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ.....	158
Донога Людмила, Терешук Раиса	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ В МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....	160
Нугманова Джамиля Ренатовна, Куприянов Роман Владимирович	
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ОЦЕНКА НАДЕЖНОСТИ ОПРОСНИКА «ОЦЕНКА УРОВНЯ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К УНИВЕРСИТЕТУ».....	162
Ильина Татьяна Игоревна, Гуриева Светлана Дзахотовна	
КРИЗИС ПОЛО-РОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН.....	165
СЕКЦИЯ 7. ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ	168
Сергеев Евгений Павлович	
ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	168
Пятун Дарья Эдуардовна	
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕШТАТНОЙ СИТУАЦИИ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ (НА ПРИМЕРЕ УСПЕШНЫХ И НЕУСПЕШНЫХ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ СОТРУДНИКОВ).....	170
Кузнецова Алла Спартаковна	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИЕМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СОСТОЯНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ СТРЕССА ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	173
Сулейманов Рамиль Фаилович	
ЗАВИСИМОСТЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ОТ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК.....	175
Ботнарюк Елизавета Михайловна, Халфиева Алиса Рамилиевна	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАПРАВЛЕННОСТИ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ-ФАРМАЦЕВТОВ ПЕРВОГО И ВТОРОГО КУРСОВ	178
Солынин Никита Эдуардович, Ледовская Татьяна Витальевна	
ЛИЧНОСТНЫЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ СОВЛАДАНИЯ СО СТРЕССОМ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	180
Гребенникова Татьяна Олеговна	
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	183

СЕКЦИЯ 8. ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-НЕГАТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ	186
Васильева Инна Витальевна ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ У ОСУЖДЕННЫХ ЗА РАЗНЫЕ ТИПЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	186
Радионов Максим Владимирович, Пыркова Ксения Вячеславовна ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО У ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ С ДЕЛИНКВЕНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ	188
СЕКЦИЯ 9. ЛИЧНОСТЬ И ЦИФРОВАЯ СРЕДА: ПРОСТРАНСТВО ПРОБЛЕМ ИЛИ НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	191
Воробьева Ирина Владимировна, Матвеева Алена Игоревна, Кружкова Ольга Владимировна ВИРТУАЛЬНЫЙ ГОРОД МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	191
Корниенко Дмитрий Сергеевич, Горбушина Елена Анатольевна САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ И ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ИНТЕНСИВНОСТИ И НАВЯЗЧИВОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ.....	194
Гайдаренко Светлана Максимовна ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМПАТИИ СТУДЕНТАМИ С ПОМОЩЬЮ СТИКЕРОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	196
Захарова Юлиана Васильевна, Иванов Дмитрий Викторович ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ С АКЦЕНТУАЦИЯМИ ХАРАКТЕРА У ПОДРОСТКОВ.....	199
Рамендик Дина Михайловна ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМ ЛИЧНОСТИ В АВАТАРЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА	201
Алишев Тимирхан Булатович, Артищева Лира Владимировна ПРОБЛЕМА ВОВЛЕЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	204
Попов Леонид Михайлович, Устин Павел Николаевич, Абитов Ильдар Равильевич ПРОБЛЕМА ВОВЛЕЧЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ.....	206
Журавлев Анатолий Лактионович, Китова Джульетта Альбертовна ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ К КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ.....	208
Насибуллов Камиль Исхакович ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ ОЦЕНКИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ В ПРОЦЕССЕ ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ.....	212
Насибуллина Рамиля Рамилевна, Пыркова Ксения Вячеславовна ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТЕРАПИИ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ	214
Устин Павел Николаевич, Сабирова Эльвира Гильфановна, Гарипова Илюса Ильдусовна ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ КАК СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕГО ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ.....	216

В.М. БЕХТЕРЕВ
И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

*(к 135-летию организации первой в России
психофизиологической лаборатории в г. Казани)*

VI Всероссийская научно-практическая конференция

Сборник статей

ISBN 978-5-6044599-3-5

9 785604 459935

Техническое редактирование и компьютерная верстка:
Хасанов Ю. Ф.

Сдано в набор 22.09.2020. Подписано к печати 15.10.2020.

Формат 60x84^{1/8}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Minion Pro». Печать цифровая.

Усл. печ 28,25 л. Тираж 300 экз. Заказ № 86.

Отпечатано в ООО «ИНОТ»

Типография «*Вирнум*»

420032, Казань, Гладилова 22

тел. 8-960-048-37-10

E-mail: ooo.inot@mail.ru